

Государственный Комитет Российской Федерации
по высшему образованию

Самарский государственный университет
Институт истории и археологии Поволжья

П.И.САВЕЛЬЕВ

**ПУТИ АГРАРНОГО КАПИТАЛИЗМА
В РОССИИ. XIX ВЕК**

(по материалам Поволжья)

Издательство „Самарский университет“
1994

УДК 947.081/083

ББК 63.3(2)51

С 128

Печатается по решению редакционно-издательского
совета Самарского государственного университета

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор *П.С.Кабытов*

Рецензент

доктор исторических наук, профессор *С.Г.Басин*

Савельев Петр Иванович

С 128

**ПУТИ АГРАРНОГО КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ.
XIX ВЕК (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВОЛЖЬЯ).** Самара:
Издательство "Самарский университет", 1994. - 365 с.

ISBN 5-230-06017-4

Монография посвящена исследованию одного из важнейших вопросов российской истории — аграрной эволюции. Автор показал истоки и становление русских аграрно-типологических концепций начала XX века. В работе содержится комплексный анализ почвенно-климатических, этнодемографических, социально-экономических факторов, национально-хозяйственных укладов Поволжья, а также хозяйственного этиос дворян, купцов и крестьян.

Издание рассчитано на историков, экономистов, социологов-крестьяноведов, студентов, учителей, всех интересующихся отечественной историей.

УДК 947.081/083

0503020300 - 003

С 003-94

6К (03) - 94

ISBN 5-230-06017-4

© Савельев П.И., 1994

ОТ РЕДАКТОРА

Отечественная аграрно-экономическая наука уже в начале XX в. обладала богатым опытом изучения российской деревни. Однако традиции А.В.Чаянова, Н.П.Макарова, Н.Н.Черненкова, Н.П.Огановского были прерваны в период становления молодой марксистской историографии. Развитие советской науки шло под жестким идеологическим контролем. В конце 60-х — начале 70-х гг. историки К.Н.Тарновский, П.В.Волобуев, М.Я.Гефтер предприняли попытку нового прочтения ленинского наследия, однако это не привело к кардинальной перемене основных взглядов на пути аграрно-капиталистической эволюции в России XIX — начала XX в. Дальнейшая теоретическая работа в этом направлении была остановлена.

На рубеже 70-80-х гг. появились крупные монографические исследования по истории сибирской, северо-кавказской, поволжской деревни, северо-запада Европейской России. Всё явственнее прослеживалась тенденция к применению современного исследовательского инструментария, изучению методологических аспектов аграрной истории. В центре внимания оказался вопрос о развитии капитализма в помещичьем и крестьянском хозяйстве.

Исследователь, выдвигающий сегодня новый подход к проблеме двух путей буржуазно-аграрной революции, имеет дело с мощной традицией прежних взглядов и представлений. Он должен решить дилемму: воспользоваться ли свободой научного творчества или идти проторенной тропой. П.И.Савельев выбрал первое. Он написал оригинальное исследование, в центре которого вопросы теоретические и методологические. Значительный интерес вызывает раздел "Типология аграрного развития России", в котором впервые поднят вопрос об истоках русских аграрно-типологических концепций. Автору удалось органично вписать ленинскую концепцию двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве в историческую ткань аграрно-экономической мысли начала XX века, что имеет принципиально важное значение для отечественной историографии.

Преодоление традиционных взглядов нашло отражение как в постановке проблемы, так и в путях её решения. Комплексная типология аграрного развития на основе многомерного статистичес-

кого анализа придаёт исследованию целостный характер. В нём хорошо согласуется природно-климатический, этнодемографический и социально-психологический факторы, связанные воедино с социально-экономическими процессами. В книге показано взаимодействие двух основных типов хозяйства — помещичьего и крестьянского — и одновременно глубоко анализируется их внутренний строй.

Весьма актуально сегодня звучит главный вывод автора о том, что стержнем аграрной эволюции Поволжья, да и всей России в пореформенный период выступило крестьянское хозяйство. Думается, что новая книга по аграрной истории с интересом будет прочитана как специалистами, так и всеми интересующимися прошлым нашей многострадальной Родины.

Профессор П.С.Кабытов

5

*Памяти родителей моих
Анны Григорьевны и Ивана
Григорьевича, потомственных
крестьян и великих тружени-
ков посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

К концу прошлого столетия исторические судьбы России сошлись в аграрном вопросе. Он принял тот катастрофический характер национальной трагедии, крупнейшими актами которой стали три революции начала XX в. В пореформенный период правительственные комиссии одна за другой констатировали дефицитность бюджета крестьянского хозяйства, оскудение помещного дворянства, угрожающий для традиционного аграрного менталитета процесс мобилизации земли. Мрачными оценками была заполнена земская статистика, прокрестьянская литература народников. Уверенностью и оптимизмом дышали лишь сочинения марксистов, где с едкой иронией высмеивался экономический романтизм "друзей народа".

Революция 1905-1907 гг. всех привела в замешательство. Однако в последующем деревня ожила, задвигалась, хлебопотоки стали заполнять дорожно-транспортную систему, крестьянство превратилось в ведущий фактор торгового зернового производства. Эти метаморфозы аграрного развития России заставляют нас пристальнее всмотреться в его предшествующий этап, в экономические процессы, происходившие на протяжении XIX столетия.

Своеобразным "осевым временем" здесь служит 1861 г., к которому стремится вся предреформенная жизнь России и от которого отталкивается весь ее последующий ход. Безусловной доминантой историко-экономического процесса становится утверждение индустриального капитала. Если в промышленной сфере ему удалось создать развитую инфраструктуру уже к концу XIX в., то в аграрном строе он столкнулся с большими трудностями. Два типа хозяйства, крестьянское и помещичье, поставленные в разные социально-правовые условия, по-разному реагировали на индустриальную экспансию, порождая многообразие путей аграрно-капиталистической эволюции. В целом общинная деревня стойко сопротивлялась духу буржуазности, отчего капитал здесь был как бы лишен общественной санкции и поддержки, он не обладал

духовной инициативой в противоборстве с традиционной психологией и трудовыми ценностями. Помещичье хозяйство реагировало иначе. Дворяне, обладавшие во многом сходными базовыми ментальностями, не могли столь же эффективно противостоять натиску капитала. Они по инерции именовали еще себя сельскими хозяевами, но их дни в этом качестве были сочтены. Вотчина не имела собственных жизненных соков, ее сила заключалась в крепостных крестьянах. Лишившись их, помещик не просто потерял даровую рабочую силу, он утратил основу своего традиционного хозяйства. Дальше вести его можно было только коммерческими способами. Альтернативой этому было лишь устранение от земли как объекта хозяйства. В этом трагедия землевладельческого класса в России. Очень немногие его представители смогли приспособить свое хозяйство к новым условиям. Вопрос о том, как это происходило, остается пока недостаточно изученным.

Аграрная история России — это прежде всего история ее регионов. Они настолько своеобразны, что требуют вполне самостоятельного подхода. Региональные рамки исследования весьма существенно сказываются на конечных выводах, что было замечено еще в конце прошлого столетия. В этом многообразии региональных закономерностей аграрного развития заключен еще один важнейший аспект проблемы "земледелие и капитализм". Точнее сказать, в нем конкретно воплощен процесс капитализации сельского хозяйства.

Осмысление путей аграрной эволюции России началось еще в период подготовки крестьянской реформы¹. С тех пор накопилась огромная литература, которая по большей части проанализирована нами в ходе рассмотрения конкретных проблем. Здесь следует остановиться лишь на специфике современной историографической ситуации. Крупнейший советский крестьяновед Н.М. Дружинин в таких случаях советовал выделять три группы вопросов: поставленные и решенные предшественниками; поставленные, но не решенные (либо решенные неправильно) и, наконец, вопросы, еще не поставленные вовсе². Специфика современного положе-

¹ См. подробнее: Дружинин Н.М. Журнал землевладельцев (1858-1860 гг.) // Избранные труды: Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 5-97; Цаголов Н.А. Вопросы истории политической экономики: Избранные труды. М., 1984; Савельев П.И. Вольнонаемный труд накануне отмены крепостного права в России (По материалам Императорского Московского общества сельского хозяйства) // Социальное-экономическое положение и классовая борьба в поволжской деревне в период капитализма. Куйбышев, 1988. С. 25-49.

² Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка // Избранные труды: Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 52.

ния такова, что требует новой постановки ряда фундаментальных вопросов как конкретно-исторического, так и теоретико-методологического плана.

Советская историография формировалась в столь жестких доктринальных рамках, что теоретическая схема не просто довле- ла, она стала подменять реальное содержание конкретных иссле- дований. Мысль ученого двигалась в заданном направлении, что приводило к мундирному сходству при хронологических и регио- нальных вариациях. Изначальный смысл и историческая обстанов- ка, в которой возникла ведущая концепция двух путей буржуазно- аграрной эволюции, не брались в расчет, альтернативные концеп- ции были просто выброшены на свалку.

Сегодня мы все оказались в непривычной для себя роли тео- ретиков и методологов, однако все наши усилия на этом поприще бесполезны до тех пор, пока не выяснится определенно, что же все-таки произошло со столь четкой и ясной и такой простой сис- темой идей, которой советские историки до сих пор руководство- вались. Беда в том, что не разобравшись в сути дела, все пере- шли к огульному отрицанию, а в лучшем случае к замалчиванию прежней методологической базы. Преодоление устаревшей тео- рии возможно либо через доказательство ее принципиального не- соответствия реалиям, либо через включение в новую теорию, в качестве частного случая более общей концепции. Ленинская кон- цепция двух путей аграрно-капиталистического развития является по характеру своему объяснением социально-экономического процесса в предреволюционной России и занимает свое вполне определенное место в общем потоке политико-экономической мысли точно так же, как, к примеру, организационно-производст- венная школа в аграрной науке. Совсем иное дело — классово-по- литические выводы из нее, а тем более государственная политика в деревне, построенная на социальных приоритетах аграрного коммунизма Ленина. Как концепция, объясняющая социальный конфликт в русской деревне начала XX в., она вполне соответст- вует своему предназначению, но как теория, объясняющая конеч- ные, глубинные истоки и смысл этого конфликта, — нет. В этом нам видится смысл того методологического кризиса, в котором оказалась советская аграрная историография.

Главное — в самоценности крестьянской жизни. В ней сердце- вина русского народнохозяйственного уклада. Деревня в этом смысле не может сопоставляться с городом как однопорядковые величины. Мир деревни возникает, мир города создается. В этом вся суть. Крестьянство в России было колыбелью всех других со- словий. Индустриальная культура вторична по отношению к кре-

стьянскому космосу, она маргинальна и потому агрессивна, как вообще изначально маргинален и агрессивен город, который враждебен деревне с ее крестьянской хозяйственной этикой (аграрный менталитет). Это хорошо видно по истории экономической мысли Европы: в крупнейших, самых совершенных теоретических системах эпохи Просвещения с ее идеей глобального прогресса крестьянство лишено самостоятельной роли. Марксизм, верный продолжатель классической политэкономии, также не выдержал этой проверки крестьянским вопросом. На пути человечества к "сияющим вершинам прогресса" крестьянству была отведена роль страдательная, роль уходящего в прошлое класса, "зажившегося" по недосмотру суровой мамы-истории.

Казалось, что современные аграрные реалии Европы полностью подтвердили такой подход, а европеизм, как известно, претендует на всемирность своих ценностей. Тем более поразительно, что именно в Европе мы видим с недавних пор взлет интереса к проблеме крестьянства. Сложилась солидная школа крестьяноведения, учитывающая и опыт русской аграрно-экономической мысли, погубленной в конце 20-х гг. в советской России³. Один из пионеров нового европейского (точнее – англо-саксонского) крестьяноведения, Т.Шанин, связывает его подъем, начавшийся в 60-е гг., с неожиданными явлениями политического и экономического характера: военные неудачи американской индустриальной мощи в деревенском Вьетнаме, необъяснимо быстрые темпы экономического роста Италии и т.п.⁴ Всюду крестьянство с его

³ См.: Современные концепции аграрного развития: Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. № 5; 1993. № 2. Реферированию и обсуждению подверглись крупнейшие работы англо-саксонских крестьяноведов: Shanin T. *Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies and Learning from them in the Contemporary World*. Oxford: Basil Blackwell, 1990; Scott J.C. *Moral Economy of the Peasant. Rebellion and subsistence in Southeast-Asia*. New Haven; L., 1976. См. также: Roger Barlett (Hg.), *Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*. Macmillan. London, 1990; Ben Eklof / Frank Stephen (Hg.), *The World of the Russian Peasant. Post-Emancipation, Culture and Society*, Boston 1990; Esther Kingston-Mann / Timothy Mixer (Hg.), *Peasant Economy, Culture and the Politics of European Russia, 1800-1921*, Princeton / N.J. 1991. Из работ немецких ученых назовем следующие: Heinz-Ditrich Lowe. *Die Lage der Bauern in Russland 1880-1905*. St. Katharinen, 1987; Beyrau D. *Agrarstruktur und Bauernprotest: Zu den Bedingungen der russischen Bauernbefreiung von 1861* // Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, 64. Band, Heft 2 (1977); Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905-1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1.

⁴ См. выступления Т.Шанина в указанном теоретическом семинаре: Отечественная история. 1992. № 5. С. 17; 1993. № 2. С. 20.

семейной экономикой демонстрировало исключительную устойчивость: в первом случае в открытом столкновении с индустриальной цивилизацией, во втором – будучи интегрированным в инфраструктуру последней. Был поколеблен краеугольный камень прогрессизма в его определении исторических судеб крестьянства. Кризис теории прогресса привел Т.Шанина к выводу о параллелизме историй: "Нет одной истории человечества. Есть десятки историй разных обществ. Разные страны движутся в разные стороны, разные классы движутся разными путями, разные группы движутся разными типами движения"⁵. Шанин считает такой взгляд на мир более осмысленным, более того, "борьба с прогрессизмом представляется сейчас центральной в мировоззренческом развитии людей"⁶. Сходные мысли были высказаны В.М.Черновым в 1900 г. при сопоставлении взглядов К.Каутского и Ф.Гертца. Для современных историков-аграрников эти идеи привлекательны уже хотя бы тем, что они предоставляют значительно больший простор региональным исследованиям. Можно приветствовать также и выделение крестьяноведения в особую отрасль науки, но историкам здесь, в отличие от социологов, следует учитывать и иные типы хозяйства, бытовавшие в русской деревне конца XIX – начала XX в.

Преодоление методологического кризиса в отечественной аграрной историографии возможно, ибо, в отличие от некоторых других ветвей советской исторической науки, она обладает прочной подпочвой. Нужно только восстановить распавшуюся связь времен, освоить все богатство аграрно-типологических концепций, которые сложились к началу XX в. и имели глубокие корни в русской экономической традиции. На этом пути необходимо от решиться от ряда стереотипных представлений, порочность которых доказана исторической практикой. К таковым относится тезис об идентичности индустриальной и аграрной эволюции (это понималось как совпадение законов развития капитализма в промышленности и сельском хозяйстве). Производным от первого является следующий тезис – об абсолютном превосходстве крупного хозяйства над мелким в земледелии (это мыслилось как превосходство крупного производительного капитала над мелким крестьянским производством и вытеснение первым второго). Своеобразный теоретический тоталитаризм господствовал также по вопросу об аграрном капитализме. Он исходил из априорной убежденности русских марксистов в том, что деревня обречена на капитализацию во всех ее проявлениях. Поскольку буржуазный

⁵ Отечественная история. 1993. № 2. С. 20.

⁶ Там же.

строй — неизбежное будущее пореформенной деревни, то и всякая форма аграрной эволюции по своему характеру и направленности буржуазна, а капитал — вдохновитель и организатор всех побед в сфере сельскохозяйственного производства.

В указанном смысле обе ведущие концепции советских историков (стадиальности и многоукладности) вполне родственны друг другу, поскольку и та и другая рассматривают буржуазную эволюцию в качестве единственного пути развития аграрных отношений. Разница лишь в том, что первая из них более последовательно выражала ленинское понимание идеи буржуазного прогресса: все, что не вписывалось в буржуазную систему координат, относилось на счет неразвитых форм капитализма. Многоукладники отстаивали наличие в аграрном строе самодовлеющих зон (укладов), непроницаемых для капитализма и представляющих собой осколки докапиталистических общественно-экономических формаций. В сущности, спор между сторонниками этих концепций сводился к обвинению в неправильном понимании ленинского теоретического наследия по аграрному вопросу. Долгие споры о наличии в аграрном развитии России "прусского" и "американского" путей развития все более и более становились схоластическими упражнениями, порождая странные бессодержательные дефиниции типа "октябристско-прусский путь" и т.п. Рядом с такого рода теоретизированием суждения В.М.Чернова о "народно-хозяйственных телах" выглядят более оригинальными и адекватными реальной действительности.

Но был ли капитализм магистральным, единственно возможным путем аграрного развития России? Чтобы обрести необходимый простор для конкретно-исторического анализа, нужно признать эти вопросы открытыми, непреддрешенными. Наконец, необходимо преодолеть типичную для всей нашей историографии привычку смотреть на аграрное развитие как на постоянное приготовление деревни к революции. Тогда будет легче допустить возможность типологических различий в эволюции помещичьего и крестьянского хозяйства, весьма разной их восприимчивости к коммерциализации. Различимыми становятся люди — организаторы хозяйства из разных сословий, действующие из личного интереса, в соответствии с традиционной системой ценностей, которая не совпадает с буржуазно-классовой и т.д.

Особенно важно освободиться от предубеждения против самостоятельной крестьянской экономики и возможности специфически крестьянской аграрной эволюции, отличной от собственно буржуазной. К примеру, современная публицистика много шумит о расцвете зернового производства в начале XX в., связывая это

с успехом столыпинской реформы. Отдельные голоса ученых, пытающихся отрезать горячие головы, не берутся в расчет. Но и сама критика преувеличенных представлений об экономическом эффекте столыпинских преобразований не может быть признана основательной, ибо она по-прежнему строится на тезисе о капиталистическом разложении крестьянства.

Советские историки уделили крестьянскому хозяйству значительно больше внимания, нежели помещицкому. Однако и в своих лучших работах они продолжали воспроизводить привычную схему: кризис сельскохозяйственного производства, кризис и разложение крестьянского хозяйства, нарастание дифференциации в деревне, обострение классовой борьбы и т.п. За авторами крупных монографий, написанных на общероссийском материале, следовали провинциальные историки. Последние, будучи ближе к первичному материалу, к массовому источнику, отложившемуся в областных государственных архивах, не могли не отметить очевидного прогресса сельскохозяйственного производства в начале XX в.⁷ На симпозиумах и конференциях (чаще в кулуарах) высказывался протест против принижения русского крестьянства, его способности к культурно-хозяйственному прогрессу.

Приверженцы концепции стадильности давали в целом более оптимистическую оценку состоянию сельского хозяйства, что было связано с выводом о достаточно высоком уровне развития аграрного капитализма как в помещицком, так и в крестьянском хозяйстве. Объективно это было ближе к реальной действительности, но порочность и этой концепции обнаруживалась, когда на ее основе начинали выдвигать тезис о преобладании второй социальной войны в деревне в 1917 г.

Настоящая работа имеет своей целью специальное исследование путей аграрного капитализма не только в конкретно-истори-

⁷ См.: Будаев Д.И. Смоленская деревня в конце XIX и начале XX века: К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.). Новосибирск, 1976; Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX — начале XX в.: К вопросу о предпосылках буржуазно-демократических революций в России. Саратов, 1981; Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX-начале XX в.: К проблеме развития аграрного капитализма. Ростов н/Д, 1989; Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма: Социально-экономическое исследование. М., 1984; Тюхачкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября: К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции. Иркутск, 1966 и др.

ческом, но и общетеоретическом аспекте. Оно включает в себя анализ всех основных факторов аграрного развития: природно-географического, этнодемографического, хозяйственно-этического и социально-экономического. В качестве предварительной задачи выступает выяснение истоков, становления и развития аграрно-типологических концепций, оценка их содержания и значимости для современного этапа историографии. При этом XIX столетие представляет специальный интерес как важнейший этап, на протяжении которого происходил процесс разделения традиционного вотчинного хозяйства на два самостоятельных типа — помещичье и крестьянское и сформировался биполярный аграрный строй. Необходимо выявить хозяйственный потенциал обоих типов накануне реформы и проследить последствия ее на протяжении пореформенных десятилетий. Именно в этот период произошли те качественные превращения, которые поставили крестьянское хозяйство в центр аграрной эволюции.

Исследование ведется в географических рамках поволжского региона (Казанская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Симбирская губернии). Здесь на обширной территории сочетались не только разные природно-географические зоны и национально-хозяйственные уклады, но также и разные типы аграрного развития, характерные и для густонаселенного черноземного центра России с его "дворянскими гнездами", и для колонизируемой окраины с ее экстенсивным монокультурным земледелием при относительной земельной свободе для крестьянства. Зональные контрасты Поволжья позволяют осуществить типологию на более фундаментальном поурездном уровне с использованием методов многомерного статистического анализа.

В корпусе источников, привлеченных для решения поставленных задач, преобладающее место занимают массовые данные. Наиболее сложную и трудоемкую часть источниковой базы составляют первичные материалы кредитных учреждений. Без них невозможна сегодня серьезная экономическая экспертиза помещичьего и крестьянского хозяйства. Речь идет об описях закладываемых в банках имений. Для их обработки была разработана методика, апробированная в ряде диссертационных исследований. Смысл ее сводится к анкетированию не только самой описи, но и всей единицы хранения в целом, так как она, как правило, содержит и другие документы. Особенно важен, к примеру, доклад Оценочного отдела, который может при необходимости заменить и саму опись, а кроме того, содержит сведения о количестве выданной ссуды, наиболее точные расчеты доходности имения и т.п. Для настоящей работы были привлечены фонды губернских отде-

лений Дворянского земельного банка, а также частных ипотечных банков. Важное значение имела документация соло-вексельного кредита Государственного банка России, так как его деятельность началась раньше Дворянского и к тому же не имела жесткой сопоставной регламентации. В делах госбанка сохранились краткие отчеты заемщиков об использовании ссуды, что особенно ценно⁸. Следует также отметить уникальность материалов Всероссийского общества взаимного поземельного кредита. Они восполняют пробел в сведениях о двух первых пореформенных десятилетиях. Ими пользовалась Валуевская комиссия 1872-1873 гг., выяснявшая положение помещичьего хозяйства после реформы. Источниковые возможности материала Валуевской комиссии убедительно показал Н.М. Дружинин⁹. Однако комиссия пользовалась лишь извлечениями из архива ОВПК. Не исключена и тенденциозность чиновников министерства, отобравших для комиссии относительно благополучные имения. Поэтому необходимо использовать весь комплекс документов. После передачи ОВПК в ведение Дворянского земельного банка архив общества отложился в фонде Особого отдела банка¹⁰.

Для характеристики крестьянского хозяйства наиболее важны земско-статистические сведения. Значительная часть их обработана и опубликована¹¹. Параллельная поисковая работа в местных и центральных архивах позволила существенно дополнить земские публикации. В некоторых губерниях сохранились первичные таблицы, составлявшиеся земцами для отчетов губернатора царю. Практически нетронутыми остаются фонды местных отделений Крестьянского поземельного банка, содержащие уникальную информацию не только о кредитовании крестьянских покупок земли, но и об общей ситуации в деревне.

Не вполне оценен еще такой важный для изучения эпохи 50-60-х гг. XIX в. факт, как издания российского генштаба. Его офицеры провели грандиозную работу по составлению подробнейше-

⁸ См.: Кабытов П.С., Савельев П.И. Новые документы по истории помещичьего хозяйства конца XIX — начала XX в. // Экономическое и социально-политическое развитие пореформенной России (1861-1917 гг.). Горький, 1986. С. 40-52.

⁹ Дружинин Н.М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г.: По данным Валуевской комиссии 1872-1873 гг. // Исторические записки. 1972. Т. 89. С. 187-230.

¹⁰ См.: Российский государственный исторический архив (Далее - РГИА). Ф. 593. Оп. 2.

¹¹ См.: Аграрные отношения в Поволжье эпохи капитализма: Библиографический указатель / Сост. Кабытов П.С., Савельев П.И. Куйбышев, 1984.

го описания губерний¹². Они подвергли проверке достоверность сообщаемых официальными отчетами сведений, выезжали в уезды, беседовали со сведущими людьми. В результате собран и опубликован огромный материал, отвечающий самым взыскательным требованиям источниковедения.

Чрезвычайно разнообразна использованная в работе опубликованная статистика пореформенного периода. Она хорошо известна: издания ЦСК МВД, ведомственная статистика различных департаментов, материалы правительственных комиссий и сенатских ревизий, особых совещаний о нуждах деревни, съездов сельских хозяев, научных экономических обществ и собраний. Чрезвычайно интересными оказались периодические издания Императорского Московского общества сельского хозяйства (Далее – ИМОСХ). После известного исследования Дружинина о "Журнале землевладельцев" пресса такого рода редко использовалась учеными. В данном случае особенно плодотворным было параллельное изучение изданий общества и его архивного фонда, в котором сохранились протоколы дискуссии вокруг присылавшихся в Совет общества записок с мест. В них явственно видны настроения провинциального помещичьего дворянства в связи с надвигавшейся реформой. Не менее интересны записки заседаний Петербургского собрания сельских хозяев, общероссийских съездов 60-90-х гг. XIX в., которые дают богатый материал для размышлений над переменами в аграрном менталитете российского дворянства в ходе реформирования деревни.

В целом источниковая база вполне представительна. В ряде случаев требовалась организация отдельных микрогенеральных совокупностей данных, сопоставимых на уровне губерний, уездов или волостей. Так, при составлении исходной таблицы для многомерного статистического анализа создавалась автономная база данных, поддающихся квантификации. Это потребовало большой сравнительно-сопоставительной работы с разными источниками, внутренней сущностно-содержательной критики отбираемой информации и т.п.

Аграрно-историческое источниковедение на сегодня почти исчерпало резерв для экстенсивного развития. Основные, крупней-

¹² Наиболее полной публикацией является многотомная серия под названием: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Конкретные ссылки см. по тексту настоящей работы.

шие комплексы документов введены в научный оборот¹³. Правда, остаются горы массовой документации, привлекаемой лишь фрагментарно. Их использование сдерживается чисто техническими трудностями¹⁴. Здесь большое поле деятельности по созданию оригинальных баз данных для количественного анализа. Особенно богаты массовыми источниками местные архивы, где отложился карточный материал всероссийских и местных переписей. Не случайно региональная литература несравненно богаче позитивной информацией и выполняет подчас источниковую роль для обобщающих исследований. Источниковедение, конечно, не может стоять в стороне от описанных выше методологических катаклизмов. Подбор источников, их критика, интерпретация полученных данных — все это находится в жесткой зависимости от исходной позиции автора. В то же время, всякая концепция рождается из размышлений над конкретным историческим источником. Выход из тупика возможен, на наш взгляд, только через максимальное освобождение от априорных социологических схем, через обращение к человеку, чья жизнь и труд составляют собственно историю, в том числе аграрную (аграрную, пожалуй, в наибольшей степени). Возможно, нашей историографии предстоит пережить некий неопозитивистский этап, который будет характеризоваться крайним методологическим индивидуализмом и даже концептуальным нигилизмом. Чтобы предупредить возможные негативные последствия такого развития событий, необходима упорная работа по восстановлению утраченной отечественной аграрно-теоретической традиции, чтобы на ее основе вступить в более спокойный и осмысленный диалог с новейшими тенденциями в мировом крестьяноведении.

Автор выражает свою признательность академику И.Д.Ковальченко, профессорам П.С.Кабытову (Самара) и Д.Байрау (Франкфурт-на-Майне, ФРГ), научным сотрудникам Л.И.Бородкину (МГУ) и С.И.Вареховой (РГИА), а также А.Я.Астахову (Самара) за поддержку, ценные советы и практическую помощь; Л.И.Бордуновой и А.В.Лапину за техническое содействие в подготовке рукописи к изданию.

¹³ Наиболее полный обзор источникового массива представлен в книге: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма: Колл. моногр. под ред. И.Д.Ковальченко. М., 1979.

¹⁴ В качестве пособия для освоения нетрадиционных методов изучения этих данных рекомендуем: Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987; Славо Т.И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981; Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986; Миронов Б.Н. История в цифрах. Л., 1991.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Типология аграрного развития России

ПРОБЛЕМА

Типология аграрной эволюции в связи с общим процессом развития капитализма в Европе и Северной Америке стала объектом пристального внимания науки и общественно-политической мысли в конце XIX в. Господствующей экономической теорией к этому времени стал марксизм, однако в его арсенале не было соответствующего аграрного раздела, ибо создатель нового учения не оставил даже сколько-нибудь связанных черновых набросков задуманного им фундаментального труда по аграрному вопросу. Известно лишь, что России при этом отводилась столь же грандиозная роль, какую сыграла Англия в марксовом анализе промышленного капитала. Следовательно, разработка аграрного аспекта в марксизме ложилась на плечи учеников.

Дискуссии в среде европейской социал-демократии (и прежде всего германской) сразу же показали, что аграрный вопрос требует не только скрупулезного конкретного анализа положения дел в деревне, но и творческой переработки самой экономической теории. В конце 90-х гг. XIX в. почти одновременно вышли в свет крупные работы на Западе и в России. Среди них выделялись книги К.Каутского и Ф.Гертца, В.Ильина (Ленина) и С.Булгакова¹. Они во многом подготовили появление в начале XX в. типологических концепций аграрного развития, созданных авторами с весьма несхожей политической ориентацией.

Книги Каутского и Ленина были первым шагом ортодоксального марксизма в освоении аграрной проблематики. При этом Ка-

¹ См.: Каутский К. Аграрный вопрос. М., 1906; Гертц Ф. Аграрные вопросы. СПб., 1900; Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3; Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. В 2-х т. СПб., 1900.

утского интересовал в большей степени доктринальный аспект, Ленин же должен был доказывать наличие капиталистического развития в российской деревне. Он восторженно принял работу Каутского, назвав ее самым замечательным явлением новейшей экономической литературы после третьего тома "Капитала"². Работы же оппонентов Каутского, особенно русских, подверглись уничтожающей критике. Между тем, написанная с намеренно эмпирических позиций книга Гертца, как это чаще всего случается с "фактологической литературой", содержала определенные предпосылки для типологического подхода к аграрному развитию. Да и сам Ленин, проанализировав значительный статистический материал по России, собранный земскими деятелями, вынужден был говорить о региональных особенностях общественно-экономической эволюции деревни, о развитии капитализма вширь и вглубь, об аграрном вопросе колонизации в осваиваемых районах России и т.п.

В начале XX в. невозможность оставаться при общем решении вопроса об аграрном капитализме была осознана многими. Появились аграрно-типологические концепции. Среди них волею судеб была выделена и поставлена в центр отечественной историографии ленинская концепция двух путей буржуазно-аграрной эволюции. Жаркие дискуссии, огромная литература, схоластически отточенное цитирование отвлекли внимание историков от тайны, в которой рождалась эта знаменитая концепция. Ленин был вынужден решать своего рода антиномию: нужно было подтвердить прежний вывод о наличии в России аграрного капитализма и одновременно опровергнуть выводы либеральных экономистов о буржуазном перерождении аграрного строя вообще и помещичьего хозяйства в частности. Ситуация очень напоминала ту, в которой когда-то оказался Маркс, исследовавший момент превращения владельца денег в капиталиста "в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения". Как известно, Маркс сопроводил свой теоретический прорыв крылатой фразой: "Hic Rhodus, hic salta!"³ Характерно, что в соответствующий момент и у Ленина мы встречаемся с этим же древним изречением. Он нашел выход в принципиально новой постановке вопроса об аграрно-капиталистической эволюции⁴.

Концепция двух путей избежала теоретических баталий пред-революционного периода из-за уничтоженного тиража первого из-

² Ленин В.И. Рецензия на кн.: Каутский К. Аграрный вопрос // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 88.

³ Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1973. С. 177.

⁴ Ленин В.И. Письма И.И.Скворцову-Степанову // Полн. собр. соч. Т. 47. С. 231.

дания книги "Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 гг." Книга была переиздана лишь в 1917 г., когда в стране уже бушевал революционный водоворот событий. Впрочем, социал-демократы со времени Стокгольмского съезда партии были осведомлены о новом взгляде Ленина на аграрную программу, вызвавшем легкое замешательство в лагере большевиков и ядовитые реплики меньшевистских лидеров. В середине 20-х гг. об этом вспоминал А.В.Луначарский⁵. Участники съезда весьма смутно представляли себе шаги, которые предстояло сделать после конфискации помещичьих земель, однако "для всех было ясно, — отметил Луначарский, — что крестьянское хозяйство удержится и останется главным типом хозяйства на земле, по крайней мере, на некоторое время"⁶. Далее он вскользь обронил весьма знаменательное замечание: "Но среди большевиков не было полного согласия; как это ни странно, и национализация земли, которую Ленин любил опирать на сознание крестьян, что земля божья, общая, казалась некоторым какой-то народнической отрыжкой"⁷.

Видимо, предполагая болезненную реакцию на свои не совсем уместные "небольшевистские" воспоминания, Луначарский тут же попытался разъяснить сказанное, но тем лишь усилил впечатление о наличии у Ленина какого-то особого марксизма, отличного от его сторонников: "Марксизм Вл. Ильича не заставлял его выбрасывать из старых теорий народничества, как они были формулированы Черновым, решительно все. Владимир Ильич, конечно, не верил ни в социалистический инстинкт крестьянства, ни в общину как элемент будущего аграрного социализма, но он верил в возможность для деревни в значительной мере миновать и болезненные явления дифференциации, которые должны были отдалить срок настоящей социальной революции в России на необозримое время"⁸.

Народнический дух в выступлениях Ленина увидели не только его соратники, но и самые яростные его оппоненты. Луначарский вспоминал: "Был чрезвычайно знаменательный момент, когда Плеханов обратился к Ленину и, грозя ему пальцем, почти с пророческой строгостью возгласил: "В новизне твоей мне старина

⁵ Луначарский А.В. Этюд о Стокгольмском съезде // Пролетарская революция. 1926. № 5.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Луначарский А.В. Этюд о Стокгольмском съезде. С. 100.

слышится"⁹. Убеждение в отступничестве Ленина от марксизма и уступке народничеству сохранялось в лагере социал-демократии и в дальнейшем, поэтому концепцию двух путей они всерьез не принимали. Об этом свидетельствует, в частности, оценка полемики Ленина с Рожковым, данная Мартовым в 1912 г. Мартов считал, что Ленин "в анализе классового содержания контрреволюции отступил от своих прежних позиций"¹⁰. В этой работе Мартова содержится, может быть, единственное вполне откровенное высказывание относительно концепции двух путей: "Марксисту нечего делать с этим продуктом играющего научными терминами словоблудия, в сравнении с которым социологические построения социалистов-революционеров являются и более оригинальными, и менее пропитанными утопизмом"¹¹.

В конце 20-х — начале 30-х гг. возобладал взгляд на противоборство двух путей как на феномен классовой борьбы. Поборник такого подхода Н.Вянаг опирался при этом на сталинский постулат об отсталости царской России. Попытки говорить о развитии капитализма в рамках изучения проблемы двух путей (А.Гайстер) или аграрной политики правительства (С.Дубровский), подверглись уничтожающей критике. В результате был выделен и водружен на пьедестал социальный аспект проблемы¹².

Заслуга второй дискуссии (конец 50-х — начало 60-х гг.) скорее не в решении, а в постановке вопросов. Боязнь выйти за рамки социального аспекта завела участников майской 1960 г. сессии в тупик, что заставило их затем углубиться в анализ экономики аграрных отношений¹³. Всерьез концептуальные моменты проблемы вновь дискутировались в конце 60-х — начале 70-х гг., когда лозунг "Перечитать Ленина заново!" стал приносить первые плоды. Попытка освоить теоретическое пространство, созданное ленинскими работами начала XX в., вызвала резкую поляризацию

⁹ Там же. С. 102-103.

¹⁰ Мартов Л. О том, как можно быть неправым на оба фронта // Наша Заря. 1912. № 5. С. 33.

¹¹ Там же. С. 38.

¹² См.: Вянаг Н.Н. Ленинская концепция двух путей развития капитализма в России. М.-Л., 1931; Гайстер А. Развитие капитализма в сельском хозяйстве // Бюллетень заочноконсультационного отделения Института Красной Профессуры. М., 1930. № 7; Дубровский С.М. Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л., 1925; то же. М., 1930.

¹³ См.: Особенности аграрного строя России периода империализма. М., 1962; Анфилов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.

исследователей: сторонники признания аграрного строя России буржуазным считали, что ленинские взгляды вполне сформировались уже к концу 90-х гг. XIX в., представлены в законченном виде в книге "Развитие капитализма в России" и не претерпели существенного изменения в начале XX в.¹⁴; сторонники оценки аграрного строя как полукрепостнического приходили к известному противопоставлению двух циклов ленинских работ, разграниченных первой русской революцией¹⁵. Третье решение предложил И.Д.Ковальченко. По его мнению, "в анализе аграрных отношений, сделанном русскими марксистами до революции 1905-1907 гг., были переоценены, точнее говоря, не могли быть определены не масштабы развития капитализма в деревне, а момент этого развития, его степень, т.е. "отверделость" капитализма. Точно так же были недооценены не масштабы крепостнических пережитков, а сила их давления на крестьян, ... иначе говоря, ... подтвердился вывод о господстве в деревне низших форм капитализма, о незавершенности ее буржуазной эволюции"¹⁶. Дальнейшее развитие историографической ситуации показало, что такой подход не убедил оппонентов, и сам спор перешел в плоскость обсуждения аграрных реалий. В начале 70-х гг. окончательно сложились два подхода к их оценке — концепция многоукладности (Тарновский) и концепция стадийности (Ковальченко), но начавшийся было спор между ними был искусственно прерван в 1973 г. и возобновился лишь во второй половине 80-х гг.¹⁷.

Доктринальный аспект затрагивался в связи с обсуждением проблемы альтернативности исторического процесса. Концепция Ленина признается конкретным воплощением теории альтернатив-

¹⁴ Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство... С. 136-138; Кузнецов И.В. Об укладах и многоукладности в России // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 28-29 и др.

¹⁵ Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. 1959. Т. 65. С. 119-120; Тарновский К.Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии 1917 — начала 1930-х гг. // Исторические записки. Т. 78. С. 40.

¹⁶ Ковальченко И.Д. В.И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. 1970. № 3. С. 40-41.

¹⁷ См.: Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 30-31; он же. Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о "новом направлении" в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. // История СССР. 1988. № 5. С. 67-101; Поликарпов В.В. "Новое направление" в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3; Еще раз к вопросу о "Новом направлении" (дискуссия В.И. Бовыкина, П.В. Волобуева, письмо Е.И. Дружининой // Вопросы истории. 1990. № 6.

ности. Среди исследований на эту тему выделяются монографии П.В.Волобуева и И.Д.Ковальченко¹⁸. Волобуев считает, что "исторический процесс во всех трех его составных частях и параметрах (прошлое, настоящее и будущее) не предопределен и не запрограммирован; он вероятностен"¹⁹. Социальные законы могут реализовываться лишь как господствующая тенденция, которая возникает из борьбы многих возможностей, и из множества возможностей "осуществляется лишь одна"²⁰. Акт реализации возможностей в момент перехода общества из одного качества в другое сводится к противоборству двух реальных взаимоисключающих возможностей: одна "представляет будущую линию развития, другая — исторически уже обреченную, но еще господствующую в реальной действительности"²¹. При этом указанная антитеза характерна для выбора на уровне базиса. Здесь он "жестко сведен к двум возможным путям общественного развития и третьего не дано", хотя "особенность исторического процесса такова, что по мере удаления от базиса и перехода в сферу политической и особенно идеологической надстройки возрастает и вариантность развития, а следовательно и спектр возможностей выбора"²².

И.Д.Ковальченко отвергает правомерность понимания исторической альтернативы как антитезы: "Существующая действительность может представлять собой либо уже реализованную возможность прошлого, либо борьбу, которая ведется за реализацию существенно отличных, альтернативных возможностей последующего развития. Будущее является естественным и неизбежным продолжением настоящего. Оно вырастает из настоящего. Но оно не может быть альтернативой настоящему, ибо как может быть альтернативой реальному то, чего еще нет?"²³.

В соответствии с вышеописанными общими представлениями по-разному оценивается аграрно-историческая альтернатива в духе ленинской концепции. Для Волобуева это — ряд конфликтов, начало которым положил 1861 г., т.е. ситуаций, в которых возникала непосредственно проблема выбора²⁴. С точки зрения реаль-

¹⁸ Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: Теория, история, современность. М., 1987; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

¹⁹ Волобуев П.В. Выбор путей... С. 32.

²⁰ Там же. С. 31.

²¹ Там же. С. 33.

²² Там же. С. 35-36.

²³ Ковальченко И.Д. Методы... С. 76-77.

²⁴ Волобуев П.В. Выбор путей... С. 106, 136, 144, 182.

П.В.Волобуев

ной эволюции "это два пути объективно возможного буржуазного развития России"²⁵. Историографические корни такой оценки совершенно очевидно восходят к идеям 20-х гг. о борьбе путей (Ванаг), а также к идее Тарновского об отсутствии обоих путей в реальном аграрном развитии. Концентрированным выражением этой концепции является тезис о том, что "развитие русского капитализма не было повторением "западного пути", а представляло особый тип буржуазного развития"²⁶. Последним словом этого направления в нашей историографии стала типология трех эшелонов мирового развития и идея

принадлежности России ко второму такому эшелону с присущим ему наложением разных общественно-экономических укладов, к группе стран с "догоняющим" типом развития²⁷.

По мнению Ковальченко, суть ленинской концепции состояла в том, что "буржуазная аграрная эволюция шла как на основе крестьянского хозяйства, по буржуазно-демократическому ("американскому") пути, так и на основе помещичьего хозяйства, по буржуазно-консервативному ("прусскому") пути"²⁸. Он тоже не считает развитие аграрного капитализма в России повторением "западного пути", но особенность его видит в реальности самой эволюции в альтернативных формах. Эта концепция, как было сказано, имеет не менее глубокую историографическую традицию.

Перед современной аграрно-исторической наукой стоит сложнейшая задача переосмысления теоретических основ ее конкретно-исследовательской практики. Наиболее трудной частью этой работы нам представляется преодоление прежней абсолютной непроницаемости границ методологии марксизма, в которых сначала развивалась, а затем застыла и окаменела в своем агрессивном неприятии всего немарксистского советская историография. Первым шагом должна стать смена парадигмы в отношении к теории марксизма. По удачному выражению одного из советских ученых, нам следует перейти от понимания марксизма к по-

²⁵ Там же. С. 126.

²⁶ Там же. С. 123.

²⁷ См.: Тарновский К. Начало большевизма // Коммунист. 1983. № 11; Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. М., 1986

²⁸ Ковальченко И.Д. Методы... С. 88-89.

ниманию марксизма, стать над идеей, а не под ней²⁹. Совершенно ясно, что необходимо вернуть ленинскую концепцию двух путей в общее русло аграрно-теоретического потока русской (да и не только русской) экономической мысли. Для этого требуется спокойно и непредвзято проанализировать аграрно-типологические концепции оппонентов Ленина не только из лагеря марксистов, но и за пределами оно, отказаться от тенденции объяснять марксизм из самого марксизма, проследить истоки русских аграрно-типологических теорий.

И.Д.Ковальченко

Здесь мы сталкиваемся с громадным пробелом в историографии. После того, как в конце 20-х гг. советские аграрники высокомерно отвернулись от всего, что не совпадало с принятой ими трактовкой экономической теории Маркса, целые направления русской аграрной науки как бы вовсе перестали существовать. Как показала дальнейшая история, то были наиболее плодотворные направления, способные дать русской науке и русской деревне шанс на выживание и в условиях коренной ломки старых устоев жизни. Конечно, советские исследователи иногда обращались к именам П.Струве, В.Чернова, С.Булгакова, А.Кауфмана, А.Чаянова, Н.Кондратьева и других, но вовсе не для того, чтобы восстановить живую ткань теории, а скорее для того, чтобы еще раз указать на их несостоятельность перед лицом победоносного марксизма. В результате сегодня нам приходится констатировать полное отсутствие исследований о содержании немарксистских аграрно-типологических концепций, особенно тех из них, которые были ориентированы на эволюцию крестьянского уклада.

ГЛАВА I. ИСТОКИ РУССКИХ АГРАРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Аграрно-типологические концепции русских ученых и публицистов возникли не на пустом месте. Им предшествовала длительная отечественная теоретическая традиция, испытывавшая сильное влияние европейской экономической мысли.

²⁹ См.: Кувакин В.А. Возможно ли демократическое понимание марксизма? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1991. № 6. С. 3-5.

В силу особенностей социально-политического строя дореформенной России аграрная наука здесь имела свободное пространство для своего развития лишь в аспекте технологическом³⁰. К тому же экономический строй, пронизанный крепостническими началами, не способствовал серьезной проработке и приложению идей классической политической экономии к русскому строю аграрных отношений. Россию не волновал еще вопрос о размере и способах извлечения ренты, главное внимание было сосредоточено на проблеме крепостного рабства, хотя еще П.Пестель опасался "аристократии богатств" и пытался в своем знаменитом проекте примирить два противоречивых мнения относительно собственности на землю. Первое сводилось к тому, что "земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц", и коль скоро существует хоть один человек, который никаким обладанием земли не пользуется, то "воля Всевышнего и закон природы совершенно нарушены, и права естественные и природные человека устранены насильем и зловластием"; второе же гласило, что "труды и работы суть источники собственности", и потому "неуверенность в сей собственности, сопряженная с частым переходом земли из рук в руки, никогда не допустит земледелия к усовершенствованию"³¹.

Перелом внесла эпоха падения крепостного права, когда дискуссии по экономическим вопросам стали значительно смелее и определеннее. В поисках аналогий надвигающейся реформе взоры русских экономистов обратились к аграрному строю Англии, Франции, Германии, к фермерству Северной Америки³². Все было подчинено ответу на вопрос: выгоден или нет для русских помещиков переход к вольнонаемному хозяйству? Такая постановка вопроса была некорректной с научно-экономической точки зрения³³. Специфические особенности социально-экономической обстановки России требовали от отечественной экономической науки оригинальных решений, выходящих за рамки известных классических теорий. Школа А.Смита-Д.Рикардо (в основном в трактовке

³⁰ См.: Чайнов А.В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века // Крцимовски Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М., 1927. С. 199-239.

³¹ Восстание декабристов. Документы. М., 1958. Т. VII. С. 119.

³² См.: Каменский Г. Письма о сельском хозяйстве в Англии // Сельское хозяйство. 1860. № 4. Отд. II. С. 52-71; Гуруловский, гр. Письма о сельском хозяйстве Северной Америки // Сельское хозяйство. 1860. № 5, 7, 9, 10-12 и др.

³³ См.: Цаголов Н.А. Вопросы истории политической экономии: Избранные произведения. М., 1984. С. 104-105, 138-145 и след.

Д.С.Милля) при всем своем влиянии на экономическое мышление в России не удовлетворяли этим требованиям. Классическая политическая экономия имела дело с завершившимися аграрными революциями в Европе и не работала в рамках русской модели аграрного строя с присущей ему претензией на автономию сразу двух типов хозяйства — крупного (помещичьего) и мелкого (крестьянского).

Не отвечала русским условиям и теоретическая система Сисмонди, в которой содержался ответ на вопрос о мелком крестьянском хозяйстве, его самостоятельной перспективе³⁴. Сисмонди мыслил крестьянское хозяйство как мелкотоварное и анализировал его отношения с капиталистическим крупным производством. Как справедливо отметил Н.А.Цаголов, "Сисмонди отстаивал самостоятельность крестьянского хозяйства от капитализма и против капитализма. В России в период реформы самостоятельность крестьянского хозяйства отстаивалась против крепостничества, против помещичьего землевладения, против помещичьего хозяйства"³⁵.

Первую попытку создать концепцию, наиболее адекватную аграрным реалиям России, предпринял Н.Г.Чернышевский, изложивший свои взгляды в "Примечаниях к "Основам политической экономии" Д.С.Милля", в работах "Капитал и труд", "О новых условиях сельского быта", "Очерки из политической экономии (по Миллю)" и др.³⁶. Он первым среди русских экономистов выступил с позиций признания крестьянского хозяйства России как экономического типа с самостоятельными интересами и эволюцией. Это делает фигуру Чернышевского-экономиста ключевой для понимания истоков последующих аграрно-типологических концепций, которые немыслимы без крестьянского фактора. "Английские политико-экономы, вместе с английскою публикою, вообще не имеют понятия о быте поселянина-собственника, уцелевшего лишь в немногих и маленьких темных уголках Англии, куда еще не успела проникнуть новая коммерческая жизнь", — писал Чернышевский³⁷. О своей же концепции он писал далее: "Именно то, что мы до-

³⁴ Сисмонди Ж.С. де. Новые начала политической экономии, или о богатстве в его отношении к народонаселению. М., 1936.

³⁵ Цаголов Н.А. Вопросы... С. 159.

³⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. V-IX. М., 1949.

³⁷ Чернышевский Н.Г. Очерки из политической экономии (по Миллю) // Полн. собр. соч. Т. IX. С. 452.

пускаем к должному участию в установлении политико-экономических принципов понятие о поселянине-собственнике, и служит одною из главных причин разницы наших мнений от господствующих³⁸.

Господствующим было признание возможности аграрной эволюции лишь на базе помещичьего хозяйства. Так считали и западные, и славянофильски настроенные экономисты. Чернышевский же, напротив, скептически оценивал возможность капитализации, точнее, коммерциализации поместий: "Человек, имеющий возможность получать, через отдачу своей недвижимой собственности внаймы, без всяких хлопот ренту, доставляющую ему избыток в жизни, не захочет возиться сам с скучными хлопотами земледельческого хозяйства"³⁹. Поэтому требуется "сохранить каждого поселянина-хозяина в звании поземельного собственника"⁴⁰ и вообще "та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице"⁴¹.

Чернышевский аккумулировал в созданной им экономической "теории трудящихся" очень разные направления экономического мышления: классическая теория Смита-Рикардо с ее отточенным категориальным аппаратом послужила для него школой научного анализа; он, несомненно, испытал влияние Сисмонди, который полагал, что построил "политическую экономию на новом основании", т.е. "исследовал ту форму распределения дохода, при которой осуществляется наибольшее счастье нации"⁴²; наконец, своеобразная концепция "русского социализма", идущая еще от славянофильства, сформировала в нем особенное настроение в подходе к крестьянскому хозяйству.

Своеобразный дуализм системы воззрений Чернышевского привел к тому, что два мощных течения в общественной мысли и аграрной теории отводили ему роль своего предтечи. Неудача, постигшая ревнителей "хождения в народ" в их практической борьбе за социальную революцию, повергла наиболее мыслящую их часть в тяжелые раздумья. Эпоха 80-х гг. XIX в. оставила в об-

³⁸ Там же. С. 454.

³⁹ Чернышевский Н.Г. Ответ на замечания г. Провинциала // Полн. собр. соч. Т. V. С. 153.

⁴⁰ Чернышевский Н.Г. Письма без адреса // Избранные экономические произведения Т. I. С. 489.

⁴¹ Чернышевский Н.Г. О поземельной собственности // Полн. собр. соч. Т. VI. С. 328.

⁴² Сисмонди Ж.С. де. Новые начала... С. 139.

ществе впечатление "томительного удушья"⁴³. Должно было пройти некоторое время, чтобы этически напряженная мысль Чернышевского о крестьянине как главной фигуре экономического и социального прогресса России обрела свое второе рождение в самом конце XIX — начале XX столетия. Пока же большая часть народнической литературы о деревне при всей симпатии ее к крестьянству, при всем стремлении к статистической объективности в освещении мельчайших подробностей жизни пореформенной деревни, была заражена пессимистическим настроением относительно будущего. Неутешительными оказались результаты работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, установившего дефицитность крестьянского бюджета из того факта, что подати и платежи крестьян превышают их доходы от своего хозяйства. Лишь в начале XX в., когда все заметнее стало проявляться самостоятельное экономическое значение крестьянского хозяйства, новое поколение теоретиков народнического направления смогло преодолеть очевидный кризис.

Другой своей стороной концепция Чернышевского оказалась близкой новому западничеству — марксизму. Известно, что вождь большевистской партии высоко чтит Чернышевского. Для марксистов Чернышевский был прежде всего революционер, искавший и близко подошедший к "правильной революционной теории"⁴⁴. Вместе с тем, он был экономист с сильно выраженным антибуржуазным настроением, не отрицающим при этом закономерности и неотвратимости капитализма. Наконец, важное значение имело то, что система воззрений Чернышевского была изложена в категориальном пространстве классической политэкономии и в этом отношении была чрезвычайно близка марксизму. Те идеи, которые для народников казались путеводной звездой, марксисты оценили как слабое звено в наследии Чернышевского. По их мнению, центральной фигурой общественного прогресса в России должен был стать не крестьянин, а рабочий. Те факты из пореформенной действительности, которые ввергали народников в пессимизм, для марксистов служили источником исторического оптимизма. Явления разложения старого уклада, дифференциация общинного крестьянства, обнищание деревни представлялись им проявлением закономерного хода буржуазной эволюции. Марксисты охотно соглашались с В.В., Николаем-оном в вопросе о разо-

⁴³ Булаков С.Н. От марксизма к идеализму // Сборник статей 1896-1903 гг. СПб., 1903. С. VII.

⁴⁴ Гантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. С. 183-203.

рении крестьянства. П.Б. Струве даже назвал его непоправимым. В то же время, он подчеркнул, что "за этим разорением неизбежно должно следовать дальнейшее развитие не только экономического неравенства в среде крестьянства, но также и сельскохозяйственного капитализма, которому В.В. в свое время по всем правилам искусства отпел отходную"⁴⁵.

Отказавшись от "прокрестьянских" идей Чернышевского, марксисты столкнулись с теоретическим вакуумом в аграрном вопросе, ибо экономическая традиция, связанная с признанием главной роли за помещичьим хозяйством, была для них еще более чужда. Первым наиболее значительным явлением марксистской литературы, содержащим в себе многие исходные идеи, развитые позднейшими авторами, был труд Струве. Именно он ввел в научный обиход тезис о том, что "для понимания нашего пореформенного хозяйства необходимо прежде всего изучение хозяйства дореформенного"⁴⁶. Он сформулировал мысль о способности крестьянина довольствоваться более низким доходом, "чем капиталистический фермер, чем крупный землевладелец, чем вообще всякий, хозяйничающий на коммерческом основании"⁴⁷. Отметим разницу между товарным хозяйством и капитализмом, Струве указал на подчиненность крестьянина рынку, особенно в зоне железных дорог. "Если бы рынок потребовал от крестьян культуры щедринской "персидской ромашки", то они подчинились бы этому требованию и сократили бы посевы ржи", — воскликнул он⁴⁸. Особенность буржуазного аграрного развития России Струве видел в том, что патриархально-натуральное хозяйство должно было сразу приспособиться к самой сложной форме развития торговли — международному рынку не постепенно, а рывком, в течение двух-трех десятилетий⁴⁹.

П.Б. Струве принадлежит и взгляд на социальные процессы в деревне, которые занимают центральное место в работах Ленина. Здесь и мысль о том, что русское крестьянство конца XIX в. не может считаться единым, ибо "параллельно, например, с распространением улучшенных орудий на юге и востоке России, там же идет, быть может еще более крупными шагами, распадение крестьянства, и то и другое — результат этого проникновения ме-

⁴⁵ Струве П.Б. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии в России. СПб., 1894. Вып. 1. С. 239-240.

⁴⁶ Там же. С. IX.

⁴⁷ Там же. С. 111.

⁴⁸ Там же. С. 219.

⁴⁹ Там же. С. 221.

нового хозяйства"⁵⁰. Струве дал и социальную оценку этого процесса. "Крестьянство распадается, — писал он, — на две части: одну экономически крепкую, состоящую из представителей новой силы, капитала во всех его формах и степенях, и другую, состоящую из полусамостоятельных земледельцев и настоящих батраков"⁵¹. Струве сомневался в оскудении дворянства в пореформенной России и считал, что несмотря на плохую приспособленность к сельскохозяйственному предпринимательству, экономическое значение их хозяйства "может и должно расти". По его мнению, изменится лишь "личный состав" помещичьего класса, "негодные элементы, быть может, будут просто вытеснены годными"⁵². Именно с помещиками связывал он судьбы среднего и крупного хозяйства в России.

П.Б.Струве

Таким образом, в книге Струве многое предвосхищало ленинское "Развитие капитализма в России", хотя Ленин жестко критиковал, опровергал и разоблачал "легального марксиста" Струве. Вместе с тем, нельзя не заметить, что как только Струве соскальзывал с твердой марксистской почвы холодного интеллектуального объективизма и вспоминал о моральной стороне проблемы, он тут же оказывался в пучине того нравственного конфликта, о котором позднее писал Н.А.Бердяев⁵³. В качестве примера приведем следующее признание Струве: "Мои личные симпатии вовсе не на стороне экономически крепкого, приспособленного к товарному производству крестьянства, но я не могу не видеть, что политика, которая направится на создание такого крестьянства, будет единственно разумной и прогрессивной политикой, так как она пойдет навстречу исторически неизбежному процессу капиталистического развития, смягчая в то же время его крайности"⁵⁴.

Как представитель критического направления в марксизме и проницательный ученый, Струве не мог не выразить того своеобразного состояния аграрно-экономической теории, когда она уже

⁵⁰ Там же. С. 245.

⁵¹ Там же. С. 239.

⁵² Там же. С. 244.

⁵³ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 85.

⁵⁴ Струве П.Б. Критические заметки... С. 281.

отходила от описания суммы фактов, накопленных статистикой (особенно земской), и нащупывала подходы к типологии аграрного развития. С этой стороны книга Струве до сих пор не оценена по достоинству.

Рожденный в недрах позднеароднического литературного мира (возможно предложен Н.К.Михайловским) термин "народный тип развития", как альтернатива аграрному капитализму, казался настолько очевидным анахронизмом, что Струве разделаясь с ним походя, не без некоторого изящества: "Те беды, которые теперь принято считать специфическим порождением капитализма, являются историческим наследием "народного производства" — экономическая категория в переводе на общепринятый юридический язык означающая: крепостное право"⁵⁵. Теоретические поиски приобрели иное направление. Российскую действительность теперь прямо сопоставляли с вариантами западной экономической эволюции. Именно в этом отношении работа Струве представляла собой знаменательное явление. Он был согласен с В.В. в том, что русскому капитализму в его стремлении овладеть производством "не следует основываться на методе, выработанном Англией", ибо "экономической истории России суждено пополнить известную историческую схему новыми чертами: меновое хозяйство и капитализм в узком смысле слова могут развиваться без сильных средств первоначального накопления, без экспроприации, т.е. без прямого насилия, просто в силу экономической несостоятельности самого натурального хозяйства, неспособности его удовлетворить непосредственным нуждам растущего населения"⁵⁶. Отрицание английского метода у Струве отличалось от такового у В.В. тем, что на место эмоционально выраженной нежелательности поставлена констатация объективного факта. Критически отнесся Струве и к прусскому и австрийскому вариантам, которые также подтверждали "неизбежность вытеснения натурального хозяйства денежным", но в силу слабой приспособленности к условиям товарного производства не могли служить примером для России"⁵⁷. "Тип современного производителя", по его выражению, представлял собой американский фермер в силу ярко выраженного товарного характера его хозяйства⁵⁸. В разделе

⁵⁵ Там же. С. X.

⁵⁶ Там же. С. 239.

⁵⁷ При этом Струве ссылался на работы Мясковского и Гайниша: Mjaskowsky A.V. Agrarpolitische Zeit und Streitfragen. Leipzig, 1889; Heinisch M. Die Zukunft der Deutschosterreicher. Wien, 1892.

⁵⁸ Струве П.Б. Критические заметки... С. 112-113.

"Чему учит американское народное хозяйство?" дан следующий прогноз: "Процесс нашего капиталистического развития будет, конечно, в силу нашей экономической и общекультурной отсталости, идти медленнее, чем в Америке, и носить очень болезненный характер. С этим нужно считаться. Но если вообще Россия способна развиваться в экономическом отношении, то это развитие будет состоять именно в приближении к тому народнохозяйственному типу, представительницей которого является Американская республика"⁵⁹. Струве указал на типологическую близость аграрных штатов Америки и Новороссии: экстенсивность земледелия и широкое распространение машин, вытесняющих живой труд, но в отличие от Николая-она, Струве видел в последнем обстоятельстве не закон развития, а лишь определенную преходящую фазу эволюции, которая с неизбежностью ведет к падению экстенсивной монокультурной системы, разрушению "пшеничных фабрик" и переходу к более рациональному смешанному хозяйству на меньшей площади земли"⁶⁰.

"Критические заметки" Струве воочию продемонстрировали, что марксизм являлся, выражаясь словами Бердяева, "более сложной умственной теорией", нежели эмоциональный субъективизм народников⁶¹. К.Маркс как автор фундаментальной экономической теории давно уже господствовал в умах русской интеллигенции. Ученый авторитет его здесь был столь высок, что В.И.Засулич вынуждена была апеллировать к нему как верховному арбитру в споре о судьбах русской крестьянской общины. Но именно здесь Маркс проявил странную для его "учеников" неортодоксальность⁶². Впрочем, мысли Маркса на этот счет надолго остались достоянием личного архива его русских корреспондентов, а публикация переписки его с Н.Даниельсоном прошла как-то незаметно для воинствующего марксизма⁶³.

Абсолютный авторитет экономической теории Маркса, воспринимавшейся народниками как самое последнее слово классической политекономии, по сути дела, предопределил их поражение в интеллектуальном споре с марксистами по поводу поре-

⁵⁹ Там же. С. 260-261.

⁶⁰ Там же. С. 207, 265.

⁶¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл... С. 79.

⁶² См.: К.Маркс, Ф.Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

⁶³ Первым на это обратил внимание М.Я.Гефтер, удивленно отметивший отсутствие какой бы то ни было реакции Ленина на опубликованные в 1908 г. письма Маркса к Даниельсону. — См.: Гефтер М.Я. Россия и Маркс // Коммунист. 1988. № 18. С. 94.

форменного хозяйственного развития. Главные народнические писатели-экономисты — В.В. и Николай-онь — сами сделали вывод о разъединительном характере "капиталистической деятельности", о кулаке, эксплуататоре как руководителе современного крупного земледелия, о разрушении общины и т.п.⁶⁴ Поэтому их же собственные мысли об отрицательном влиянии капитализма на "успешность земледельческого труда", об отсутствии у него организующей роли и т.п. не только не убеждали, но еще больше подрывали их позиции в споре с марксистами. Запутавшись в противоречиях собственного изготвления, народники погрузились в пучину идейного кризиса.

Между тем от книги Струве, при всем остроумии автора, веяло неуверенностью, ибо при отсутствии ясно изложенной позиции Маркса по аграрному вопросу требовалось ступить на зыбкую почву импровизаций. При этом возможны были два варианта: либо признать аграрную теорию частным случаем экономической системы Маркса, либо корректировать само учение, приспособив его к аграрным реалиям. Первый вариант наиболее последовательно, со всей страстью молодого публициста претворил в жизнь В.Ильин (Ленин) своим наиболее фундированным трудом "Развитие капитализма в России". Спустя десять лет после его выхода в свет идейный оппонент Ленина Н.П.Огановский вспоминал: "В свое время книга г. Ильина была для известной части русской интеллигенции настоящим открытием. Эта интеллигенция, живущая главным образом в городе, имела о крестьянах смутное представление. Они казались ей "все на одно лицо" — чем-то вроде строя оловянных солдатиков ... И вот г. Ильин раскрывает перед взором изумленной интеллигенции всю глубину "дифференциации" крестьянства. Открытие той Америки, которая была открыта земскими статистиками еще в 70-х гг., произвело ошеломляющее впечатление"⁶⁵. Социальная дифференциация крестьянства становится с тех пор для аграрников-марксистов интегральным показателем буржуазного характера аграрной эволюции. Следующим опорным тезисом для В.Ильина стала идея принципиальной идентичности процесса капитализации промышленности и сельского хозяйства, в разное время проходящих одни и те же стадии от рассеянных форм организации производительного капитала к его концентрации. Крупное хозяйство в аграрной сфере имеет такое

⁶⁴ См.: В.В. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882; Николай-онь. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.

⁶⁵ Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Вып. 1. Теория капиталистического развития. Саратов, 1909. С. 7.

же преимущество перед мелким, как и мощная фабрика перед ремесленной мастерской. Все своеобразие аграрного строя России представляется в таком случае как соединение в нем первичных и более высших форм капитализма как в помещичьем, так и в крестьянском хозяйстве. Книга Ленина настолько широко известна, что мы воздерживаемся от ее подробной характеристики.

Примером иного варианта приложения марксизма к аграрной эволюции стало двухтомное исследование С.Н.Булгакова⁶⁶. Аграрный вопрос привлек его внимание "как самая невыясненная и сомнительная часть экономической доктрины марксизма", поэтому он затратил немало времени и сил на то, чтобы "доказать, наконец, в окончательной и бесспорной форме справедливость экономической схемы Маркса, всеобщую приложимость закона концентрации производства и вообще тождественность эволюции промышленности и земледелия"⁶⁷. Результаты, однако, оказались прямо противоположными.

Методологическим ядром исследования, проведенного Булгаковым, послужили два тезиса: о принципе народонаселения, точнее — о емкости территории относительно земледельческого населения, а также о законе убывающего плодородия почвы⁶⁸. Емкость определялась следующими закономерностями: "Емкость территории тем выше, чем ниже относительная доля земледельческого продукта, отчуждаемая на рынке. Тем выше будет, очевидно, фонд натурального потребления и тем больше людей может прокормиться с данной территории"⁶⁹. К факторам, увеличивающим емкость территории, отнесен также уровень цен, повышение которого приводит к сокращению доли продукта, отчуждаемого на рынке, а значит — к увеличению фонда натурального потребления. Закон убывающего плодородия почвы трактовался им как снижение эффективности каждой последующей затраты труда и капитала на единицу площади.

Вооружившись двумя указанными выше принципиальными положениями, Булгаков последовательно рассмотрел аграрную эволюцию стран Европы, а также США. Уже на примере Англии,

С.Н.Булгаков

⁶⁶ Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие.

⁶⁷ Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. С. XII-XIII.

⁶⁸ Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Т. II. С. 240.

⁶⁹ Там же. С. 244.

первой в его аналитическом обзоре, он заявил свое несогласие с ортодоксальным марксизмом в важнейшем вопросе — о типе эволюции. Поскольку возникновение крупного фермерского хозяйства и пролетаризация крестьянства были результатом исключительно насильственной экспроприации, а отнюдь не технического превосходства крупного производства над мелким, постольку крупное хозяйство нужно считать отправным пунктом капиталистического развития, формой ликвидации феодального строя⁷⁰. В этом Булгаков видел коренное отличие сельского хозяйства от индустрии: крупное производство в нем есть лишь предварение будущего, тогда как в промышленности оно — венец развития.

Судьба английского земледелия, считал Булгаков, настолько сильно зависела от состояния мирового рынка, что она не могла повториться в истории других стран. Следовательно, аграрная эволюция Англии не составляет "нормального, т.е. общего типа развития"⁷¹.

Аграрная эволюция Германии создала в XIX в. несколько иную систему. Здесь крупное земледелие уходило корнями во тьму средневековья. Счастливо пережив падение крепостного права, оно даже достигло наивысшего расцвета в 50-60-х гг. XIX в.: рынок сбыта сначала обеспечивала Англия (прусские земли играли по отношению к Англии роль аграрного округа), а затем растущее свое неземледельческое население. Аграрное перенаселение было выгодно крупным землевладельцам, у крестьян же на востоке Пруссии рост населения приводил к парцелляции владений и конечной утрате их к пользе крупного гроссбауэрского хозяйства. Однако с вступлением германских государств в бурную индустриальную стадию развития аграрное перенаселение быстро рассасывается, паровой, морской и железнодорожный транспорт создает условия для заокеанской хлебной экспансии, понижающей европейские цены. Умеренная ипотека при возвышающихся ценах на землю прежде давала необходимые оборотные средства. Теперь она утратила свое значение. Задолженность крупных хозяйств поползла вверх, повергая его в опасную долговую яму. "Неудивительно, — писал Булгаков, — если ряды крупного землевладения дрогнули и оно стало уступать свое место (уменьшаясь по местам относительно, а по местам и абсолютно) крестьянскому хозяйству"⁷². Так промышленный капитализм нанес удар по

⁷⁰ Там же. Т. I. С. 178.

⁷¹ Там же. Т. I. С. 338.

⁷² Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Т. II. С. 147.

земледельческому. Производительность земледелия росла, но уже не за счет крупного, а за счет мелкого хозяйства.

Булгаков считал, что при всех различиях английского и германского аграрного строя знаменательным является финал той и другой эволюции: крупное предприятие в обоих случаях утрачивало руководящую роль и, не будучи в состоянии обеспечить своим рабочим условия жизни, достойные новейшего времени, утрачивает и рабочих, склоняясь в конце концов к неотвратимому упадку⁷³.

Революционный аграрный переворот во Франции, по мнению Булгакова, ничего не изменил в крупном землевладении, так как переход земли к третьему сословию привел лишь к смене людей, но не собственности, которая передалась из рук в руки. Ситуация та же, что и в других странах: Крупная земельная собственность является не результатом или окончательным итогом борьбы крупного и мелкого хозяйства, процесса концентрации, но отправным пунктом развития⁷⁴. Далее отмечено, что экспроприация части мелкого крестьянства увеличила площадь крупного хозяйства, а также численность крестьян-собственников. Создалось аграрное перенаселение, выгодное для крупного производства. Но этот успех последнего, как и в Германии, был временным, ибо с 60-х гг. XIX в. начался перелом: падение хлебных цен, ликвидация перенаселения и рост цен на труд — таковы удары возросшей конкуренции иностранных хлебов и своего промышленного капитализма, увеличившего емкость территории, по аграрному капитализму (т.е. крупному земледелию). В таких условиях ипотека из благотворного источника оборотных средств и здесь превращается в смертельную удавку⁷⁵. Аграрная эволюция Германии и Франции доказала, считал Булгаков, что капитализм возникает не обязательно через экспроприацию и насилие, но "просто на развалинах натурального хозяйства, оказавшегося несостоятельным ввиду роста населения". Поэтому английский вариант не только не типичен, но "составляет скорее исключение"⁷⁶. Капитализм неизбежен, как следствие перенаселения, разрушающего натуральное хозяйство. Распад последнего приводит к пауперизации, кото-

73 Там же. С. 148.

74 Там же. С. 214.

75 Там же. С. 215.

76 Там же. С. 228. Булгаков указав на ошибку Маркса, который "и здесь придал чрезмерное значение индивидуальным условиям английской истории настолько, что не выделил общей необходимости, скрывавшейся в этой особенной исторической форме"

рая может быть "урачевана" лишь капитализмом. В этом важном для себя выводе Булгаков опирался на авторитет Струве, ссылаясь на его "Критические заметки".

Своеобразным подтверждением выведенного правила Булгаков считал аграрную ситуацию в Ирландии. Здесь из-за подавляющего влияния Англии почти не развивалась собственная индустрия, отчего "язва пауперизма" сделалась несчастьем страны. По мнению Булгакова, Маркс поверхностно оценил аграрную эволюцию Ирландии лишь как этически отрицательный пример "злодейства капитала". В анализе Маркса он не увидел даже намека на "действительный ход развития страны" и едко заметил, что "подобный материал для обличения капитализма можно извлечь из истории любого народа, хотя бы папуасов, если бы они имели статистику"⁷⁷.

Особенный интерес у Булгакова вызвало американское земледелие. Важнейшим условием его развития он считал колонизацию страны. В основе аграрного капитализма в США он видел два фактора — строительство железных дорог и ипотечный кредит. Железнодорожные компании пустились в безудержную спекуляцию землей, которую они получили во владение бесплатно. Размеры их владений даже не были определены. Немецкий исследователь, на которого ссылается Булгаков, писал: "Железнодорожные компании всеми способами шли навстречу потребностям поселенцев, раздавая дешевые билеты ищущим земли, облегчая доставку семян на новые фермы, продавая подаренную им правительством землю на удобных условиях уплаты, сооружая или помогая сооружению элеваторов при станциях"⁷⁸.

Ипотека, соединенная с демократичным законодательством о гомстедах, оказалась в США одним из необходимых условий цивилизации. В штатах, составлявших Central Division (Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган, Айова, Миссури, С.Дакота, Ю.Дакота, Небраска и Канзас), 42,5% ферм были обременены ипотекой, в другом районе интенсивной колонизации — West Division (Монтана, Вайоминг, Колорадо, Нью-Мексико, Аризона, Юта, Невада, Айдахо, Калифорния, Вашингтон и Орегон) — 23,1%⁷⁹.

Своими успехами американское земледелие было обязано сугубо экстенсивному характеру хозяйства. Наличие больших неосвоенных пространств создавало условия, при которых закон убывающего плодородия еще не ощущался, крупные фермы отличались "безгранично хищническим характером земледелия", од-

⁷⁷ Там же. С. 365.

⁷⁸ Цит. по: Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Т. II. С. 417.

⁷⁹ Там же. С. 418.

нобокой монокультурностью. Уплотнение населения и интенсификация земледелия, как показало развитие восточных штатов, вели к европеизации условий аграрной эволюции: постепенному уменьшению средних размеров ферм, усилению "самостоятельных крестьянских хозяйств" и т.п. Признаком такой будущности аграрного строя США Булгаков считал тот кризис, который западные штаты вызывали на востоке страны. Со временем эта конкуренция должна была ослабевать, и "дикий Запад" должен был последовать примеру промышленно развитых штатов атлантического побережья⁸⁰.

Таким образом, при всей своей оригинальности американская аграрная эволюция, по мнению Булгакова, обречена была выйти на европейскую дорогу. Главное и здесь состояло в том, что крупные фермы не были продуктом капиталистической концентрации производства и должны были уступать первенство мелким хозяйствам крестьянского типа.

Как видим, крестьянское хозяйство поставлено Булгаковым в самый центр аграрной эволюции, что было совершенно необычно для марксистской литературы. "Крестьянское хозяйство как такое до сих пор не было предметом самостоятельного теоретического изучения, — заявил он, — причина этому в том, что для одних теоретиков, как Рикардо, крестьянского хозяйства вообще не существовало, другие, как Маркс и в особенности эпигоны, считали эту форму историческим пережитком, обреченным на вымирание с дальнейшим развитием и долженствующим уступить свое место крупнокапиталистическому хозяйству"⁸¹. Булгаков одним из первых попытался провести такой теоретический анализ. Он определил крестьянское хозяйство как особую сельскохозяйственную форму, обходящуюся по преимуществу трудом собственной семьи. Наемный труд (эпизодический) в таком хозяйстве не исключен, но он "не изменяет его экономической физиономии"⁸².

Основное отличие крестьянского (и вообще мелкого) производства от крупного капиталистического в том, что крестьянин стремится к удовлетворению своих нужд и потребностей посредством своего труда, а капиталист — к извлечению дохода. Затем Булгаков решительно заявил: "Чтобы понять характер крестьянского производства, самое лучшее — забыть обо всем, что мы

⁸⁰ Там же. С. 434-441.

⁸¹ Там же. Т. I. С. 142. Постановку задачи самостоятельного изучения крестьянского хозяйства Булгаков отметил у Каутского.

⁸² Там же. С. 141.

знаем о капиталистическом производстве"⁸³. У крестьянина нет капитала, а есть орудия производства как рабочие инструменты; нет прибыли на капитал, а следовательно, неприложима к нему и категория земельной ренты. Поэтому все указанные "категории капиталистического хозяйства совершенно непригодны для выяснения особенностей крестьянского хозяйства". Возникающий в таком случае вопрос о взаимоотношении мелкого и крупного производства решается в следующей образной форме: "Мелкое самостоятельное производство вообще, в частности земледельческое, в современном обществе с доминирующим значением капиталистического предприятия образуют собою в народном хозяйстве как бы остров, омываемый водами капиталистического хозяйства"⁸⁴. Продукты двух типов хозяйства при этом несоизмеримы в силу их разной природы, как продуктов труда и продуктов капитала, несоизмеримы и по масштабу: в первом случае используется трудовая ценность, с другом — цена производства. Выход был найден в категории "жизненный стандарт" или "уровень потребностей непосредственного производителя". Этот уровень, по мнению Булгакова, выступает "одним из определителей цен" на продукты крестьянского хозяйства, ибо "слабое и захудалое хозяйство мирится с разорительно низкими ценами, с которыми не мирится хозяйство более крепкое"⁸⁵.

С этого теоретического плацдарма Булгаков повел наступление на аграрный капитал. Он выдвинул тезис о том, что не только крестьянское хозяйство, но и земледельческий капитал не участвуют в установлении средней нормы прибыли, так как земельная рента исключает конкуренцию, причем земледельческий капитал характеризуется убывающей производительностью, что ставит его в особое положение. Несмотря на то, что в его собственной сфере рост прибавочного продукта отстает от роста количества труда, земледельческий капиталист извлекает из постоянно растущего общественного богатства свою также возрастающую долю, т.е. берет все больше, а отдает все меньше. Следовательно, в земледелии не только рента, но и прибыль имеет паразитарный характер. Благодаря отсутствию свободной конкуренции и уклонению от участия в установлении средней нормы прибыли земледельческий капитал представляет собой особую категорию капи-

⁸³ Там же. С. 143.

⁸⁴ Там же. С. 145.

⁸⁵ Там же. С. 147.

тала и "вообще является блудным сыном капиталистической семьи, более расточителем, чем производителем"⁸⁶.

Крестьянство, пишет Булгаков, напротив, не предъявляет обществу "несообразных претензий", оно не берет того "налога на общественное развитие", который взимается и землевладельцем, и капиталистом. Оно не претендует на среднюю норму прибыли и при благоприятных условиях не остается в обиде (как думал Маркс), так как развитие неземледельческой сферы производства облегчает ему доступ к благам цивилизации по мере расширения круга его потребностей. В целом же крестьянское хозяйство, судя по способу образования цен на продукты, "отвечает общественным интересам более, чем всякая другая организация земледелия". Ошибку Маркса Булгаков видел в том, что он, во-первых, критиковал крестьянское хозяйство, проецируя на него понятия капиталистического, а во-вторых, не учитывал, что "земледелие не составляет нормального случая капиталистического производства"⁸⁷.

Труд Булгакова заключал в себе многие черты типологического подхода к аграрной эволюции. В высшей степени характерно то, что он был написан с ориентацией на марксизм как строгую экономическую теорию и при этом в новой, логико-аналитической форме воспроизвел основную идею и оптимистическое настроение Чернышевского, хотя последний и не упоминался при этом. Булгаков оказался еще дальше от ортодоксального марксизма, нежели Струве. Не случайно Н.П.Огановский заметил, что "в Россию европейский ревизионизм был перенесен г. Булгаковым в 1900 г."⁸⁸. Книга Булгакова располагалась на рубеже двух эпох в развитии аграрной эволюции. Автор сопоставил аграрный строй разных стран, но он искал в этом сопоставлении общую тенденцию, подтверждающую его теоретические посылки, — тезис о движении от крупного производства к мелкому. В земледелии, в отличие от промышленности, он не только не обнаружил концентрации, но напротив, отметил "децентрализующие тенденции".

"Можно ли развитие капиталистического хозяйства определить какой-нибудь одной господствующей тенденцией, как попытался сделать это Маркс?" — задается вопросом Булгаков и отвечает: "Очевидно, нельзя"⁸⁹. Итог его собственного анализа состоял в следующем: "Настоящее экономическое развитие ведет к

⁸⁶ Там же. С. 156.

⁸⁷ Там же. С. 157.

⁸⁸ Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. С. 39.

⁸⁹ Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Т. I. С. 456.

постепенному отмиранию самых тяжелых и грубых форм эксплуатации человека человеком, хотя и разными способами: в промышленности концентрируя производство и подвергая его все более общественному контролю, в земледелии — уничтожая крупное предприятие и ставя на его место крепкое крестьянское. Оба эти течения объединяются в мощном демократическом потоке, который, можно сказать с чувством удовлетворения, приносит новые, лучшие, более удовлетворяющие требованиям социальной справедливости общественные формы⁹⁰.

Таким образом, Булгакову удалось развести по разные стороны исторической улицы индустриальную и аграрную эволюции. Типологических особенностей внутри последней он не искал и не обратил на них внимания. Это роднит его с экономистами 80-90-х гг. XIX в. Его ответы на важнейшие вопросы порой невняты, требуют уточнения исходные понятия (например, "крупное землевладение" и "крупное хозяйство"), неясно, как взаимодействуют "две разные экономические формации" — крупное капиталистическое и крестьянское хозяйство, в чем все-таки состояло развитие аграрного капитализма, которого Булгаков, кажется, не отрицает и т.д. Финал книги дышит пессимизмом относительно профетических возможностей социальной науки, а само двухтомное исследование приобретает значение тяжеловесного памятника бессилию теории перед лицом жизни. Оказавшись в кризисе при столкновении с аграрными реалиями, марксизм вслед за народничеством встал перед необходимостью типологического подхода к собственно аграрно-капиталистической эволюции.

ГЛАВА II. КОНЦЕПЦИИ АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Наметившийся в 90-е гг. XIX в. поворот аграрно-экономической науки к крестьянскому хозяйству отлился в начале XX столетия в устойчивую, все нарастающую тенденцию рассматривать аграрную эволюцию вообще как эволюцию крестьянскую. Вместе с тем, начался известный подъем русской аграрной теории, который к 20-м гг. дал великолепные образцы глубокого проникновения в тайны крестьянского космоса.

Кризис старого народничества возник на почве игнорирования капитализма, его созидательного потенциала в сфере индустриальной субкультуры. Он мог быть преодолен лишь путем выра-

ботки принципиально новой позиции, новой парадигмы прежней прокрестьянской идеи, освобожденной от экономического романтизма. Такая задача было по силам лишь новой генерации теоретиков. Характерной в этом отношении фигурой был В.М.Чернов. Он как нельзя лучше подходил на эту труднейшую роль, ибо в нем убежденность в правоте крестьянской идеи сочеталась с блестящим знанием экономической теории Маркса⁹¹.

В.М.Чернов

Наиболее значительные мысли были высказаны Черновым в области теории и методологии. В теории — это пересмотр всей точки зрения на буржуазную эволюцию, в методологии — типологический подход к анализу социально-экономического развития России и Европы. Фундаментальной работой в указанном смысле можно считать цикл статей в журнале "Русское Богатство", объединенных общим названием "Типы капиталистической и аграрной эволюции"⁹². Счеты с прошлым сведены следующим образом: "Прошли времена... И нет больше спору о том, "быть" или "не быть" капитализму — спорят лишь о "судьбах капитализма в России" и судьбах России при капитализме. Жизнь непрерываемо решила прежние вопросы и поставила новые. Прошла эмбриональная фаза капитализма, дифференцировались его различные национальные типы — спор о путях России и "Запада" был упразднен, оставалось лишь анализировать своеобразные черты различных типов и этим конкретным анализом дополнять абстрактную "идеально-среднюю" организацию капиталистического производства, построенную Марксом"⁹³.

Итак, точка отсчета — марксизм, но не "ортодоксальный" и "догматический", который не выдержал испытания аграрным вопросом⁹⁴. Неприемлем также и призыв Струве признать свою некультурность и пойти "на выучку к капитализму". Чернов считал, что это было бы "ошибкой в обратном направлении относительно поколения 60-70-х годов"⁹⁵.

⁹¹ См.: Чернов В.М. Маркс и Энгельс о крестьянстве. СПб., 1906; он же. Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя // На славном постоу / Литературный сборник, посвященный Н.К.Михайловскому. СПб., 1900. Ч. II. и др.

⁹² См.: Чернов В.М. Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское Богатство. № 4-8, 10.

⁹³ Там же. № 4. С. 138-139.

⁹⁴ Там же. С. 127.

⁹⁵ Там же. С. 140.

Пристальное внимание Чернова привлекла дискуссия в западноевропейской социал-демократии, где после Бреславльского конгресса 1895 г. наметился раскол в оценках аграрного развития как торжества капиталистического способа производства. Самым ярким фактом этого раскола были расхождения во взглядах К.Каутского и Ф.Гертца, книги которых одна за другой последовали в 1899 г.⁹⁶ Сам Чернов открыто солидаризировался с Гертцем. Свой методологический прорыв он начал с рассуждения об объеме и содержании всякого понятия, находящихся, по его мнению, в обратно-пропорциональной зависимости: "Чем больше явлений охватывается данным понятием, тем оно общее, элементарнее, беднее содержанием"⁹⁷. Стремление марксизма втиснуть все в готовую схему гибельно сказалось на теории, сводя ее "к небольшому числу общих мест, бессодержательных именно по своей чрезмерной общности". В результате создавалась упрощенная философия, в которой шаблоны заменяли место исследования и знания; мысль приучалась бегать по немногим торным дорожкам, теория приобретала неподвижность застывшей догмы"⁹⁸ Чернов видел в этом кризис ортодоксального марксизма в России, выразившийся в том, что "такие его представители, как гг. Струве и Туган-Барановский, совершенно порвали с экономической теорией Маркса, и вообще наступила эпоха разброда"⁹⁹.

Выход из тупика Чернов видел в типологическом подходе к общему потоку буржуазной эволюции. Приведем его рассуждения на этот счет: "Выделяя несколько главных народнохозяйственных тел, на которые распадается "Европа", например, Великобританию, Францию, Германию, Австрию, Италию, Россию, мы несомненно найдем в их экономической структуре и много общих черт, и не меньше своеобразных, существенно различных. Возникает вопрос: какое значение, какой смысл имеют эти различия? Преходящи они или более или менее постоянны? В зависимости от того, какой ответ будет дан на эти вопросы, мы получим два резко различных направления. Одни скажут, что названные страны различаются между собой просто как различные ступени одной и той же лестницы, как один и тот же организм в разных стадиях своего развития или, говоря без метафор, их различает лишь то,

⁹⁶ См.: Каутский К. Аграрный вопрос; Гертц Ф. Аграрные вопросы. Ответ Каутского: Kautsky K. Zwei Kritiker meiner "Agrarfrage" // Neue Zeit. 1899-1900. I.

⁹⁷ Чернов В.М. Типы... № 4. С. 130.

⁹⁸ Там же С. 130-131.

⁹⁹ Чернов В.М. К вопросу о капиталистической и аграрной эволюции // Русское Богатство. СПб., 1900. № 11. С. 240.

что они переживают различные моменты одного и того же, общего для всех процесса социального развития. Другие, напротив, усматривают разницу не исключительно в том, что одна страна ушла в данный момент несколько дальше другой от общей исходной точки по общему пути, но что и весь цикл состояний, переживаемый каждой из этих стран, имеет нечто своеобразное; иными словами, что разница не только в ступенях и моментах, но и в общем характере, можно сказать, в самом типе их развития"¹⁰⁰.

Другой важный типологический тезис Чернов состоял в том, что развитие капитализма сопровождается не унификацией всех экономических форм, но напротив, их все возрастающей рельефностью. Таковы индустриальный и земледельческий типы капитализма¹⁰¹. В России, где оба типа в значительной мере еще "переживаются зародышевые фазы развития, где черты различия вырисовываются еще недостаточно резко", больше всего распространено их отождествление. В развитых странах Запада типологическая дифференциация аграрной сферы проступила настолько, что видны даже региональные особенности на территориях, уступающих по своим размерам отдельным великорусским губерниям. Таков, к примеру, Пьемонт, аграрный строй которого анализировал Луиджи Эйноди¹⁰². Он выделил в Пьемонте три зоны: горную, зону холмов и зону равнин и низменностей¹⁰³. В первой упорно держалась общинная собственность, а индивидуальное хозяйство в условиях расширения рынка стремилось к ассоциации, кооперирующей отдельные функции производства и реализации, — общественные молочные, общая продажа масла, сыров и т.д. Во второй устойчивее оказалась мелкая индивидуальная собственность, а в третьей происходило развитие крупных предприятий на капиталистических началах, с применением наемного труда, доставляемого бродячими артелями сельскохозяйственных рабочих с "капралом" во главе.

Важное значение Чернов придавал также мнению Джероламо Гатти, отрицавшего параллелизм промышленной и аграрной эво-

¹⁰⁰ Чернов В.М. Типы... С. 135. Понятие "тип социального движения" было предложено В.Зомбартом, писавшим о трех основных типах — английском, французском и немецком. — См.: Sombart W. Soziale Bewegung im neunzehnten Jahrhundert. Jena, 1897. S. 24.

¹⁰¹ Чернов В.М. Типы... № 6. С. 214.

¹⁰² Einodi Luigi. Les formes et les transformations de l'économie agricole du Piémont // Devenir social. Paris, 1897.

¹⁰³ Ibid. P. 35.

люции¹⁰⁴. Гатти видел, прежде всего, технологическую пропасть между двумя отраслями. Индустрия основывается в каждом конкретном предприятии на той или иной части физики или химии, тогда как сельское хозяйство мыслимо как комплексное производство с опорой на механику, гидравлику, термофизику, химию, зоотехнику, зоологию, бактериологию, биохимию и т.п. Наконец, в сельском хозяйстве широко прилагается ручной труд, производственный процесс здесь характеризуется прерывностью, неповоротливостью, "мертвыми сезонами" (зима) и т.п.

Еще большую важность для Чернова представляло мнение Гатти об ошибке экономистов-марксистов, для которых достижение единого идеала общественно-исторической эволюции возможно лишь на единообразном пути — от старого феодального экономического порядка к новому планомерно-общественному через посредство капиталистической экономики. Гатти допускал это для промышленности, но в сельском хозяйстве видел два крупных, равно самостоятельных течения — капиталистическое (концентрация собственности под господством капитала) и кооперативное (объединение собственным путем ассоциаций)¹⁰⁵.

Все типологические размышления Чернова над западной литературой устремлены были к одной цели — вычлениению в общем социально-экономическом потоке собственно аграрно-крестьянской эволюции. Поэтому очень кстати припись взгляды Вандервельде об устойчивости крестьянского хозяйства к заокеанской конкуренции рыночных сортов хлеба¹⁰⁶. Вандервельде объяснял ее тем, что поскольку в земледелии цены определяются стоимостью производства на землях худшего качества, крестьянин, который ищет в своем промысле не ренту, а только вознаграждение за труд, может за счет ренты продавать продукт дешевле и выдерживать конкуренцию.

Социальные процессы в деревне наиболее адекватно, по мнению Чернова, отражены в следующем рассуждении Гертца: "В тех странах, где еще существуют незанятые и необработанные земли или население еще не перешло известных пределов сгущения, где поэтому величина спроса на землю умеренна, там мы видим прирост среднего хозяйства на счет мелкого и крупного; таково развитие в большей части Германии, в Америке. Та же тенденция проявляется в Англии, так как там население в гигантски развившейся индустрии находило лучшее приложение своего

¹⁰⁴ Gatti G. *Le nuovi correnti dell'economia agricola*. Milano-Palermo, 1900

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 507-508.

¹⁰⁶ Чернов В.М. *Типы...* № 10. С. 212.

труда, чем в покупке или аренде парцелл. Напротив, в тех странах, где какие-нибудь другие факторы делают покупку земельной парцеллы лучшим, а главное — наиболее верным приложением рабочей силы — там парцеллярное хозяйство растет на счет крупных и средних. Таково развитие Бельгии, Северной Франции, Верхней Италии, некоторой части Южной Германии¹⁰⁷.

Гертц резко критиковал Каутского за стремление втиснуть все аграрные течения в одну формулу. В ответе Гертцу Каутский уточнил свою позицию по этому вопросу. Он заявил, что видит "троякого рода направление эволюции: 1) прирост парцеллярных, карликовых хозяйств при одновременном уменьшении числа всех более крупных; 2) прирост карликовых хозяйств, одновременно с ними крупных при убывании средних и 3) прирост карликовых и одновременно среднего размера хозяйств"¹⁰⁸. Не случайно Чернов назвал книгу Каутского попыткой "замаскировать отступление ортодоксии с целого ряда теоретических позиций ради сохранения остальных"¹⁰⁹. В книге же Гертца он нашел подтверждение собственным мыслям о роли капитала в земледелии, о способности мелкого земледелия конкурировать с крупным, о некапиталистической эволюции земледелия¹¹⁰.

Типология аграрной эволюции у Чернова зиждется на разведении формы и содержания в понятии капитализма. Форма капитализма есть овеществленный накопленный труд в виде машин, орудий, строений, денег и т.п. Он отделяется от живого труда и, сделавшись самостоятельной силой, устанавливает над последним свое господство, "всасывая в себя из него в виде прибавочной стоимости все новые и новые соки"¹¹¹. Содержание капитализма составляет крупная промышленность, вытесняющая мелкую. Это, по сути дела, лишь одна из оболочек крупного производства, обобществляющего труд многих людей, которые выведены таким образом из первоначальной индивидуальной обособленности. Форма и содержание противоречивы: "В то время, как первая есть воплощение антиобщественного, паразитического принципа, последнее, напротив, есть столь же непосредственное воплощение принципа общности, ассоциации сил"¹¹². Так, примером господства формы над содержанием Чернов считал то явление,

¹⁰⁷ Gertz F.O. Die agrarischen Fragen. S. 88-89.

¹⁰⁸ Kautsky K. Zwei Kritiker... S. 299.

¹⁰⁹ Чернов В.М. Типы... № 10. С. 212.

¹¹⁰ Там же. С. 213.

¹¹¹ Там же. № 6. С. 209.

¹¹² Там же.

которое у Ленина названо отработками первого вида, или отработочной системой помещичьего хозяйства, а также паразитический ростовщический капитал¹¹³.

Следующий шаг в развитии взгляда Чернова на капитализм — тезис о "положительных" и "отрицательных" его сторонах, восходящий к рассуждениям В.Г.Короленко о "промышленном гении" как сущности прогресса и капитализме как его "историческом костюме"¹¹⁴. К.Маркс, по мнению Чернова, также сводил все отрицательные стороны к данной форме промышленности — форме капиталистической; все же положительное — к совершенно иному началу — самому общественному процессу труда, взятому независимо от формы¹¹⁵. Капитализм "как таковой", считал Чернов, не имеет положительных черт. То, что записывается в его актив расхожим мнением, должно быть отнесено не к "капиталистической форме промышленности", а к ее содержанию, которому "всегда в этой форме более или менее тесно"¹¹⁶. Правильному пониманию сути дела здесь мешает своего рода абберрация, когда "общественная производительная сила труда кажется созданием капитала". В таком случае страны, где капиталистическая форма промышленности развивается в ущерб содержанию и приводит к хозяйственной депрессии, объявляются страдающими от недостаточного развития капитализма. В качестве выхода рождается струвистский лозунг "идти на выучку к капитализму"¹¹⁷.

Второй случай развития капиталистической формы в ущерб содержанию представляли собой такие специфические отрасли хозяйства, как лесоводство и земледелие. Чернов подчеркнул это особо, сославшись на авторитет Маркса и Энгельса, ибо в таком случае аграрная эволюция выводится из сферы влияния капитализма, возникают основания рассматривать иной, отличный от промышленной сферы, некапиталистический тип эволюции (ассоциа-

¹¹³ Там же. С. 213.

¹¹⁴ Чернов В.М. К вопросу о "положительных" и "отрицательных" сторонах капитализма // Русское Богатство. 1901. № 4. С. 222-254. Короленко видел наивность старого народничества в том, что оно надеялось "получить сущность известного блага, само развитие "промышленного гения" без данной его исторической оболочки". — См.: Там же. С. 223.

¹¹⁵ Там же. С. 245. Истинную революционность учения Маркса Чернов видел не в социальном реформаторстве, а в полном устранении капиталистической формы промышленности, т.е. в освобождении положительных сторон общественного процесса производства в форме непосредственно общественной.

¹¹⁶ Там же. С. 242.

¹¹⁷ Там же. С. 243.

ции, артели, кооперации). Центральной фигурой в ней является крестьянин со своим хозяйством трудового типа.

Таким образом, в результате теоретико-методологического прорыва, осуществленного социалистом Черновым, народническая доктрина обрела второе дыхание. Выход был найден в типологическом представлении о социальной эволюции как сложном многолинейном процессе: каждая национальная экономика (народнохозяйственное тело) проходила свой путь; по мере движения все более прояснялись ее особенности — соотношение формы и содержания буржуазной эволюции, своеобразии эволюции аграрной, где капитализм в принципе не способен на положительную миссию.

Работы Чернова имели скорее публицистический, нежели конкретно-экономический характер. Анализ аграрной эволюции со сходных теоретических позиций был выполнен другими учеными, среди которых выделялись П.А.Вихляев, Н.Н.Черненко и Н.П.Огановский¹¹⁸. Труд Огановского в этом отношении наиболее показателен, ибо представляет собой попытку выявить закономерности аграрной эволюции на максимальной исторической дистанции. К тому времени вышли в свет работы П.И.Лященко и П.П.Маслова, второе издание книги Ленина "Развитие капитализма в России". Отметив важное значение первого издания этой книги, Огановский подверг критике ленинскую концепцию аграрной эволюции как односторонне дифференциалистскую. Причиной ошибки Ленина он считал узкие географические рамки (лишь окраинные губернии Европейской России), малую историческую глубину анализа, а также погрешности в методе, повлекшем за собой преувеличение удельного веса крайних слоев в крестьянстве¹¹⁹.

Более благожелательно Огановский оценил труд Маслова, первое издание которого вышло в 1903 г.¹²⁰. Мысль Маслова о неразработанности аграрной теории была созвучна Огановскому также, как и упрек большинству экономистов в том, что они увлеклись вопросом о распределении и забыли о связи его с "общим

¹¹⁸ Вихляев П.А. Крестьянское хозяйство. Тверь, 1897; он же. Очерки из русской сельскохозяйственной действительности. СПб., 1901; Черненко Н.Н. К характеристике крестьянского хозяйства. Саратов, 1905; Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. I-III. СПб. — Саратов, 1909-1914.

¹¹⁹ Огановский Н.П. Закономерность... Ч. I. СПб., 1909. С. 7-24.

¹²⁰ Маслов П.П. Условия развития сельского хозяйства в России. Опыт анализа сельскохозяйственных отношений. СПб., 1903.

процессом хозяйственной эволюции страны"¹²¹. Сам Огановский также считал, что ни дифференциация, ни нивелировка ничего не доказывают, что "надо прежде установить, в какой исторический момент тот или иной процесс происходит: в момент кризиса, остановки хозяйственной эволюции страны или в момент ее поступательного хода вперед"¹²². Огановский приветствовал стремление Маслова изучать эволюцию сельскохозяйственного производства, но он вовсе не принимал основной логический ряд, выстроенный Масловым: эволюция сельского хозяйства, также как и промышленности, определяется развитием производительности труда; последняя развивается только "техникой" (как в индустрии — машинами); "техника" доступна лишь крупному хозяйству на крупных площадях. Отсюда — неизбежная победа крупного хозяйства над мелким.

Огановский более осторожно относился к закону убывающего плодородия почвы, нежели Булгаков и даже Маслов. Он связывал его с процессом смены систем земледелия. Сельскохозяйственная эволюция представлялась ему как врастание "новых фазисов, систем и приемов труда в старые". Это врастание и является, по мысли Огановского, главным средством борьбы человека с "законом" убывающего плодородия, и "чем дальше идет человечество по пути эволюции, чем сильнее развивается производительность земли вглубь, тем слабее проявляется действие этого "закона"¹²³. Огановский выделил три основных фазиса: 1) доземледельческий фазис. Охотничье и пастушеское хозяйство. Нет приложения труда к земле и развития ее производительности. Наибольшая подвижность населения; 2) экстенсивное развитие производительности земли вширь без увеличения естественного плодородия почвы. Подразделяется на два периода: подвижное переложное земледелие и оседлое трехполье, когда "производительность земли расширяется посредством увеличения до возможного предела площади посевов в экстенсивных системах, внутри уже занятой под пашней территории"; 3) фазис интенсивного развития производительности земли вглубь — развития плодородия одной и той же площади¹²⁴.

Концепция Огановского представляла собой опыт региональной типологии аграрной эволюции, в которой роль движущей силы отводится плотности населения: "Чем быстрее происходит рост

¹²¹ Огановский Н.П. Закономерность... Ч. I. С. 40.

¹²² Там же.

¹²³ Там же. С. 204.

¹²⁴ Там же. С. 205.

населения, тем быстрее сменяются фазисы эволюции, системы хозяйства и усложняются процессы труда. Густота населения прямо пропорциональна производительности земли"¹²⁵. На территории Европейской России Огановский выделил Центр (Московский промышленный, Северо-Западный и Северный районы), 1-й пояс (Центрально-земледельческий, Средне-Волжский, Северо-восточный и Восточный) и 2-й пояс (Заволжье, Новороссия). Проанализировав процессы колонизации, Огановский пришел к выводу, что переход к более интенсивным системам земледелия всюду происходил вследствие сопротивления природы, настойчиво требовавшей от земледельца, чтобы "он сам принял участие в восстановлении запасов почвенных благ посредством улучшенных севооборотов и удобрений"¹²⁶. Крайним пределом экстенсивной распашки земель считался уровень 4/5 территории, за которым расширение запашки невозможно. Быстрая колонизация и распашка земель в Заволжье и Новороссии свидетельствовала о том, что земледельцы шли по линии наименьшего сопротивления — вместо интенсификации земледелия в старых районах устремлялись на новые земли. После того, как в районах второго пояса предел был достигнут (примерно к 80-м гг. XIX в.), переселение повернулось с южного направления на Дальний Восток, Сибирь и Среднюю Азию. Второй пояс становится житницей России¹²⁷.

Социальные процессы в деревне Огановский относил к эволюции распределения, зависящей от таковой в сфере производства. Он считал неоднородность в среде крестьянства явлением всег времени, так как основу неоднородности видел в различиях по количественному составу крестьянской семьи. Логически возможными считались четыре главных вида процессов: 1) уменьшение нижних слоев и возрастание за их счет верхних — подвижка вверх; 2) обратный процесс — подвижка вниз; 3) уменьшение крайних слоев и рост средних — нивелировка; 4) обратный процесс — дифференциация¹²⁸. Односторонние подвижки (термин введен в науку Н.Черненковым) вверх и вниз отражали резкие колебания общего уровня средней обеспеченности хозяйств средствами производства. Двусторонние же процессы (нивелировка и дифференциация) следует считать "результатом общих законов эволюции производства". Следовательно, "сущность закономерного аграрного развития" можно определить лишь по двусторон-

125 Там же. С. 206.

126 Там же. Ч. II С. 420.

127 Там же. С. 420-422.

128 Там же. С. 471.

ним процессам¹²⁹. Огановский считал, что дифференциации нет ни при падении, ни при подъеме уровня хозяйства. Поэтому ошибка Ленина и Маслова состояла в том, что первый принял за дифференциацию подвижку вниз, а второй — подвижку вверх. Единственно же реальной в русской деревне была нивелировка¹³⁰.

Эволюцию распределения до и после реформы Огановский считал диаметрально противоположными. До реформы происходила дифференциация, которая возможна только при концентрации средств производства в немногих хозяйствах. Концентрация земли в руках дворян тогда зависела от политических факторов. После реформы возобладали экономические условия, которые вызвали новый тип эволюции — дробление имений. Рассмотрев процесс мобилизации земли, Огановский высказал следующие суждения: а) дворянское землевладение подверглось "процессу все возрастающего уничтожения"; б) земля переходила от дворян сначала к купцам, а с 70-х гг. XIX в. — к крестьянам. Причем купцы выполняли роль земельных маклеров; в) первые крестьяне на земельном рынке были наиболее богатой частью деревни. Они выступили в той же роли, что и купцы, затем и они уступили трудовым крестьянам, покупавшим землю обществами и товариществами. Затем произошло измельчание и единоличных покупок. Общий вывод о мобилизации земли гласил: "Эволюция землевладения в пореформенную эпоху представляет характерные черты демократизации и дробления ... В общем итоге, от пореформенной мобилизации земли более всего выиграли крестьянские трудовые элементы"¹³¹. Частновладельческое хозяйство также трансформировалось, оно стало более мелким, а потому более устойчивым. Мобилизацию земли следует считать фактически ликвидацией "неустойчивых крупновладельческих единиц, вся сила которых базировалась на чужом крестьянском капитале и труде"¹³².

Огановский допускал усиление неоднородности в крестьянстве пореформенного периода, напоминающее дифференциацию, однако лишь как результат воздействия побочных факторов, не имеющих отношения к аграрной эволюции — это спекуляция на субаренде, вольная продажа вина, перекупка в хлебной торговле (шибай), ростовщичество, приводившие к отслаиванию буржуазных элементов; в то же время податной гнет, нужда в кредите выбивали из колеи слабосильные хозяйства и вызвали их пролета-

¹²⁹ Там же. С. 529.

¹³⁰ Там же. С. 532.

¹³¹ Там же. С. 439, 441.

¹³² Там же. С. 466.

ризации. Однако все эти явления не могли "создать дифференциацию всей массы крестьянства"¹³³.

Итоги исследования закономерности аграрной эволюции сводились к "трем элементарным тезисам": 1) основной принцип эволюции производства — развитие производительности земли, происходящее под влиянием роста и умножения населения; 2) развитие производительности земли, в силу естественных условий производства и вследствие изменений в семейном составе населения, ведет к дроблению земли и прочих средств производства между возрастающим числом отдельных самостоятельных хозяйств. Нормальный тип дробления — *ивелировка*, ненормальный, возникающий при падении производительных сил страны — *подвижка вниз*; 3) политические факторы вносят в этот органический процесс эволюции распределения дифференцирующее начало. Пока они обладают достаточной силой, они выбивают течение эволюции из ее природного русла; когда они теряют значительную долю своей силы — эволюция распределения начинает опять идти нормальным ходом¹³⁴.

В противовес марксистам, *Огановский* считал неустойчивым не средний слой крестьянства, а крайние полюса — крупное землевладение (он называет его крупнокапиталистическим хозяйством) и мелкокрестьянские парцеллы: первое слабо запасами труда и капитала на единицу площади и экстенсивностью своего производства, второе — избытком труда и капитала, не находящих продуктивного применения на ничтожных участках. В связи с этим он рассматривал в качестве возможных для России либо английский и американский, либо германский вариант эволюции. Крупные хозяйства при дроблении могут переходить в разряд мелкокапиталистических (средних), как в Англии и США, или поглощаться среднекрестьянскими, как в Германии. Размышляя над результатами *столыпинской* реформы, *Огановский* высказал предположение о том, что "земледелие Германии, может быть, во многих отношениях является прообразом будущего земледелия России"¹³⁵. Он отмечал, что все зависит от того, кто воспользуется ускоренным отмиранием слабых и неустойчивых хозяйств — среднекрестьянское, как в Польше или Германии, или крупнокрестьянское, мелкокапиталистическое хозяйство. Исходя из своей концепции "нормального" и "ненормального" хода эволюции, *Огановский* возражал против ставки на "крепких" и "сильных" мужичков,

¹³³ Там же. С. 484-485.

¹³⁴ Там же. С. 612-613.

¹³⁵ Там же. С. 508.

ибо "если политические факторы и благоприятны сейчас этому верхнему слою крестьянской массы, то хозяйственные условия, при неизбежной интенсификации земледелия, должны будут в конце концов перетянуть, как и в Германии, в сторону средних групп, за которыми много шансов окончательной победы в борьбе за землю"¹³⁶.

Работа Огановского давала историческую санкцию повороту аграрной теории к крестьянскому хозяйству. Идея о том, что крестьянское хозяйство некапиталистического вида есть тот экономический тип, к которому стремится аграрная эволюция на всем своем протяжении, была поддержана многими экономистами. Сходные мысли высказывал, к примеру, профессор В.А.Косинский¹³⁷. Он выдвинул концепцию раскапитализации сельского хозяйства как всеобщей тенденции его развития: громадные имения, возникшие в крепостную эпоху, после 19 февраля 1861 г. "волею истории превратились в капиталистические предприятия <...>. Сельское хозяйство, попавшее в новые условия, коренным образом изменившие природу сельскохозяйственных предприятий, превратившие их из **рабовладельческих** предприятий в **капиталистические**, должно было приспособиться к своим новым судьбам. И это приспособление все яснее и яснее принимает очертания перехода сельскохозяйственного производства в руки крестьянства, в руки трудящихся масс"¹³⁸.

Косинский решительно выступил против объяснения аграрного кризиса из природы крестьянского хозяйства. Он считал, что "в экономической природе крестьянского хозяйства нет сил, которые влекли бы его к разорению. Разрушающие крестьянское благосостояние факторы принесены извне". Поэтому тот упадок, которому подверглось крестьянское хозяйство к концу XIX в., вовсе не противоречит утверждению, что оно представляло собой "сильную, вполне жизнеспособную форму предприятия, даже более жизнеспособную, чем капиталистические"¹³⁹. Косинский считал, что две вещи угнетают хозяйство крестьянина: малоземелье и "культурно-правовое убожество всего населения России". Поэтому политическая реформа и энергичная мобилизация земли в сторону трудового крестьянства способны устранить эти внешние

¹³⁶ Там же. С. 510.

¹³⁷ Косинский В.А. К аграрному вопросу. Вып. I. Крестьянское и помещичье хозяйство. Одесса, 1906; он же. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы. Пг., 1917 и др.

¹³⁸ Косинский В.А. К аграрному вопросу. С. 531-532.

¹³⁹ Там же. С. 530.

негативные условия. Особенно важным в построениях Косинского был тезис о том, что сама объективная эволюция сельского хозяйства идет именно в этом направлении.

В первой четверти XX века общественная мысль была прикована к конкретике столыпинской реформы. Поэтому новая волна теоретических трудов по аграрной эволюции пришла на время, когда определились ее первые результаты. Сформировалось новое направление, получившее наименование организационно-производственной школы. Наиболее яркой чертой новых трудов по аграрной эволюции было стремление выявить ее закономерности, погружаясь внутрь микрокосма, именуемого крестьянским хозяйством. В работах ученых новой школы получил завершение процесс эволюции самой аграрно-теоретической мысли, которая сливается в единый поток с собственно сельскохозяйственной наукой¹⁴⁰. Чисто технологические вопросы приобрели экономическое звучание, породив новые эволюционные теории, основанные не просто на смене систем земледелия (как у Огановского), но на прогрессе крестьянского хозяйства как живого и развивающегося явления. Приоритет в осмыслении всей этой проблематики следует отдать фундаментальной монографии Н.П.Макарова¹⁴¹. Критико-методологический очерк, предваряющий конкретное содержание ее, представляет собой наиболее глубоко продуманный и всесторонний анализ теоретических корней "организационно-производственной школы". Из него видно, что новая школа возникла на базе русской традиции, в центре внимания которой был крестьянин, а также западной экономической мысли, особенно новейших ее течений в лице сторонников теории организации капиталистического сельскохозяйственного предприятия. Наиболее видными представителями ее были немецкие экономисты-аграрники Т.Гольц, Ф.Эребо (Азробоз), Ф.Ватерштрадт и швейцарец Э.Лаур. Их труды были переведены на русский язык и изданы¹⁴². Наиболее близким к построениям организационной школы Макаров считал Эребо, чей труд "мог бы быть довольно завершенной

¹⁴⁰ Процесс этого слияния проследил А.В.Чаянов в своем блестящем очерке об основных линиях развития русской сельскохозяйственной мысли (см.: примечание 30).

¹⁴¹ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция Т. I. М., 1920.

¹⁴² Гольц Т. Оценка земель и имений. Вып. I. Цели и виды таксации земель: Пер. с нем. О.А.Хауке. М., 1905; он же. Сельскохозяйственное счетоводство. 3-е изд.: Пер. с нем. В.Э.Брунста / Под ред. и с примеч. А.Ф.Фортунатова. М., 1925; Азробоз Ф. Основы сельскохозяйственной экономики. Пер. с нем. / Под ред. Б.Д.Бруцкуса. СПб., 1912; Лаур Е. Введение в экономию сельского хозяйства: Пер. с нем. А.К.Солдатова. Предисл. С.С.Базыкина. М., 1925 и др.

Н.П.Макаров

формулировкой и наших течений, если бы его построения были сделаны в приложении к трудовому, а не капиталистическому хозяйству"¹⁴³.

Основная идея "организационников" — идея субъективной целостности и единства крестьянского хозяйства — ярче всего (кроме самого Макарова) представлена в работах А.В.Чаянова, Б.Д.Бруцкуса и А.Н.Челинцева¹⁴⁴. Она состоит в следующем: 1) хозяйство есть сложная система связей между частями на службе целому; 2) в хозяйстве всегда есть идея цели; 3) хозяйство всегда представляет собою нечто социально целое; 4) при всех воздействиях внешнего мира хозяйство, как организация, есть некоторая самостоятельность не только в субъективном, но и в объективном (организационном) отношении¹⁴⁵.

Взгляд в прошлое русской экономической мысли сквозь призму такого подхода обнаруживает ряд идей, очень близких новой школе. К числу таковых относятся идея потребительского характера крестьянского хозяйства, которую развивал Булгаков, принцип "продовольственного минимума" Маслова. Огановский сближал потребительный принцип с натуральностью и даже требовал признать полунатуральность неперемennым условием крестьянского хозяйства¹⁴⁶. Макаров здесь становился на сторону марксистов (и прежде всего Ленина), которые вполне обоснованно "срывают с крестьянского хозяйства эту "натуральную" пелену и рисуют его как товарное хозяйство"¹⁴⁷.

В завершенном виде идея потребительности представлялась Макарову в семейно-трудовой теории Чаянова, который развивал взгляд Н.Черненкова на семью как "потребительное и производи-

¹⁴³ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство... С. 13.

¹⁴⁴ См.: Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Крестьянское хозяйство: Избр. труды. М., 1989; он же. Организация крестьянского хозяйства // Там же; Бруцкус Б.Д. К критике учений о системах хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1909. № 9; Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. 2-е изд. М., 1928.

¹⁴⁵ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство... С. 70.

¹⁴⁶ См.: Огановский Н.П. Закономерность... Ч. II. С. 538. Сюда же можно отнести работы Н.А.Каблукова, П.А.Вихляева, Н.А.Быковского.

¹⁴⁷ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство... С. 70.

тельное начало крестьянского хозяйства"¹⁴⁸.

Но Чаянов пошел значительно дальше простых подсчетов и сопоставления численности семьи. Он проник внутрь семейно-хозяйственных отношений и выделил категории "едоков" и "работников", что позволило ему определить связь между субъективным пониманием крестьянского хозяйства как хозяйства потребительного и социально-экономическим пониманием его как соединения в одной семье владения, организаторской и исполнительской деятельности. По выражению Макарова, результатом исканий русской экономической мысли стало "синтезированное понимание потребительно-трудового семейного хозяйства, в котором между потреблением и трудом есть взаимная неразрывная внутренняя связь"¹⁴⁹. Это хозяйство с предельно выгодным трудовым напряжением, с распределением труда по отраслям в соответствии с потребительным планом субъективных оценок по законам предельной полезности трудовых затрат и получаемых благ.

Представления Макарова об аграрно-крестьянской эволюции вобрали в себя многое из идейного багажа предшествовавших поколений экономистов. Задачей теоретического анализа эволюции он считал "установление смены явлений во времени с учетом взаимодействия сменяющихся явлений с той средой, в которой происходит эта смена; все это делается в перспективе историко-типического изображения явлений"¹⁵⁰. Он не ограничивал содержание эволюции непременно прогрессивным развитием, а также не исключал периодов революционных перемен в ее рамках. Различалась эволюция для индивидуальных хозяйств ("процесс приспособления к неостанавливающейся смене условий, определяющих существование и организацию хозяйства") и эволюция "всего социального массива крестьянских хозяйств вместе с изменениями внутри этого массива". Сердцевину крестьянского хозяйства составляют количественно выраженные "семья-едоки" и "семья-работники". Находясь в постоянном "вибрационном" движении, они варьируют плотность населения с потребительской и рабочей точки зрения. Эти колебания приводят к организационным изменени-

А. Н. Челинцев

¹⁴⁸ Там же. С. 71.

¹⁴⁹ Там же. С. 75-76.

¹⁵⁰ Там же. С. 128.

ям, так как хозяйство стремится восстановить свое целостное единство в случае изменения отдельной его части"¹⁵¹.

Массовая эволюция понимается как количественное изменение в соотношении крестьянского населения с некрестьянским (несельскохозяйственным), как перегруппировка социально-экономических форм и распределения между ними общественного дохода. Таким образом, приспособление к новым экономическим условиям происходит на уровне всего массива хозяйства и каждой социально-экономической группы, слоя, типа хозяйств (полупролетарский, потребительно-трудовой, капиталистически-трудовой и т.п.) в отдельности. Из всех условий или факторов такого рода аграрной эволюции Макаров выделил рынок, плотность населения, "закон убывающей производительности" и технику как проявление состояния производительных сил. Каждой стадии эволюции соответствует свой определенный тип организационно-производственного равновесия хозяйства. Он мыслил три типа процессов, выводящих хозяйство из "организационно-производственного равновесия натуральной стадии": 1) рост населения (точнее — рост семьи). Он вызывает расширение запашки, а при достижении предела — интенсификацию производства (чаще как возрастание нормы самозэксплуатации, нежели как улучшение агрикультуры). Затем наступает некий предел, при котором дальнейшая интенсификация труда делает невозможной натуральную "гармонию производства". Хозяйство вынуждено специализироваться, следовательно, идти на рынок. Здесь инициатива эволюции принадлежит плотности населения как внутреннему фактору хозяйства. Поскольку инстинкт размножения постоянен, то такой тип эволюции есть "нормально мыслимый эволюционный процесс"¹⁵².

Второй тип изменений в условиях, сдвигающих хозяйство из натуральной стадии, — неравномерность в развитии районов, когда далеко ушедший в эволюции район воздействует на отстающих, развивая обмен как добавление к натуральному хозяйству. Рынок в данном случае выступает как внешняя сила, влекущая хозяйство на путь организационной перестройки перспективной большого богатства. Настоящую революцию здесь производит паровой транспорт, что, впрочем, не устраняет еще "потребительнотрудовой психологии хозяйства"¹⁵³. Наконец, третий фактор, вы-

151 Там же. С. 130-131.

152 Там же. С. 149-150.

153 Классическим исследованием этой революции считался фундаментальный труд А.И.Скворцова. — См.: Скворцов А.И. Влияние парового транспорта на сельское хозяйство / Исследование в области экономики земледелия. В., 1890; он же. Осно-

бывающий хозяйство с его замкнутой натуральной орбиты, — воздействие правовых моментов (завышенные налоги государству, заставляющие крестьянина развивать товарные отрасли).

Вершиной теоретических изысканий русских аграрников в указанном направлении является творчество А.В.Чаянова¹⁵⁴. Его теория трудового крестьянского хозяйства есть, по сути дела, вторая (после Чернышевского) попытка создать экономическую теорию трудящихся. Чаянов пришел к выводу, что, как предприятие семейное, трудовое хозяйство не вписывалось в категориальную систему классической политэкономии. Большею частью крестьянские хозяйства России (так же, как и Индии, Китая, большинства неевропейских государств) не соответствовали понятиям капиталистической экономики ("капитал", "процент", "абсолютная рента", "заработная плата" и т.п.)¹⁵⁵. Однако абсолютно новые термины не могли быть созданы, ибо крестьянское хозяйство существовало в условиях капиталистического общества, и часть явлений в его структуре покрывалась терминами классической теории, что специально отмечал Макаров¹⁵⁶.

Для нас наиболее значимыми являются два аспекта исследований Чаянова: теоретический (концепции природы крестьянского хозяйства, типов его дифференциации, а также сельскохозяйственной эволюции в целом) и методологический (критерии для типологии аграрной эволюции, метод изоцен и т.п.). Чаянов исходил из того, что "хозяйство крестьянское есть прежде всего хозяйство семейное, весь строй которого определяется размером и составом хозяйствующей семьи, соотношением ее потребительских запросов и ее рабочих рук"¹⁵⁷. В нем иначе, нежели в капиталистическом, понимается выгодность. В рублях может быть выражен валовый доход и материальные издержки, но сам труд в деньгах не выражается. Он может сопоставляться с рублями, но при этом каждая семья будет весьма субъективно ценить трудовые усилия своих членов, в зависимости от степени удовлетво-

вы экономики земледелия. Ч. I-III. СПб., 1900. Макаров считал, что русский марксизм слишком преувеличил значение рынка, сделав его главным фактором эволюции хозяйства.

154 См.: Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства; он же. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства; он же. Природа крестьянского хозяйства и земельный режим // Природа крестьянского хозяйства и земельный режим: Труды III Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. М., 1918. Вып. I; он же. Что такое аграрный вопрос? М., 1917 и др.

155 Чаянов А.В. К вопросу теории... С. 115.

156 Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. С. 16-17.

157 Чаянов А.В. Природа крестьянского хозяйства. С. 2.

А. В. Чаянов

ния ее потребностей, тяжести труда и многих других показателей. Семья озабочена не оплатой единицы труда (рабочего дня), а оплатой всего рабочего года, так как "главной задачей трудового хозяйства является покрытие годового потребительского бюджета семьи"¹⁵⁸. При таком хозяйстве из сложной системы неразрывно связанных между собой категорий экономической теории капиталистического общества, с помощью которых рассчитывается ключевой показатель рентабельности, выпадает категория заработной платы. Следствием этого является отсутствие феномена чистой прибыли.

По мнению Чаянова, в случае с семейно-трудовым хозяйством имеет место трудовой доход, носящий нерасчлененный характер¹⁵⁹.

Размеры трудового дохода определяются следующими основными факторами: численностью и составом трудящейся семьи, производительностью трудодня и степенью самоэксплуатации (степень "напряженности рабочей силы"). Крестьянское хозяйство, особенно в условиях малоземелья, способно к значительно большей интенсификации труда, нежели капиталистическое. Для последнего предел ставит снижение чистой прибыли, начинающееся с определенного момента под воздействием закона убывающего плодородия. Семейное же хозяйство может игнорировать потери в зароботке на единицу трудозатрат во имя роста конечного валового дохода за год. Оно имеет при этом возможность полностью использовать свою рабочую силу и прокормить семью. По этой же причине малоземельные крестьяне выплачивают годовые аренды, превышающие ренту, покупают землю по ценам, значительно превышающим капитализированную ренту. Чаянов подчеркивал, что "эта-то способность крестьянского хозяйства повышать свою интенсивность под давлением уплотнения населения выгодно отличает его с народнохозяйственной точки зрения от хозяйства капиталистического, интенсифицирующегося только под давлением роста цен"¹⁶⁰.

Демографический фактор в крестьянском хозяйстве Чаянов считал одним из главных. Он сформулировал идею эластичного земельного режима при семейном укладе хозяйства, как бы

¹⁵⁸ Там же. С. 3.

¹⁵⁹ Чаянов А. В. К вопросу теории... С. 117-119.

¹⁶⁰ Чаянов А. В. Природа крестьянского хозяйства. С. 3.

пульсирующего размера землепользования: "Молодая крестьянская семья, состоящая всего из супружеской пары с малолетними детьми, чрезвычайно маломощна в хозяйственном отношении до того момента, пока старшие дети не достигнут полурбочего возраста. Зато ее силы начинают усиленно возрастать, когда младшее поколение один за другим вступает в работу. Взрослая сложная семья с несколькими работниками, организующая свою работу по принципу сложной кооперации, достигает наибольшей рабочей мощи, при которой силы каждого входящего в ее состав работника намного превышают силы такого же работника в молодых семьях. Сообразно росту сил растут и размеры хозяйственной деятельности и площадь эксплуатируемой земли, пока, наконец, старая сложная семья естественно не начнет распадаться на ряд молодых, выделившихся из нее. Силы постепенно будут падать, сократится и возможная площадь обработки. Этот сжимающийся и разжимающийся объем хозяйственной деятельности отличает трудовое хозяйство от капиталистического, в котором организационный план определяется постоянными величинами капитала или территории и не имеет внутренних стимулов к изменению"¹⁶¹.

Комплекс воззрений на природу трудового крестьянского хозяйства определял и методологические позиции Чаянова в его исследовании аграрной эволюции. В наиболее концентрированном виде он излагал их дважды. В начале 1927 г. состоялась дискуссия о дифференциации крестьянства, на которой Чаянов выступил с кратким концептуальным докладом, опубликованном затем в виде статьи в журнале "Пути сельского хозяйства"¹⁶². Он предложил исходить из тех условий, в которых образовались демографический состав страны и "штандарт ее сельского хозяйства". По этому признаку мировая эволюция делилась на два типа: 1) страны, где размещение населения и сельскохозяйственного производства происходило уже в условиях товарного хозяйства (Америка, Австралия, некоторые страны Нового Света и некоторые страны Западной Европы). Здесь все определено рынком. Он диктует расположение систем хозяйства, создает зоны с повышенным требованием на рабочие руки. Чаянов разработал весьма

¹⁶¹ Там же. С. 4-5.

¹⁶² См.: Чаянов А.В. О дифференциации крестьянского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1927. № 5. С. 101-121; см. также: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 144-159.

эффективный метод изучения пространственного развития аграрного рынка — метод изоцен¹⁶³. По линиям изоцен концентрировались зоны отдельных систем хозяйства, рассаживалось население; 2) страны, в которых "штандарт сельского хозяйства" формировался на натуральной основе. Здесь изоцены не складываются и не определяют размещение населения. Оно подчинено другим факторам — естественно-историческим условиям (наиболее плодородные районы) и стратегическим интересам государства, направляющим миграционные потоки".

При переходе страны от натурального хозяйства к товарному возникает дисгармония между наличным размещением населения и требуемым в интересах рынка. Чаянов считал такую дисгармонию основой для всей истории хозяйства России XIX в.¹⁶⁴. Он установил, что наиболее высокие изоцены хлебов тяготели к морским портам и неземледельческим областям, а наиболее низкие — к самым хлебородным. Следовательно, "штандарт сельского хозяйства" России (до развития парового транспорта) складывался на натуральной основе, что и породило аграрное перенаселение в центре и на юго-западе Европейской России, а также "развитие кабальных форм взаимоотношений между хозяйствами"¹⁶⁵. Кабальную эксплуатацию Чаянов считал полным антиподом процесса фермеризации. Процесс развития ростовщического кредита, "предоставление на кабальных условиях средств производства и т.п. — "этот процесс совершенно другой, чем создание фермерского типа хозяйства, потому что он почти прямо предполагает отсутствие фермерского хозяйства и как раз дает наиболее пышные ростки в условиях натурального хозяйства"¹⁶⁶.

По мнению Чаянова, в аграрной эволюции следует видеть по крайней мере четыре процесса, имеющие каждый особую социально-экономическую сущность: перерождение крестьянского хозяйства в фермерский тип, дифференциацию сельскохозяйственного населения на аграрный и индустриальный тип, развитие кабального типа аграрных отношений, дифференциацию производственного типа (специализация семенных, племенных, транспортных и т.п. предприятий), причем все эти четыре процесса совершаются на фоне обычной демографической дифференциации. Чаянов

¹⁶³ См.: Чаянов А.В. Изоцены ржи 1909-1913, 1917 и 1920 гг. // Крестьянское хозяйство. С. 110-113.

¹⁶⁴ Чаянов А.В. О дифференциации. С. 145-147.

¹⁶⁵ Там же. С. 147.

¹⁶⁶ Там же. С. 149.

указывал, что "если бы даже в крестьянской среде не существовало никакой социальной и капиталистической дифференциации, а находились бы в действии только обычные бытовые процессы развития крестьянской семьи с момента выделения из отцовского дома до момента постепенного обрращения едоками и работниками и конечного земельного раздела, начинающего новые циклы развития, то при общинном землепользовании и краткосрочных арендах это было бы достаточно для сильной дифференциации по уровню посевных группировок и скоту"¹⁶⁷. Отсюда становится ясно, почему Чаянов отвергал посевные и т.п. группировки как показатель процесса перерождения семейного хозяйства в фермерское и отдавал предпочтение "непосредственным измерителям капиталистических отношений в хозяйстве". Более приемлемым он считал т.н. "коэффициент Немчинова" (суммарный учет отношений найма рабочей силы, найма и сдачи лошадей и инвентаря), но отметил его несовершенство при "отделении процесса образования фермерских хозяйств от процесса развития кабальных форм эксплуатации"¹⁶⁸. Выход он видел в расчленении коэффициента Немчинова для отдельного учета отношений найма (чистый фермерско-капиталистический тип), кабально-бытовых форм эксплуатации (помимо учета сдачи и найма лошадей и инвентаря, следует принять во внимание еще кредитные отношения и аренду). Наконец, при учете использования инвентаря и лошадей следует избегать смешивания кабалы с особыми капиталистическими предприятиями обслуживающего типа (производственная дифференциация).

Сам Чаянов предпочитал пользоваться показателями капитализации хозяйств, чаще всего — размером основного капитала на хозяйство, а затем пришел к выводу, что "гораздо более целесообразно пользоваться размером авансируемого оборотного капитала плюс амортизация основного или даже просто ежегодными расходами на воспроизводство капитала в хозяйстве, хотя это и менее показательно благодаря обычному для мелкохозяйства прерывистому типу восстановления основного капитала"¹⁶⁹.

Во второй раз Чаянов обратился к проблеме аграрной эволюции в связи с запиской в комиссию по подготовке тезисов по вопросу о работе в деревне для XV съезда партии большевиков от 6 октября 1927 г. Записка, на которую у Чаянова было всего не-

¹⁶⁷ Там же. С. 151.

¹⁶⁸ Там же. С. 157.

¹⁶⁹ Там же. С. 158.

сколько часов, надолго осела в архиве ЦК КПСС и была опубликована лишь в 1989 г.¹⁷⁰. Небольшой по объему текст представляет собой популярное изложение типологической концепции великого русского экономиста-аграрника во всей ее полноте. Чаянов исходил из биполярности мирового аграрного строя: тип американского хозяйства, основанного на фермере, лично работающем в своем хозяйстве с двумя-тремя наемными рабочими. Его условия – "дешевая земля, дорогой труд, экстенсивное малотрудоемкое земледелие с большим вложением капитала и широко проведенной механизацией"¹⁷¹. Оно полностью контролируется капиталистической инфраструктурой (банки, элеваторы, торговые кампании и т.п.); восточный тип (Китай, Индия и т.д.) – полная противоположность первому: дорогая земля, дешевый труд, сверхинтенсивные и самые трудоемкие системы земледелия, отсутствие машин... При этом аграрное перенаселение, семейные формы хозяйства, кабала в сфере аренды, кредита, найма на работу.

Аграрный строй России (до мировой войны), по словам Чаянова, представлял собой "порайонную смесь этих двух типов, или точнее – смесь тенденций в отношении этих двух типов"¹⁷². Накануне войны деревня была "на жесточайшем переломе", переходя от "феодалного строя к товарному". В аграрно перенаселенных районах России было "некоторое подобие китайского земельного режима – семейные формы хозяйства, дешевый труд, взвинченные цены на землю и пышный расцвет кабальных отношений и докапиталистических форм дифференциации крестьянских хозяйств"¹⁷³. На юге, юго-востоке и востоке страны, где господствовало экстенсивное земледелие и продолжался колонизационный процесс, Чаянов отметил "быструю эволюцию в сторону американских форм хозяйства, быстрое изживание докапиталистических форм семейного хозяйства, нарастание элементов фермерского типа с машинной техникой и энергичную замену докапиталистических и кабальных форм дифференциации, доподлинно капиталистической. Даже и в народнохозяйственном отношении хозяйственный строй этих районов приближался к капиталистической Америке – высокая товарность, инвестирование значительных капиталов кредитного происхождения, развитие вертикальных кон-

170 Чаянов А.В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 211-219.

171 Там же. С. 211.

172 Там же.

173 Там же. С. 212.

центраций как в капиталистических, так равно и в кооперативных формах, словом, начальная фаза всех элементов, составляющих сущность американской организации земледелия"¹⁷⁴.

Приведенные цитаты настолько ясно отражают концепцию Чаянова, что вряд ли нуждаются в комментариях. Нам остается добавить лишь несколько важных штрихов. Развитие капитализма в крестьянском хозяйстве Чаянов связывал, по сути дела, лишь с фермерской тенденцией, ибо кабальную дифференциацию, так же как и демографическую, считал пережитком натурального строя, который "вовсе не свидетельствует нам о развитии элементов капитализма"¹⁷⁵. Само фермерское хозяйство может возникать в виде вкрапления полутрудовых хозяйств в основной массив крестьянского аграрного строя. В нем, наряду с рабочей силой семьи, может использоваться наемный труд, но не в такой степени, чтобы придать ему капиталистический характер. Все эти наблюдения вывели Чаянова на чрезвычайной важности типологический тезис: в реальной экономической жизни редко встречается какой-либо "народнохозяйственный уклад в виде "чистой культуры". Экономические системы сосуществуют обычно рядом и порождают весьма сложные конгломераты. Анализируя прошлое экономики, мы еще долго и часто, если не постоянно, будем свидетелями такого сосуществования форм"¹⁷⁶.

Таким образом, одной из важнейших черт аграрно-эволюционной концепции Чаянова было представление о многоукладном характере хозяйственного строя. Так, в России после освобождения крестьян "существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо сравнительно малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала капитализированная рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам"¹⁷⁷. Важное значение для экономики страны как существующих, так и ушедших в прошлое социально-экономических укладов было для Чаянова настолько очевидным, что он видел будущее экономической науки не в создании одной универсальной теории, а в разработке ряда адаптированных к этим укладам теоретических систем.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Чаянов А. В. О дифференциации крестьянского хозяйства... С. 159.

¹⁷⁶ Чаянов А. В. К вопросу теории... С. 142-143.

¹⁷⁷ Там же. С. 143.

ГЛАВА III. КОНЦЕПЦИЯ ДВУХ ПУТЕЙ БУРЖУАЗНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Пламя первой российской революции с беспощадной ясностью высветило самые затаенные уголки аграрного строя. Широкое движение крестьянства не оставляло больше никаких сомнений насчет его стремления обратить землю в общенародное достояние. Это обстоятельство должны были учесть все политические силы, претендовавшие на поддержку деревни, на союз с крестьянством. Из таких именно программно-прагматических соображений и выросла знаменитая ленинская концепция двух линий развития и исхода революционных событий, превратившаяся затем в концепцию двух путей аграрно-капиталистической эволюции России.

Поскольку новая концепция была для Ленина теоретическим прорывом, шагом по теоретической целине, необходимо учесть его общие представления о диалектике познавательного процесса, изложенные в "Философских тетрадах": "Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. без конца"¹⁷⁸. Этот общегносеологический процесс реализуется через следующий общеметодологический принцип познания: "Раздвоение единого и познание противоречивых частей его <...> есть суть (одна из "сущностей", одна из основных, если не основная, особенностей его черт) диалектики"¹⁷⁹. Отсюда — две концепции развития (эволюции), что особенно важно подчеркнуть: "Развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие, как единство противоположностей... Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая жизненна"¹⁸⁰. В ходе конкретно-познавательной деятельности этот общегносеологический процесс реализуется с помощью общенаучного метода восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. Судя по наиболее адекватным интерпретациям, принадлежащим И.Д.Ковальченко, категория "конкретное" выступает как познаваемая объективная реальность, а также как отражение объекта познания сознанием познающего субъекта, но уже в единстве явления с его внутренней сущностью. Далее, "единство достигается на высшей стадии познания, когда знание об объекте выражается в форме конкретно-теоретического знания. Следовательно, "конкретное" имеет онтологическое, т.е. предметно-конкретное,

¹⁷⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

¹⁷⁹ Там же. С. 143.

¹⁸⁰ Там же. С. 317.

и гносеологическое, т.е. мыслительно-конкретное, выражение. В первом своем проявлении оно выступает как исходный пункт познания, а во втором — как его конечный результат¹⁸¹. Не исключено, что говоря о теоретическом прорыве, воплощенном в концепции двух путей, мы должны иметь в виду именно эту теоретико-методологическую подпочву, а не сводить вопрос к простой новизности банальной типологической процедуры, как это сделано М.А.Баргом¹⁸².

В.И.Ульянов

Но правомерно ли такое допущение? Можно ли утверждать, что уровень сущности, схваченный в концепции двух путей, был на порядок выше, нежели тот, который выражен книгой "Развитие капитализма в России"? Судя по письму Ленина к И.И.Скворцову-Степанову, в котором концепция выглядит в наиболее завершенной форме, в основу ее была положена идея момента развития как качественной определенности. Момент развития капитализма в России на рубеже веков состоял в том, что оно еще не уложилось в единый тип, который тем или иным способом завершил бы преобразование старых форм хозяйствования и землевладения и снял тем самым старое противоречие между феодализмом и капитализмом.

Важнейшей характеристикой качественного своеобразия переживаемого Россией в начале XX в. момента было особое значение аграрного вопроса, который "и есть теперь в России национальный вопрос буржуазного развития"; "именно здесь теоретическая основа, и именно сюда надо свести все частные вопросы"¹⁸³. В свою очередь, аграрный вопрос — это вопрос о борьбе двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве. Это "нечто большее, более сложное, нечто новое", чем доказательство капиталистического характера аграрных отношений. Поэтому "нельзя оставаться при общем решении вопроса о капитализме, когда новые события (и события всемирно-исторической важности, каковы 1905-1907 гг.) поставили вопрос более конкретный, более детальный, вопрос о борьбе двух путей или методов капиталистического аграрного развития"¹⁸⁴. Как видим, решение вышле-

¹⁸¹ Ковальченко И.Д. Методы... С. 145-146.

¹⁸² Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 205.

¹⁸³ Ленин В.И. Письмо И.И.Скворцову-Степанову... С. 231-232.

¹⁸⁴ Там же. С. 228.

шеуказанной антиномии было найдено в типологии аграрного развития как чисто капиталистического. Поэтому Ленин при подготовке второго издания книги "Развитие капитализма в России" утверждал, что в ней нечего менять, ибо экономическая основа борьбы двух путей показана со всей ясностью. Дальше альтернатива: "Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, "юнкерское" хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические; либо старое помещичье хозяйство полагает революция, разрушая все остатки крепостничества, и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества"¹⁸⁵.

Итак, первая "линия развития и исхода" революции, так же, как и вторая, вела к капитализации всего аграрного строя. Различие состояло в том, что в первом случае развитие шло бы через внутреннее преобразование крепостнического хозяйства, а во втором — через свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства и его разложение. Переломным моментом в обоих случаях является переход от отработков к капитализму, окончательный и необратимый.

Связь обоих путей с революцией 1905-1907 гг., по мнению Ленина, состояла в том, что их судьба зависела от исхода классово-борьбы. Поскольку революция отличалась ярко выраженным демократическим натиском пролетариата и крестьянства, шансы буржуазно-помещичьего пути сохранялись лишь при ее поражении. Вместе с тем, неудача революционного натиска не означала еще окончательного торжества прусского пути, так как для этого необходим был более или менее длительный период эволюции при преобладающей роли помещика, во время которой должен наступить некий диалектический перелом, "снимающий с очереди все надежды и виды на "американский" путь"¹⁸⁶.

¹⁸⁵ Ленин В.И. Развитие капитализма в России... С. 15.

¹⁸⁶ Ленин В.И. Письмо И.И.Скворцову-Степанову. С. 227.

Поражение революции не означало также и поражения "американского" пути, борьба продолжалась. Окончательному разрешению аграрно-капиталистической альтернативы мешали неустранимые крепостнические пережитки. Буржуазия была заинтересована в их устранении, но отнюдь не революционным. Помещики, выдержавшие революционный натиск с небольшими потерями, со своей стороны, избрали из двух зол меньшее и приступили к ломке аграрных отношений на прусский лад. В этом смысле Ленин писал о политиках типа, близкого к октябристам, как душеприказчиках такой революции¹⁸⁷, о том, что "гг.Столыпины, с одной стороны, либералы, с другой... (выделено нами — П.С.) работают систематически, упорно и последовательно над завершением революции по первому образцу"¹⁸⁸.

Наоборот, победа крестьянской революции и уничтожение крупного землевладения уже означали бы тот диалектический перелом в аграрном развитии, который снимал с повестки дня "немецкие рельсы". Эта возможность была проанализирована Лениным в книге "Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции". В разделе "Из-за чего идет борьба?" приведены две группировочные таблицы. Первая является "схемой исходного пункта" борьбы крестьян за демократическое разрешение аграрного вопроса¹⁸⁹, вторая иллюстрирует "возможный конечный пункт" борьбы¹⁹⁰. Это прогностическая модель, выражавшая в сопоставлении с реальным положением землевладения объективную тенденцию аграрно-крестьянского движения, если берется "лучший мыслимый случай, т.е. все земли крепостнических латифундий и все нераспределенные по владениям земли предположить перешедшими в руки разоренного крестьянства"¹⁹¹. Самым ярким результатом смоделированного Лениным "черного передела" был гигантский рост среднего слоя в крестьянстве. После этого аграрного переворота "американский" капитализм "начинает с более "уравнительного" землевладения, создавая уже из него новое крупное земледелие, создавая его на базисе наемного труда, машин и высокой агрикультурной техники, а не на базисе оработков и кабалы"¹⁹².

¹⁸⁷ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. С. 15.

¹⁸⁸ Там же. С. 16.

¹⁸⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 203.

¹⁹⁰ Там же. С. 205.

¹⁹¹ Там же. С. 204.

¹⁹² Там же. С. 213.

Так же, как и его оппоненты, Ленин обращается за аргументами для своей типологии к аграрным отношениям в Европе. Среди работ на эту тему выделяются две — "Аграрный вопрос и критики Маркса", написанная частями в 1901 и 1907 гг. и печатавшаяся в виде самостоятельных очерков в разное время, а полностью — в 1908 г. в сборнике "Аграрный вопрос"¹⁹³, и "Капиталистический строй современного земледелия", написанная в 1910 г., но не публиковавшаяся до 1932 и оставшаяся практически неизвестной современникам¹⁹⁴. Эти работы содержат анализ положения и развития крестьянского хозяйства в условиях утвердившегося юнкерского капитализма.

Стержневое значение имеет следующее рассуждение: "Капиталистическая эволюция настолько уже сблизила **общий** экономический строй не только западноевропейских государств по сравнению друг с другом, но и России по сравнению с Западом, что **основные черты** экономики крестьянского хозяйства в Германии оказываются те же, что и в России. Только тот процесс разложения крестьянства, который был подробно доказан русской марксистской литературой, в России находится на одной из начальных стадий развития, там он не отлился еще в более или менее законченные формы, не выделил, например, особый и для всех сразу видный и ясный тип крупных крестьян ("гроссбауэров"), там массовая экспроприация и вымирание громадной части крестьянства слишком еще заслоняет "первые шаги" нашей крестьянской буржуазии"¹⁹⁵. Взгляд Ленина противоположен взгляду Чернова. По его мнению, основные черты экономики крестьянского хозяйства и всей аграрной эволюции Германии и России свидетельствуют вовсе не об особом пути, а об отставании последней. Развитие аграрного капитализма приведет в дальнейшем не к усилению различий, как думал Чернов, а наоборот, к унификации общих черт аграрного строя: "Во всех европейских странах наблюдаем мы, после падения крепостного права, разрушение сословности землевладения, мобилизацию земельной собственности, обращение торгово-промышленного капитала на сельское хозяйство, рост аренды и ипотечной задолженности"¹⁹⁶. Вот условия, в которых эволюционировало крестьянское хозяйство и в Германии, и в России, однако степень продвинутости по этому пути была существенно различной.

¹⁹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5.

¹⁹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19.

¹⁹⁵ Ленин В.И. Аграрный вопрос и "критика Маркса". С. 187.

¹⁹⁶ Там же. С. 116.

Верный своей дифференциалистской методологии, Ленин выделил в аграрном строе Германии основные хозяйственные типы. Основные черты крупного капиталистического земледелия: "Большинство хозяйств (3/4-9/10) употребляют машины, и начинает складываться система машин: на каждое хозяйство приходится более одного случая употребления машин; из крупных крестьян 93% не обходятся без найма рабочих"¹⁹⁷ (баденская анкета); несовпадение площади хозяйства и размеров производства, свидетельствующее об интенсификации хозяйства, когда рост размеров производства сопровождается сокращением площади; резкое усиление концентрации капиталистического земледелия за счет некоторых специальных отраслей торгового земледелия, которые "растут особенно быстро именно в Европе и особенно характерны для процесса его капиталистической эволюции"¹⁹⁸.

Мелкое крестьянское земледелие ("Kleinbauer'y"). Из подробнейшей баденской анкеты видны следующие его черты: "Половина мелких крестьян в течение двух месяцев, т.е. в самый важный для земледельца период, не обходится без наемного труда..."; "мелкий крестьянин в буквальном смысле слова едва-едва сводит концы с концами, и это только благодаря сокращению потребления"; "в отношении задолженности положения мелких крестьян хуже не только положения средних и крупных крестьян, но и положения поденщиков". Из мелкого хозяйчика формируется тип сельскохозяйственного рабочего, однако "было бы глубокой ошибкой думать, что этот процесс (разложение крестьянства — П.С.), раз были выработаны более или менее определенные формы новых типов сельского населения, приостановился... Пролетаризация крестьянства продолжается..."¹⁹⁹. Изучив немецкую статистику 80-90-х гг. XIX в., Ленин пришел к выводу, что из всего числа земледельцев только 45% "представляют из себя самостоятельных земледельцев и по своему главному занятию"²⁰⁰.

Среднее крестьянское земледелие ("Mittelbauer'y"). Общегерманская статистика показала увеличение удельного веса средних хозяйств как по числу, так и по площади. Однако Ленин не принял тезис Булгакова о вытеснении крупного хозяйства мелким. Он противопоставил выводам оппонента анализ данных о рабочем скоте: число средних хозяйств возросло на 72 тыс., а число державших при этом собственный рабочий скот — всего на 30 тыс.;

¹⁹⁷ Там же. С. 141-181.

¹⁹⁸ Ленин В.И. Аграрный вопрос и "критики Маркса". С. 213.

¹⁹⁹ Там же. С. 187.

²⁰⁰ Там же. С. 194.

именно средняя группа давала наибольший прирост в применении для полевых работ коров вместо волов и лошадей и т.п. На этом основании Ленин сделал вывод, что "истинное значение пресловутого роста средних крестьянских хозяйств — это не рост довольства, а рост нужды, не прогресс мелкого земледелия, а его понижение"²⁰¹.

В заключительных очерках, написанных в 1907 г., Ленин дал характеристику среднего крестьянства Германии 70-80 гг. XIX в. Он опирался при этом на материалы монографического исследования крестьянских хозяйств Ганновера, приведенные немецким аграрником Дрекслером. Эти материалы важны еще и тем, что вместе с крестьянскими хозяйствами по одной программе обследованы и три имения общей площадью в 689 дес. Группировка Дрекслера различает семь типов хозяйства. Ленин свел ее к пяти: а) крупные имения, б) крестьянские хозяйства, имеющие свыше 25 га; в) от 7,5 до 25 га; г) 2,5-7,5 га и д) менее 2,5 га²⁰². По мнению Дрекслера, все хозяйства, с 7,5 и более гектаров не обходятся без применения наёмного труда, а все хозяйства до 2,5 га нанимаются сами. Эта группировка расходится с группировкой общей германской статистики, которая к среднему крестьянству относилась хозяйства от 5 до 20 га, но при этом дает значительно более выразительную картину. По расчетам Ленина, крестьяне, не нанимающие и не нанимающиеся, составляли всего 1/10 часть общего числа, а большинство средних крестьян не обходилось без найма рабочих. Отсюда итог: "Средний крестьяне" в Германии — мелкие капиталисты"²⁰³. Соответственно своей пятичленной группировке, Ленин охарактеризовал пять экономических типов: а) крупные капиталистические хозяйства; б) средние капиталистические ("гроссбуазеры"); в) мелкие капиталистические; г) мелкокрестьянские и д) полупролетарские. Вывод: перед нами ярко выраженный буржуазный по характеру аграрный строй юнкерского типа.

В работе "Капиталистический строй современного земледелия" Ленин продолжил ту же сюжетную линию на материале новейшей немецкой статистики — переписи 12 июня 1907 г., которая позволила Ленину существенно уточнить свою характеристику "прусского типа аграрной эволюции". Прежде всего, он отметил, что "капиталистический строй сельского хозяйства характеризуется отношениями, которые существуют между хозяевами и рабо-

²⁰¹ Там же. С. 203.

²⁰² Там же. С. 236.

²⁰³ Там же.

чими, между хозяйствами разных типов"²⁰⁴. Таких типов три — пролетарский, крестьянский и капиталистический. Эти три классических типа дают "картину экономического строя современного германского земледелия". Отдельное рассмотрение каждого из них вскрывает родовые признаки типа аграрной эволюции.

Так, значение пролетарских "хозяйств" (площадь до 2 га) состояло в том, что "в их лице воплощается связь крепостнической системы общественного хозяйства с капиталистической, их историческая близость и их родство, прямое переживание крепостничества в капитализме"²⁰⁵. Этот вывод является логическим завершением тех отдельных наблюдений, которые содержались в работе "Аграрный вопрос и "критика Маркса" о превращении мелкого крестьянина в батрака и поденщика для помещика"²⁰⁶, о позимствовании сельскохозяйственных машин у крупных хозяев за отработки²⁰⁷, о том, что "крупные хозяева сдают по мелочам отдаленную от центра имения землю, чтобы приобрести себе рабочих"²⁰⁸.

Важная роль принадлежала владельцам клочков земли ("Derputatland") как скрытой резервной армии безработных — необходимого элемента аграрного капитализма именно "прусского типа", ибо он присущ "многим, если не большинству европейских капиталистических стран, но не всем капиталистическим странам". Совершенно иначе, к примеру, выглядел аграрный строй Америки. В Германии же, даже если отбросить все хозяйства площадью до 2 га, все-таки свыше 40% приходилось на мельчайший тип (с 2 до 5 га). Причина такого облика аграрного строя в сохранении традиций крепостничества, в сильном гнете поземельной ренты над сельскохозяйственным производством. Если этого нет, то "капитализм в земледелии может существовать и даже развиваться с особенной быстротой без создания миллионного кадра батраков и поденщиков с наделом"²⁰⁹.

В группе хозяйств до 20 га Ленин выделил хозяйства в 10-20 га, которые считал экономически однотипными с "гроссбуаэрами". Следовательно, прежняя группировка, относившая сюда владельцев 20 и более га, устарела: "Перепись 1907 г. доказала, что употребление наемного труда в земледелии распространено ши-

²⁰⁴ Ленин В.И. Капиталистический строй современного земледелия. С. 326.

²⁰⁵ Там же. С. 331.

²⁰⁶ Там же. С. 176.

²⁰⁷ Там же. С. 170.

²⁰⁸ Там же. С. 196.

²⁰⁹ Там же. С. 334.

ре, чем принято думать, что граница, с которой начинается постоянное употребление наемного труда, должна быть значительно передвинута вниз²¹⁰.

В соотношении семейного и наемного труда Ленин сформулировал следующую тенденцию: "В пролетарских и крестьянских хозяйствах среднее число семейных рабочих постоянно возрастает параллельно росту наемных рабочих, а в хозяйствах капиталистических число семейных рабочих начинает падать при увеличении числа наемных"²¹¹.

Итак, конечный пункт аграрно-капиталистической эволюции "прусского типа", рассмотренный Лениным на материале аграрного строя Германии, обладал рядом характерных черт: верхние ступени социальной лестницы занимали чисто капиталистические хозяйства помещиков-юнкеров и крупных крестьян-гроссбауэров. Им противостоял сложившийся класс сельскохозяйственных рабочих, состоявший из поденщиков, владельцев мелких участков — пролетариев с наделом. Средние слои в крестьянстве совершенно распались. Выделился слой крепких крестьян, пополнивших слой гроссбауэров. Трудовое крестьянское хозяйство представляло собой тончайшую прослойку, насквозь пропитанную мелкобуржуазными чувствами и стремлениями.

Аграрно-типологическая концепция Ленина, исходящая из наличия в аграрном строе России разноречивых тенденций, предполагала американский путь не только как вариант исхода революции, но и как тип эволюции аграрных отношений. Каковы же "родовые черты" этого типа?

Еще в 1900 г. Ленин писал по поводу реформы 1861 г.: "Чем больше земли получали бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем выше был бы жизненный уровень населения, тем быстрее шло бы применение машин к производству, тем больше, одним словом, походило бы экономическое развитие России на экономическое развитие Америки"²¹². Эта мысль затем была развита в статьях, посвященных юбилею реформы. Фундаментальным было понятие "тип хозяйства". Сравнивая крестьянское хозяйство с помещичьим; Ленин говорил о "хозяйствах неоднородных", отличающихся "по самому типу ведения хозяйства": тех в которых "доход извлекается посредством производства сельскохозяйственных продуктов", и тех, в которых "доход извлекается эксплуатацией нужды других хозяйств в зем-

²¹⁰ Там же. С. 336.

²¹¹ Там же.

²¹² Ленин В. И. Развитие капитализма в России. С. 628.

ле (например, хозяйства крестьянское и помещичье в эпоху, непосредственно следующую за реформой 1861 года)²¹³.

Экономические черты коммерческого хозяйства были присущи далеко не всем крестьянским хозяйствам, но лишь тем, о которых Ленин писал, что получаемый ими доход "представляет из себя в значительной степени (если не целиком) доход от капитала в том специфическом значении этого термина, которое придает ему научная политическая экономия"²¹⁴. Проанализировав положение зажиточной верхушки деревни в Днепровском уезде Таврической, Новоузенском уезде Самарской и Камышинском уезде Саратовской губернии, Ленин пришел к выводу, что это, несомненно, буржуазия, главный двигатель хлебного производства. Ее отличительная черта в том, что сила ее "основывается уже не на грабеже других производителей (как сила ростовщиков и "кулаков"), а на самостоятельной организации производства"²¹⁵. Этот вывод, по-видимому, следует считать определяющим в характеристике фермера.

Однако значительно более распространенным явлением русской деревни были "пышные цветы ростовщического капитала, кабалы во всех ее формах"²¹⁶. В каком отношении они стоят к фермерскому хозяйству? Ленин определял их как первичную форму господства капитала. Он считал, что дальнейший буржуазный прогресс поведет к видоизменению формы, "дальнейшей европеизации капитала, перерождению его из торгового в производительный, из средневекового — в новейший"²¹⁷. Зажиточное крестьянство превращается в "мелких землевладельцев и фермеров" тогда, когда оно при наивысшей обеспеченности надельной землей "концентрирует в своих руках массу купчих и арендуемых земель"²¹⁸.

Превращение ростовщического капитала в производительный, кулака в капиталиста-фермера теснейшим образом сопряжено с процессом пролетаризации крестьянства. Свободный капитализм требует свободного от собственных хозяйственных забот наемного рабочего, но это может быть "вполне верно" лишь "как основ-

213 Ленин В.И. Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни / По поводу книги В.Е.Постникова "Южнорусское крестьянское хозяйство" // Полн. собр. соч. Т. I. С. 25.

214 Там же. С. 61.

215 Там же. С. 110.

216 Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве / Отражение марксизма в буржуазной литературе // Полн. собр. соч. Т. I. С. 386.

217 Там же. С. 391.

218 Ленин В.И. Развитие капитализма в России. С. 64.

ная тенденция"²¹⁹. Пореформенная реальность же состояла в том, что "типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный рабочий с наделом"²²⁰. Отсюда столь яркие черты паупера в его облик. Цивилизующая роль фермерского капитализма должна состоять по отношению к нему в уничтожении этого пауперства и в окончательном переводе его на положение чистого пролетария. Поэтому для "американского типа" аграрно-капиталистической эволюции следует считать характерной не пауперизацию, а пролетаризацию беднейшего крестьянства.

Социальная роль среднего крестьянства при этом трактуется в рамках традиционной марксистской концепции разложения крестьянства: среднее крестьянство — это промежуточный слой, размываемый в ходе капитализации аграрного строя. Это также наименее товарный тип хозяйства, находящийся в крайней неустойчивом положении и являющийся опорой отработочной системы помещичьего хозяйства. Таким образом, это исторически обреченный экономический тип русской деревни, он разлагается и степень его разложения служит показателем уровня и темпов капитализации аграрных отношений. Американский путь дает значительно более широкий простор капитализму, следовательно, здесь темпы и масштабы разложения средних слоев крестьянства должны быть значительнее.

Реалии фермерского пути были проанализированы Лениным на материалах аграрной истории развития США²²¹. Называя Соединенные Штаты образцом и идеалом "нашей буржуазной цивилизации", Ленин указал прежде всего на то, что они не имеют себе равных "ни по скорости развития капитализма в конце XIX и начале XX века, ни по достигнутой уже ими наибольшей высоте его развития, ни по громадности площади, на которой применяется по последнему слову науки оборудованная техника, учитывающая замечательное разнообразие естественно-исторических условий, ни по политической свободе и культурному уровню массы населения"²²².

Главное внимание было уделено роли интенсивных факторов сельскохозяйственного производства в условиях победившего фермерства. Своим своеобразным локомотивом аграрно-капиталистиче-

219 Там же. С. 171.

220 Там же. С. 170.

221 Ленин В.И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. I. Капитализм и земледелие в США // Полн. собр. соч. Т. 27.

222 Там же. С. 133.

ского развития США были районы наиболее интенсивного земледелия — Новая Англия и Среднеатлантические штаты. Именно этот промышленно развитый район определял основное направление, преобладающую тенденцию, "главную линию развития капиталистического земледелия", которая состоит "именно в том, что мелкое хозяйство, оставаясь мелким по площади земли, превращается в крупное по размерам производства, по развитию скотоводства, по размерам удобрения, по развитию применения машин"²²³. Рабовладельческий Юг и колонизируемый Запад, каждый по-своему, втягивались на этот путь. Первый характеризовался "процессом раздробления латифундий в громадных размерах, при ничтожном проценте (8,5) обработанной земли в этих латифундиях"; политико-экономическая суть этого процесса заключалась в переходе "от рабовладельческих латифундий, на девять десятых вовсе не обрабатываемых, к мелкому торговому земледелию"²²⁴. Запад США также был районом сосредоточения крупных латифундий, но это было не рабовладельческое, а "захватное" землевладение, основа экстенсивного скотоводства и мелкой аренды. Здесь шел процесс, однородный с Югом в смысле роста торгового земледелия, но "при более слабом распадении более обширных латифундий не рабовладельческого, а экстенсивно-скотоводческого и "захватного" характера"²²⁵.

Таким образом, мысленному взору предстает многообразие форм проникновения капитализма в сельское хозяйство, не исчерпавшее еще своих экстенсивных возможностей. От докапиталистических укладов (рабовладение, примитивно-экстенсивная система) к торговому хозяйству и капитализму — таков магистральный путь аграрного развития в "наиболее свободной, передовой буржуазной стране"²²⁶. Что дает этот анализ для понимания соответствующих процессов в России? Прежде всего, "сравнение с Россией особенно поучительно, между прочим, по вопросу о последствиях возможного перехода всех земель без выкупа к крестьянам, перехода прогрессивного, но безусловно капиталистического"²²⁷.

Работа Ленина об аграрной эволюции Северной Америки вызвала серьезный интерес ученых-аграрников, в том числе и сторонников организационно-производственного направления. После революции на нее ссылались и Чаянов. Прогностическая модель аг-

²²³ Там же. С. 192.

²²⁴ Там же. С. 148.

²²⁵ Там же. С. 171.

²²⁶ Там же. С. 225.

²²⁷ Там же. С. 226.

рарного строя, рассчитанная самим Лениным на случай победы крестьянской революции, отличалась, говоря его словами, "несравненно большим соответствием нового распределения земли "трудовому началу"²²⁸. Известно также, что аграрный переворот 1917 г. привел к массовому осереднячиванию деревни, и "исторически обреченный" слой в крестьянстве оказался наиболее жизнеспособным и перспективным элементом новой деревни.

Анализ основных аграрно-типологических концепций показывает, что все они исходили из многоликости русского аграрного строя, из наличия в нем весьма разнородных эволюционных возможностей.

Русская аграрно-теоретическая мысль, вобравшая в себя на протяжении всего XIX столетия крупнейшие достижения классической политэкономии Запада, совершила в начале XX-го качественный скачок. Важнейшим итогом ее развития стал выход на новый уровень понимания закономерностей аграрной эволюции. Практически все теоретики рассматривали в качестве возможных вариантов аграрного развития России европейский и американский опыт. В Европе особенно пристальным вниманием пользовался аграрный строй Пруссии, но наиболее приемлемым для будущей русской деревни считался все-таки американский путь. Наконец, все ученые и публицисты признали за крестьянством не только самостоятельное экономическое значение, но и отвели ему центральное место в аграрной эволюции.

В трактовке социально-экономических аспектов аграрной эволюции доминировали марксисты, которые сосредоточили внимание на проблеме распределения. На острие дискуссии они выдвигали вопрос о землевладении — самый жгучий и популярный в крестьянской среде. Концепция двух путей, сформулированная Лениным, оказалась последним словом русского марксизма в аграрном вопросе. Она базировалась на прежних фундаментальных основах: на признании процесса дифференциации крестьянства свершившимся фактом, на признании превосходства крупного хозяйства над мелким и принципиальной однотипности законов развития аграрного и промышленного капитализма, на признании того, что все регионы России следуют по пути, проторенному Западом, преодолевая пережитки докапиталистических укладов. В результате формируется единый буржуазный аграрный строй евро-

²²⁸ Ленин В. И. Аграрная программа... С. 212-213.

пейского типа. Прусский и американский пути, представленные с разной степенью интенсивности по аграрным районам, создают лишь различные условия движения к единой цели. Экономический анализ в концепции Ленина остается, таким образом, вполне традиционным, без принципиальной новизны, но зато социальный анализ создает совершенно новую трактовку аграрной программы для рабочей партии — трактовку, ориентированную на возможную победу средних слоев деревни. Главным аргументом, призванным сдержать догматических оппонентов Ленина из числа товарищей по партии, был тезис о том, что "американский" путь не отменяет, а лишь еще более ускоряет процесс дифференциации, а значит, приближает социалистический переворот в деревне.

Производственно-экономические аспекты аграрной эволюции разрабатывали теоретики, стоявшие ближе к собственно русской традиции. Именно здесь были достигнуты наиболее впечатляющие результаты. Теоретико-методологический прорыв, осуществленный Черновым, оказался также предельным выражением тенденции к симбиозу классической экономической теории с системой взглядов, ориентированных на крестьянство. В результате возникла типологическая концепция, построенная на отрицании созидательной роли капитализма в аграрной сфере, на различении соответствующих процессов в промышленности и сельском хозяйстве, на множественности аграрно-эволюционных путей. По мере своего развития капитализм не нивелирует, а напротив, делает все более рельефными специфические особенности национального аграрного строя любой страны.

Ученые-аграрники, не обремененные программно-политическими заботами, как Ленин и Чернов, смогли сделать дальнейший шаг: от макропроцессов аграрной эволюции они перешли к изучению внутренних условий, экономических стимулов трудовой хозяйствующей семьи. В недрах производственного направления сформировалась своя типологическая теория, вышедшая за рамки европоцентризма. Главный вывод этих ученых сводился к способности трудового крестьянского хозяйства к некапиталистической эволюции, без классовой дифференциации и социальных потрясений. Сторонники этих взглядов считали возможным соединить социальный пафос ленинской концепции со строгой наукой производственно-экономической школы. Примирение было возможно лишь на базе признания трудового хозяйства основным экономическим типом российской деревни.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Поволжский регион: земля и люди

ПРОБЛЕМА

Аграрное развитие, как никакой из экономических процессов, требует для своего изучения регионального подхода, т.к. оно находится в сильной зависимости от географических условий, состава почвы, климата, состава и плотности населения. Под воздействием этих факторов формируется уклад жизни и хозяйства трудящегося на земле человека.

Региональные рамки исследования, как правило, задаются его предметом и поэтому всегда в той или иной степени условны. Однако при анализе экономических процессов, таких, как аграрная эволюция, искусственное районотворчество неприемлемо, т.к. влечет за собой неадекватное отражение объективной реальности. Поэтому здесь особенно необходим учет исторически сложившейся региональной структуры.

Именно таким регионом является Поволжье. Понятие о нем имеет глубокие корни в народном сознании подобно Уралу, Сибири и др. Вместе с тем, вопрос о географических границах Поволжского региона не столь ясен, как это может показаться на первый взгляд. Во мнениях исследователей на этот счет бытует изрядная разногласия. В утилитарно-исследовательских целях часть авторов обращалась к усеченному варианту Среднего Поволжья. Так, Ю.И.Смыков изучал крестьянское хозяйство в границах трех губерний — Казанской, Самарской и Симбирской¹. Но здесь очевидный диссонанс вносит Самарская губерния, если учитывать сложившиеся торгово-экономические связи и другие факторы, в том числе чисто географические. Имеется в виду ее южная часть, которая в торговом отношении тяготеет к южным уез-

¹ См.: Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю; он же. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма и др.

дам Саратовской губернии, и искусственный отрыв последней неизбежно искажает картину. Если Саратовская губерния отнесена к Нижнему Поволжью, то сюда закономерно отходит и часть Самарской губернии южнее реки Самары, во всяком случае Николаевский и Новоузенский уезды. Совершенно очевидно, что рассматривать аграрное развитие Поволжья (и Среднего в том числе) без Саратовской губернии неправомерно.

Иной вариант средневожского региона предложила Н.Л.Клейн. Она включила в его состав Самарскую, Саратовскую и Симбирскую губернии². В этом случае есть большие основания судить об основных закономерностях экономического развития Поволжья в целом, т.к. включены контрастные зоны не только Заволжья, как у Ю.И.Смыкова, но и правобережья Волги, где процессы были хотя и не идентичны, но достаточно близки. Можно согласиться с мнением Клейн о том, что очерченная ею территория была ядром формирующегося экономического района, однако, в свою очередь, спорным выглядит исключение из него Казанской губернии лишь на том основании, что большая часть ее "была расположена за пределами черноземной зоны", что "это национальный район, где русское население было в меньшинстве"³. Иное дело Астраханская губерния, которая действительно не вписывалась в регион, ибо с точки зрения аграрного развития сильно отличалась от всех вышеперечисленных.

Наконец, третье аргументированное районирование принадлежит П.С.Кабытову и В.А.Шестакову⁴. Оно проверено также на обширном материале в ходе комплексного изучения аграрных отношений в Поволжье начала XX столетия⁵. В состав поволжского региона включены пять губерний: Казанская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Симбирская. В этом случае устраняется узость приведенных выше вариантов Смыкова и Клейн, и дело здесь не в том, что произведено простое расширение географических рамок. Речь идет о некоей историко-экономической целостности. Спорным считается лишь вопрос о Пензенской губернии: она единственная из перечисленных не имеет непосредственного

² Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья. С. 9. <

³ Там же.

⁴ Кабытов П.С., Шестаков В.А. К вопросу об определении границ Поволжского региона // Революционное движение в Среднем Поволжье и Приуралье. Куйбышев, 1977.

⁵ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900 — 1917 гг.). Саратов, 1982. С. 3.

выхода к Волге, что заставляет нас подробнее рассмотреть экономико-географическую литературу вопроса.

Наиболее авторитетные варианты районирования, принадлежащие перу русских ученых-экономистов П.П.Семенова, Д.И.Рихтера и А.И.Скворцова, весьма разноречивы. Семенов делил Европейскую Россию на 12 областей и включал Пензенскую губернию в Центральную земледельческую, а Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую и Астраханскую объединял в Нижневолжскую область. Эта классификация была в основном воспринята и крупным русским статистиком Ю.Э.Янсоном⁶. В варианте Рихтера все выглядит иначе: Казанская губерния с большими оговорками отнесена к Северо-восточному земледельческому району (вместе с Вятской), а остальные – к Волжско-Сурскому, кроме Астраханской, выделенной в специальный Прикаспийский район⁷. У Скворцова уезды Пензенской губернии в составе нескольких экономических районов также объединены с уездами других поволжских губерний⁸.

Сегодня имеется опыт комплексной аграрной типологии губерний Европейской России с применением многомерного количественного анализа, выявивший, по мнению авторов, однотипность аграрной структуры Пензенской губернии с центрально-черноземными. Рассчитанная с помощью компьютера т.н. равнодействующая центрально-черноземного подтипа (-0,093) существенно отличается от соответствующего значения по средневолжскому подтипу (-0,154); но если взять Пензенскую губернию в окружении ее ближайших соседей, то получается следующее (сравниваются средние значения пяти факторов)⁹:

Тамбовская губерния (сосед с запада)	0,60
Пензенская - " -	0,103
Симбирская - " - (сосед с востока)	0,102

Как видим, Пензенская губерния стоит значительно ближе к типу аграрной структуры бесспорно средневолжской губернии, нежели к типу столь же бесспорно центрально-черноземной.

⁶ Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика. Т. 1-2. СПб., 1880; Подробнее см.: Тарасюк Д.А. Поземельная собственность в пореформенной России. М., 1981. С. 50-51.

⁷ Рихтер Д.И. Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам. СПб., 1898. Приложение. С. 3-4.

⁸ Скворцов А.И. Хозяйственные районы Европейской России. СПб., 1914. Вып. 1. С. 65-71.

⁹ Ковальченко И.Д., Бородин Л.И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX-XX вв. // История СССР. 1981. № 1. С. 97.

Опыт типологии по социальным признакам показал, что Пензенская губерния может быть в равной мере объединена как с тем, так и с другим регионом, причем не только с Симбирской, но и с Саратовской губернией. Впрочем, последняя типология еще более условна, т.к. к одному "помещичье-крестьянскому земледельческому типу" отнесены наряду с вышеприведенными губерниями Поволжья и Центра также Санкт-Петербургская, Псковская, Новгородская, Пермская и др.¹⁰

Наконец, в пользу включения в состав исследуемого региона Пензенской губернии говорит и факт компактного проживания на ее территории одного из крупных поволжских народов – мордовского. Без учета национально-хозяйственного уклада мордвы картина аграрного развития Поволжья была бы далеко не полной. Это обстоятельство учитывали и русские ученые-статистики. Так, Рихтер отмечал, что, кроме почвенно-климатических признаков, он принял во внимание при включении в Волжско-Сурский район Пензенской губернии (наряду с Симбирской, Самарской и Саратовской) также и то обстоятельство, что "от соседнего Центрального земледельческого район этот отличается также и этнографическими особенностями: первый сплошь заселен великорусами, тогда как здесь инородческий элемент сильно развит"¹¹. Существенно выглядят также различия в объективно-экономических данных, приводимых тем же автором¹²:

	Центрально-земледельческий район	Волжско-Сурский район
Пашня	64,4 %	53,1 %
Кормовая площадь	14,55 %	22,6 %*
Лес	15,3 %	28,7 %
Жителей на 1 кв.версту	49,6	28,5

* За исключением Самарской и Саратовской губерний, имеющих степной характер.

Проблема определения Поволжья как аграрного региона имеет вторую, так сказать, внутреннюю сторону, и это особенно ва-

¹⁰ Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1, Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986. С. 85.

¹¹ Рихтер Д.И. Опыт разделения... С. 26.

¹² Там же.

жно для нашего исследования. Русская экономическая мысль проделала немалый путь к осознанию внутренней неоднородности регионов страны. Первое же статистическое исследование сельского хозяйства России, предпринятое профессором Санкт-Петербургского университета К.И.Арсеньевым (1818 г.), показало необходимость дифференцированного подхода к различным местностям. 10 "пространств", выделенные им, не получили, однако, широкой известности. В дальнейшем районирование проводилось неоднократно. При этом за основу брались границы губерний. Таким было упомянутое выше районирование Семенова-Тян-Шанского. Разные варианты такого подхода применялись различными ведомствами: Департамент неокладных сборов делил Европейскую Россию на 12 групп губерний, Департамент окладных сборов — на другие 12, Дворянский и Крестьянский банки — на 16, причем, в отчетах банков была одна классификация, а в публикациях Дворянского банка "Имения, принятые в залог" — другая. Неудобство таких классификаций было замечено уже в конце XIX в. Для более приемлемой классификации привлекались как отдельные признаки, так и совокупность нескольких из них. После достаточно подробного исследования почв России В.И.Чаславским¹³ порайонное деление по уездам провел в упомянутой работе Янсон¹⁴. В дальнейшем все большее внимание отводилось влиянию естественно-географических факторов на аграрный уклад регионов. Эта идея была предложена выдающимся русским почвоведом В.В. Докучаевым профессору А.Ф.Фортунатову для разработки на материалах русской статистики, однако тот отказался, и впоследствии схожую задачу решил А.И.Скворцов¹⁵. Наиболее показательна в этом отношении работа Г.И.Танфильева. Уже по названиям четырех основных областей (Область северной России или области ели, Область южной России или древне-степная, Область Арапо-Каспийской солонцеватой пустыни, Область южного берега Крыма) видны принципы его классификации. Она лишена четких границ и строится на основе почвенных и ботанических признаков¹⁶.

¹³ См.: Чаславский В.И. Вопросы русского аграрного устройства // Отечественные записки. 1878. № 8, 11; Он же. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян // Сборник государственных знаний. СПб., 1875. Т. II. С. 181-211.

¹⁴ См.: Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика.

¹⁵ Скворцов А.И. Влияние парового транспорта на сельское хозяйство. В. 1890.

¹⁶ Танфильев Г.И. Физико-географические области Европейской России // Труды ИВГО. 1896. № 5.

Первым комплексным опытом районирования должна быть признана работа Рихтера, цитированная выше. Особенно интересна попытка автора провести районирование на уровне уездов. Это позволило достичь более адекватной картины, хотя сам автор отмечал неоднородность отдельных уездов и ратовал за поволостной анализ, который тогда был практически невозможен из-за отсутствия добротной поволостной статистики¹⁷.

Еще более важно то, что Рихтер привлек в качестве районобразующих признаков не только природно-географические, но также демографические, этнографические, экономические факторы различных местностей. Северную часть Казанской губернии он объединил с Вятской, а также с Васильсурским уездом Нижегородской, Осинским и Оханским уездами Пермской и Бирским уездом Уфимской губерний. Они составили Северо-восточный земледельческий район. Юго-западные уезды (Ядринский, Цивильский, Свияжский, Тетюшский) вошли в состав Волжско-Сурского района вместе с Пензенской и Симбирской губерниями и черноземными уездами Саратовской (за исключением Камышинского и Царицынского). Сюда же включены четыре уезда Нижегородской и один уезд (Моршанский) Тамбовской губерний. Левобережные уезды Казанской (Спасский и Чистопольский) отнесены к Заволжскому черноземному району вместе с шестью уездами Самарской губернии (кроме Новоузенского). Здесь же значится по два уезда от Уфимской (Мензелинский и Белебеевский) и Оренбургской (Оренбургский и Орский) губерний. Наконец, три поволжских уезда (Камышинский, Царицынский и Новоузенский) образуют Юго-восточный степной район при участии четырех округов Донской области (Хоперского, Усть-Медведицкого, 2-го Донского и Сальского). Распределение по этим районам поволжских уездов представлено на карте-схеме (см. рис. 1).

Скворцов, специально занимавшийся вопросом районирования России, также пришел к мысли о внутренней неоднородности поволжских губерний. Он отдал должное проницательности Рихтера на этот счет, однако пошел своим путем. В отличие от своего предшественника, он имел в своем распоряжении более качественный статистический материал (Первая Всеобщая перепись населения 1897 года, Статистика землевладения 1905 года и др.). Он также был убежден, "природа страны является могучим фактором, определяющим ход исторического развития страны"¹⁸. Но ему удалось выйти за рамки банального указания на этот фактор.

¹⁷ Рихтер Д.И. Опыт разделения... С. 11.

¹⁸ Скворцов А.И. Хозяйственные районы Европейской России. С. 14.

Рис. 1. Карта-схема районирования Поволжья по материалам Д.И.Рихтера

Рис. 2. Карта-схема экономических районов по материалам А.И.Скворцова

Вот как определил свою методологию районирования сам Скворцов: "Мы устанавливаем два положения: 1) что изучение характера района требует, прежде всего, изучения его физико-географических условий, т.к. эти условия определяют характер района и 2) что районы, которые мы устанавливаем на основании различия физико-географических условий, должны называться не сельскохозяйственными районами, а просто экономическими районами, т.к. они будут различаться не только по развитию в них сельскохозяйственной жизни, но и по всему экономическому укладу"¹⁹. Основываясь на этих принципах, Скворцов разделил всю Европейскую Россию на 34 района, начиная от тундры и кончая песчаносолончаковым.

Поволжские уезды включены им в шесть районов, что показано на рис. 2. Три северных уезда Казанской губернии (Козьмодемьянский, Чебоксарский и Царевококшайский) служат южным пределом Верхневолжского лесного района, в котором объединены части территории Ярославской, Кстромской и Нижегородской губерний. Узкой полосой вытянулся с севера на юг Присурский лесной район. Он состоит из уездов пяти губерний и лишь благодаря Васильсурскому уезду Нижегородской губернии выходит за границу очерченного нами поволжского региона. Скворцов считал, что "все уезды, входящие в Присурский лесной район, глубоко отличны от уездов и местностей, с ними смежных"²⁰. Здесь резко проявлялась зависимость растительности от почв и подпочв: при неглубоком залегании глины и слабом слое песка растут лиственные леса и ель, при опускании горизонта залегания глины преобладающим деревом становится сосна. И вообще Присурский район отличался от окружающей местности изобилием хвойных пород.

Крупнейшим в Поволжье правобережным районом показан Волжско-Сурский черноземный. Он полукольцом охватывает Присурский лесной и состоит из двух уездов Казанской губернии (Тетюшского и Свияжского), почти всех уездов Пензенской (за исключением Городищенского). К ним примыкают Сердобский, Петровский и Аткарский, а также все приволжские уезды Симбирской и Саратовской губерний (кроме Камышинского и Царицынского). Два последних вместе Балашовским отнесены к Волго-Донскому району.

Заволжские уезды объединены в два района: Заволжское предстепье и Заволжский степной. Разделены они по территории

¹⁹ Там же. С. 16.

²⁰ Там же. С. 72.

Самарской губернии южной границей Самарского и Бугурусланского уездов. С востока к ним примыкают в составе первого района Мензелинский и Белебеевский уезды Уфимской, а в составе второго — Оренбургский уезд одноименной губернии.

Разнящиеся в конкретных деталях, приведенные опыты районирования едины в том, что Поволжье представляло собой относительно компактный регион. Особенно хорошо это видно из работы Скворцова. Он не только четко отделил Пензенскую губернию от Центрально-земледельческого района, но и показал также, что даже те уезды поволжских губерний, которые играли пограничную роль для других экономических районов, все-таки заметно отличались от смежных им уездов. Например, уезды Казанской губернии в составе Верхневолжского лесного района выделялись высоким процентом площади пашни²¹, а южные уезды Саратовской губернии в составе Волго-Донского района явно тяготели к Волжскому бассейну²².

Несомненным нам предоставляется также вывод о внутренней неоднородности Поволжья, блестяще доказанный русскими статистиками. Однако декларированная этими авторами задача учета экономических факторов осталась в значительной степени невыполненной. Приведенные в их работах данные о землевладении, различных отраслях хозяйства (земледелие, скотоводство) имели скорее второстепенное значение. За это обстоятельство указанные работы, так же как и статья Фортунатова о районировании²³ были сурово оценены новым поколением русских экономистов-аграрников. Так, Н.П.Макаров считал, что районирование Рихтера не имело практического значения, а достоинством его было лишь то, что оно открыло собой новый этап в изучении вопроса — критический. Макаров противопоставил два главных течения в русском районировании — малоиспользуемую систему Скворцова и Фортунатова и методологию А.Н.Челинцева, рассматривавшего районы как стадии эволюции сельского хозяйства, считавшего, что один сельскохозяйственный район должен отличаться от другого организацией хозяйства²⁴. Определение района Челинцев проводил по тем же признакам, что и характеристику органи-

²¹ Средний процент пахотных земель по району составлял 17,9% , в Царевкокшайском 19,6%, Козьмодемьянском 24,2%, Чебоксарском 33,7%. — Скворцов А.И. Хозяйственные районы... С. 58.

²² Там же. С. 92.

²³ Фортунатов А.Ф. К вопросу о сельскохозяйственных районах России // Труды ИРЗО. 1896. № 5. Отд. оттиск: СПб., 1896.

²⁴ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. I. М., 1920. С. 52.

зации хозяйства. Таким образом, каждый район охватывал одну стадию (один тип) организации хозяйства²⁵.

Поволжские губернии были включены Челинцевым в два района — Залежно-зерновой и Средневолжский экстенсивно-паровой. В первом значится Самарская губерния вместе с Оренбургской, Уфимской и Астраханской, а во втором — Казанская, Симбирская, Саратовская и Пензенская с Нижегородской²⁶. Накануне революции 1917 года аграрная эволюция этих районов с точки зрения товарного хозяйства определена им следующим образом: "Товарное лицо района (Залежно-зернового — П.С.) зерновое с продуктами экстенсивных отраслей животноводства, из коих избыток наиболее интенсивных, сала и шерсти, уже сокращался, мясо и крупно-рогатый скот в небольшом размере увеличивались"; второй район переживал "относительное замедление прироста хлебных избытков и аналогичных отраслей животноводства, отчасти их недостаток, а взамен того начал расти избыток товаров интенсивных культур и таких же отраслей животноводства"²⁷. Эти замечания Челинцева свидетельствуют о том, насколько фундаментально разрабатывались им вопросы районирования, насколько учитывались при этом экономические факторы аграрного развития страны. Важно подчеркнуть также, что в основе такого подхода к районированию лежит не прежняя статистика основных показателей, а эволюционный процесс.

Несколько иначе решал проблему районирования Ленин. Его книга "Развитие капитализма в России" подробно проанализирована с этой стороны В.К.Яцунским²⁸. Он указал на основную особенность ленинского подхода: "Характерной чертой буржуазных опытов экономического районирования России является игнорирование их авторами социального уровня развития хозяйства, т.е. того признака, который В.И. Ленин кладет в основу районирования и с которым он связывает хозяйственную специализацию районов"²⁹. Бесспорно, Яцунский правильно отметил основное различие, однако оно гиперболизировано. Вряд ли можно обвинить Чаянова, Челинцева, Макарова и других экономистов этой школы в

²⁵ Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы как стадии сельскохозяйственной эволюции // Сельское хозяйство и лесоводство. 1910. Т. 234. Ноябрь.

²⁶ Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1928. С. 180-185.

²⁷ Там же. С. 180-183.

²⁸ Яцунский В.К. Социально-экономическая история России: Избранные труды. М., 1973. С. 31-53.

²⁹ Там же. С. 53.

игнорировании социальных процессов. Просто они смотрели на аграрное развитие как бы изнутри самих хозяйственных форм и пытались уловить направление и смысл их эволюции. Кроме того, они имели иной взгляд на социальный строй русской деревни, иначе интерпретировали его характер и историю развития. Социально-экономический подход Ленина был ориентирован прежде всего на то, чтобы выяснить, как развитие буржуазных аграрных отношений подвергает изменению социальную организацию деревни. При этом неправомерно было бы считать метод, примененный в книге Ленина, отрицанием предшествовавшего опыта социально-экономического районирования.

Рынок, на который особенно уповали марксисты, заставлял огромные массы людей срываться с места и переселяться в другие районы страны. Он нарушал традиционную логику расселения, оттеснял природно-географические факторы и творил новую аграрную карту России, но он не мог полностью заменить, ликвидировать влияние этих факторов, т.к. это противно самой сути сельскохозяйственного производства. К тому же для изучаемого периода нерыночные факторы формирования "сельскохозяйственного стандарта" следует признать преобладающими. Поэтому все попытки игнорировать (или объявить устаревшим и ненужным) естественно-историческое направление в районировании неправомерны.

Опыт русской экономической мысли свидетельствовал о том, что изучение типов аграрного развития невозможно без учета следующих аспектов: естественно-исторического, экономического, демографического и социального. Современное состояние отечественной аграрно-экономической и исторической науки таково, что она как бы замкнулась в рамках лишь социально-экономического (точнее — классового) подхода, что, несомненно, обедняет богатую палитру реальных процессов проникновения капитализма в аграрную среду.

ГЛАВА I. ПОЧВЫ. КЛИМАТ. ГИДРОГРАФИЯ

Комплекс природно-климатических условий Поволжья представлял довольно широкие возможности для развития основной отрасли сельского хозяйства — земледелия. Оно безусловно преобладало на всей территории очерченного нами региона. Поэтому первое, что необходимо учитывать в изучении аграрного развития — это богатство и разнообразие почв.

Уже самая северная губерния – Казанская – дает нам чрезвычайно пеструю картину. В соответствии с господствовавшим в середине XIX в. геологическим направлением в почвоведении своеобразии почвенной карты Казанской губернии связывали с занимающим ее территорию триасом и третичными осадками, чем и объяснялось преобладание в подпочве глины и песка³⁰. Вся губерния делилась на северную и южную части, а затем каждая из последних – еще на две. Граница между севером и югом проводилась по рекам Волге и Каме.

В северной части были распространены песок и глина. Небольшие черноземные пространства локализовались в Царевококшайском уезде. В основном же преобладал песок. Насколько разными были местности даже в рамках одного уезда, видно на примере Чебоксарского и Козьмодемьянского. Они включали в себя территорию по обоим берегам Волги. Луговая сторона их (левобережье) сплошь была покрыта песком, как и большая часть Царевококшайского и часть Казанского уездов. Эти земли были под мощными лесными массивами. Мощные леса, а также болотистость и плохие дороги сделали труднодоступной для исследователей северо-западную часть губернии. Отсюда расхождения в результатах обследований, проведенных офицером Генштаба М. Лаптевым, специалистами Северо-восточной учебной фермы, а также членами комиссии уравнивания денежных сборов. Лаптев руководился в своих выводах известными изменениями пород леса: "Господствующий лес здесь хвойный, обыкновенно живущий на тощих песчаных почвах; притом, чем дальше подвигаешься от Волги на север, тем лес становится лучше. По влажному побережью растет ель; в северо-восточном направлении ее все меньше и меньше, а господствующую породу составляет прекрасный сосновый бор"³¹.

В северо-восточной части преобладал суглинок. Это был ландшафтно более возвышенный участок. Чернозем здесь встречался лишь островками на территории Мамадышского, Лаишевского и Казанского уездов. Соответственно изменялись породы леса. Например, в Мамадышском уезде в центральной части и на юго-востоке рос черный лес, дуб, а в западной (Темершійская, Старо-Юмьинская, Старо-Икшурминская, Благовещенско-Омарская волости) на супесчаной почве произрастал красный лес. В

³⁰ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 8. Казанская губерния. / Сост. М. Лаптев. СПб., 1861. С. 47.

³¹ Там же. С. 51. Лаптев отмечал также совпадение границ геологических формаций с почвами и господствующими лесными породами.

поймах рек на почву благотворно влиял наносной ил, отчего возникли богатые заливные луга. В то же время сочетание г. ска и глины в подпочве вызывало долготояние воды (песок пропитывался водой, а глина не пропускала ее вглубь). Это создавало неудобства для посева злаков. Озимые по таким землям не сеялись вообще, а яровые сеялись очень поздно. Так, в Спасском уезде посеянный в первых числах июня овес давал неплохой урожай³².

На юге Казанской губернии располагались черноземные почвы, но и здесь обнаруживались существенные различия между западом и востоком. В уездах Ядринском, Цивильском, Свияжском, Тетюшском и правобережных частях Козьмодемьянского и Чебоксарского возникали глубокие овраги и промоины. Чернозем занимал примерно половину площади уездов, причем при удалении от Волги на юг качество его улучшалось — от серого цвета к совершенно черному. Иногда толщина его доходила до 24 вершков. Черноземная полоса, протянувшаяся с запада на восток, располагалась в 10-20 верстах от Волги. По отложениям оврагов сформировался серый чернозем в 3-5 вершков, перемешанный с комками желтой и красной глины или известковыми камнями.

Правый берег Волги — горная гряда от р. Свияги до г. Тетюши был занят т.н. рухляковой почвой. Очень плодородная, она не требовала удобрения. Нередко крестьяне использовали ее для утучнения других почв. Но эти гористые поля почти не обрабатывались под посевы хлебов из-за труднодоступности. Здесь располагались лучшие в губернии сады. Разными сортами яблок, вишни, смородины, малины славилась селения Свияжского уезда Ташевка, Шаланга, Теньки, Красновидово, Лобышка, Буртасы... Разведением и сбытом огородных овощей на местных рынках уже в первой половине XIX в. занимались крестьяне нагорных сел Верхнего и Нижнего Услона, деревень Шевлягино, Петропавловской слободы и др.³³

Юго-восточная часть губернии (Спасский, Чистопольский и закамская сторона Лаишевского уездов) представляла собой степную горизонтальную равнину с абсолютным преобладанием чернозема. Он охватывал всю восточную границу губернии. Здесь прослеживается та же закономерность: от севера к югу качество чернозема повышается (с двумя важнейшими примесями — песком и глиной). Толщина черноземного слоя колебалась от 8 до 16 вершков. Он давал хорошие урожаи озимой ржи (сам-7, сам-8). Суглинистый чернозем был более плодороден, особенно по росточистям из-под дуба и орешника (урожай сам-10).

³² См.: Там же. С. 52.

³³ Сбоев В.А. О быте крестьян в Казанской губернии. Казань, 1856.

Наконец, по самой южной окраине Казанской губернии проходила полоса суглинки и супеси с красновато-бурой глиной в подпочве³⁴. Выявленные особенности почвенного состава Казанской губернии определили размещение ее пахотных площадей (см. табл. 1).

Таблица 1. Пахотные земли в Казанской губернии к концу XIX в.

Уезды	Тысяч десятин		В %% к общей площади уезда	
	пашня	лес	пашня	лес
Царевококшайский	126	519	17,5	72,2
Козьмодемьянский	101	263	21,8	56,5
Чебоксарский	125	201	32,3	52,1
Мамадышский	275	154	56,2	31,4
Лаишевский	290	99	58,9	20,0
Казанский	320	110	62,4	21,4
Ядринский	170	70	57,1	23,6
Цивильский	192	73	61,6	23,4
Свияжский	172	50	61,7	18,0
Тетюшский	244	35	72,2	10,5
Спасский	278	140	55,5	27,7
Чистопольский	434	253	52,1	30,4

Источник: Рихтер Д.И. Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам. СПб., 1898. Приложения. С. 3-4.

Лишь три уезда на севере губернии имели пашни менее 50%. Приведенные параллельно данные о лесных площадях проясняют ситуацию. Это были лесные уезды. Здесь была также и наименьшая плотность населения. Авторы середины XIX в. отмечали, что "главный промысел здешних жителей, которые суть большею частью черемисы, составляют преимущественно лесные изделия: они дерут мочала, из которых ткнут циновки, рогожи, кулье, поставляемые по подряду купцам и помещикам, или зимнею порою на базары в Царевококшайск, Козьмодемьянск, Чебоксары и особенно в Казань... Столь же выгодное для них занятие составляет охота за медведями, лисицами, куницами, посями, зайцами, белками и рябчиками"³⁵. К концу XIX в. удельный вес пахотных угодий возрос, и хотя земледелие не везде обеспечивало население

³⁴ Материалы для географии и статистики России: Казанская губерния. С. 48-50.

³⁵ Сбоев В.А. О быте крестьян в Казанской губернии. С. 9.

хлебом, но "считалось основным занятием населения Марийского края"³⁶. Общая же оценка относительно уровня земледелия в сравнении с другими местностями губернии практически не изменилась, и слова Сбоева о том, что северная часть Казанской губернии, а именно уезды Царевококшайский и Козьмодемьянский, "стоит в отношении хлебопашества на низшей в сравнении с другими уездами степени"³⁷, оставались актуальными и для пореформенного периода, несмотря на некоторое расширение пашни за счет расчистки земель из-под леса и кустарника.

Чем дальше на юг, тем больше становилось пахотных земель. Самый южный из правобережных уездов — Тетюшский — имел наибольший удельный вес пашни — 72,8%. Заволжские уезды юго-востока, занятые черноземом, были относительно негусто заселены, и пахотные земли составляли здесь чуть более 50%. Аграрное развитие этой местности обладало своеобразием, отличавшим ее от северных и юго-западных уездов и сближавшим с Самарским Заволжьем и Мензелинским уездом Уфимской губернии.

В Симбирской губернии было немало общего с вышеприведенной картиной. В северной части преобладали тучные пласты чернозема, который достигал в полосе, прилегающей к левому берегу Свияги, двух, а в засурской части Ардатовского и Курмышского уездов и двух с половиной аршин в глубину³⁸. Глинистая подпочва способствовала здесь удержанию влаги. Лишь в южной части Ардатовского уезда, у верховьев рек Чеберинки, Ломаты, Сары почва содержала значительное количество песка с камнем. Кроме того, в междуречье Суры и Свияги, в части, покрытой лесом, преобладали суглинок и песок, чернозем же встречался в виде иловатой земли в речных долинах.

Южная часть Симбирской губернии дает более пеструю картину. Она вообще отличалась не столь мощным черноземом, нежели северная. Резко выделялась при этом юго-западная часть губернии (западная часть Сызранского, юго-западная — Сенгилевского и южная — Карсунского уездов). Здесь почва состояла из супеска, верхний слой которого содержал много камня, делавшего невозможной обработку земли без удобрения. Севернее каменный супесок переходил в чернозем. Таким образом, в пределах одного Карсунского уезда соседствовали три вида почв: в

³⁶ Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974. С. 24.

³⁷ Сбоев В.А. О быте крестьян в Казанской губернии. С. 9.

³⁸ Материалы для географии и статистики России. Т. 20. Симбирская губерния. Ч. 1. СПб., 1866. С. 333-334.

северной части чернозем, на юге и юго-западе песок и глина, местами каменистые. По р. Барышу и речкам, в него впадающим, супесок и чернозем по большей части лежал на каменистой и известковой подпочве. В середине уезда по верховьям р. Талы, Сосновки, Карсунки грунт песчаный; северная часть между реками Сурой и Барышом — от речек Сосновки, Вешкаймы и Белого Ключа — может назваться вполне черноземной почвой, а по отлогим и обширным низинам рек и речек преобладал иловатый грунт. Левобережье Суры отличалось песчаной и глинистой землей, перемешанной с черноземом и весьма благоприятной для пшеницы³⁹.

Еще одна весьма плодородная (хотя и весьма своеобразная для Симбирской губернии) зона располагалась на территории восточной половины Сенгилеевского уезда. Вдоль Волги протянулась полоса чернозема с небольшой примесью песка и глины. Эта местность была благоприятна для посевов гречихи⁴⁰.

Наконец, восточная часть самого обширного в губернии Сызранского уезда (включая Самарскую Луку) была покрыта пластом чернозема с глинистой и каменистой подпочвой. Левобережье р. Сызрана занимала песчаная почва, заросшая лиственным лесом. Вместе с тем, присутствие в почве значительной доли синей глины и растительных перегноев делало ее очень плодородной и придавало ей черный цвет. На всем правобережье р. Сызрана находилась суглиниковатая черноземная почва, местами смешанная с мелким камнем. Тучные земли на огромных возвышенных равнинах представляли собой в 60-х гг. XIX в. "роскошную, еще нетронутую почву" Автор описания Симбирской губернии полковник генштаба А. Липинский особо отметил, что "до сих пор внутреннюю часть Сенгилеевского и Сызранского уездов называют степью. Так, например, если ехать из г. Сенгилея в с. Теренгу, то по местному выражению значит ехать в степь, хотя местность, разнообразящаяся перелесками, оврагами и горами, совершенно не оправдывает этого названия. Нередко также западная или южная сторона в некоторых селах называется степною, а иногда крымскою"⁴¹.

В 60-х гг. XIX в. в Симбирской губернии было 2070009 дес. пашни (47,9% общей площади уездов) и 1513477 дес. леса (или 35% общей площади)⁴². В конце века площадь пашни расшири-

³⁹ Там же. С. 331.

⁴⁰ Такая же местность отмечалась и на север, до Симбирска, и по р. Свияге до р. Сельди, но чернозем здесь был перемешан с большим или меньшим количеством известкового камня. — См.: там же. С. 332.

⁴¹ Там же. С. 25.

⁴² Там же. С. 338-339.

лась. Она составила 2197 тыс. дес. По уездам пашня и лес распределялись следующим образом (см. табл. 2). Приведенные здесь данные позволяют нам отнести Симбирскую губернию к типично земледельческим губерниям. Доля плодородных пахотных земель здесь была выше, чем в Казанской.

Таблица 2. Соотношение пашни и леса в уездах Симбирской губернии к концу XIX века

Уезды	Пашня тысяч	Лес десятин	Пашня %%	Лес %%
Симбирский	339	158	56,8	26,4
Буинский	249	159	52,3	33,3
Ардатовский	267	81	67,6	20,6
Алатырский	176	181	41,6	42,9
Курмышский	189	122	50,9	33,0
Сенгилеевский	274	179	51,2	33,5
Карсунский	318	277	46,6	40,4
Сызранский	385	286	47,6	35,3

Источник тот же. С. 18.

В почвах Пензенской губернии также преобладал чернозем различных оттенков, сообщаемых ему глинистыми и песчаными компонентами и илом. В немногих местах встречался камень, да в двух или трех местах по Хопру в районе сел Дертевки и Бекетовки отмечались солончаки. В литературе есть указание на принадлежность геологического строения территории губернии к Приволжскому району, отделенному от черноземного центра Тамбовско-Моршанской низиной⁴³. К этому следует добавить, что ландшафт Пензенской губернии определяла возвышенная полоса, пересекавшая ее в меридиональном направлении и обрывавшаяся у Волги, образуя Самарскую Луку. Большая часть территории губернии приходилась на западный склон возвышенности, достигавшей восточной окраины Окско-Донской низменности.

Этот хребет служил главной водораздельной линией для рек Пензенской губернии и вкуче со своими ответвлениями на север и юг определял всю ее гидрографию, что имело первостепенное значение для аграрного развития. Большая часть губернии наклонялась к северу и орошалась реками, принадлежавшими бассейну

⁴³ См.: Скворцов А.И. Хозяйственные районы... С. 68; Кабытов П.С. Аграрные отношения... С. 23.

Волги. Важнейшие из них — Сура и Мокша. Меньшая часть склонена к югу. По ней протекает крупнейшая река бассейна Дона — Хопер с притоками Аргада и Ворона. Склоны эти были чрезвычайно пологи, однако они влияли на урожайность. По местным наблюдениям, "почва, покатая на север, для урожая лучше, а на юг хуже, потому что растительность на такой почве обыкновенно выгорает"⁴⁴.

Таблица 3. Соотношение пашни и леса в Пензенской губернии к концу XIX века

Уезды	Пашня	Лес	Пашня	Лес
	тысяч	десятин	%	%
Краснослобоский	231	66	62,9	18,0
Наровчатский	162	31	72,1	13,8
Инсарский	269	74	66,7	18,2
Саранский	201	56	66,0	18,2
Керенский	156	36	66,9	15,4
Нижнеломовский	204	82	62,0	25,0
Мокшанский	197	40	71,6	14,5
Чембарский	298	46	73,5	11,5
Пензенский	211	28	72,1	9,7
Городищенский	234	302	37,3	48,1

Источник тот же. С. 18.

В целом геологическое строение придавало поверхности губернии волнообразный характер без гористости, с крутизной лишь при спусках в речные долины. Самую низменную и ровную часть губернии составляли те части Краснослободского и Инсарского уездов, которые омывались правыми притоками Мокши. Ко времени Генерального межевания эти места были наименее заселены, т.к. они покрыты мокрыми лесами. Характерна для этой местности заболоченность — явление, достаточно редкое для Пензенской губернии с ее покатою поверхностью. В 60-х гг. XIX в. эти места оставались еще менее заселенными, чем другие части губернии⁴⁵. Из общей достаточно однородной почвенной картины выпадал лишь Городищенский уезд, отделенный от остальной губернии значительной водной преградой — р. Сурой. Этот район,

⁴⁴ Материалы для географии и статистики России: Пензенская губерния. Ч. 1. С. 258.

⁴⁵ Там же.

находившийся внутри излучины Суры, был одним из наиболее высоких в губернии (до 300 м. над уровнем моря) и именовался Сурским плато⁴⁶. Он был всех беднее хорошей землей и отличался почвенным многообразием: в иных местах на поверхность выступала желтая подпочва, глина, пласты известковых камней и красного песчаника, хотя встречались и хорошие черноземы⁴⁷. Соответствующим образом располагались пахотные земли (см. табл. 3).

Таблица 4. Соотношение пашни и леса в Саратовской губернии к концу XIX века

Уезды	Пашня тысяч	Лес десятин	Пашня %%	Лес %%
Балашовский	696	69	66,4	6,6
Сердобский	438	51	69,4	8,1
Петровский	402	90	64,4	14,4
Аткарский	765	96	67,3	8,4
Саратовский	344	153	48,0	21,4
Кузнецкий	211	183	44,7	38,7
Вольский	288	107	57,6	21,4
Хвалынский	288	136	51,8	24,5
Камышинский	578	75	52,8	6,9
Царицынский	253	25	40,0	4,0

Источник тот же. С. 19, 23.

Здесь мы видим значительно большую концентрацию пахотных земель, чем в Казанской и Симбирской губерниях. Особенно выделялись в этом отношении Чембарский, Пензенский, Наровчатский и Мокшанский уезды. И так же резко отличался Городищенский уезд, единственный, где пахотные земли не достигали даже 40%. Ясно, что в Пензенской губернии не могло быть и речи о колонизационном фонде. Распахана практически вся пригодная для выращивания хлебов земля.

Чернозем был преобладающей почвой также в Саратовской губернии. Лучшими по качеству считались почвы Балашовского, Сердобского, Аткарского, Петровского, Саратовского, Вольского и частью Хвалынского уездов. Глина и песок преобладали в Цари-

⁴⁶ См.: Курицын И.И., Марденский Н.А. География Пензенской области. Саратов, 1978. С. 9.

⁴⁷ Материалы для географии и статистики: Пензенская губерния. Ч. 1. С. 259-260.

цынском и Камышинском уездах, что, впрочем, было весьма выгодно для огородничества⁴⁸.

В северной части губернии почва лесов состояла из наносов ила, перегнившей растительности и песка. В южной части преобладала почва степная, состоявшая из твердой глины и перетертых раковин и солонцов, суглинистая и песчаная. Господство чернозема было абсолютным лишь в западной части, имевшей холмистый характер. Характерную в этом отношении картину представлял собой Балашовский уезд, где большая часть земель может быть отнесена к степным черноземам, но крепкая почва, с большим содержанием органического вещества сохранялась лишь в южной части уезда, между реками Терса и Елань да на границе с Войском Донским⁴⁹.

Уровень распахки в целом по губернии был довольно высок — 52,2% (см. табл. 4).

По отдельным уездам он колебался, но лес уже не играл той регулирующей роли, которая была присуща ему в северных губерниях. Так, в Балашовском, Сердобском, Аткарском уездах значительно большее место занимали пастбища и сенокосы. Особенно это заметно по двум южным уездам (Камышинскому и Царицынскому). Здесь наряду с огромными кормовыми площадями высок был удельный вес неудобных для хлебопашества земель, а роль леса сводилась к минимуму.

Наиболее резкие контрасты природных условий были характерны для самой крупной губернии Поволжья — Самарской, целиком располагавшейся на левобережье Волги. Северная часть губернии представляла собой ряд плоских возвышенностей (сыртов). Они прорезаны широкими долинами рек Самары, Кинеля, Сока и Черемшана. Причем у Самарской, Кинельской и Сокской одна их сторона круто спускалась к реке, а другая, на луговом берегу рек, имела весьма пологие скаты.

Эти три главные долины включали много других, второстепенных. В Самарскую долину справа входили долины рек Большого и Малого Уранов и Тока; в Кинельскую с правой стороны — долина р. Кинельчика, с левой — Саруши; в Сокскую — с правой стороны долина р. Кондурчи, а с левой — дугообразная долина р. Сургут; в Черемшанскую с правой стороны долина р. Ерыклы, с левой — р. Аврали. По своим очертаниям эти второстепенные долины совершенно идентичны главным долинам: три первые группы

⁴⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи: Саратовская губерния. СПб., 1853. Ч. IV. С. 91.

⁴⁹ Никольский А. Хозяйственное описание Балашовского уезда. СПб., 1855. С. 12.

имели по правобережью своему горные гряды, Черемшанские же окружены с обеих сторон ровными покатыми плоскостями⁵⁰. Если северная часть губернии имела склон к юго-западу, то в Николаевском и Новоузенском уездах заметно было понижение к Каспию. За долиной р. Самары раскинулись бескрайние степи, прорезанные плоскими сыртами.

По данным кадастрового отряда, обследовавшего губернию в 1856 г., расположение наиболее плодородной почвы представляло собой следующую картину: "Хороший чернозем в сухом состоянии черного цвета, а в верхнем слое своем содержит перегноя от 1/2 до 1 аршина и более глубины, с небольшой незаметной примесью песка. Он попадаетея всегда небольшими клочками, которые разбросаны по всем уездам, составляющим северную половину Самарской губернии. Более значительные пространства он занимает в неширокой полосе, прорезывающей Самарскую губернию с запада на восток. Полоса эта, начинаясь на западной границе губернии, в северной половине Ставропольского уезда, простирается по направлению к востоку, к границе Казанской губернии до вершин рек Черемшана, Кондурчи и Сока; далее она принимает в Самарском уезде направление к югу, к вершинам речек Тростянки и Черновки — притоков р. Сока; затем, сделав изгиб к р. Самаре до вершины речки Кутулука, полоса эта прорезывает от запада на восток уезды: Бузулукский и Бугурусланский по обеим сторонам р. Кинеля и Малого Кинельчика и оканчивается в волостях Матвеевской и Богородской. Кроме того, ветвь этой же самой полосы простирается к границе Казанской губернии в юго-западную часть Бугульминского уезда — Туарминскую волость. Хороший чернозем встречается также вдоль берега р. Ика, протекающей по границе Оренбургской губернии в северной части Бугульминского уезда"⁵¹.

Содержание гумуса в почве понижалось с севера на юг соответственно в уездах: Бузулукском от 16 до 13%, в Николаевском от 10 до 8%, в Новоузенском от 5 до 4%⁵². Возьмем типичный для этой зоны уезд — Николаевский. Здесь чернозем с супеском залегал вдоль Волги и по Большому Иргизу, причем на возвышен-

⁵⁰ Лясковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии // Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). Т. 43. 1860. № 7. Отд. 3. С. 18-20.

⁵¹ Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. Вып. III. СПб., 1861. С. 3.

⁵² Постников В. Из хозяйственной жизни Самарского края // Сельское хозяйство и лесоводство. Ч. 177. СПб., 1894. С. 152-153.

ных равнинах пласт его достигал до аршина в глубину. Подпочва также благоприятная — суглинок. В восточной и южной части, в верховьях Иргиза и по южным его притокам чернозем приобретал бурый оттенок, с меньшей примесью песка. Солонцы, как и вдоль Волги, довольно редки, еще реже — солончаки, лишенные всякой растительности. Самарский краевед И. Лишин отмечал, что "на солонцеватой почве в мочливые года пшеница белотурка и в особенности просо удаются лучше, чем на пресных полях"⁵³.

Таблица 5. Соотношение пашни и леса в Самарской губернии в конце XIX века

Уезды	Пашня тысяч	Лес десятин	Пашня %%	Лес %%
Самарский	793	121	61,5	9,4
Ставропольский	567	241	56,0	23,8
Бугульминский	551	189	48,1	16,5
Бугурусланский	651	245	38,8	14,
Бузулукский	1234	238	53,7	10,4
Николаевский	1422	42	51,9	1,5
Новоузенский	1314	51	39,6	1,6

Источник тот же. С. 19, 23.

Лучшей почвой для произрастания твердых и сильных сортов пшеницы, особенно высоко ценившейся на рынке, был суглинок. Он располагался в районе рек Камелик, Таловка, Глушица, Чаган с притоками. К концу 70-х гг. хищническое хозяйствование нанесло землям Николаевского уезда заметное опустошение. Хозяйство практиковалось, по словам Лишина, "без оглядки и без малейшей мысли о будущем. О ковыльных залогах (девственных землях) остались одни воспоминания"⁵⁴.

В свое время Н.М. Дружинин подверг сомнению устоявшееся мнение о неплодородности заволжских степей. Он подметил как главную особенность Самарского Заволжья "сочетание благоприятных природных условий: плодородия почвы, теплого климата и крупного водного пути с многоземельем осваиваемой окраины"⁵⁵. К этому следует добавить замечание авторов военно-ста-

⁵³ Лишин И. Очерк Николаевского уезда (Самарской губернии) в статистическом и сельскохозяйственном отношении. СПб., 1880. С. 24.

⁵⁴ Там же. С. 25.

⁵⁵ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. М., 1978. С. 246-247.

тистического описания Саратовской губернии о том, что "слой возделываемой земли здесь весьма неглубок, не требует по своей воспроизводительности сильной, рачительной распашки, но скоро теряет свою растительную силу"⁵⁶. Учитывая это обстоятельство, вряд ли можно согласиться с мнением Дружинина о том, что "и тут отсталая техника вела к преждевременному истощению почвы"⁵⁷. Причина здесь скорее не в технике вспашки, а в хрупкости плодородия, не выдерживавшего столь обычных для этого края посевов хлеба по хлебу, практиковавшихся не только крестьянами, но крупными посевщиками.

Самарская губерния дает еще более выразительную картину распределения пашни и леса, нежели Саратовская (см. табл. 5).

Те же по сути характерные черты доведены здесь до максимума. Самый распаханый Самарский уезд при наименьшем удельном весе лесов на севере губернии и огромные площади пашни в почти безлесных южных уездах, едва превышавшие при этом половину территории уезда, а в Новоузенском — не достигающие и 40%. В целом нельзя не отметить огромные площади незанятых и нераспаханных земель, которые имелись в южных уездах и в меньшей степени — во всей губернии. Об этом свидетельствуют данные о кормовых площадях:

Самарский уезд	303 тыс. дес. или	23,5% от площади уезда
Ставропольский	141 -"-	13,9 -"-
Бугульминский	311 -"-	27,2 -"-
Бугурусланский	628 -"-	37,4 -"-
Бузулукский	697 -"-	30,4 -"-
Николаевский	914 -"-	33,3 -"-
Новоузенский	1264 -"-	38,2 -"-

В заключение обратимся к общей картине распределения пахотных земель, представленной на карте-схеме (рис. 3).

Сопоставление этой карты с приведенным выше очерком распространения чернозема в Поволжье указывает на весьма тесную связь географии наиболее плодородного слоя почвы с географией пашни, исторически сложившейся в результате векового процесса колонизации и аграрного освоения российским крестьянством обширного региона.

Распашка правого берега Волги двигалась опережающими темпами. Граница интенсивной распашки в Саратовской губернии проходила значительно южнее. Даже Камышинский уезд был ос-

⁵⁶ Военно-статистическое обозрение: Саратовская губерния. С. 92.

⁵⁷ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. С. 247.

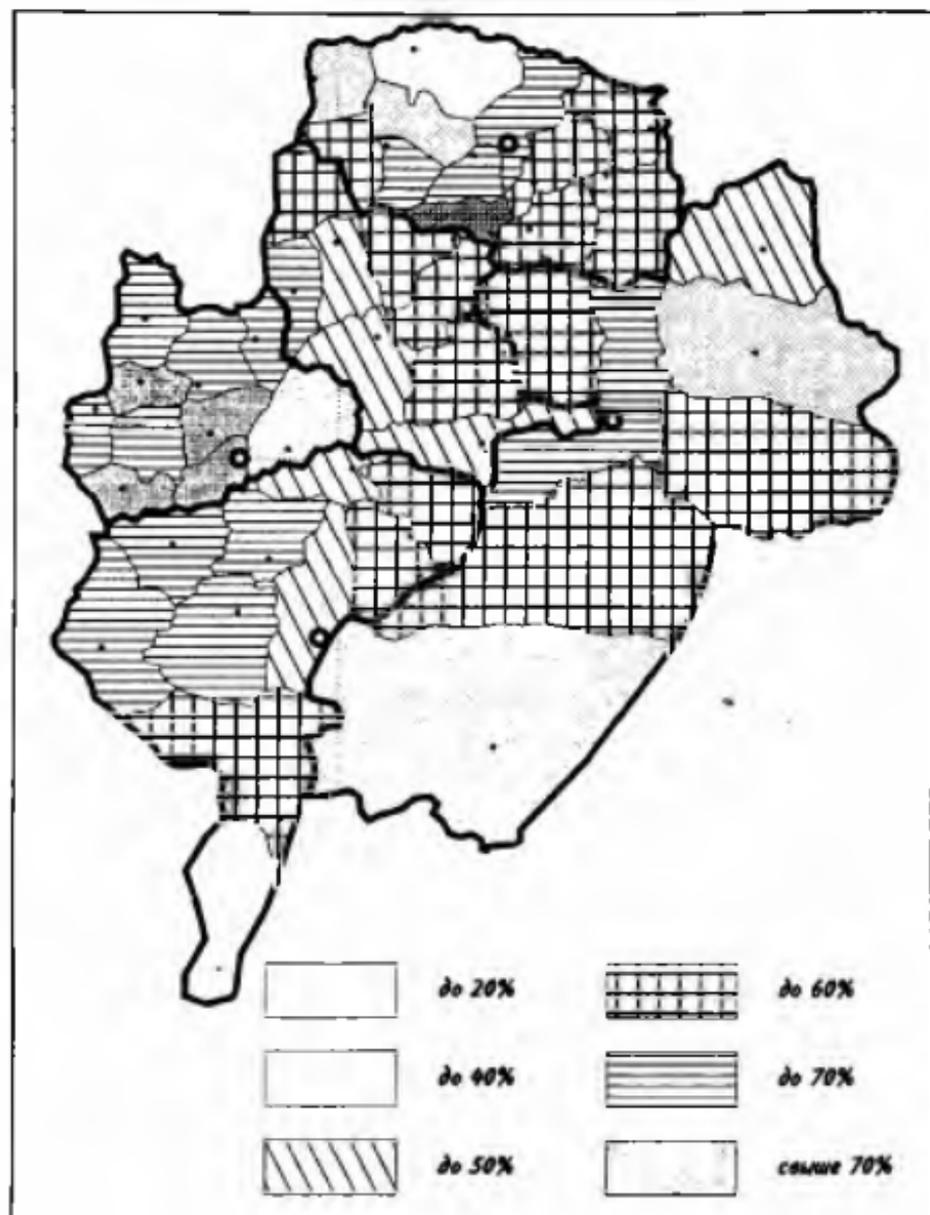

Рис. 3. Карта-схема распределения пахотных угодий в Поволжье в конце XIX века (удельный вес в %% к площади уезда)

воен намного полнее, чем противоположащий ему на левобережье Новоузенский. На карте это видно четко. Виден также земледельческий характер Казанской губернии, где лишь один Царевококшайский уезд не вписывался в общую картину региона.

Наконец, представленная карта свидетельствует о существовании в Поволжье зон особенно интенсивной земледельческой деятельности крестьянства, очагов традиционной земледельческой культуры, а следовательно и определенного уклада жизни.

Характер растительного и животного мира во многом определялся климатом. Северная часть региона, заключенная в полосе шириной в расстояние между Казанью и Самарой, являлась переходной от леса к степи. Лето здесь было теплым. В июле средняя температура колебалась между 20 и 22 градусами по Цельсию. Зима прохладная: колебания от -4 до -5 градусов на западе и -14 градусов на востоке. Континентальность климата нарастала с запада на восток. По свидетельству Липинского, "климат Симбирской губернии... отличается весьма заметными переходами температуры от лета к зиме, но он далеко не носит того резкого характера, которым отличаются более восточные части России, находящиеся по левую сторону Волги. Уже в Самарской губернии переходы температуры значительно резче. Летний жар нередко достигает там 30 и 32 градусов по Реомюру (37 и 40 градусов по Цельсию — П.С.), а зимние холода сопровождаются метелями и буранами, которые в степных местах в гг. Бугульме, Бузулуке и Бугуруслане заносят дома до крыш"⁵⁸.

Температурные характеристики степной зоны были близки к лесостепной, но климат более континентальный и сухой с частыми пыльными бурями и сухими горячими ветрами. Эти явления отмечались и с южной части лесостепной зоны в Симбирской и Самарской губерниях, где с Петрова дня с наступлением сенокоса обычно несколько недель сряду стояла сильная жара. Она сопровождалась душными ночами, раскаляя воздух, лишенный очищающих дождей и росы. От этого воздух делался малопрозрачным из-за мельчайшей раскаленной пыли, которая стелилась по полям густым слоем, подобно туману. Это явление именовалось мглой. Особенно жестокой она была в Самарской губернии, где превращала посевы и травы в выжженную пустыню.

Если окинуть взором весь регион с севера на юг, то можно заметить различную степень влияния климата на земледельческую деятельность. В Казанской губернии дождливый период обыч-

⁵⁸ Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. Ч. 1. С. 227.

но начинался с конца июня до половины июля, но крестьянин видел от него не пользу, а скорее вред, т.к. он мешал сенокосу, а на хлебе вызывал ржавчину⁵⁹. Существенной оказывалась даже небольшая возвышенность и особенно лесистость. В лесных районах крестьянин не боялся засухи и потому не спешил весной засеять поля, как на открытых, безлесных пространствах. Зато малоснежные зимы при сильных морозах приводили здесь к вымерзанию хлебов. В первой половине XIX в. такие бедствия были отмечены в 1833, 1834, 1835, 1841 и 1842 гг., когда после февральских буранов в марте бывали юго-западные ветра и оттепель. На возвышенностях с него рано сходил, а затем случались сильные морозы по ночам⁶⁰.

Тяжелейший неурожай и голод 1891 г. заставил сельских хозяев Казанской губернии специально обсуждать влияние лесной растительности на пахотные угодья и урожайность⁶¹. Земские статистики имели довольно оптимистический взгляд на общий природно-климатический облик губернии: "Столь значительная земляная масса, составленная из рыхлых легко поддающихся обработке горных пород, к тому же дренированная многоводными реками, прорезывающими эту толщу земли в разнообразных направлениях до глубины в несколько десятков сажен, служит неисчислимым первоисточником жизненных благ для обитателей Казанской губернии, а ее положение под 53 град. 17,47 мин. с.ш. дает возможность растительному и животному миру пользоваться благами северного умеренного климата. Все это, взятое вместе, уже в самой основе ставит Казанскую губернию наряду с местностями, наивыгоднейшими для развития главным образом земледельческой промышленности"⁶². Заметим также, что земские статистики, считая равный и пониженный рельеф самым выгодным для земледелия в его примитивных формах, расположили различные орографические районы Казанской губернии по степени удобства следующим образом: "Район Волжско-Камской низменности и низменности р. Свияги, Цивили и Суры, причеремшанские возвышенные районы Спасского и Чистопольского уездов, районы юго-западного возвышенного плато, расположенные к западу от р. Свияги, а также юго-восточная возвышенность, зашешминский

⁵⁹ Материалы для географии и статистики России: Казанская губерния. С. 131.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Труды съезда сельских хозяев Казанской губернии в сентябре 1893 г. при Имп. Казанском экономическом обществе. Казань, 1893.

⁶² Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования по Казанской губернии: Часть экономическая. Казань, 1896. С. 2

участок Чистопольского уезда, и, наконец, область водораздела р. Волги и Свияги"⁶³.

В Симбирской губернии влияние климата начинает возрастать. Это видно, к примеру, по районированию злаков. Северную часть губернии можно отнести к полосе ржи, но и здесь местами, особенно на восточных скатах внутренних перевалов, родилась пшеница. Южная же часть, прежде всего Сызранский уезд, вполне можно причислить к полосе пшеницы.

Климатические особенности северной и средней полосы (Казанская, Пензенская, Симбирская, северная часть Саратовской губерний) жестко ограничивали и время основных земледельческих операций — сева и уборки. Яровые посевы, исключая гречу, должны были быть окончены в течение двух — трех недель, с 20 апреля по 7 мая, а озимые — в две недели, с 1 по 15 августа. Основные яровые хлеба (кроме овощей и гороха) поспевали в период с 15 июля по 7 августа, т.е. как раз во время озимого посева. Отсюда — громадное напряжение труда. Всякое промедление оборачивалось ощутимыми потерями: в кратчайшие сроки нужно не только засеять и запахать побольше земли, но и убрать урожай.

Континентальность климата требовала агротехнических приемов, отличных от зон, не знавших жестоких морозов, долго лежащих снегов, осенних и весенних заморозков, грязи и гололедицы, шести — семимесячного перерыва в полевых работах. В таких зонах посевы тяготели к весеннему или осеннему равноденствию, под благодатные дожди, в сроки наименьшей вредоносности насекомых. В средневолжской полосе посевы яровых приходились не под мартовские дожди, а под сухие восточные ветры и наступающие жаркие дни, а озимые, высеваемые дней за сорок до осеннего равноденствия, прихватывали окончание жаркого, сухого периода. Пензенские крестьяне вынуждены были делать частые высевы и рассчитывать при этом на двойную температуру и двойные всходы мелко и глубоко зарытых зерен. Если случалась во время посева влажная и теплая погода, то мелко зарытые зерна скорее всходили, укоренялись и одни давали хороший урожай, заглушая рост всходов, которые давали впоследствии глубоко зарытые зерна. Если же температура была неблагоприятной и мелкозарытые зерна гибли от засухи или насекомых, то оставалась надежда на поздние всходы глубоко зарытых зерен, способных хотя бы спасти от голода, потери семенного фонда. При такой обработке земли под посев ржи (по уже взметенному пару) "самым превос-

⁶³ Там же. С. 20.

ходным орудием" оказывалась русская соха, т.к. она не оборачивала пласт как плуг, а только поднимала небольшую борозду земли и, смешивая землю с зернами, образовывала из нее узенькую грядку, в которой находились и глубоко, и мелко зарытые зерна. Сам посев образовывался рядами, что также благоприятно сказывалось на урожае⁶⁴.

В Саратовской губернии, самой южной на правобережье Поволжского региона, континентальность климата была еще резче, и атмосферные перемены сильнее влияли на почву: в дожди земля расплывалась до того, что невозможно было пахать, а первая же жара вызывала иное неудобство — пыль. Глинистая почва была очень тяжела для подъема, особенно если по ней ходил скот. Крестьянам приходилось ждать дождя, либо при пахоте выворачивать огромные комья, затруднявшие боронование. К тому же, по мнению местного наблюдателя, "черный цвет почв, поглощая солнечные лучи, значительно увеличивает теплоту, что в дождливое лето служит благоприятным обстоятельством, а в сухое и жаркое — наоборот. Так что при всей тучности здешних почв, урожаи весьма много зависят от климата", — делает он окончательный вывод⁶⁵.

Быстрое наступление весенней теплоты вынуждало крестьян Саратовской губернии очень рано сеять яровые (почти на месяц раньше, чем под Москвой). Правда, в этом случае опасность представляли поздние морозы, которые нередки в этих местах. В то же время можно было благополучно убрать яровые хлеба, т.к. хорошая сухая погода продолжалась в осенние месяцы, что при огромных южных запашках было весьма существенно. Для озимых посевов важно было не упустить дождя, успеть до обыкновенного здесь "продолжительного бездождия"⁶⁶.

Еще резче ощущалось влияние климата на земледелие в Заповжье, на территории Самарской губернии. Даже в северном Бугульминском уезде, богатом лесами, весенние и осенние морозы, сильные ветра в конце зимы, оголявшие землю и убивавшие посевы пшеницы, а нередко и ржи, становились преградой на пути высоких сортов красного хлеба. Поэтому здесь почти не выращивали пшеницы, ни яровой, ни озимой⁶⁷.

⁶⁴ Материалы для географии и статистики России: Пензенская губерния. Ч. 1. С. 400-401.

⁶⁵ Никольский А. Хозяйственное описание Балашовского уезда. С. 14.

⁶⁶ Там же. С. 25-27.

⁶⁷ Змеев Л.Ф. Медико-топографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии. М., 1883. С. 16.

Климатические контрасты Самарской губернии представляли собой крайнюю степень развития тех особенностей Поволжья, о которых говорилось выше. Отсюда — возможность известной экстраполяции статистики атмосферных осадков и гидрографических данных, представленных в табл. 6.

Таблица 6. Гидрография и атмосферные осадки в Самарском За-
волжье в конце XIX века

Уезды	Реки		Озера		Атм. осадки мм
	число	%%	число	%%	
Самарский	182	14,4	17	5,0	390
Ставропольский	193	15,2	56	16,6	434
Бугульминский	320	25,3	15	4,4	420
Бугурусланский	228	18,0	6	1,8	358
Бузулукский	176	13,9	232	68,6	400
Николаевский	108	8,5	9	2,7	320
Новоузенский	60	4,7	3	0,9	283
По губернии	1267	100,0	338	100,0	372,1

Источник: ЦИИМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2171. Л. 29 об.; ГАСам.О. Ф. 149. Оп. 1. Д. 431. Л. 8.

Гидрографическая сеть северных уездов была более разветвленной, хотя резко выделялся своей безводностью лишь Новоузенский уезд, самый крупный по площади в Самарской губернии. В четырех северных уездах почти втрое больше рек и существенно выше средняя норма атмосферных осадков. Если вывести за скобки Бузулукский уезд с его аномально большим числом озер, то и по этому показателю северные уезды намного превосходили южную зону. На третьей части всей площади губернии сосредоточено более чем две трети всех рек. Особенно бедны влагой были самые крупные в Поволжье уезды Николаевский и Новоузенский.

Из всех поволжских губерний наиболее разветвленной и удобной с точки зрения аграрного развития гидросистемой располагала Казанская. Волга пересекала ее по диагонали, омывая семь уездов из двенадцати, а с остальными была связана своими притоками. Кама пересекала четыре самых плодородных уезда, неся водный поток с востока на запад. Северные притоки Волги (Ветлуга, Рутка, Кокшага, Иеть, Казанка, масса мелких речек и речушек) питали влагой мощные леса и служили сплавными арте-

риями для строительного материала. Лишь два уезда (Лаишевский Чистопольский) были небогаты реками. Особенно страдал этим Чистопольский уезд: Кама проходила по его северной границе, а Шешма и Черемшан не имели для него большого значения как средства сообщения⁶⁸. Водное орошение большей части губернии было даже в излишестве. К примеру, в одном Козьмодемьянском уезде считалось 57 речек и 150 ручьев, имевших важное аграрное значение⁶⁹.

Крупнейшими водными системами Волжского бассейна на правобережье были Сурская и Мокшанская. Сура играла особенно важную роль для двух губерний — Симбирской и Пензенской. Она омывала плодороднейшие черноземные пространства, стягивая их в единую аграрную систему как важнейшая водная коммуникация. Насколько мощной была орошающая роль Суры, свидетельствует ее огромная пойма, обладающая неповторимыми чертами особого аграрного района, что и было зафиксировано русскими экономистами (см. Присурский лесной район у А.И.Скворцова): здесь залегали на некоторой глубине плотные глины, сильно задерживающие влагу. Отсюда — масса водных источников и обилие ключевой воды, которую, собственно, и несла Сура⁷⁰. Мокша, главный приток Оки, также стягивала довольно разветвленную сеть речек и речушек. Значительные притоки Мокши — Саранга, Юловка, Иса, Сивин, Муромка, Скачки, Ломов и другие⁷¹. В долинах больших рек встречались и болота, заливы, озера. Но они не играли в Пензенской губернии важной роли. Болотистая местность образовывалась по извилистому течению Мокши и ее главных притоков Атмиса и Сивини, а также в широких долинах рек Хопер, Аргада и их притоков. Наиболее характерно это для Краснослободско-Инсарской низменности⁷².

Дальше на юг гидрография становилась все беднее. Важное значение для Саратовской губернии, кроме Волги, имела река Медведица, в полую воду становившаяся судоходной, а также Хопер, уносившие свои воды прочь от Волги.

Великая русская река, давшая название обширному краю, воспета в несметных преданиях, песнях, художественных полотнах, однако аграрное ее значение пока всерьез не проанализиро-

⁶⁸ Материалы для географии и статистики России: Казанская губерния. С. 95.

⁶⁹ Там же. С. 94.

⁷⁰ Скворцов А.И. Хозяйственные районы... С. 71.

⁷¹ Материалы для географии и статистики России: Пензенская губерния. Ч. 1. С. 61.

⁷² Там же. С. 62.

вано. Ее уникальность вполне сознавалась и в то время, о котором идет речь в настоящей работе: "Волга протекает девять губерний, принадлежащих к лучшим, самым населенным и плодородным частям России. Длина Волги, огромное пространство, занимаемое ее речною областью, различные градусы широты, между которыми несет свои струи великая река, обуславливают чрезвычайно разнообразные и многообразные явления в формах ее природы. Если житель Осташковского уезда, на источниках Волги, своим трудом может прокормиться на своей неблагодарной почве; если он заботливо закрывает на зиму соломой свои немногие яблони-калеки, дабы защитить их от жестоких морозов, то зато саратовец совсем не знает, что такое удобрение почвы, и получает без труда обильную жатву с благословенных полей своих, а в Астраханской губернии воздух наполняется благоуханием миндальных дерев, в ней растут шелковичные деревья и висят на лозах тяжелые грозди винограда. Все губернии по средним и нижним частям Волги могут считаться житницей восточной Европы"⁷³.

В приведенном наблюдении содержится важная мысль: связь южного плодородия с могучей рекой. Волжские воды несли в себе животворные для засушливого юга частицы почвы. вбирая их на севере вместе со своими неисчислимыми притоками и особенно в пору половодья. Поэтому вдоль волжских берегов далеко на юг протянулась полоса плодородных земель с очень тонким слоем гумуса. То, что почвенно-климатические условия в нижнем Поволжье не требовали больших трудовых затрат от земледельца, было отмечено еще в XVIII в. И.И.Лепехиным: "Песчаные, хрящеватые и иловатые пашни (в верховьях Волги) поистине крестьян делают тружениками, ибо где кучка навозу, так и кучка хлеба, как говорят крестьяне. В то же время, когда низовые мужики, посеяв яровое, отдыхают, верховые удобряют свою озимую пашню навозом, за которым удобрением следует сеной покос и жатва. Низовой крестьянин во всю зиму даже до ярового посева бывает свободен и отправляет только домашние надобности; верховый, напротив того, удобряет в великий пост свою яровую пашню. Низовой пользуется одним паханием и боронованием; верховый дважды сию работу отправляет принужден бывает, первый под пар, а другой под посев"⁷⁴.

⁷³ Овсянников А. Географические очерки и картины. Т. I. Очерки и картины Поволжья. СПб., 1878. С. 3.

⁷⁴ Цит. по: Шапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Сочинения. Т. 2. СПб., 1906. С. 224.

В советской литературе был предложен интересный вариант количественного выражения того влияния, которое оказывают почвенно-климатические условия на земледелие — через соотношение производительности труда⁷⁵. По подсчетам А.В. Дулова, Поволжье входило в зону, наиболее благоприятную для земледелия. Здесь производительность труда в 3-4 раза превышала уровень Северо-западного района Европейской России и почти в два раза — уровень Центрально-черноземного. Вместе с тем, и контрасты здесь были наибольшими, если сопоставить значения коэффициента, предложенного Дуловым⁷⁶:

Север.....	1 - 1,4
Северо-запад.....	1,1
Прибалтика.....	1,9
Запад.....	1,4
Центральный нечерноземный....	1,3
Центральный черноземный.....	2,1
Юго-запад.....	2,0
Поволжье.....	2,1 - 4,1
Левобережная Украина.....	1,6
Южный степной.....	3,3 - 3,5

Как видим, Поволжье стояло много выше черноземной зоны Центра России и в отдельных своих местностях выше степного Юга по уровню производительности труда. То, что это достигалось главным образом за счет природных факторов, подтверждается рассчитанным Дуловым соотношением затрат труда (в человеко-днях). По этому показателю Поволжье занимало самую выгодную позицию: здесь затраты труда оказались наименьшими в Европейской России.

Таким образом, Поволжье являлось одним из наиболее благоприятных для земледелия регионов. Основу его природных богатств составлял, несомненно, мощный плодородный почвенный слой, в котором господствующее положение занимал "царь почв" — чернозем с многочисленными суглинистыми и супесчаными вариациями. Он придавал внешне мозаичной картине почв внутреннее единство, определившее господство на всей территории крестьянского типа хозяйствования.

Внутреннее единство не исключало вместе с тем и резких контрастов в организационно-хозяйственном укладе крестьянства.

⁷⁵ Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV — середина — XIX в. М., 1983. С. 59.

⁷⁶ Там же.

В них нашла свое выражение сложная история аграрных отношений. Формирование аграрного строя на протяжении XIX столетия прошло под знаком определяющего влияния рассмотренных природно-географических факторов. Гидрография региона в целом, бесспорно, благоприятная для земледельческого производства, не создавала достаточных условий для разветвленной инфраструктуры рынка на основе водных коммуникаций.

ГЛАВА II. ПЛОТНОСТЬ И ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ

Хозяйственный облик аграрного региона творится трудящимся на земле человеком — крестьянином. Благоприятные почвенно-климатические и географические условия создают лишь предпосылки к тому. Как известно, Поволжье имеет богатую историю заселения края. Каждая новая волна колонизации, каждый ее поток (будь то помещичья, монастырская, казенная, удельная или самая мощная — вольная колонизация) приносили новое в сокровищницу аграрного опыта поволжских крестьян. Отсюда такое многообразие земледельческих систем, пестрота хозяйственных и бытовых укладов.

Поволжье было регионом постоянно растущего населения. Все без исключения уголки его в разное время испытали наплыв новоприходцев. В середине 50-х гг. XIX в. численность населения здесь превышала 6,8 млн. человек, что было вдвое больше, чем в колонизируемой Сибири, и составляло 11,8% от населения Европейской России⁷⁷. XIX век следует признать эпохой, когда были сделаны решающие шаги в хозяйственном освоении богатых волжских земель.

Внутри региона сельское население распределялось следующим образом⁷⁸:

Губернии	1858 г.	1897 г.	1916 г.
Казанская	22,1%	20,8%	20,5%
Симбирская	16,4%	16,0%	15,1%
Пензенская	16,6%	14,0%	13,6%
Самарская	22,4%	27,2%	28,6%
Саратовская	22,5%	22,0%	22,2%

⁷⁷ Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858. С. 204-207.

⁷⁸ Подсчитано по: Кабытов П.С. Аграрные отношения... С. 11.

Динамика населения сводилась к очень медленному сокращению доли сельских жителей во всех губерниях Поволжья (в целом по региону – с 92,9% в 1856 г. до 88% в 1916 г.), что соответствовало общероссийскому процессу. Внутри же региона перераспределение сельского населения привело в одних губерниях к сокращению (Казанская, Симбирская, Пензенская) их доли, в других, наоборот, к росту (Самарская), в третьих была относительно стабильная ситуация (Саратовская). Самарское Заволжье явно выделяется как зона колонизации, вбирающая в себя выходцев из соседних губерний. Внутренняя миграция, таким образом, сохраняла свое юго-восточное направление на протяжении всего пореформенного периода.

Возьмем, к примеру, Казанскую губернию. Перед отменой крепостного права здесь наблюдался заметный отток населения⁷⁹:

	Приписалось		Выписалось		Убыль
	Всего	Крестьян	Всего	Крестьян	
1851 г.	16	5	23	11	7
1852 г.	208	78	389	339	181
1853 г.	164	130	213	188	49
1854 г.	185	160	205	181	20
1855 г.	179	177	205	203	26
1856 г.	157	101	612	553	455
1857 г.	125	95	453	408	328
Всего за 7 лет	1034	836	2100	1883	1066

Передвигались преимущественно крестьяне. Причем, если в приходе абсолютно преобладали помещичьи, то в исходе с 1856 г. на первом месте уже были государственные крестьяне. Удельные не переселялись из Казанской губернии вовсе, а приход их был также ограничен единичными случаями. Из других сословий наибольшей мобильностью здесь обладали купцы, но у них приход преобладал над исходом.

Близка картина по Симбирской губернии: за 1856-1861 гг. в губернию переселилось 1051 чел., из губернии вышло 2169 чел.⁸⁰, т.е. исход преобладал, и разница выразилась числом в 1118 чел. В Пензенской губернии отрицательный баланс земле-

⁷⁹ Материалы для географии и статистики России: Казанская губерния. С. 198.

⁸⁰ Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. С. 283.

дельческого населения был еще больше. За четыре года (с 1856 по 1859) сюда переписалось 132 купца, 64 мещанина, 31 государственный и 491 крепостной крестьянин, всего — 718 душ м.п.⁸¹. Выписалось из губернии купцов — 50, мещан — 126, государственных крестьян — 4717, помещичьих — 1082, всего — 5975 душ м.п.⁸² Исход превысил приписку на 5257 душ, и абсолютное преобладание в числе выбывших принадлежало государственным крестьянам. По данным пензенской казенной палаты, переселившиеся в Пензенскую губернию были выходцами из двадцати четырех губерний России, более других из:

	Купцы	Мещане	Гос. крестьяне	Пом. крестьяне	Всего
Тамбовской	46	8	6	140	200
Нижегородской	12	4	-	122	138
Симбирской	5	10	-	79	94
Московской	5	2	-	66	73
Саратовской	19	25	5	24	73
Самарской	2	6	12	10	30
Рязанской	4	2	-	23	29
Тверской	1	-	-	12	13
Владимирской	11	-	-	-	11

В движении переселенцев, как видим, преобладало общее направление на юг и юго-восток. Пензенская губерния — западный край Поволжья — вобрала потоки из черноземного и промышленного центра и верхней Волги, т.е. из зон развитой агрикультуры и глубоких земледельческих традиций. Однако нельзя не заметить, что абсолютное большинство переселенцев составили помещичьи, т.е. крепостные крестьяне, для которых переселение было отнюдь не добровольным актом. Только этим можно объяснить большое число выходцев из Симбирской губернии. Из лежащей южнее Саратовской губернии выезжали в основном купцы и мещане. Из Заволжья число крестьян-переселенцев на запад и вовсе было небольшим.

⁸¹ Материалы для географии и статистики России: Пензенская губерния. Ч. I. С. 358-359.

⁸² Там же. С. 360.

Жители Пензенской губернии выехали в тридцать две губернии и города России, но большинство их направилось в:

	Купцы	Мещане	Гос. крестьяне	Пом. крестьяне	Всего
Томскую		4	1785		1789
Самарскую	1	14	1471	259	1745
Оренбургскую		-	1025	-	1025
Саратовскую	13	54	55	238	360
Симбирскую		6	21	159	186
Нижегородскую	4	3	-	175	182
Тамбовскую		12	7	153	172
Тобольскую	6	1	125		132
Астраханскую	1	7	108	1	117
Ставропольскую	-	-	64		64
Владимирскую	2	1		29	32
Тифлисскую	-	2	29		31
Рязанскую	3			20	23
Енисейскую			21		21

Наиболее мощные потоки переселенцев из Пензенской губернии направлялись в Заволжье, Сибирь и Приуралье. Эти маршруты адекватно отражают социально-экономические мотивы переселения крестьян. Например, государственные крестьяне мигрировали в самые привлекательные районы, как, впрочем, и самые дальние. 38% всех переселенцев оседали в пределах поволжского региона, главным образом, Самарского Заволжья.

В Саратовскую губернию переводились чаще из Рязанской, Московской и Тульской губерний. Зоркий и заинтересованный наблюдатель А.П.Заблоцкий-Десятковский заметил еще в 1841 г., что "едва ли можно отдать преимущество помещичьим переселениям перед казенными <...> Последние уже то имеют на своей стороне преимущество, что совершаются добровольно. Но помещик переселяет для своей выгоды. И переселенцы весьма многие умирают прежде, нежели обживутся. На них действует и чувство неволи, и непривычка к климату, и грусть по родине, которая всегда сильнее у бедного и дикого, нежели у образованного человека, видящего и далее и яснее"⁸³.

⁸³ Заблоцкий-Десятковский А.П. О крепостном состоянии в России // Граф П.И. Киселев и его время. Т. IV. СПб., 1882. С. 285.

Даже столь хорошо продуманное и подготовленное переселение, которое описано у С.Т. Аксакова, не обошлось без горьких слез, когда "потянулись в путь бедные переселенцы... навсегда прощаясь с стариною, с церковью, в которой крестились и венчались, и с могилами дедов и отцов"⁸⁴. В этом случае все благоприятствовало переселению: крестьяне, хотя и покидали плодородную, политую своим потом землю, но и обретали аршинный чернозем в Бугурусланском уезде, прекрасно обводненный при вполне благоприятном климате. Барин не гнал своих крепостных в неизвестность, в голую степь. Напротив, после покупки, "в ту же осень двадцать тягол отправились в Бугурусланский уезд, взяв с собою сохи, бороны и семенной ржи; на любых местах (!) взодрали они девственную почву, обработали двадцать десятин озимого посева, то есть переломали непаренный залог и посеяли рожь под борону; потом подняли нови еще двадцать десятин для ярового сева, поставили несколько изб и воротились домой. В конце зимы другие двадцать человек отправились туда же и с наступившею весною посеяли двадцать десятин ярового хлеба, загородили плетнями дворы и хлевы, сбили глиняные печи и опять воротились в Симбирскую губернию; но это не были крестьяне, назначаемые к переводу; те оставались дома и готовились к переходу на новые места: продавали лишний скот, хлеб, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь"⁸⁵.

Во всем видна незаурядность и распорядительность помещика, знавшего, что к приходу крестьян должен уже стоять хлеб, готовый под серп. Это лучший аргумент для русского крестьянина, который прикипал душой к земле, одарившей его хлебушком. Любопытна и глубоко логична последовательность освоения, точнее обживания новой земли: озимый (самый надежный) посев — яровой посев — строительство огороженных плетнями дворов и хлевов — кладка печей. В этом процессе как в зеркале отразилась могучая вековая психология крестьянина: сначала жито, потом животины, а потом кормилица-печь. Все остальное нарастет.

Помещик разрешил также ряд важных проблем, связанных с переселением крепостных: зароды ставили не те крестьяне, которым предстояло переселяться. Последним до поры не следовало знать дороги в новые места (а следовательно, и обратно). Они должны были чутко прислушиваться к восхищенным рассказам побывавших там соседей, вкусивших вольного житья, сладкой возможности пахать "на любых местах", изобилия девственной расти-

⁸⁴ Аксаков С.Т. Семейная хроника // Собр. соч. в 3 тт. Т. 1. М., 1986. С. 40.

⁸⁵ Аксаков С.Т. Семейная хроника. С. 39-40.

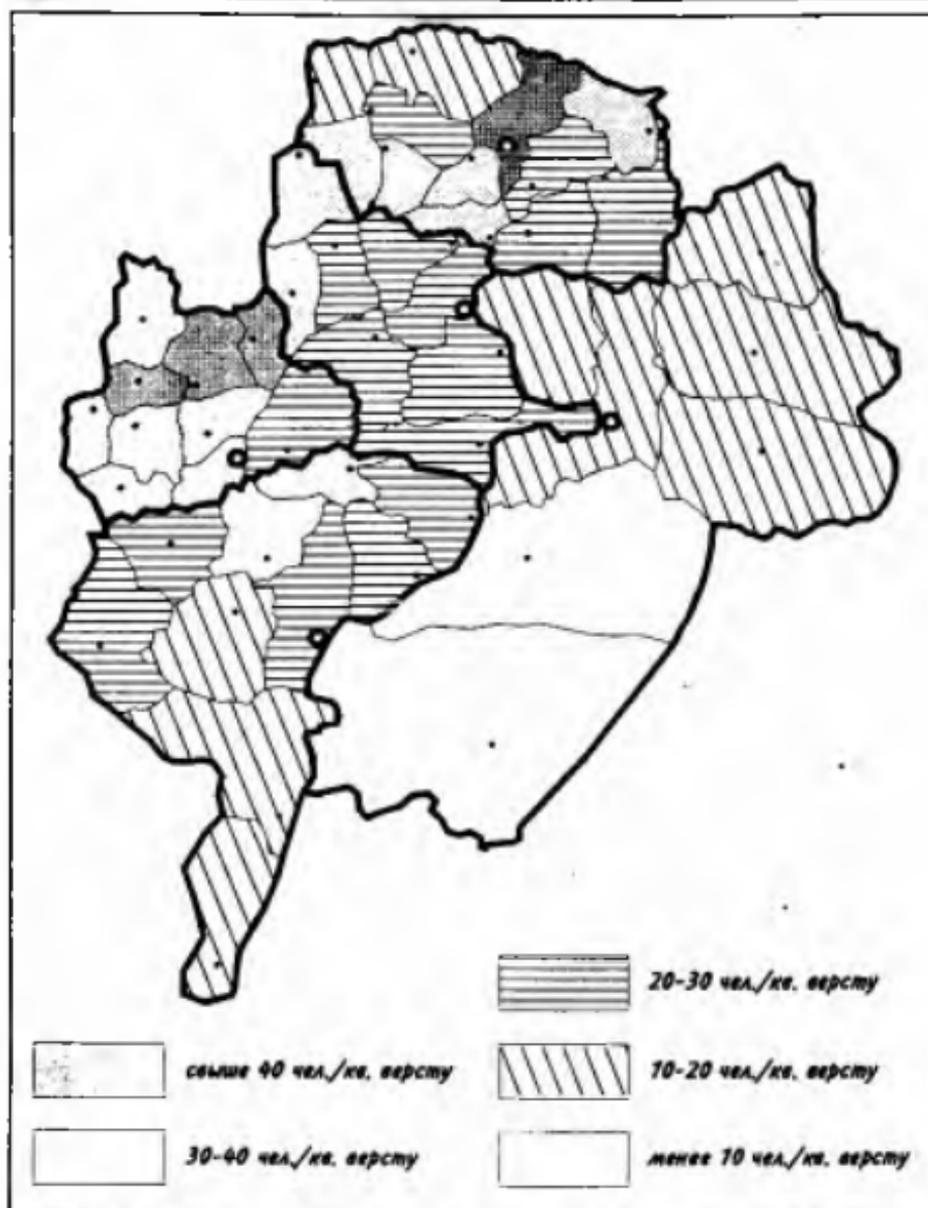

Рис. 4. Плотность населения в Поволжье в середине XIX века

тельности и зверья. То, что это была не пустая причуда барина, видно из следующего восклицания почтенного отпрыска самарских помещиков: "Переселение, тяжкое везде, особенно противно русскому человеку; но переселяться тогда в неизвестную басурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрых слухов, где, по отдаленности церквей, надо было и умирать без исповеди и новорожденным младенцам долго оставаться некрещеными — казалось делом страшным..."⁸⁶

Однако такая картина переселения, о которой вспоминал С.Т.Аксаков, была счастливым исключением. Гораздо ближе к большинству случаев замечание Заблоцкого-Десятовского, вырвавшееся у него под впечатлением бесед с саратовским губернатором: "В Саратовской губернии переселения совершаются преимущественно за Волгу; редкие из помещиков заготавливают наперед порядочные для крестьян помещения; они большую часть первые годы проводят в землянках"⁸⁷.

Интегральным показателем освоения территории является плотность населения. Результатом предреформенной колонизации Поволжья была та весьма неоднородная картина его заселенности, которая представлена на карте-схеме (рис. 4).

Таблица 7. Заселение Поволжья в пореформенный период

Заселяемая губерния	Всего населения	Число. неместных уроженцев	% %	Прилив + Отлив -
Самарская	2751336	244974	8,9	+5304
Саратовская	2405829	142972	5,9	-79711
Казанская	2170665	64425	3,0	-120883
Симбирская	1527848	40890	2,7	-131746
Пензенская	1470474	33996	2,3	-186155
Поволжье	10326152	527257	5,1	-513191

Источник: Тихонов Б.В. Переселения... С. 177-179. Приложение 2.

Подробный материал мы имеем для конца XIX в. благодаря знаменитой переписи населения 1897 г., во время которой фиксировались жители неместного происхождения трех категорий: 1) уроженцы других уездов данной губернии; 2) уроженцы других

⁸⁶ Там же. С. 40.

⁸⁷ Заблоцкий-Десятовский А.П. О крепостном состоянии в России. С. 285.

губерний России; 3) уроженцы иностранных государств⁸⁸. Мы присоединяемся к мнению Б.В.Тихонова о том, что "данные переписи 1897 г. с наибольшей точностью характеризуют размеры передвижения жителей, происходившего в 70-90 гг. XIX в., т.е. подводят итог внутренним миграциям населения на протяжении почти всего периода развития домонополистического капитализма в России"⁸⁹. Для нас это особенно важно, т.к. окончательное оформление аграрного облика Поволжья как района торгового зернового хозяйства сложилось именно в этот период.

Из всех губерний Поволжья лишь Самарская сохранила статус колонизируемой территории, только здесь наблюдался прилив населения, хотя разность между приходом и выходом была невелика. Небольшая доля неместных уроженцев все же была выше, чем в центрально-черноземном (3,2%) и центрально-промышленном (4,8%) районах. Это превосходство достигалось за счет Самарской и Саратовской губерний. Пополнение населения региона извне можно видеть из следующих данных: выходцы из-за пределов Поволжья составляли 54,7%. Из 288044 уроженцев неповолжских губерний 210025 приходились на губернии, давшие наиболее крупные потоки (свыше 1 тыс. чел.), составило 72,9%. Больше других в Поволжье оказались уроженцев двух центральных районов Европейской России — черноземного и промышленного. При этом две губернии — Самарская и Саратовская — имели положительный баланс (т.е. результат взаимного обмена переселенцами):

1. Самарская с Тамбовской	11012 человек
Нижегородской	8480 -"
Курской	8288 -"
Рязанской	6526 -"
Владимирской	5856 -"
2. Саратовская с Тамбовской	20990 -"
Рязанской	6152 -"

В целом же число выходцев из-за пределов Поволжья среди всех неместных уроженцев по губерниям было следующим:

В Самарской губернии	115133 человека, или	47,0%
В Саратовской -"	83987 -"	59,0%
В Пензенской -"	22011 -"	64,7%

⁸⁸ См.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. I. СПб., 1905. Табл. VI-VII. VII-а. С. 84-159.

⁸⁹ Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в.: По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978. С. 23.

В Казанской -"-	49218 -"-	76,4%
В Симбирской -"-	17695 -"-	43,3%
В Поволжье	288044 -"-	54,6%

Итак, более половины мигрантов прибывали в Поволжье из-за его пределов. Особенно высоким этот показатель был в Казанской губернии, принявшей особенно много переселенцев из Вятской, Нижегородской, Уфимской, Пермской, Костромской, Владимирской и Санкт-Петербургской губерний.

Не менее внушительной была внутрорегиональная миграция: 238827 человек или 45,3% всех неместных уроженцев. В губерниях:

В Самарской	129841, или	53,0%
В Саратовской	58599	41,0%
В Пензенской	11985	35,3%
В Казанской	15207	23,6%
В Симбирской	13195	56,7%

Самарская и Саратовская губернии выступали в качестве объекта колонизации для лесных районов Поволжья. Самарская губерния имела положительный миграционный баланс с Симбирской (41990 чел.), Саратовской (40828 чел.), Пензенской (23623 чел.), Казанской (23400 чел.). У Саратовской губернии такой баланс был с Пензенской (30226 чел.) и Симбирской (12392 чел.). При поуездном анализе выясняется, что наибольшее число неместных уроженцев приходилось на:

Новоузенский уезд	64463 чел., или	15,4%	всего наличного населения уезда
Самарский	60571	17,0%	
Саратовский	47142	14,2%	
Казанский	35062	10,0%	
Царицынский	30173	18,7%	
Николаевский	42459	8,6%	
Бузулукский	35072	7,1%	
Бугурусланский	17235	4,2%	
Балашовский	14987	4,8%	
Ставропольский	14157	5,0%	
Пензенский	12283	7,6%	
Сызранский	11519	4,8%	
Бугульминский	11017	3,7%	
Аткарский	10155	3,5%	

Плотность населения Поволжья к концу XIX в. заметно возросла (см. рис. 5).

Рис. 5. Плотность населения в конце XIX в. в Поволжье (чел. / кв. версту)

На карте-схеме явно видны следы полувековой колонизации региона. Полоса с наиболее плотным заселением протянулась с юго-запада на северо-восток, охватив почти всю Пензенскую, часть Симбирской и Казанской губерний. Столь же плотно заселенной оказалась приволжская местность в районе Саратова.

Южнее протянулась полоса с плотностью в 30-40 человек на кв. версту, далее на юг и за Волгу распространились еще две полосы с последовательно снижающейся плотностью. При сопоставлении с соответствующей схемой для середины XIX в. видны существенные сдвиги: исчез район с плотностью менее 10 чел. на кв. версту, остальные как бы продвинулись на юго-восток. Местность с наивысшей плотностью охватила огромную территорию, причем в отдельных уездах показатель этот резко возрос. Так, в Казанском уезде он составил уже 72 чел. на кв. версту, в Тетюшском — 56, в Пензенском — 55, в Наровчатском — 52 и т.д.

Как выглядел регион на общероссийском фоне? Средняя плотность населения по 50 губерниям Европейской России составляла 22,1 чел. на кв. версту. В Центрально-земледельческом районе, у которого Поволжье уже перехватило к этому времени пальму первенства в зерновом производстве, плотность населения составляла:

В Курской губернии	58,1 чел./кв.версту
В Воронежской	43,7 -"-
В Тамбовской	45,9 -"-
В Орловской	49,5 -"-
В Тульской	52,2 -"-
В Рязанской	48,9 -"-

Именно отсюда пришло большинство переселенцев в Поволжье. Дальше на юго-восток от Поволжья плотность понижалась (Оренбургская губерния — 9,6 чел. на кв. версту; Уфимская — 20,5), как и на северо-востоке (Вятская — 22,5)⁹⁰. В этих направлениях двигались основные потоки выходцев из поволжских губерний. В начале XX в. наблюдался дальнейший рост плотности населения Поволжья (см. табл. 8).

Общая картина размещения населения и его плотность в Поволжье имеет тесную корреляцию с распределением пахотных угодий (см. рис. 3). Это свидетельствует об аграрных приоритетах в сознании переселенцев. Они двигались сюда, прежде всего, в поисках плодородных земель. Осваивали сначала те земли, которые были вблизи густонаселенных районов и удобны для приме-

⁹⁰ Общий свод по империи... Т. I. С. 2.

нения того опыта земледелия, который были вынесен ими с родины. Затем, по мере заполнения вновь освоенных земель, возникала как бы новая полоса заселения. На приведенных выше картах-схемах эта особенность ярко прослеживается.

Таблица 8. Плотность населения Поволжья (чел. / кв. версту)

Губернии	1897 г.	1914 г.
Казанская	38,7	46,2
Пензенская	43,0	50,5
Самарская	20,1	26,8
Саратовская	31,0	37,1
Симбирская	35,1	44,1
Поволжье	28,8	35,0
Европейская Россия	22,1	28,8
Сибирь	0,53	0,9

Источник: Общий свод по империи... Т. 1. С. 2; Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. С. 56; Кабытов П.С. Аграрные отношения... С. 15.

Аграрный опыт переселенцев из Центрально-земледельческих губерний состоял главным образом в умении организовать трехпольное хозяйство зерновой специализации, но в зоне свободных пространств годной к пахоте земли крестьянин увлекался захватом соседних участков. Спутницей захватного землевладения во все времена была переложная система, которая, впрочем, не может быть отнесена к системам земледелия, ибо чаще всего предполагала беспорядочную распашку по принципу "где любо будет". И, как правило, впереди основного фронта колонизации шествовала пшеница твердых и ценных сортов. В дальнейшем крестьянин в довольно короткий срок проделывал эволюцию, давно приведшую его предков в Черноземном центре к трехполюю: с сокращением землепользования он вынужден сначала перейти к двухпольной системе, а затем и к трехполюю. Пшеница родилась все хуже — он переходил ко ржи, сокращение урожая ржи заставляло его подумать об удобрении.

Связь между размерами землепользования и системой земледелия была замечена давно. В.И.Чаславский писал в 1875 г., что "кочевые племена в Европейской России должны переходить к земледелию и оседлости при уменьшении их земель до 40 дес. на каждого жителя мужского пола, как это случилось недавно с башкирами Николаевского уезда... при 10 дес. постоянного наде-

па на душу м.п. наши крестьяне должны уже оставлять переложную систему, как бы ни был плодороден чернозем... При 8 дес. надела нигде в России нельзя встретить у крестьян иной системы, как трехпольную"⁹¹.

Таблица 9. Основные занятия поволжского крестьянства в 1897 г.

Губернии	Всего населения	Земледельцы		Животноводы	
		число	%%	число	%%
Казанская	2170665	1961817	90,4	3293	0,2
Пензенская	1470474	1255442	85,4	3269	0,2
Самарская	2751336	2345995	82,3	15808	0,6
Саратовская	2405829	1843049	76,6	9387	0,4
Симбирская	1527848	1278996	83,7	4385	0,3
Поволжье	10326152	8685299	84,1	36142	0,4
Европейская Россия	93442864	68744188	73,6	711770	0,8

Источник: Общий свод по империи... Т. 1. С. 2; Т. 2. С. 296-297, 304-313.

Девственные ковыльные степи будоражили воображение земледельцев, стесненных скудным наделом даже в государственной деревне. В центрально-черноземных губерниях было уже все распаханно: в ход пошли крутые склоны оврагов, а кое-где даже спускались пруды, и на осушенных пространствах разводились бахчевые культуры (например, в Тимском у. Курской губ.). На запад от берегов Цны, по свидетельству Чаславского, вплоть до австрийской границы пролегал густонаселенная полоса, представлявшаяся "сплошным пахотным полем"⁹². Он же отмечал, что в 40-50-е гг. XIX в. особенное стремление к переселению было развито среди крестьян Харьковской, Воронежской, Тамбовской, частью Курской и Полтавской губерний, преимущественно украинцев, а в 60-70-е гг. оживились некоторые уезды Екатеринославской и юг Воронежской губерний. Если первая волна стремилась достичь юга Самарской губернии и Оренбургского края, Ставрополя и Кубани, то вторая направлена в Закубань⁹³.

Уже к началу изучаемого периода в Поволжье сложились основные, достаточно устойчивые зоны расселения земледельцев, и дальнейшая, особенно пореформенная, колонизация края лишь

⁹¹ Чаславский В.И. Земледельческие отхожие промыслы... С. 186.

⁹² Там же С. 193.

⁹³ Там же С. 197.

развивала общее аграрное направление его экономики. Основную массу жителей составляли земледельцы, что видно из данных переписи 1897 г. (См. табл. 9).

Удельный вес земледельцев в общей массе населения в Поволжье был выше, чем в Европейской России. Выше он также и в каждой отдельно взятой губернии. При этом процентный показатель возрастает с юга на север и принимает в Казанской губернии самое высокое значение — 90,4%. Процент животноводов, напротив, возрастает от севера к югу, а точнее — к юго-востоку. Все это, конечно, указывает на существенные различия в организации сельскохозяйственного производства в двух выявляющихся зонах.

Если перевести данные табл. 9 в относительные значения к поволжскому итогу, то будет виден вклад каждой губернии в региональный аграрный облик (см. табл. 10).

Таблица 10. Погубернское распределение поволжского крестьянства в связи с его основными занятиями в 1897 г. (в %%)

Губернии	Всего населения	Земледельцев	Животноводов
Казанская	21,0	22,6	9,1
Пензенская	14,2	14,5	9,1
Самарская	26,7	27,0	43,7
Саратовская	23,3	21,2	26,0
Симбирская	14,8	14,7	12,1
Поволжье	100,0	100,0	100,0
Доля Поволжья в Европейской России	11,1	12,6	5,1

Источник тот же.

Доля Поволжья в земледельческом населении Европейской России была несколько выше его доли во всем населении — факт, красноречиво свидетельствующий о важном значении региона в аграрном комплексе страны. Внутри самого региона отчетливо видны две группы губерний: три губернии (Казанская, Самарская и Саратовская) дают свыше 70% земледельцев Поволжья. Остальные имели примерно равный удельный вес. Самая крупная по площади губерния — Самарская — была, безусловно, лидером по всем приведенным показателям. Особенно отчетливо это проявилось среди животноводческого населения.

Таким образом, Поволжье практически целиком располагалось в полосе, протянувшейся от Среднего Урала до Карпатских гор с северной границей между 51 и 57 градусами с.ш. и южной — между 47 и 54 град. с.ш., которую А.П.Щапов назвал "геогностическим оазисом чернозема", где "повсюду на широких равнинах и холмиках только и чернеют, изредка пересекаемые перелесками, черноземные полосы пашен; на них повсюду копаются мужики и бабы, то с сохами и боронами, то с серпами и косами: там сеют и боронят, там жнут и кладут хлеб в скирды или на возы..."⁹⁴.

Изучение почвенно-климатических условий и демографической ситуации показывает, что непосредственно перед отменой крепостного права была реализована значительная часть тех потенциальных возможностей для расцвета земледелия, которыми обладал поволжский регион. Вместе с тем огромные пространства юга и юго-востока еще не были втянуты в производственный процесс. В дальнейшем на этих пространствах развернулись грандиозные посевы рыночных зерновых культур, составившие славу поволжского крестьянина-хлебороба далеко за пределами не только региона, но и Российской империи.

Дореформенное аграрное развитие региона создало благоприятные условия для того, чтобы самостоятельное, относительно свободное крестьянское хозяйство стало экономической реальностью пореформенной деревни, Поволжье не только обладало обширными плодороднейшими землями, словно специально созданными для благородных сортов пшеницы, но и впитало в себя богатый аграрный опыт многих поколений переселенцев из самых развитых в земледельческом отношении местностей России. Земельный простор, относительная свобода от помещичьего гнета, удаленность от коронной администрации формировали крепкий моральный дух отважного и предприимчивого хозяина.

ГЛАВА III. НАЦИОНАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ УКЛАДЫ

Объективной реальностью многовековой истории поволжского крестьянства является его многонациональный состав, изученный пока, главным образом, с точки зрения этнографической. Для нас же в данном случае важнее национально-хозяйственные уклады

⁹⁴ Щапов А.П. Историко-географическое... С. 268.

деревни, которые еще не привлекли к себе должного внимания, и это, конечно, существенный пробел в аграрной историографии⁹⁵.

Таблица 11. Этнодемографическая ситуация в Поволжье во второй половине XIX века (%%)

		Русские	Украинцы	Белорусы	Немцы	Татары	Чуваши	Мордва	Марийцы
Казанская									
1875 г.	41,7					28,8	21,6	1,1	6,1
1897 г.	38,4					31,1	23,1	1,0	5,7
Симбирская									
1875 г.	71,6					8,4	8,5	11,3	
1897 г.	68,0					8,8	10,5	12,4	
Самарская									
1875 г.	64,9	3,6	0,8		7,5	5,5	3,5	9,9	
1897 г.	64,5	4,3			8,2	6,0	3,3	8,7	
Саратовская									
1875 г.	75,4	7,0			7,0	3,5	0,7	5,8	
1897 г.	76,7	6,2				3,9	0,6		
Пензенская									
1875 г.	81,5					4,4		10,4	
1897 г.	83,0					4,0		12,8	
Поволжье									
1875 г.	73,0	5,3	0,8		7,3	10,1	8,6	7,7	6,1
1897 г.	66,1	5,3			8,2	10,8	9,4	8,7	5,7

Источник: Кабытса П.С. Аграрные отношения... С. 16.

Сама по себе национальная пестрота крестьянского населения не является исключительной особенностью Поволжья. Это характерная черта вообще России. Важнее иное: 1) народы здесь проживали компактно, т.е. они имели четко выраженную и очерченную исконную территорию; 2) все они имели собственные глубокие аграрные традиции; 3) их объединяла многовековая история совместного возделывания земли, близкого соседства либо чисто

⁹⁵ Определенные шаги в этом направлении уже сделаны: Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974; Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX — начала XX в. М., 1981; Казимов А.С. Крестьянское хозяйство в Марийском крае в первой половине XIX в. // Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола, 1980; Материальная и духовная культура мордвы в XVIII-XX вв. / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 62. Саранск, 1978 и др.

национальными поселениями, либо в рамках национально-смешанных поселений. Эти обстоятельства придавали аграрному строю Поволжья не только национальную многоликость, но и определенную целостность. Каждый из народов нашел в нем свою наиболее рациональную и удобную для себя (а значит, и для других) экономическую нишу. В этом заключается секрет исконно мирного и созидательного сотрудничества народов Поволжья, несмотря на все перипетии политической истории Российского государства.

Из табл. 11 явствует, что становым хребтом аграрно-демографического строя Поволжья было русское крестьянство. Оно численно преобладало в крае и оказывало определяющее влияние на аграрный облик региона, обеспечив ему преимущественно земледельческий характер. Особенностью его расселения было то, что оно занимало прежде всего открытые, удобные для развитых форм земледелия пространства. Это верно и для губерний с ярко выраженным национальным составом населения. Самый характерный пример – Казанская губерния, колыбель трех поволжских народов – татарского, чувашского и марийского. Если расположить ее уезды по удельному весу русского населения, то получится следующая картина:

1. Район с долей русских менее 50% (уезды):

Ядринский	11%
Цивильский	12%
Козьмодемьянский	20%
Чебоксарский	21%
Царевококшайский	23%
Мамадышский	30%
Тетюшский	39%

2. Район с долей русских в 50% и более (уезды):

Чистопольский	50%
Казанский	54%
Спасский	60%
Лаишевский	64%
Свияжский	73%

Столь же красноречивы данные по Симбирской губернии. Здесь наблюдалась строгая закономерность возрастания доли русского населения по мере перехода от лесных районов к лесостепи, т.е. с севера на юг⁹⁶:

Буинский уезд	23,7%	Симбирский уезд	78,7%
Курмышский	46,2%	Карсунский	79,1%
Ардатовский	58,1%	Сенгилевский	83,1%
Алатырский	69,4%	Сызранский	91,7%

⁹⁶ Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния. Ч. 1 С. 267-268.

Вклад каждого народа в аграрный облик Поволжья был индивидуален, но стержнем экономической деятельности для всех было земледелие. Современники — свидетели предреформенной эпохи, — писали о различиях в отношении разных народов к земледелию, причем судили со своей колокольни, различая народы по степени усердия в земледельческом труде. Они невысоко оценивали труд земледельцев-татар, противопоставляя им русских, мордву, чувашей, вотяков как отменно трудолюбивых людей. Так, В.А.Сбоев писал в 1856 г.: "Как земледелец, татарин стоит не очень высоко, ниже русского поселянина, а тем более земледельца чувашского и вотякского. Во многих татарских селениях, особенно расположенных к востоку от Казани, татары все решительно чужды земледелию"⁹⁷.

Конечно, такая оценка страдает предвзятостью. Она опровергается современными исследователями, считающими, что "основы традиционного земледелия татарского народа были заложены в глубокой древности, в эпоху Волжской Булгарии и предшествующее время"⁹⁸. Просто мы имеем дело с национально-хозяйственным укладом, имеющим свою историю аграрных отношений. Он формировался в условиях не только национального, но религиозного различия. Ислам имеет свою хозяйственную этику, не совпадающую с христианской. Следы этой особенности мы видим во всем укладе жизни татар — в соотношении земледелия, скотоводства, промысла и торговли, в общехозяйственном комплексе, в типах поселений и строений, в одежде и пище, в общине и семье⁹⁹. У того же Сбоева читаем: "Издревле деревни татарские похожи были на случайно разбросанный табор кочующих народов... В последнее пятилетие я имел случай быть более чем в 100 селениях Казанской и Симбирской губерний и почти везде видел отсутствие правильной постройки. Улицы кривые: дома не выходят на улицу, но по восточному обычаю прячутся за заборами во дворах, где выстроены крытый соломою шишеобразный погреб, несколько амбаров с классическими деревянными весьма прочными и хитрыми замками"¹⁰⁰.

⁹⁷ Сбоев В.А. О быте крестьян Казанской губернии... С. 23.

⁹⁸ Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья... С. 102.

⁹⁹ См.: Барыков Ф.Л. Обычаи наследования у государственных крестьян. СПб., 1862. С. 83-84.

¹⁰⁰ Сбоев В.А. О быте крестьян Казанской губернии... С. 18-19.

По типу селений к татарам близки чуваши. У них избы также не ставились в ряд и не примыкали одна к другой, но были разбросаны в разных направлениях¹⁰¹. Чисто чувашские селения были, как правило, невелики и составлены из нескольких как бы отдельных групп домов. В изданиях генштаба находим объяснение этому феномену: "Каждая такая группа носит русское название околodka, а чувашское — сирма. Эти околodka имеют значение чисто родовое, патриархальное: глава семейства обыкновенно строит или строил себе дом на избранном или отведенном ему месте и загораживал обширный двор; дети его, обзаведясь своими семействами, строили себе дома в той же загородке, и таким образом являлся целый поселок. С увеличением населения и по мере ослабления родственных связей, открывалась потребность выселиться из заветной дедовской или прадедовской загородки, и выходец устраивал новый поселок, опять с такой же загородкой. Если этот поселок возникал вблизи метрополии, то он также назывался сирмы, околodka, если же основывался в значительном отдалении, то получал название либо по имени главы выселившегося семейства, либо от каких-нибудь особенностей населенной местности, с прибавлением слова "касы" (деревни), а иногда "ял" (выселок)... сами чуваше всегда признают каждый родовой поселок (сирмы) самостоятельной деревнею, так что на вопрос: какой деревни? — называют имя не "касы", а преимущественно "сирмы"¹⁰². Не случайно среди населенных пунктов чувашей преобладали околodka. Так, в Ядринском уезде из 549 их было 402, в Чебоксарском из 563 — 389, в Цивильском из 293 — 106. Все это были поселки с числом домов от 5 до 30¹⁰³. Чуваше селились в укромных местах лесного края — в лощинах, некрутых оврагах, т.е. в удалении от больших дорог.

Все эти обстоятельства необходимо иметь в виду при рассмотрении типа аграрного развития в лесной зоне. Они во многом объясняют бросающуюся в глаза наблюдателям исключительную миролюбивость чувашей-земледельцев и такой "странный" на европейский взгляд обычай наказания обидчика, как самоубийство на его дворе. Из того же смыслового ряда и другие отмеченные "странности": панический страх перед "сухой бедой", поздний се-

¹⁰¹ Овсянников А.Н. Географические очерки и картины. Т. 1. С. 57.

¹⁰² Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. Ч. II. С. 611.

¹⁰³ Материалы для географии и статистики России: Казанская губерния. С. 163-164.

Н.Дмитриев-Оренбургский. Уборка ржи

нокос у чувашских крестьян¹⁰⁴, или длительное хранение немолоченного хлеба у вотяков (по десяти и более лет)¹⁰⁵.

Все авторы, наблюдавшие вблизи чувашей и вотяков, отмечают их исключительное прилежание к хлебопашеству. Овсянников: "чувашаи — хорошие земледельцы. Особенно замечательна их жатва, до того тщательная, что с первого взгляда на сжатое поле кажется, будто на нем не осталось ни одного колоса"¹⁰⁶; Ив.Благовидов: "На чувашских землях нигде не встретите пырея... В рабочее время чувашаи становятся необыкновенно деятельными, особенно при уборке хлеба... Результатом являются полные гумна ярового и озимого хлеба, в виде кольца обхватывающие чувашскую деревню"¹⁰⁷. Автор считал, что по последнему признаку (обилию гумен) можно безошибочно определить, кем населена деревня. Впрочем, некоторые наблюдатели заметили, что "комплимент писателей чувашу, что он отличный земледелец, часто

¹⁰⁴ Чувашаи не приступали к сенокосу раньше Ильина дня, т.к. опасались, что в противном случае их поля будут побиты градом. — См.: Сбоев В.А. О быте крестьян Казанской губернии. С. 25-26.

¹⁰⁵ Там же. С. 28-29.

¹⁰⁶ Овсянников А.Н. Географические очерки и картины. С. 63.

¹⁰⁷ Благовидов Ив. Материалы к исследованию здоровья инородцев Симбирской губернии, Буинского уезда. СПб., 1886. С. 5.

лимент писателей чувашу, что он отличный земледелец, часто скорее можно отнести к чувашке¹⁰⁸, женщины-чувашки участвовали во всех работах мужчин – в пашне, сенокосе и т.д. и при этом отличались "мускульной силой..." и трудились "больше своих мужей"¹⁰⁹.

У вотяков "хлебопашество также находилось в "отлично хорошем состоянии". Они, по мнению Сбоева, "гораздо зажиточнее и богаче, нежели как можно бы было подумать, судя по их грязным зимним жилищам без потолков и пола"¹¹⁰.

Лесные черемисы мало занимались земледелием: и труд раскорчевки тяжел, и вознаграждение от земли малое ввиду того, что рощисты делались из-под хвойного леса. В отличие от них, горные черемисы крестьянствовали охотно и успешно, занимались садоводством и пчеловодством¹¹¹.

Агрикультура поволжских народов была близка общерусской, поскольку лесная зона Поволжья полностью включалась в зону господства древней паровой системы земледелия – трехполья. Но была и существенная черта своеобразия – перелог на востоке и юго-востоке Казанской губернии у татар, сближавший их с башкирами Бугульминского уезда Самарской губернии, а также подсека на крайнем севере. Со времени Генерального межевания в одном Царевококшайском уезде было выжжено к 1861 г. 17 тыс. дес. леса¹¹².

Имущественное неравенство больше сказывалось у татар. Чувашы были более однородной массой. М.Лаптев отметил: "между чувашами богаты весьма немногие, но зато и нищие весьма редки, вообще зажиточность их стоит выше зажиточного татарина, где обе крайности встречаются чаще, особенно последняя, т.е. нищие"¹¹³. Благосостояние богатых татар связано было в большей степени с торговлей, до которой они были большие охотники и мастера. Часто они сдавали чувашам или русским свои земли в аренду, а сами занимались больше торговлей, извозом и т.п. Чувашы же по-преимуществу земледельцы. Так, из 48 тыс. душ м.п., живших в конце 50-х гг. XIX в. в Ядринском уезде, промыслами занимались лишь 2,4 тыс. Остальные неземледельческие занятия – бурлачество до 800 душ, торговля до 100 душ,

¹⁰⁸ Змеев Л.Ф. Медико-топографическое описание... С. 64.

¹⁰⁹ Благовидов Ив. Материалы... С. 8.

¹¹⁰ Сбоев Л.Ф. О быте крестьян Казанской губернии. С. 28-29.

¹¹¹ Там же. С. 26-27.

¹¹² Материалы для географии и статистики России: Казанская губерния. С. 264.

¹¹³ Там же. С. 240.

портняжничество 140 душ¹¹⁴. И в торговле чуваши не изменяли себе: были замкнуты, даже в русской среде держались особно, не шли на контакты со скупщиками, кулаками, но сами везли свои продукты (хлеб, мясо и т.д.) для продажи на пристанях.

Из поволжских народов ближе всех к русским крестьянам стояла мордва. Большими массивами мордовские крестьяне проживали в Пензенской губернии (уезды Городищенский, Краснослободский, Инсарский, Саранский). Всего их в 1857 г. насчитывалось здесь 126187 душ об. п., что составляло 11,1%. Мордва была второй после великорусов по численности в Пензенской губернии¹¹⁵. Немало мордвы было в Симбирской губернии, главным образом в Алатырском и Ардатовском уездах, а также в Самарской, куда мордовские крестьяне охотно переселялись из двух вышеназванных губерний, выбирая при этом больше лесные уезды, с хорошо обводненными землями — Бугульминский, Бугурусланский, Ставропольский.

К середине XIX в. мордва уже отошла от прежнего обычая строиться мелкими окопками, и ее деревни были вполне похожи на русские. Отошли также они и от старого типа жилой постройки по татарскому образцу (с широкими лавками, дверьми на восток и печью на юго-запад или глухой стеной вдоль улицы без всяких продушин) и сблизилась с русским избяным зодчеством¹¹⁶. В результате пятивекового (а возможно, и большего) соседства с русскими мордва переняла многое из их аграрного быта: "Система хлебопашества, земледельческие орудия, упряжь и небрежность в скотоводстве как у русских, так и у мордвы совершенно одинаковы", — отмечал офицер генштаба Сталь¹¹⁷. Много общего было и в повседневной одежде: лапти, овчинный полушубок (иногда даже в июльскую жару!). Правда, мордовские лапти были не в пример прочнее и удобнее русских, онучи у мордвина почти всегда белые.

По сообщению И.Благовидова, "мордвина между инородцами слывут за самый сильный народ"¹¹⁸. В целом же сходство было столь велико, что "если бы было возможно войти в мордовскую деревню с завязанными, ушами, то присмотревшись ко всем подробностям быта, обстановки, деятельности жителей, приемам

¹¹⁴ Там же. С. 239.

¹¹⁵ Материалы для географии и статистики России: Пензенская губерния. Ч. I. С. 324.

¹¹⁶ Там же. Ч. II. С. 249.

¹¹⁷ Там же. С. 252.

¹¹⁸ Благовидов Ив. Материалы... С. 18.

работ, хозяйству, и в голову не придет, что это не русская деревня"¹¹⁹.

Национальная палитра Самарского Заволжья была еще богаче и в то же время не столь определена, как в рассмотренных выше местностях. Большая часть Самарской губернии не являлась исконной территорией для ее земледельческого населения. Оно в массе своей было пришлым, и поэтому национально-хозяйственные уклады здесь уже к середине XIX в. оказались заметно сближенными. Характерен в этом отношении Бугульминский уезд, сохранивший в своих пределах выходцев из всех соседних губерний, из всех народов Поволжья. Хозяйственный строй у них оказался в значительной мере унифицированным (см. табл. 12).

Таблица 12. Землепользование крестьян Бугульминского уезда в 50-х гг. XIX века (в %)

	Пашни	Лука	Леса	Выгона	Неудобной земли
Татары и башкины	64,0	15,0	10,5	6,0	3,8
Русские (без крепостных)	67,3	9,1	11,2	4,3	8,0
Мордва и вотяки	52,3	10,2	19,5	8,4	9,6
Чуваши	71,3	7,4	12,8	3,4	5,0
У всех	63,4	11,9	12,5	5,8	6,2

Источник: Змеев Л.Ф. Медико-топографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии: Диссертация на степень доктора медицины. М., 1883. Табл. "Б". С. 1.

Видны, конечно, те особенности, которые были отмечены нами в местностях коренного проживания, однако они здесь в значительной мере приглушены.

Унифицированность видна и в других отраслях хозяйства. Причем Бугульминский уезд дает любопытную картину соседства и взаимоперехода двух типов хозяйства — оседлого земледельческого и кочевого. Это заметно и в скотоводстве. У всех народностей здесь оно почти одинаково и близко к общерусскому крестьянскому в стремлении держать по возможности дешевый и

¹¹⁹ Змеев Л.Ф. Медико-топографическое описание... С. 63.

требующий меньше ухода скот. У татар и башкир со сходом снегов весь крупный скот до глубокой осени находился в огромных, в сотни десятин, выгонах вокруг селений. на виду у хозяев, а зиму стоял в хлевах на соломе, реже на резке. Этот обычай усвоили все другие народы, кроме чувашей с их стремлением к укромным местам. Собственно, перекоченок не было уже и у башкир¹²⁰.

Отголоском политических коллизий XVII в. были сохранившиеся в Бугульминском уезде поселения польской шляхты. В 1655 г. в Казань были приведены для поселения на закамской черте смоленские шляхтичи четырех знамен. Шляхтичи красного знамени были водворены в Ново-Шешминской крепости, где уже жили к тому времени белопашенные казаки (сохранились до середины XIX в. в Чистопольском уезде). Первый указ о наделении шляхтичей красного знамени вышел в 1660 г., но земли они, видимо, не получили и в 1674 г. были отведены вверх по р. Шешме. Часть этих поляков образовала Старо-Кувакскую слободу, на землях которой они проживали в XIX в. совместно с потомками других служилых людей, давно записанных в государственные крестьяне. Затем несколько дворов шляхтичей выделилось в слободу Ново-Кувакскую¹²¹.

Шляхтичи остальных трех знамен были расселены также по Закамской линии в разных городках и крепостях, в том числе в Заинске Мензелинского уезда. После основания Оренбурга был открыт почтовый тракт Казань — Оренбург. Для заселения этого тракта из Заинска часть шляхтичей вместе с другими служилыми людьми была переведена в Бугульминский уезд. В 10 верстах от г. Бугульмы они основали в 1731 г. слободу Солдатскую Письмянку. Были отведены значительные земли, но лишь малая доля их досталась переселенцам. Большая же часть вошла в состав казенных оброчных статей либо оказалась в руках помещиков. Так, часть земли "по праву покупки" от шляхтичей перешла к помещику Микулину¹²².

Потомки польских шляхтичей, в отличие от окружавших их государственных крестьян, не платили никаких податей и не несли повинностей, кроме подводной и квартирной, принятых ими на себя добровольно. Указами Сената в 1850 г. им был предоставлен срок в три года для отыскания дворянства, иначе им предстояло быть записанными в государственные крестьяне, в городах — в

¹²⁰ Змеев Л.Ф. Медико-топографическое описание... С. 27-28.

¹²¹ ГА Сам. О. Ф. 398. Оп. 1. Д. 171. Л. 5об.-6.

¹²² Там же.

Таблица 13. Экономический строй хозяйства польских шляхтичей сравнительно с государственными крестьянами в 1859 г. (слободы Солдатская Письмянка и Старый Кувак)

	Шляхтичи (всего)	На двор	Гос. крестьяне (всего)	На двор
Число дворов	225	-	36	
Душ муж. пола	572	2,5	121	3,4
Душ жен. пола	651	2,9	151	4,2
Работников	248	1,1	61	1,7
Полуработников	109	0,5	12	0,3
Работниц	310	1,4	68	1,9
Полуработниц	102	0,5	19	0,5
Всего				
земли (дес.)	13432	59,7	1237,6	34,4
Угодий (дес.)	9542,1	42,4	849,1	23,6
Леса (дес.)	3258,5	14,5	335,4	9,3
Неудобной земли (дес.)	535,5	2,4	53,1	1,5
Лошадей	558	2,5	90	2,5
Жеребят	131	0,6	42	1,2
Коров	287	1,3	50	1,4
Телят	179	0,8	66	1,8
Овец	2248	10,0	451	12,5
Свиней	614	2,7	91	2,5
Прочего круп- ного скота	1000	4,4	194	5,4
Прочего мел- кого скота	2862	12,7	542	15,1

Источник: ГАСам.О. Ф. 398. Оп. 1. Д. 171. Л. 25 об.

обыватели, на помещичьей земле — в свободные хлебопашцы. Шляхтичи красного знамени представили копии с указа царя Алексея Михайловича о наделении их землями. Шляхтичи слободы Солдатско-Письмянской — копию с указа царей Иоанна и Петра Алексеевичей о наделении шляхтичей Смоленских, Бельских и др. землями Мензелинского уезда. Из рапорта счетного чиновника Конокотина заведующему Самарским отрядом уравнивания государственных крестьян в денежных сборах видно, что документы, предъявленные шляхтичами, "нигде законно не засвидетельствова-

ны¹²³. В 1854 г. самарское дворянское депутатское собрание отказало шляхтичам в дворянстве, но некоторые из них успели воспользоваться своим правом (как потомков панцирных дворян) поступить в государственную службу. В 1857 г. было сделано окончательное распоряжение о лицах, не утвержденных в дворянстве и пропустивших срок на подачу посемейных списков для записи в оклад: им надлежало быть причисленными в оклад и сословие государственных крестьян в течение десятой ревизии¹²⁴.

Хозяйственный строй у шляхтичей практически ничем уже не отличался от такового у окружавших их государственных крестьян (см. табл. 13).

Интегральным показателем близости экономического строя двух хозяйственных систем, представленных в таблице, может служить коэффициент корреляции. В данном случае он составляет 0,97 и указывает на высокую степень сходства.

Среди оригинальных национально-хозяйственных укладов Поволжья особое место занимает земледельческая культура немецких колонистов. Она нуждается, конечно, в специальном исследовании. По различным описаниям современников видно, что колонисты также основывали свое благосостояние на земледелии и при этом с самого начала ориентировались на рыночные продукты сельского хозяйства — белотурку, табак и т.п. В 1858 г. в Саратовской и Самарской губерниях их насчитывалось до 200 тыс. душ об.п.¹²⁵. С 1837 г. колонисты поступили в ведение министерства государственных имуществ.

Хозяйственный уклад колонистов отличался более высоким качеством обработки земли. Они получили льготы на 30 лет по уступству торгов и ярмарок, не облагаемых государственным сбором, освобождение от податей и повинностей. Кроме того, все отведенные им земли были отданы в вечное владение. Собственность на эти земли принадлежала всей колонии, "без права отчуждения в посторонние руки"¹²⁶. Структура землепользования была определена следующая: всего 30 дес., из них пашни 15 дес., сенокоса 5 дес., леса 5 дес., усадьбы 5 дес. Система хозяйства переложная, трехлетняя. Удобрение не вносилось, ибо навоз, за недостатком дров, обращался в топливо. Пахали только плугом общеупотребительным для юга Поволжья. Выращивали яровые

¹²³ Там же. Л. 24об.

¹²⁴ Там же. Л. 9.

¹²⁵ Лясковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии. С. 81.

¹²⁶ Свод законов Российской империи. 1857 г. Т. 12. Ч. II. С. 118.

хлеба. Со второй четверти XIX в. развивалось табаководство, вызавшее к жизни табачную фабрику Штафа в Саратове. К 1872 г. площадь табачных плантаций достигала 6200 дес.¹²⁷

Скотоводство колонистов не представляло собой самостоятельной отрасли, однако рабочий и продуктивный скот у них выгодно отличался от туземного¹²⁸. Надежды правительства на расцвет аграрной культуры на землях юго-востока России, связывавшиеся с благотворным влиянием иностранных колонистов, однако, не оправдались. Уровень земледелия самих колонистов был высок, но в силу их замкнутости, отгороженности от окружающего русского населения их влияние на последнее оказалось минимальным, если не сказать наоборот: стремясь приспособиться к незнакомому климату, почве, колонисты вынуждены были использовать аграрный опыт старожилов — малороссийский плуг, молотьбу лошадьми на открытых токах и т.п.¹²⁹

Специфика национально-хозяйственных укладов отразилась в аграрном строе Поволжья. Национальное крестьянство было государственным, либо удельным. Это последнее обстоятельство нужно подчеркнуть особо, ибо оно сыграло в аграрном развитии региона важную роль. Собственная знать поволжских народов, если и сохранилась (как у татар), была отстранена от непосредственной эксплуатации своего крестьянства. У большинства же (у чувашей, мордвы, марийцев) она практически растворилась в общей массе народа, оставив по себе легендарные предания. Пожалования населенных имений в Поволжье и в старину были редкостью, а в XIX в. и вовсе прекратились. На ненаселенные же пожалованные земли помещик переводил своих крепостных — русских.

На протяжении XIX столетия Поволжье превратилось в один из крупнейших аграрных регионов России. Его всевозрастающее экономическое значение было связано с факторами природно-географического и этнодемографического характера. Почвенно-климатические условия Поволжья были контрастны, что предопределило многоотраслевую структуру сельского хозяйства. В то же время земли края были на всем его протяжении, за очень малым

¹²⁷ Овсянников А.Н. Географические очерки... С. 90-91.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ См.: Лясковский Б. Материалы... С. 82-83. Впрочем, есть сведения и о том, что государственные крестьяне, проживавшие по соседству с колониями, употребляли легкий немецкий плуг. — См.: Военно-статистическое обозрение Саратовской губернии. С. 99.

исключением, вполне пригодны для земледелия, а большей частью покрыты тучным черноземом. Поэтому приоритетное развитие здесь получило земледелие зерновой специализации. Для XIX в., с его бурным ростом хлебного экспорта из России на Запад и невысоким уровнем агротехники в традиционно-хлебородных районах, аграрное освоение новых пространств на экстенсивной основе было наиболее предпочтительным типом развития. В результате Поволжье, игравшее в начале XIX в. роль экономической окраины, к концу столетия превратилось в мощную хлебную житницу общероссийского значения, откуда хлынули потоки ценнейших пшениц и продуктов их переработки.

Люди, создававшие новую российскую житницу, как всюду и во все времена, шли по линии наименьшего сопротивления: земельный простор пьянил, порождает беспорядочную распашку степей. Пестрополье и бессистемный перелог, однако, постепенно сменялись правильным земледелием с чередованием полей. С ростом населения явилось трехполье. В пореформенный период на положении осваиваемого края оставалось только левобережье Волги. Потоки миграции населения стали свободнее. На протяжении нескольких десятилетий совершились перемещения значительных крестьянских масс. К концу XIX в. этнодемографическая ситуация стабилизировалась, и в начале XX в. регион выполнял в большей степени транзитные функции¹³⁰.

Состав крестьянского населения отличался от старой центрально-черноземной житницы пестротой национально-хозяйственных укладов. Все народы Поволжья внесли свой вклад в аграрную палитру края. Ведущая роль в развитии зернового производства здесь принадлежала русскому крестьянину. Особую активность он проявлял на юго-востоке региона, в зоне колонизации. В то же время русские составляли подавляющую массу крепостного населения в зоне концентрации помещичьего землевладения. Различия в хозяйственном укладе русских крестьян по географическим зонам объясняются именно этой разницей в степени личной свободы, обеспеченности землей и т.п. В среде нерусского крестьянства, которое не знало крепостного гнета, сильное влияние на хозяйственную деятельность оказывала национально-религиозная традиция. Поэтому вековая патриархальность сказывалась в значительно большей степени, нежели в русской деревне. Для характе-

¹³⁰ См.: Кабытов Л.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. Распространение этого важного вывода на XIX век представляется недостаточно обоснованным, хотя к концу его в южных уездах Самарской губернии уже существовали хутора, выполнявшие роль своеобразных перевалочных пунктов.

ристики типа аграрной эволюции данное обстоятельство имеет очень важное значение.

В целом "формирование стандарта сельского хозяйства" на большей части территории Поволжья происходило не под влиянием рыночных факторов. Оно было обусловлено геополитикой правительства и хозяйственным расчетом помещика, вывозившего сюда крестьян из внутренних губерний. Другим важным фактором было плодородие почвы и жизненные удобства (близость песков, лугов, водоемов и источников), среди которых особенно важна гидрография. Плотность населения на уездном уровне демонстрирует эти особенности формирования аграрного строя со всей очевидностью.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Экономический строй аграрных отношений

ПРОБЛЕМА

Аграрные отношения суть, прежде всего, отношения хозяйственные. Выяснить эволюцию главных типов хозяйства (помещичьего и крестьянского) — цель настоящего раздела. Если формулировать задачу еще определеннее, то она сводится к тому, чтобы оценить способность каждого из этих типов хозяйства к самостоятельному развитию после реформы, к обретению своего места в аграрном строе.

О сходстве реформы 1861 г. и прусской аграрной реформы первой половины XIX в. писали еще современники событий. Либеральное дворянство, остро переживавшее поражение в Крымской войне, обратило взоры свои на Пруссию, которая к тому времени "подала пример благородной решимости после поражения под Иеною и Тильзитского мира". В одном из многочисленных рукописных сочинений, ходивших по рукам в конце 50-х гг. XIX в., прямо указывалось, что "разбитая и униженная, (Пруссия) приступила к внутреннему своему обновлению в то самое время, когда французские гарнизоны занимали ее крепости, а государственные доходы поглощались военными контрибуциями. Тогда были задуманы и начаты все коренные преобразования в ее общественной организации. Сюда относятся: упразднение барщины, крепостного состояния, стеснявших свободу торговли и промыслов, отвод земель поселянам, устройство областной администрации, военных сил и народных училищ¹. В результате "униженная Пруссия быстро поднялась и не только воротила утраченное, но стала выше прежнего"².

¹ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (Далее — РНБ ОР). Основное собрание рукописных книг (Далее — ОСРК). Ф II-264. Л. 4.

² Там же.

По мере реализации реформы 1861 г. в России отечественная публицистика неизменно связывала как аграрное развитие вообще, так и хозяйственную эволюцию села именно с помещичьим хозяйством. Оно мыслилось в центре аграрных отношений. К его интересам приравнивалась аграрная политика и даже аграрное образование на его начальном этапе³. При всем при этом дореволюционная аграрно-историческая мысль не оставила сколько-нибудь крупного исследования эволюции помещичьего хозяйства. Не привлекли должного внимания служебные издания приложений к докладу Валуевской комиссии, публикации Дворянского земельного банка ("Имения, принятые в залог" и т.п.). Взгляды представителей различных политических течений на помещичье хозяйство начала XX в. подробно проанализировал А.М. Анфимов⁴. Передовая земская статистика не продвинулась дальше очерков частновладельческого хозяйства отдельных уездов, в которых аналитический элемент явно уступал описательному⁵. Сами помещики с недоверием относились к земским переписям и неохотно предоставляли необходимые статистические данные.

В начале XX в. вниманием экономистов-аграрников полностью завладело крестьянское хозяйство. Организационно-производственное направление русской экономической мысли почти не занималось помещичьим хозяйством, хотя отдельные сопоставления его с крестьянским делались для того, чтобы лучше оттенить организационные превосходства трудового крестьянского двора⁶. По свидетельству Д.Н. Прянишникова, мысль о помещичьем землевладении как явлении временном высказывал в своих лекциях профессор Петровской академии И. Стебут еще в конце XIX в.⁷ В

³ Известно, в частности, какие споры вызвал вопрос о задачах Петровской сельскохозяйственной академии, когда помещики потребовали расширить подготовку управляющих-практиков. — См.: Стебут И.А. Сельскохозяйственное знание и сельскохозяйственное образование // Избр. соч. М., 1957. Т. 2. С. 540-577.

⁴ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство... С. 5-14.

⁵ См.: Фортунатов А.Ф. Очерк частновладельческого хозяйства в Бугурусланском уезде Самарской губернии. Самара, 1887; Богородский Н. Очерк частновладельческого хозяйства Бузулукского уезда Самарской губернии. Самара, 1889; Распопин В. Частновладельческое хозяйство в России // Юридический вестник. 1887. № 11-12. Фортунатов А.Ф. Очерк частновладельческого хозяйства в Самарском уезде Самарской губернии // Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. I. Самарский уезд. Изд. 2-е. Самара, 1912. С. 109-204.

⁶ См.: Челинцев А.Н. Русское хозяйство перед революцией. Изд. 2-е. М., 1928 и др. Н.П. Макаров планировал выпустить специальную работу об эволюции частновладельческого хозяйства, но этот план, по-видимому, не был осуществлен.

⁷ Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М., 1961. С. 87.

1906 г. он писал: "Если иметь в виду, что частновладельческое хозяйство неудовлетворительно решает аграрный вопрос как социальный, то невольно приходится остановиться на отыскании такого хозяйства, которое разрешало бы аграрный вопрос как экономический, так и социальный"⁸. А.В.Чаянов считал, что частновладельческое хозяйство, как "крупнокапиталистическое", не представляет специального интереса, т.к. "не переживет революции и будет или захвачено, или организовано отчуждено"⁹.

Советская историография, утверждавшаяся в борьбе с "буржуазной" школой организационников, восприняла более раннюю и уже отброшенную передовой экономической мыслью России традицию смотреть на помещичье хозяйство как на центральный пункт аграрного строя, причем пункт реакционный, несмотря на всю его капитализацию. К этому побуждали известные ленинские тезисы о латифундиях как "гвозде борьбы" в деревне и превосходстве крупнокапиталистического производства над мелким. Все поиски Чаянова и его школы в области экономической теории семейно-трудового хозяйства отвергались марксистами с порога как мелкобуржуазная отрыжка.

Серьезного экономического анализа аграрной истории поначалу не проводилось. Экономические аспекты оказались оттеснены на задний план и подменены скорее политологическими упражнениями на околоаграрные темы. В этом смысле трактовалась ленинская концепция двух путей¹⁰. Были попытки привлечь внимание историков к экономическому содержанию этой концепции. В частности, А.Гайстер признавал наличие в русской деревне двух типов капитализма — помещичьего и крестьянского. В основе первого он видел соседство землевладельца с непосредственными производителями, вынужденными "отчуждать часть своих доходов в форме ренты землевладельцу"¹¹. Он же отметил, что в помещичье хозяйство капитализм проникал в условиях диктатуры класса помещиков, что приводило к сохранению крепостнических ос-

⁸ Стебут И.А. Несколько мыслей и соображений по поводу аграрного вопроса. СПб., 1906. С. 5.

⁹ Чаянов А.В. Природа крестьянского хозяйства и земельный режим. М., 1918. С. 9.

¹⁰ Ваняг Н.Н. Ленинская концепция двух путей развития капитализма в России. М.-Л., 1931; Быстрых Ф. Развитие взглядов Ленина по аграрному вопросу // Пролетарская революция. 1928. № 1; Кардашев Д. Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в свете ленинской теории "американского" и "прусского" пути развития России // Пролетарская революция. 1929. № 2-3, 5.

¹¹ Гайстер А. Развитие капитализма в сельском хозяйстве... С. 28.

татков в виде дешевой рабочей силы и ряда сословных привилегий. С помещицкой диктатурой связал себя и промышленный капитализм. Таким образом, Гайстер впервые выдвинул задачу экономического анализа двух типов аграрно-капиталистической эволюции и попытался нащупать характерные черты "прусского пути" в сфере отношений помещика и крестьянина. Однако предложения Гайстера не были востребованы современниками. В марксистской историографии на десятилетия утвердился взгляд Н.Н.Ванага, отрицавшего экономические реалии прусского пути во имя чистоты теории классовой борьбы в деревне. Главным аргументом при этом служил сталинский тезис о колониальной зависимости и отсталости России. На дискуссии 1931 г. в Обществе историков-марксистов Ваняг, отвечая своим оппонентам Грановскому и Литвинову, заявил: "Так имейте в виду, что этот вывод целиком опирается на анализ путей образования и развития мощных промышленных государств, данный тов. Сталиным в "Вопросах и ответах" еще в 1925 году!"¹². Жесткой критике подвергся и С.М.Дубровский за попытку говорить об экономических результатах столыпинской реформы¹³.

С тех же позиций и тогда же была предпринята попытка выявить истоки борьбы двух путей. Поиски простирались до народных движений XVIII в.¹⁴ Этот взгляд был отвергнут, снят был и тезис о поражении американского пути в XVIII в. как причине позднейшей социально-экономической отсталости России¹⁵. Генезис двух путей видели и в декабризме. По мнению одного из участников дискуссии 1931 г., в начале XIX в. "происходил быстрый рост, значительный рост сельской буржуазии, происходила довольно быстрая дифференциация крестьянства (хлебопашество, огороды, промышленные заведения т.д.)"¹⁶. Проект Пестеля и революционная практика соединенных славян представлялись при этом явно американской тенденцией. Были даже предложены две исторические традиции в способах разрешения аграрного вопроса: 1) Пестель, Борисов 2-й, Андриевич и Сухинов — Чернышевский, "Моло-

¹² Архив РАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 233. Л. 214.

¹³ Ваняг заявлял по этому поводу: "Правильной постановкой вопроса с точки зрения ленинских взглядов на два пути была бы такая, которая раскрыла бы не картину успеха капитализма в сельском хозяйстве, а картину того, как уродовалось это развитие Пуришкевичами" — Там же. Л. 37.

¹⁴ См.: Мейерсон Г. Ранняя буржуазная революция в России ("Пугачевщина") // Вестник Коммунистической академии. 1925. Т. XIII.

¹⁵ Архив РАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 233. Л. 60-68.

¹⁶ Там же. Л. 84-об.

дая Россия" — народники-семидесятники — народолюбцы — трудовики — ленинская национализация; 2) Якушкин, Муравьев — Кошелев, Кавелин — левые земцы — октябристы — Столыпин¹⁷.

В 50-е гг. развернулась обширная дискуссия вокруг глобальной теоретической проблемы генезиса раннекапиталистических отношений. Она привлекла внимание большого числа советских медиевистов¹⁸. В июне 1965 г. в Москве прошла Всесоюзная сессия по проблемам генезиса капитализма в России¹⁹. В обоих случаях затрагивался и вопрос о двух путях аграрно-капиталистической эволюции. Была сделана попытка сопоставить процесс возникновения капитализма в Европе, США и России²⁰. А.Н.Чистозвонов подчеркнул, что борьба за два пути развития аграрных отношений на базе разложения феодальной собственности на землю и феодальных производственных отношений, составляет "внутреннее противоречие всего процесса развития поземельных отношений в западноевропейских странах в XVI-XVIII вв."²¹. При этом он основывался на известном замечании К.Маркса о возможных путях трансформации феодальной денежной ренты: "В своем дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит, — оставляя в стороне все промежуточные формы, как например, форму мелкокрестьянских арендаторов, — или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором"²². Чистозвонов считал, что борьба этих двух тенденций была не менее важной и для России как в до-, так и в послереформенный периоды²³.

Н.М.Дружинин обращал внимание на "очаги свободного хозяйственного развития, сходные с американским институтом скваттерства" еще в крепостной России XVI-XVII вв. Но эти самостоятельные хозяйства беглых крестьян, гонимых сектантов и про-

¹⁷ Там же. Л. 85-об.

¹⁸ См.: К итогам дискуссии по проблеме генезиса раннекапиталистических отношений // Средние века. М., 1955. Вып. VI.

¹⁹ См.: Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1969.

²⁰ Дружинин Н.М. Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США // Социально-экономическая история России: Избранные труды. М., 1987; Чистозвонов А.Н. К проблеме генезиса капитализма в России // Переход от феодализма к капитализму в России. С. 353-363; Он же. Генезис капитализма: Проблемы методологии. М., 1985.

²¹ Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма... С. 56.

²² Маркс К. Капитал. Т. 3. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. С. 362.

²³ Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма. С. 221.

чих самовольных переселенцев возникали "в пределах феодально-крепостной монархии" и потому, в отличие от скваттерских, "не могли использовать выгоды сложившегося капиталистического строя и жили под вечной угрозой преследования и разрушения. Отсюда вытекали примитивный уровень их экономического развития и ненадежность изолированного существования"²⁴. Однако вслед за вольными переселенцами шествовали светские и духовные феодалы и вновь вешали на шею вырвавшимся крестьянам крепостное ярмо. Поэтому в пореформенную эпоху "так же, как в предшествующие столетия, ценою тяжелых усилий и потерь переселенцы заново заводили самостоятельные хозяйства; уцелевшие и приспособившиеся земледельцы использовали природные богатства благодатного края и создавали очаги крепкого земледелия и животноводства, принимавшие форму фермерского капиталистического хозяйства"²⁵. Дружинин считал, что в 1861 г. царизм пошел по пути, проторенному Пруссией — "по прусскому образцу превратить крестьян в собственников существующих земельных наделов", правда, с существенными крепостническими поправками, затруднившими буржуазно-аграрную эволюцию²⁶. Вместе с тем реформа открыла путь к утверждению капитализма в качестве господствующего способа производства, она "завершила собой процесс первоначального накопления", а "десятилетия, последовавшие за реформой 1861 г., были периодом завершения промышленного переворота и развития капиталистического сельского хозяйства"²⁷.

Дискуссии 60-70-х гг. вызвали новый интерес к экономическим проблемам аграрной истории, отвергнутым в начале 30-х. Дубровский взял своеобразный, хотя и запоздалый, реванш за давнее поражение в споре с Ваногом. Ему удалось внедрить в аграрную историографию тезис о повсеместном господстве прусского пути, с которым он связывал все социальные процессы в деревне периода империализма, в том числе и свой вывод о капиталистическом перерождении аграрного строя страны в начале XX в.²⁸ Влияние Дубровского заметно сказалось на литературе 60-х — на-

²⁴ Дружинин Н.М. Социально-экономическая история России. С. 336.

²⁵ Там же. С. 347-348.

²⁶ Там же. С. 342.

²⁷ Там же. С. 218.

²⁸ См.: Дубровский С.М. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма (две социальные войны) // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.

чала 70-х гг., но у него были и сильные оппоненты. Самым заметным среди них был А.М.Анфимов. Он отрицал абсолютизацию прусского пути, а также высокий уровень его развития. Анфимов попытался дать первый в советской историографии содержательный анализ "прусского типа" аграрно-капиталистической эволюции²⁹. Сопоставив аграрное развитие России и Германии, Анфимов отметил, что истари повинности крестьян в Германии носили не подушный, как в России, а поземельный характер, к тому же они были регламентированы и фиксировались в вакенбухах. Поэтому немецкий крестьянин имел большую самостоятельность. Далее, при освобождении дворцовых крестьян в Курмарке реформаторы взяли "сознательный курс на образование постоянно-го контингента сельскохозяйственных рабочих"³⁰. В результате своего исследования Анфимов пришел к выводу о стадийных различиях одного того же варианта развития в Германии и России: в Германии прусский путь победил и стал типом эволюции, в России же он не достиг такого диалектического перелома.

Вывод Анфимова получил расширительное толкование и теоретическое оформление в историографических трудах К.Н.Тарновского. Наиболее полно концепция Тарновского представлена в его докторской диссертации, дошедшей до читателя с великим опозданием, лишь после смерти автора³¹.

Тарновский предложил новую дефиницию, призванную соединить в себе два важнейших аспекта — тип и момент развития, рассматривавшиеся до тех пор по отдельности. Дефиниция эта — "октябристско-прусский" тип эволюции. Тарновский опирался при этом на фундаментальное исследование П.Г.Галузо, который также пользовался этим термином³². В отличие от самого Галузо, не придававшего новому термину самостоятельного значения, Тарновский рассматривал его как системный, наиболее полно и точно передающий своеобразие аграрного развития России: "Во-первых, он фиксирует сочетание капиталистической (через октябристский капитал) и феодально-помещичьей (при посредстве царизма — военно-феодального империализма) форм эксплуатации крестьянства. Во-вторых, он содержит указание на связь аграрной эволюции с об-

²⁹ Анфимов А.М. "Прусский путь" развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России // Вопросы истории. 1965 № 7.

³⁰ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство... С. 362.

³¹ Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в.: Советская историография середины 50-х — 60-х гг. М., 1990.

³² Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. Алма-Ата, 1965. С. 24.

щей раннекапиталистической стадией, стадией до окончательного утверждения национального пути развития аграрного капитализма (т.е. до завершения аграрного переворота), а также на ее российскую специфику, которая заключалась в одновременном существовании монополистического капитализма, с одной стороны, и до- и раннекапиталистических методов эксплуатации — с другой³³.

Прусский путь Тарновский считал нереализованной тенденцией, т.к. "в отличие от Германии, крупные помещицы латифундии в России не стали базой, основой капиталистической эволюции аграрного строя страны"³⁴. Опираясь на замечания Галузо о "типично русском характере хозяйства переселенцев, а также на суждения М.Я.Гефтера об особенностях российского типа аграрного капитализма ("масштабы воспроизводства крепостнических пережитков, их сочлененность с "азиатски-девственным" деспотизмом, патриархальщиной, прикованность крестьянина к наделу, преобладание в пореформенной деревне лауперизации над пролетаризацией")³⁵, он предложил выделить аграрно-капиталистическую эволюцию России в особый тип³⁶. Он мыслился как тип отстающего (вариант: догоняющего) развития капитализма. Так возникла идея "второго эшелона" мирового капитализма, воскрешавшая старый тезис Гайстера о своеобразных условиях России, которые заключались в том, что "капиталистическое развертывание сельского хозяйства в России происходило в более поздние сроки. Первый тур капитализма охватил Западную Европу, второй — Россию и целый ряд других стран"³⁷.

По мнению Тарновского, это был тип, характерный для "большинства народов земного шара". Что касается "прусского" и "американского" путей, то они в различных модификациях были свойственны лишь странам "раннего капитализма" и поэтому должны рассматриваться как "скорее отклонения" от магистрального пути человечества³⁸. Важнейшей характеристикой возникающего при таком типе эволюции экономического строя является его многоукладность³⁹. Причем уклады, из взаимодействия которых

33 Тарновский К.Н. Социально-экономическая история... С. 269.

34 Там же. С. 270.

35 Гефтер М.Я. Страница из истории марксизма начала XX в. // Историческая наука и некоторые проблемы современности: Статьи и обсуждения. М., 1969. С. 21.

36 Тарновский К.Н. Социально-экономическая история... С. 271.

37 Гайстер А. Развитие капитализма в сельском хозяйстве... С. 30.

38 Тарновский К.Н. Социально-экономическая история... С. 271.

39 Гефтер М.Я. Многоукладность — характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. С. 83-99.

рождался особый "российский" тип аграрно-капиталистической эволюции, принадлежали разным формациям. Развитие этой уже вполне определившейся концепции было, к сожалению, прервано в самом начале, на стадии перехода к апробации⁴⁰. Поэтому для науки сохранился лишь теоретический каркас, без конкретно-исторического наполнения.

Слабым звеном в построениях Гарновского является, на наш взгляд, именно тот тезис, доказательству которого он уделил наибольшее внимание — тезис об "октябристско-прусском типе" как специфически российском варианте аграрно-капиталистической эволюции. Во-первых, он содержит компромисс — признание "типологической общности" с прусским путем в Германии, что одно уже ставит под сомнение правомерность выделения особого российского типа развития. Во-вторых, оправданием нового термина служит то, что "чисто количественные на первый взгляд отличия (между Россией и Германией — П.С.) оказались слишком значительными" для однотипных процессов. Следовательно речь идет о качественных различиях, но тогда об этом следовало заявить прямо, дабы избежать этого *contradictio in adjecto*.

Сомнения вызывают и приведенные выше типологические умозаключения Гефтера, в частности, положение о "масштабах воспроизводства крепостнических пережитков". Чисто логически понятие "воспроизводство пережитков" кажется маловразумительным. Способность к воспроизводству сохраняет лишь тот экономический организм, который не утратил в новых условиях своей эффективности. Следовательно, продукт его воспроизводства никак не может считаться пережитком. Он вписывается в существующую систему аграрных отношений, видоизменяется и трансформируется в соответствии с новой эпохой, причем необязательно в направлении господствующей социально-экономической линии развития.

Еще сложнее с "масштабами воспроизводства". Это утверждение нуждается в фактических доказательствах. Книга Галузо при всем желании ее автора не может служить таковым. Все-таки юг Казахстана — это регион, далеко не идентичный другим, даже колонизируемым. С точки зрения типологии аграрного развития его нельзя всерьез сопоставлять даже с Сибирью, не говоря уже о степном Предкавказье или Самарском Заволжье. Да и сам Галузо выражался вполне в духе Дубровского: "Капитализм в сель-

⁴⁰ См.: Актуальные проблемы общественных наук на современном этапе: Стенограмма совещания по историческим наукам (2-22 марта 1973 г.). М., 1974; Совещание историков. Москва. 1973. Рекомендации совещания историков в Отделе науки ЦК КПСС. М., 1974.

ском хозяйстве, как Центральной России, так и ее азиатских колоний, развивался по мучительному прусскому пути"⁴¹. В книге Анфимова о крупном помещичьем хозяйстве с полной ясностью вскрыта экономическая реакционность дворянских латифундий, однако для таких глобальных выводов, к которым пришел Тарновский, этого явно недостаточно. Анфимов не решил (да и не ставил перед собой задачи решить) вопрос о преобладающей системе хозяйства помещиков. Он лишь обронил вскользь: "Можно ожидать, что разработка массового материала подтвердит преобладание капиталистических форм ведения собственного помещичьего хозяйства". Впрочем, по его мнению, "и при этом условии не устраняется тот факт, что размеры капиталистического хозяйства по сравнению с отработочным плюс кабально-арендным были незначительными"⁴².

После 1973 г. акценты в аграрной историографии сменились. Призыв к изучению реального развития капитализма был понят вполне однозначно: на смену прежнему подчеркиванию силы крепостнических пережитков пришло стремление их максимально "обуржуазить", и хотя концепция стадильности требовала учета существенных особенностей низших и высших форм капитализма, специальное изучение первых почти замерло⁴³.

В области изучения помещичьего хозяйства образовался своеобразный вакуум вследствие отхода от этой "опасной" темы ведущих специалистов. Исследования возобновились лишь во второй половине 70-х гг., главным образом в региональном масштабе. Это были уже иные исследования: произошло резкое расширение источниковой базы за счет документации массового характера, предложены и апробированы новые методы математико-статистического анализа, вновь был поднят вопрос о системах помещичьего хозяйства⁴⁴. Итоги этой работы были подведены в монографи-

⁴¹ Галузо П.Г. Аграрные отношения... С. 17.

⁴² Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство... С. 187.

⁴³ Замечание Л.М. Горюшкина о том, что "капиталистическая направленность развития всех укладов не исключала существования в России конца XIX — начала XX вв. феодально-крепостнического уклада, а соотношение различных форм хозяйства как явление объективное влияло на характер аграрной эволюции", не привлекло должного внимания нового поколения историков-аграрников. — См.: Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1976. С. 26.

⁴⁴ Будаев Д.И. Особенности вольнонаемного труда в помещичьем хозяйстве в конце XIX — начале XX в. (По материалам Смоленской губернии) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вып. 2. Вологда, 1976; Емельянов И.Н. К вопросу о характере аграрного капитализма в помещичьем хозяйстве Орловской губер-

ческом исследовании, в котором получили концентрированное выражение методологические, источниковедческие и историографические аспекты концепции стадиальности, разрабатывавшейся школой И.Д.Ковальченко⁴⁵.

Монография отличалась ярко выраженными логико-аналитическими чертами. Это и иной, нежели прежде, исследовательский подход к проблеме: в центре внимания задача вскрыть внутренний строй экономических связей помещичьего хозяйства, т.е. представить его как целостный организм. Авторы отвлеклись от конкретного анализа землевладения, землепользования и других традиционных аспектов, в той или иной мере уже рассмотренных в предшествующей историографии. С помощью метода корреляционного моделирования был введен в оборот такой массовый источник, как поверочные описи Дворянского банка, включить весь комплекс опубликованных данных переписи 1917 г.

Общий вывод, сделанный авторами из анализа указанных материалов, сводился к следующему: "К концу эпохи капитализма в социально-экономическом строе помещичьего хозяйства Европейской России повсеместно и безусловно господствовали собственно капиталистические отношения"; отработки первого вида, хотя и сохранились в помещичьем хозяйстве до Великого Октября, но "выступали лишь как дополнение к собственно капиталистическим методам ведения хозяйства и не оказывали существенного воздействия на общий социально-экономический облик помещичьего хозяйства"⁴⁶. Книга Ковальченко и его учеников вполне подтвердила "худшие опасения" Анфимова: в собственном хозяйстве помещика действительно преобладал новый экономический механизм. Однако исследователи, доказавшие это чрезвычайно важное обстоятельство, в свою очередь оставили без должного внимания как раз то, в чем Анфимов видел главное, — хозяйственное значение той части помещичьих владений, которые оставались за пределами экономической запашки. А именно эта часть землевладения

нии в период империализма // Ежегодник... Рига, 1977; Пронин В.И. Система помещичьего хозяйства в Калужской губернии в конце XIX — начале XX в. // Ежегодник... Киев, 1979; Хохонин О.М. Помещичье хозяйство Воронежской губернии в конце XIX — начале XX в. // Известия Воронежского пединститута. 1976. Т. 157; Селунская П.Б. Методы изучения социальной структуры помещичьего хозяйства России конца XIX — начала XX в.: По описаниям Дворянского земельного банка. М., 1974 и др.

⁴⁵ Ковальченко И.Д., Селунская П.Б., Лытвяков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы исследования. М., 1982.

⁴⁶ Там же. С. 223-224

помещиков была основой отработочной системы, державшей в своей орбите не только помещичье, но и крестьянское хозяйство.

Изучение капиталистической эволюции крестьянского хозяйства: историки-марксисты сводили, как правило, к вопросу о дифференциации крестьянства, размывании среднего слоя, "раскрестьянивании". Если и были споры и расхождения, то они касались лишь интенсивности и результатов этих процессов к 1917 г. С 60-х гг. все настойчивее зазвучал тезис о пауперизации как процессе, глубоко отличном от пролетаризации, причем ему отводилась преобладающая роль⁴⁷. Это расхождение в оценках продолжает сохраняться и поныне⁴⁸.

Вопрос об экономических типах земледельческого хозяйства был рассмотрен Анфимовым еще в начале 60-х гг.⁴⁹ Спустя два десятилетия вышло фундаментальное исследование в двух книгах, которое как бы продолжило упоминавшуюся уже монографию Дружинина "Русская деревня на переломе"⁵⁰. На сегодняшний день это наиболее подробный анализ и характеристика пореформенного российского крестьянства. Следует выделить также крупное исследование П.Г.Рындзюнского об экономическом взаимодействии деревни и города⁵¹. В Поволжье эти проблемы наиболее основательно рассмотрены Ю.И.Смыковым⁵². Он дал подробную характеристику всех основных аспектов аграрного разви-

П.С.Кабытов

⁴⁷ Тарновский К.Н. Социально-экономическая история... С. 197; Анфимов А.М. В.И.Ленин о российском крестьянстве // В.И.Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970. С. 104.

⁴⁸ См.: Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы исследования. М., 1988. С. 127.

⁴⁹ Анфимов А.М. К вопросу об определении экономических типов земледельческого хозяйства (конец XIX — начало XX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

⁵⁰ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881-1904 гг. М., 1980; Он же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. М., 1984.

⁵¹ Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.

⁵² Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма: Социально-экономическое исследование. М., 1984.

Ю. И. Смылов

тия трех поволжских губерний. В теоретическом отношении его книга примыкает к школе Ковальченко, хотя автор не фиксировал своего внимания на этих вопросах. Более развернуто высказал свои взгляды П. С. Кабытов в своей новой работе о русском крестьянстве⁵³. Он поддержал точку зрения П. В. Волобуева о преувеличении школой Ковальченко уровня развития аграрного капитализма, а также сделал большее ударение на процессах пауперизации крестьянской бедноты⁵⁴. Впервые при рассмотрении традиционного вопроса о соотношении "прусского" и

"американского" путей аграрной эволюции были приведены взгляды А. В. Чаянова на этот счет⁵⁵.

Кропотливая работа советских историков по изучению социально-экономических процессов в деревне не может считаться полностью обесцененной концептуальными изъянами. Создана солидная фактологическая база, дана общая характеристика аграрного развития, которая сохраняет свое значение при любых концептуальных построениях. В историко-экономическом анализе стоит задача проанализировать реально существовавшие типы хозяйства, без априорного определения его формационной принадлежности, его исторической перспективы. Например, последние исследования по весьма различным регионам показали, что процессы социального развития крестьянства были сложнее, нежели просто дифференциация⁵⁶. В частности, не было дано удовлетворительного объяснения абсолютному росту численности середняков в начале XX в.

Из работы в работу воспроизводилась одна и та же схема о всеобщей капитализации в двух вариантах — "прусском" и "американском" на базе помещичьего и крестьянского хозяйства. Но в России (и в Поволжье) имелись обширные пространства, которые, несмотря на очевидное преобладание крестьянского хозяйства, никак не назовешь зоной господства "американского" пути. Неяс-

⁵³ Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX в. Куйбышев, 1990.

⁵⁴ Там же. С. 11-12, 20.

⁵⁵ Там же. С. 16.

⁵⁶ См.: Ниендре О. М. Социальная структура крестьянства Прибалтики (В первые десятилетия XX в.). Рига, 1986; Ратушняк В. Н. Развитие капитализма в сельскохозяйственном производстве Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в. Ростов-на-Дону, 1989.

но также, какое именно крестьянское хозяйство подразумевается под фермерством — подворное, хуторское, колонистское, чет-вертное? Могло ли помещичье хозяйство служить базой аграрно-капиталистической эволюции, если последняя вела прежде всего к его ликвидации как типа хозяйства и даже как типа землевладения? Неясен во многом сам механизм капитализации поместья.

Особое звучание приобретает вопрос о хозяйственном этосе главных участников аграрных отношений — помещиков, крестьян, купцов. Он остается пока совершенно неизученным⁵⁷. Несколько лучше обстоит дело с социальной психологией крестьянства, которая изучается на материалах аграрного движения, наказов в Государственную Думу, по отзывам современников. Написано несколько интересных работ по России в целом и по Поволжью⁵⁸. Очень плодотворным оказался этнографический подход к проблеме традиционных устоев деревенской жизни⁵⁹. И все же в целом приходится констатировать весьма слабую изученность таких явлений, как духовная жизнь крестьянской семьи, представления дворян, купцов о способах хозяйствования, про- и антибуржуазные явления в их менталитете, не говоря уже о таких высотах,

⁵⁷ Термин "этос" представляется нам более приемлемым в данном случае, — см. примечание 348.

⁵⁸ См.: Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства: Прошлое и настоящее. М., 1983; Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988; Кабытов П.С. Социально-психологические аспекты классовой борьбы крестьянства в начале XX в. Куйбышев, 1988; Он же. Русское крестьянство в начале XX в. Куйбышев, 1990; Ниякий В.В. Нижегородская деревня / Облик и настроения классов в первой российской революции. Горький, 1981; Фурсов В.Н. Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60-70 гг. XIX в.: Социально-психологические аспекты. Воронеж, 1984 и др.

⁵⁹ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Федоров В.А. Материалы В.Н.Тенишева как источник по истории культуры и быта русского крестьянства: Конец XIX — начало XX в. // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории / Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Днепрпетровск, 1985. С. 54-59; Он же. Культура и быт пореформенной средневоложской деревни по материалам этнографического бюро В.Н.Тенишева // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 93-100; Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. Казань, 1966; Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973; Ведерникова Т.И. Этнография и праздничная культура народов Самарского края. Самара, 1991; Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в. / Сб. статей. Новосибирск, 1977; Община и семья в сибирской деревне XVIII — начала XX вв. / Межуз. сб. научных трудов. Новосибирск, 1989.

как философия хозяйства, где работа С.Н.Булгакова остается единственной и недостижимой вершиной⁶⁰. Значимость этих проблем только начинает осознаваться наукой.

ГЛАВА I. ОПЫТ МНОГОМЕРНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

К концу XIX в. русская экономическая статистика накопила достаточно представительный материал, позволяющий оценить не только экономико-географическое единство, но и социально-экономическую целостность поволжского региона. В пореформенный период произошли наиболее важные перемены именно в этой сфере. Если они действовали в направлении установления единого экономического пространства, то результатом должна была стать согласованность в динамике основных характеристик последнего. Такая согласованность легко вскрывается с помощью корреляционного анализа.

Важное значение имеет подбор признаков, характеризующих разные стороны аграрного развития. В качестве таковых нами выделены 24 признака, большинство из которых выражено в относительных, процентных значениях (для удобства сравнения):

1 — Доля дворянского землевладения в общей площади уезда (%); 2 — Доля латифундиального землевладения (свыше 1 тыс. дес.) в общей площади дворянской земли (%); 3 — Доля частного крестьянского землевладения личного в общей площади уезда (%); 4 — Доля частного землевладения крестьянских обществ и товариществ в общей площади уезда (%); 5 — Доля наделного землевладения крестьян государственных, удельных и колонистов в общей площади уезда (%); 6 — Доля наделного землевладения крестьян помещичьих в общей площади уезда (%); 7 — Размер надела бывших помещичьих крестьян (дес./двор); 8 — Отношение арендованной земли к наделной (%); 9 — Убыль дворянского землевладения за период 1877-1905 гг. (%); 10 — Отношение арендованной земли к наделной (%); 11 — Отношение помещичьих посевов яровой пшеницы к крестьянским (%); 12 — Отношение чистого сбора озимой ржи помещичьего к крестьянскому (%); 13 — Отношение чистого сбора яровой пшеницы помещичьего к крестьянскому (%); 14 — Цена земли (%); 15 — Арендная плата (руб./дес); 16 — Поденная плата сельскохозяйственным рабочим с лошадей на своих харчах (коп.); 17 — Доля од-

⁶⁰ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1912.

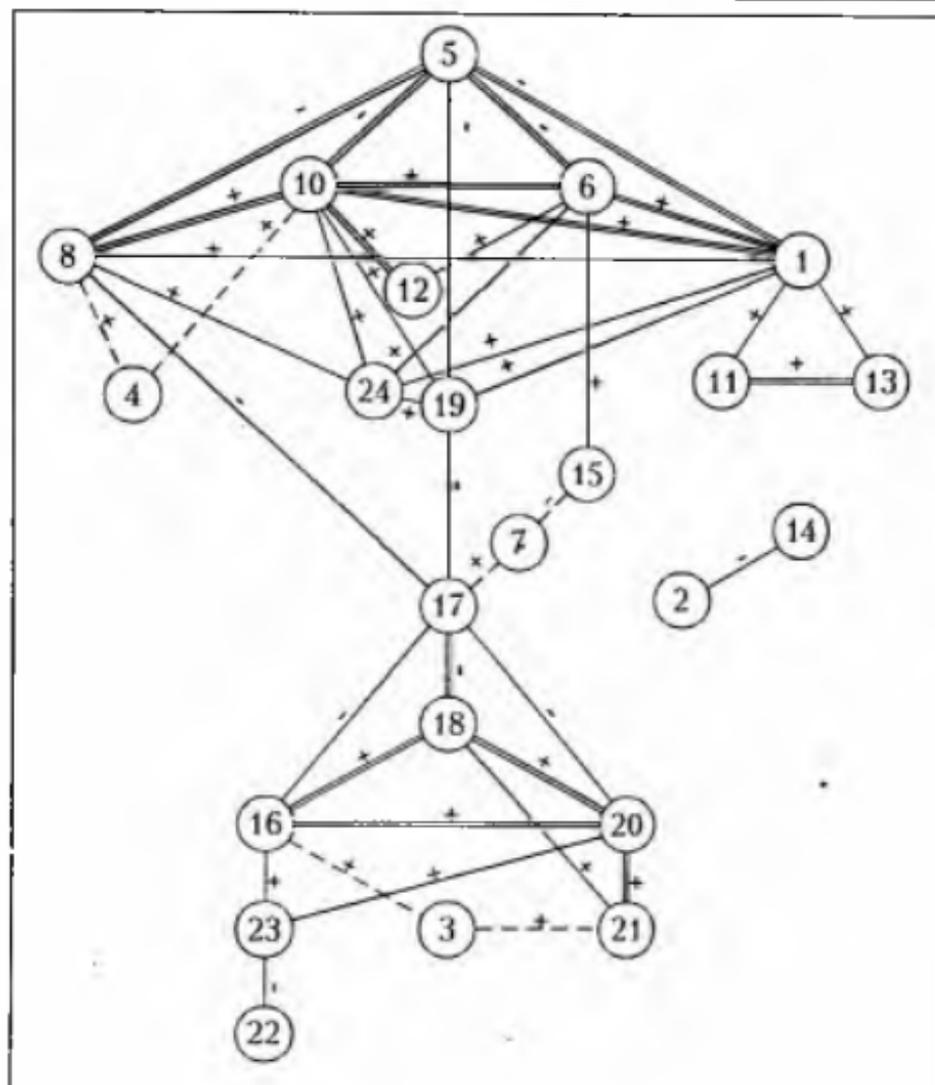

Рис. 6. Граф сильных связей между признаками

Примечание

Двойной линией обозначены связи при $r \geq 0,65$. Одной линией обозначены связи при $0,65 > r \geq 0,55$. Пунктиром обозначены связи при $0,55 > r \geq 0,50$. Знак "+" указывает на прямую корреляцию. Знак "-" указывает на обратную корреляцию.

нолошадных дворов (%); 18 — Доля дворов с 4 и более лошадьми (%); 19 — Доля дворов с 2-3 лошадьми (%); 20 — Доля хозяйства с числом наемных работников до 3 чеповек (%); 21 — Доля хозяйства с числом наемных от 4 человек и более (%); 22 — Доля сельского населения, занимающегося земледелием (%); 23 — Доля грамотных среди крестьян (%); 24 — Отношение абсолютного остатка (за вычетом продовольствия) хлебов к чистому сбору (%).

Нетрудно заметить, что этот комплекс признаков распадается на ряд групп, отражающих важнейшие аспекты аграрного развития региона. Признаки 1-9 характеризуют землевладение и землепользование, т.е. аграрные отношения в узком смысле слова. Это материальная база, на которой строились различные типы хозяйства. Признаки 10-13 показывают соотношение помещичьего и крестьянского хозяйств в производстве основных хлебов. Далее следуют рыночные признаки: земельный рынок представлен в продажных и арендных ценах (признаки 14-15), рынок наемной рабочей силы — в поденной плате, как наиболее распространенной форме найма. Признаки с 17 по 21 содержат информацию как о емкости рынка рабочей силы, так и о социальных процессах. Два последующих признака (22-23) позволяют оценить роль крестьянства в общей массе населения и уровень их цивилизованности. Наконец, признак 24 дает некоторое приближенное представление о товарности земледелия.

Все данные приведены на поездежном уровне, что несколько осложнило проблему источника. Ее удалось решить, лишь привлекая порой для одного признака несколько различных изданий. При этом предпочтение отдавалось той статистике, которая не вызывает сомнений в высокой степени достоверности. В результате сущностно-содержательного анализа источников была получена матрица данных объемом в 24 строки по 47 объектам (уездам). Результаты корреляционного анализа сведены в таблицу коэффициентов (см. приложение II). На ее основе построен граф сильных связей, отразивший коэффициенты, натуральная величина которых составляет 0,55 и более (см. рис. 6).

Абсолютное большинство взятых нами признаков были достаточно тесно взаимосвязаны, что является убедительным аргументом в пользу признания социально-экономической целостности поволжского региона. В то же время сложились два комплекса факторов аграрного развития, хорошо видные на графе. Их внутренние корреляционные линии были сильнее внешних. Первый из них составили признаки: 1, 5, 8, 10, 12. Их взаимозависимость была наиболее сильной (см. табл. 14).

Таблица 14. Внутренний строй первого комплекса факторов аграрного развития Поволжья (верхняя часть графа; коэффициенты корреляции $r=0, \dots$)

№№ призн.	1	5	6	8	10	12	11	13	15	19	24
1	*	-71	88	64	87	57	59	57	45	55	57
5		*	-67	-65	-75	-54	-40	-39	-24	-56	44
6			*	53	80	60	52	50	62	52	55
8				*	79	54	37	38	20	50	56
10					*	67	49	48	39	61	63
12						*	31	30	32	33	34
11							*	93	34	40	31
13								*	31	38	36
15									*	39	29
19										*	54
24											*

Четыре признака: 1 (доля дворянского землевладения), 6 (доля надельного землевладения бывших помещичьих крестьян), 8 (отношение арендованной земли к надельной), и 10 (отношение помещичьих посевов ржи к крестьянским) составили ядро этого комплекса. Ведущее место здесь явно принадлежит дворянскому землевладению. Поскольку признак 9 (убыль дворянского землевладения) никак не связан с первым комплексом вообще, то остается признать, что именно удельный вес владений дворян задает тон во всей системе: определяет надельное землевладение помещичьих крестьян и соотношение помещичьих и крестьянских посевов. Совершенно ясно, что эта жесткая структура связывает аграрный строй с его крепостническим прошлым. Дополнительным штрихом здесь становится тесная прямая связь с посевами и сборами именно озимой ржи, при которых в наименьшей степени применялся наемный труд. Одновременно помещичье хозяйство связано и с посевами яровой пшеницы, но в меньшей степени.

Особое положение занимает признак 5 — доля надельного землевладения бывших государственных и удельных крестьян, а также колонистов. Этот фактор встал как бы в оппозицию ко всей подсистеме. При этом все коэффициенты с весьма высоким значением, что исключает любую случайность, влияние третьего фактора и т.п. Этот парадокс имеет, по-видимому, важное экономическое значение. В нем таится альтернативная позиция в аграрном

развитии, присущая этим относительно "вольным" разрядам крестьянства.

Наконец, комплекс связей, сложившийся вокруг дворянского ядра, включал в себя хозяйство среднего крестьянина (19). Оно оказывалось тесно связанным с помещичьим землевладением ($r=0,55$), а главное — с помещичьими посевами озимой ржи ($r=0,61$)! Довольно тесная прямая связь с земельной арендой ($r=0,50$) довершает картину, ибо указывает на то, чем помещик "держал" этих крестьян. Вывод: перед нами ярчайшие признаки отработочной системы. Поскольку мы знаем, где распространены были посевы озимой ржи (Пензенская, север Саратовской и отчасти Симбирская губернии), то можно уловить и зону действия этой системы. Но дело на этом не заканчивается, т.к. с первой подсистемой оказывается тесно связанным такой "рыночный" признак, как товарность (24). В данном случае она рассчитана как отношение абсолютного остатка (за вычетом семенного фонда и продовольствия) к чистому сбору и представлена в процентном выражении. Товарность находилась в наиболее тесной зависимости от вышеописанного "ядра" первой подсистемы, но, как ни странно, лишь чуть резонировала результативно-производственному признаку — 12 — сборам ржи ($r=0,31$).

Из табл. 14 видно, что по силе воздействия на товарность связанные с ней признаки ранжировались следующим образом: более всего она зависела от соотношения помещичьих и крестьянских посевов озимой ржи ($r=0,63$), затем следовали удельный вес помещичьего землевладения ($r=0,57$), земельная аренда ($r=0,56$) и наделные земли бывших помещичьих крестьян ($r=0,55$). Значимая прямая связь со средним крестьянством ($r=0,54$) указывает на то, чьими руками создавался этот излишек над потреблением.

Важные штрихи к нарисованной картине — прямая зависимость арендной платы от доли наделного землевладения бывших помещичьих крестьян в общей площади уезда ($r=0,62$) и обратная зависимость от величины их надела ($r=0,51$). В этих коэффициентах отражена закономерность: чем более "помещичьим" являлся уезд и чем меньше надел освобожденных из ярма крепостничества крестьян, тем выше арендная плата за землю.

Итак, первый комплекс (подсистема) корреляционного строя аграрных отношений в Поволжье конца XIX в. зафиксировал живучесть старого уклада, основанного на неразрывной связи помещичьего и крестьянского хозяйств.

Второй комплекс показателей аграрного развития (нижняя часть графа сильных связей) являет собой как бы противоположность первому, хотя бы уже потому, что все корреляционные

связи его с первым комплексом имели отрицательный характер. Главное же в том, что второй комплекс выражает закономерности крестьянского хозяйства и не подчинен гнету дворянского землевладения, как предыдущий. Основные внутренние зависимости его выведены в табл. 15.

Таблица 15. Внутренний строй второго комплекса факторов аграрного развития Поволжья (нижняя часть графа; $r=0, \dots$)

№№ признаков	16	17	18	20	21	22	23
16	*	-57	70	67	42	-47	60
17		*	-88	-64	-53	17	-22
18			*	75	57	-20	46
20				*	86	-49	63
21					*	-40	48
22						*	-55
23							*

В центре подсистемы аграрного строя находился такой значительный признак, как доля дворов с четырьмя и более лошадьми, т.е. крупные крестьянские хозяйства. На этом экономическом типе сходились возможные линии буржуазно-крестьянского (фермерского) развития. На схеме (рис. 6) они представлены в форме мощного треугольника, углы которого составили, кроме отмеченного признака 18, также 16 (поденная плата сельскохозяйственным рабочим) и 20 (доля хозяйств с числом наемных работников до трех человек). От числа многолошадного крестьянского хозяйства прямо зависела также доля хозяйств с числом наемных работников в четыре человека и более. Такое соответствие в динамике постоянной и переменной части капитала, зафиксированное столь достоверным и авторитетным источником, как Первая Всеобщая перепись населения 1897 г., представляется нам весьма важным.

Принципиально иное положение в данном комплексе занимает признак 17 (доля однолошадных дворов). Он имеет отрицательный коэффициент корреляции со всеми компонентами вышеописанного треугольника, олицетворяющего крупное крестьянское хозяйство. Что это могло бы значить? Скорее всего перед нами такая тенденция в аграрной эволюции, при которой рост крупного крестьянского хозяйства сочетается с сокращением пролетарски-пауперских слоев в крестьянстве; причем такое сокращение сопровождалось повышением (либо прямо повышало) отношение арендованной земли к надельной. Нельзя не заметить, что такой про-

цесс не укладывается в привычную схему дифференциации крестьянства. Что это, "родовая черта" особого крестьянского типа аграрной эволюции?

Рассмотрение менее тесных (но не менее содержательно значимых) зависимостей во втором комплексе еще более усиливают наше впечатление. Это относится к признаку 23 (доля грамотных среди крестьян). Грамотность есть один из интегральных и верных показателей цивилизованности, и то обстоятельство, что грамотность оказалась в прямой и достаточно тесной зависимости от уровня оплаты сельскохозяйственного наемного труда и масштабов его применения, значит весьма много.

За пределами схемы, обозначенной на рис. 6, остались четыре признака. Они не имели связей с другими на уровне $r=0,55$, однако весьма близки к этому рубежу и небезынтересны. На схеме их корреляционные линии обозначены пунктиром. Наиболее существенным следует считать положение признака 3 (доля частного крестьянского землевладения в общей площади уезда). Как и следовало ожидать, он вписывается в "крестьянский" комплекс и имеет тесную связь с уровнем оплаты наемного труда ($r=0,52$) и с долей хозяйств, практикующих наемный труд в крупных размерах ($r=0,54$). Столь же высокой была согласованность в колебаниях числа многолошадных дворов и размеров надела бывших помещичьих крестьян, но это была единственная связь последнего признака с "крестьянским" комплексом. А вот признак 4 (доля частного землевладения крестьянских обществ и товариществ) присоединился к "дворянскому" комплексу. Оказывается, что он зависел почти в равной мере от отношения арендованной земли к надельной ($r=0,54$) и помещичьих посевов озимой ржи ($r=0,53$). Немалой была и прямая зависимость его от доли дворянского землевладения ($r=0,48$).

К числу сюрпризов следует отнести почти полное отсутствие значимых связей со всеми признаками такого важного процесса, как мобилизация дворянской земли. Выразивший убыль дворянского землевладения признак 9 имел наивысший коэффициент корреляции с поденной платой сельскохозяйственным рабочим ($r=0,41$), что можно интерпретировать как влияние буржуазного развития деревни на темпы мобилизационного процесса. Здесь удивляет не наличие связи, а ее невысокий показатель. И еще одна неожиданность, заставляющая более осторожно отнестись к общераспространенному мнению о повышательном влиянии латифундиальности на земельные цены. Эти два признака — 2 и 14 — стоят на отшибе, но тесно и отрицательно взаимосвязаны. Это может быть объяснено лишь путем конкретного анализа позе-

мельного строя с учетом зон преобладания различных типов аграрной эволюции.

Итак, объективный и беспристрастный язык цифр вывел нас к концептуально важным результатам. Мы получили подтверждение тезиса о социально-экономическом единстве региона. Вместе с тем "корреляционный рентген" обнаружил в недрах аграрного строя сложное противоборство экономических тенденций, связанных с помещичье-дворянским и крупным крестьянским хозяйством. На вооружении помещика мы видим земельный гнет, привязавший с помощью "арендного кушака" окрестных еще не разорившихся окончательно земледельцев. Крестьянское хозяйство, оказавшееся в орбите отработочной системы, было лишено экономической самостоятельности, включено в старую по своей сути вотчинную организацию, главной целью которой было производство на хлебный рынок. Это и был настоящий, вполне живой феодальный уклад.

В то же время к концу XIX в. становится отчетливо видно, что аграрный строй нес в себе же и радикальное отрицание старого уклада. Оно быстро разрасталось в его недрах и уже обладало относительной самостоятельностью. Это отрицание несло в себе новое крестьянское хозяйство, располагавшее значительным количеством рабочего скота и применявшее в широких размерах наемный труд. Его аргументы в борьбе за "свой тип" аграрной эволюции — экономическая свобода, сокращение удельного веса обнищавших слоев деревни, сохранение и развитие крестьянской цивилизации.

Каково было соотношение обнаруженных тенденций в аграрном строе? Вряд ли можно дать абсолютно точный ответ на этот вопрос, но приблизиться к нему можно, выделив зоны их преобладания. Здесь уже не обойтись без многомерного статистического анализа. Методологические основы применения его в аграрно-исторических исследованиях разработаны И.Д.Ковальченко⁶¹, конкретно-методическая сторона вопроса — Л.И.Бородкиным⁶². Им же принадлежит первый в нашей стране опыт аграрной типологии губерний Европейской России в свете ленинской концепции двух путей⁶³.

⁶¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

⁶² Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

⁶³ Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX-XX веков: Опыт многомерного статистического анализа // История СССР. 1979. № 1.

Кластерный анализ, примененный в указанных выше работах Ковальченко и Бородкина, представляется нам наиболее адекватным поставленной исследовательской задаче. Он позволяет классифицировать по типу аграрного развития отдельные территориальные единицы (в нашем случае уезды) и определить пространственное размещение зон господства типов аграрной эволюции. Предварительный вариационный анализ по всем 24 признакам подтвердил такую возможность. Средний коэффициент вариации оказался довольно высоким — 69%. Это явное свидетельство того, что значения признаков по отдельным уездам варьировались в широком диапазоне (см. табл. 16).

Таблица 16. Вариация признаков по Поволжью в целом

№№ признаков	Среднее значение признака	Вариация (V) % %	№№ признаков	Среднее значение признака	Вариация (V) % %
1	14,7	69,7	13	167,0	223,2
2	66,0	35,3	14	58,4	46,7
3	3,1	73,5	15	6,3	43,5
4	3,9	86,4	16	163,4	29,6
5	42,0	41,8	17	46,3	26,6
6	10,3	74,1	18	46,3	26,6
7	5,5	25,7	19	41,0	14,2
8	14,8	79,5	20	3,1	51,6
9	37,7	48,4	21	0,2	80,5
10	40,1	76,0	22	90,0	55,0
11	141,3	208,3	23	15,2	41,3
12	54,0	84,9	24	24,7	62,1

Пороговым значением коэффициента вариации считается 30%, выше которого дисперсия (разброс) значений признается существенной. Лишь четыре признака располагаются ниже этого порога, из которых только один (19) достаточно консолидирован ($V=14,2\%$).

Однако кластерный анализ по всем 24 признакам не дал желаемого результата. Полученная дендрограмма не имела ясно выраженной поляризации кластеров. Это означает, что биполярность аграрного строя, отразившаяся в графе сильных связей (см. выше), проявлялась повсеместно, но колебания альтернативных факторов как бы перекрывали друг друга. Поэтому в целом по региону получилась нечеткая картина.

На втором этапе анализа была выделена группа из девяти признаков, отражающих главным образом хозяйственные факторы аграрного развития. В это девятимерное пространство были помещены все 47 уездов, которые на этот раз распределились четко на три крупных кластера, и два уезда оказались вне их. В первом кластере объединились 13 уездов: Бугурусланский, Бузулукский, Ставропольский, Самарский, Николаевский, Сызранский, Мокшанский, Нижнеомовский, Саратовский, Петровский, Аткарский, Балашовский, Камышинский. Во втором кластере было 27 уездов: все уезды Казанской губернии, все уезды Симбирской губернии (кроме Сызранского), Краснослободский, Наровчатский, Инсарский, Саранский, Кузнецкий, Хвалынский, Петровский и Бугульминский. Третий кластер включал 5 уездов: Пензенский, Керенский, Чембарский, Городищенский и Сердобский. Наконец, вне кластеров оказались Новоузенский и Царицынский уезды, а точнее это можно назвать особым, четвертым кластером. Данное распределение приведено на карте-схеме (см. рис. 7).

Характеристика кластеров дана в табл. 17.

Сопоставление средних значений признаков с их вариацией показывает, что такая типология дает лишь грубый абрис пространственной поляризации типов аграрного развития. В ней проявились лишь наиболее резко выдающиеся черты двух путей. Воплощением помещичьего варианта был третий кластер. По степени консолидированности типологических признаков он значительно превосходит все остальные ($V=23,8\%$). Если вычленишь из вариационного ряда те признаки, которые обладают наименьшей дисперсией и при этом существенно отличаются от подобных значений в других кластерах, то можно получить как "лицо" типа аграрного развития. В данном случае такими "чертами лица" являются (по возрастающей): отношение помещичьих посевов яровой пшеницы к крестьянским в среднем значении признака составило 986,5%, арендная плата за землю — 9,1 руб./дес., доля дворянского землевладения в общей площади уезда — 31,3%, доля личного частного землевладения крестьян в общей площади уезда — 3,2%, доля надела помещичьих крестьян — 21,7%, размер надела помещичьих крестьян — 5,8 дес./двор, доля среднего крестьянства — 47,3%, поденная плата сельхозработчим — 161 коп., убыль дворянского землевладения — 21,5%.

Сравним выделенные признаки третьего кластера с данными по Новоузенскому уезду, приведенными в табл. 17. Мы видим разительные контрасты, которые настолько красноречивы, что не требуют особых комментариев. Совершенно ясно, что при таком типе аграрного развития, который господствовал в географичес-

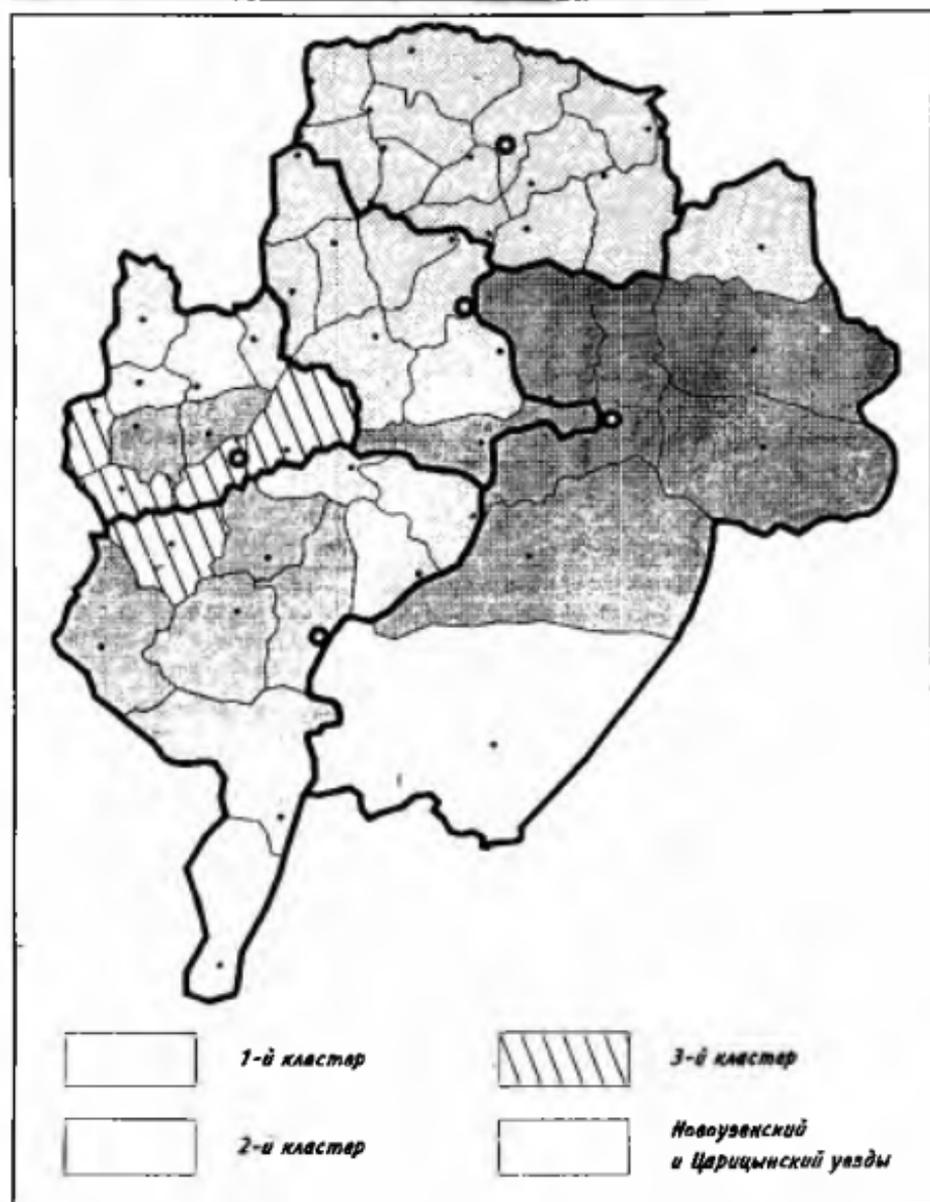

Рис. 7. Географическое размещение кластеров
(типология по 9 признакам)

Таблица 17. Вариация признаков по кластерам в девятимерном пространстве (признаки 8, 10, 11, 16, 17, 18, 21, 22, 24)

№№ признаков	Средние значения признаков				Вариация (V) %		
	1 класт.	2 класт.	3 класт.	Н.у.*	1 класт.	2 класт.	3 класт.
1	17,4	10,9	31,3	2,9	54,6	70,8	17,0
2	80,1	56,6	75,6	95,2	9,8	45,7	11,1
3	3,5	2,5	3,2	12,2	56,5	75,2	15,3
4	5,7	3,1	4,4	1,8	72,3	91,9	54,5
5	38,6	46,7	23,5	45,5	40,0	38,0	36,0
6	10,1	8,9	21,7	0,5	73,3	71,3	19,2
7	5,8	5,3	5,8	10,5	18,6	25,6	6,5
8	24,1	9,1	25,0	6,1	49,3	79,6	45,6
9	45,6	35,6	21,5	47,1	40,7	48,8	20,7
10	50,4	29,5	79,9	12,8	55,5	77,8	42,8
11	80,1	19,3	986,5	29,2	47,1	128,8	2,5
12	58,9	47,5	91,2	12,2	50,0	105,6	43,7
13	89,6	23,8	1182,3	29,5	46,8	157,2	31,0
14	48,4	67,6	51,7	14,8	31,4	43,6	31,0
15	5,2	6,6	9,1	1,3	59,6	33,5	3,9
16	208,0	137,2	161,0	287,0	22,2	20,7	8,7
17	34,6	53,9	37,4	24,4	19,3	14,9	23,6
18	22,0	6,7	15,3	41,4	39,2	56,7	39,4
19	43,2	39,2	47,3	34,2	11,0	14,2	6,7
20	4,6	2,1	3,4	9,5	24,1	24,6	19,2
21	0,2	0,1	0,2	0,9	49,3	51,4	30,7
22	88,2	91,9	89,2	84,1	3,2	4,2	2,3
23	17,7	13,5	12,7	39,2	40,7	27,2	21,1
24	28,4	21,6	37,8	21,4	65,8	52,7	39,8

* Новоузенский уезд

кой зоне третьего кластера, ход вещей диктуется интересами помещика. Он доминировал в землевладении, в производстве основного товарного хлеба, диктовал продажные и арендные цены на землю и вообще был наиболее устойчив к мобилизационному процессу. Наконец, доминирующее положение в аграрных отношениях позволяло помещику удерживать цены на наемный труд на рекордно низком уровне (вспомним зимнюю наемку). В такой

экономической обстановке все зависит от темпов и глубины капитализации помещичьего хозяйства.

Иная картина в зоне, представленной Новоузенским уездом Самарской губернии. Здесь доминирует не помещик, а крестьянин. Удельный вес частного крестьянского землевладения здесь в четыре раза выше, почти в два раза выше удельный вес наделных земель у бывших государственных и удельных крестьян, колонистов и т.п., в то время как доля бывших крепостных составляла всего 0,5%, но и у них размеры наделов вдвое выше, чем в зоне третьего кластера. Крестьяне намного превосходили помещиков как в посевах, так и в сборах основных хлебов. Социальная структура крестьянства отличалась значительно меньшей долей беднейших слоев и почти в три раза большим удельным весом состоятельного слоя. Уровень грамотности в этой зоне на три порядка выше "помещичьего" района, что говорит само за себя. Положение помещика, напротив, очень неустойчивое, и убыль дворянских земель происходила вдвое быстрее.

Однако нельзя не заметить, что все эти яркие и бесспорные черты разных типов эволюции локализованы на относительно малом пространстве. Основная же масса уездов, составившая первый и второй кластеры, в той или иной степени отразила черты обоих типов, от чего картина лишена определенности. Дополнительные сведения можно извлечь из анализа расстояний между кластерами (см. табл. 18).

Таблица 18. Матрица расстояний между кластерами (типология по 9-ти признакам)

№№ кластеров	I	II	III
I	26,6	35,6	294,5
II	35,6	24,5	312,7
III	294,5	312,7	87,6

Примечание: выделенные значения, расположенные по диагонали, выражают расстояния между объектами (уездами) внутри данного кластера.

Третий кластер значительно удален от первых двух. Еще дальше от них не вошедшие ни в один из кластеров Новоузенский и Царицынский уезды. Таковы крайности аграрного строя. Расстояние же между первым и вторым кластерами, как видим, сведено к минимуму и при этом достигнута высокая степень внутренней консолидации их, высшая даже, чем в третьем, "помещичьем" кластере.

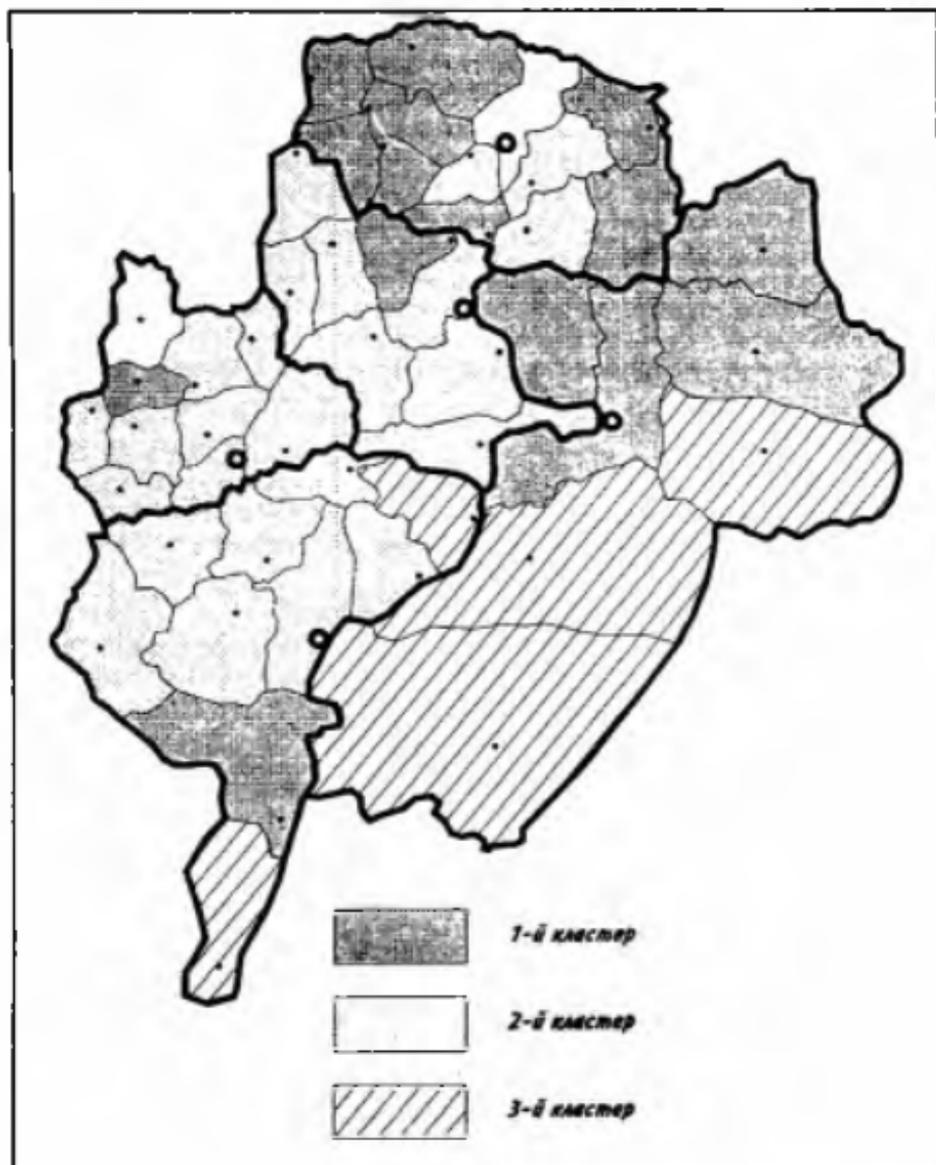

Рис. 8. географическое размещение кластеров (типология по 7 признакам)

Однако совершенно ясно, что в составе первых двух кластеров имеются уезды, которые невозможно признать однотипными (скажем, Царевококшайский и Балашовский, Бугульминский и Аткарский и т.д.). Следовательно, проведенная по вышеуказанным девяти признакам типология должна быть признана недостаточно совершенной. Требуется дополнительные типологические процедуры.

Более эффективным инструментом, проясняющим картину на всей территории региона, оказалась типология аграрных отношений, построенная на основе семи признаков: 1, 2, 3, 5, 6, 9, 14. В этом случае выявлены три зоны, включившие в себя и территории охарактеризованных выше "помещичьих" и "крестьянских" уездов.

Первый кластер (15 уездов)

Царевококшайский	Тетюшский	Ставропольский
Козьмодемьянский	Мамадышский	Самарский
Ядринский	Спасский	Буинский
Чебоксарский	Бугульминский	Наровчатский
Цивильский	Бугурусланский	Камышинский

Второй кластер (25 уездов)

Свияжский	Все уезды Пензенской губернии (кроме Наровчатского и Краснослободского)	Саратовский
Лаишевский		Кузнецкий
Все уезды Симбирской губернии (кроме Буинского)		Сердобский
		Петровский
		Вольский
		Балашовский
		Аткарский

Третий кластер (5 уездов)

Бузулукский	Новоузенский	Царицынский
Николаевский	Хвалынский	

Вне кластеров (2 уезда)

Краснослободский
Казанский

Картина распределения уездов представлена на карте-схеме (см. рис. 8). Следующий этап анализа заключается в том, чтобы определить их типологическую принадлежность. Этой цели служит вариационный ряд и средние значения признаков, приведенные в табл. 19.

Пользуясь данными первой (9-мерной) типологии как индикатором, мы можем определить зоны преобладания типов эволюции. Наибольшей долей дворянского землевладения отличается

Таблица 19. Вариация признаков по кластерам в 7-мерном пространстве

№№ признаков	Средние значения признаков			Вариация (V) %		
	1 класт.	2 класт.	3. класт.	1 класт.	2 класт.	3. класт.
1	6,1	22,2	5,8	74,8	34,9	41,2
2	61,7	72,5	79,0	45,8	16,6	15,3
3	1,1	3,5	7,7	81,5	33,7	30,0
4	1,4	5,6	3,3	105,8	64,5	47,9
5	56,0	30,4	50,2	28,4	34,7	8,1
6	3,0	16,0	3,3	81,3	35,5	103,1
7	5,3	5,5	6,5	29,8	18,1	34,3
8	8,4	20,8	9,4	129,6	50,8	46,5
9	34,7	33,3	63,4	46,1	49,1	13,7
10	15,7	59,7	19,1	78,8	46,2	27,6
11	23,2	241,5	53,1	140,3	155,2	60,5
12	19,7	72,3	69,3	81,2	43,4	129,0
13	29,1	285,8	60,7	149,3	167,8	41,9
14	60,1	56,7	25,2	36,4	31,3	44,6
15	4,9	7,5	2,9	54,3	25,8	83,0
16	150,2	165,6	232,8	30,8	26,7	17,5
17	49,1	43,8	40,7	27,4	22,4	38,0
18	11,9	12,5	22,8	91,0	60,2	68,4
19	38,9	43,5	36,4	15,1	10,9	7,2
20	2,8	3,1	5,6	51,0	39,3	40,5
21	0,1	0,2	0,3	67,4	59,6	73,3
22	93,0	88,8	85,8	4,2	3,4	7,2
23	14,3	14,6	23,7	48,3	28,0	35,9
24	20,4	31,2	8,9	69,8	43,3	91,6

второй кластер. Далее видно, что для него характерны все "родовые" черты "помещичьего" типа эволюции: меньший удельный вес личного землевладения крестьян и наибольший — частного землевладения общины и товариществ; резко выделяется он помещичьими посевами и сборами яровой пшеницы. Такая аномалия определяется положением в Пензенской губернии, которое хорошо видно было по первой типологии; высокая арендная плата за землю; устойчивость дворянского землевладения к мобилизации; наименьшая доля землевладения государственных и удельных крестьян и т.д.

Второму ("помещичьему") кластеру противостоит третий. И опять налицо контрасты, отмеченные при второй типологии, что

дает право определить эти зоны как альтернативные, с достаточно выраженными и сложившимися типологическими характеристиками. Можно лишь заметить, что контрастность здесь более приглушена. Отсюда еще один вывод: "ядро" помещичьего типа, ограниченное весьма локальной территорией, оказывало концентрическое влияние на окружающие его уезды с затухающей интенсивностью по мере удаления от него. Постепенно его типические черты уступали место иным, ориентированным на крестьянское хозяйство.

На южной и юго-восточной окраине Поволжья, в районе с незавершенным заселением, удаленном от губернской коронной администрации, от "дворянских гнезд", в районе с преобладанием государственного и удельного землевладения, наиболее ощутимы элементы фермерства.

Средний коэффициент вариации во втором и третьем кластерах не достигал 50% (соответственно: 45,9% и 41%). Это позволяет нам говорить о том, что несмотря на приглушенность контрастов, выделенные зоны качественно определены и идентифицируются как "помещичья" (второй кластер) и "крестьянско-фермерским" (третий кластер).

В то же время немало загадок заключает в себе первый кластер. Он не соответствует ни одному из двух эталонов в полной мере. Заметно, что по ряду фундаментальных признаков (удельный вес дворянского землевладения, высокий удельный вес землевладения государственных и малый — помещичьих крестьян, малая роль аренды по сравнению с наделом и т.д.) он сближается с "крестьянским" типом. Вместе с тем, по ряду других он ближе к "помещичьему" (малая доля личного частного землевладения крестьян, низкая убыль помещичьей земли, высокие земельные цены и т.д.). Окончательный ответ дает анализ расстояний между кластерами, представленный в табл. 20.

Таблица 20. Матрица расстояний между кластерами (типология по 7 признакам)

№№ кластеров	I	II	III
I	24,4	86,7	36,4
II	86,7	121,0	88,7
III	36,7	88,7	32,4

См. примеч. к табл. 18.

Сенокос

Район, охваченный первым кластером, оказался типологически близким к третьему кластеру. Их расстояния до "помещичьего" второго кластера были почти равными (86,7 и 88,7). В целом первый кластер может быть интерпретирован как крестьянская зона. Среднее значение двух признаков — 1 и 5 — совершенно исключают присоединение его к "помещичьему" типу, что подтверждается еще слабой ролью помещиков в производстве основной для этой местности культуры — озимой ржи (в посеве 15, % от крестьянского, а в сборе — 19,7%). Таким образом, условные названия кластеров можно было бы определить как "крестьянский", "помещичий" и "фермерский".

Пропомещичьи черты крестьянского типа объясняются, по-видимому, иными факторами, нежели помещичий гнет. Это район наиболее развитых национально-хозяйственных укладов, относительно раннего и густого заселения, наконец, это географически особая зона. Все в совокупности заставляет высказать предположение о том, что в этом районе мы сталкиваемся с феноменом более жестких традиционных устоев аграрного развития в обстановке живых общинно-родовых отношений (см. национально-хозяйственные черты, описанные во втором разделе настоящей работы). Эффект воздействия этой общественно-экономической архаики отразили средние значения таких признаков, как ничтожно малая доля личного частного землевладения (даже меньше, чем в "помещичьей" зоне) и одновременно такая же ничтожная роль общинно-товарищеской частной собственности; слабо развитая земельная аренда и невысокая арендная плата; отставание в развитии наемного труда, особенно крупных крестьянских хозяйств, при довольно высоком проценте бедных слоев (49,1%). Наконец, первый кластер имеет самый высокий средний коэффициент вариации (59,9%). Но при такой большой дисперсии признаков он оказался внутренне наиболее консолидированным (расстояние между составляющими его уездами — 24,4).

Напротив, выяснилось, что второй, "помещичий", кластер самый неоднородный (121,0). Это как бы подчеркивает внутреннюю слабость данного типа аграрной эволюции перед лицом наступления "прокрестьянских" факторов аграрных отношений.

Таким образом, типологический анализ позволил обнаружить на карте Поволжья зоны возможного преобладания разных типов аграрной эволюции. Они не совпадают с имеющимися в нашей литературе оценками прежде всего в том, что северо-восточная часть региона оказалась отнесенной к крестьянскому типу.

Корреляционный анализ вскрыл со всей очевидностью внутренне противоречивый характер аграрного строя, наличие в нем

альтернативных тенденций. Ряд вопросов, требующих конкретно-исторического исследования, касаются прежде всего экономики помещичьего и крестьянского хозяйства. Наконец, необходимо выявить специфически фермерские слои в среде поволжского крестьянства.

ГЛАВА II. ПОМЕСТЬЕ И КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР

Дворянское землевладение было узловым пунктом крепостнического аграрного строя России. В Поволжье формирование его было значительно более поздним процессом по сравнению с центральными районами страны, однако ко времени реформы оно успело утвердиться на значительной части территории края (см. табл. 21).

Таблица 21. Дворянское землевладение в Поволжье перед отменой крепостного права

Губернии	Всего земли тыс. дес.	Владения дворян тыс. дес.	%% к площади губернии	%% к двор. з/владению региона
Казанская	5685	995	17,5	10,4
Пензенская	3483	1644	47,2	17,3
Симбирская	4451	1788	140,2	18,8
Самарская	14582	1778	12,2	18,7
Саратовская	7495	3313	44,2	34,8
Поволжье	35696	9518	26,7	100,0
Европейская Россия	325589	104771	32,2	-

Источник: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967. С. 387-388.

В общем массиве дворянских земель Европейской России доля Поволжья составляла к 1858 г. более 9%. Настоящими "дворянскими гнездами" выглядят Саратовская, Симбирская и особенно Пензенская губернии. В масштабах же региона на первом месте была Саратовская, где было сосредоточено 34,8% всех помещичьих владений, а в целом правобережье выглядело намного более дворянским, нежели Заволжье: свыше 80% всех помещичьих земель края было сконцентрировано здесь. Особенно поражает

Саратовская губерния. Благодаря работе, проведенной Саратовской губернской ученой архивной комиссией, мы имеем возможность оценить не только масштабы поместий, но и процесс их формирования⁶⁴.

Появление первых помещичьих гнезд здесь относится ко второй половине XVII в. Правительство предоставляло поместья и вотчины боярам и служилым людям. Причем желавшие получить владение сами отыскивали "порозжие" и "били челом". Беспорядочный отвод земель был прекращен Петром I, распорядившимся вернуть в казну те поместья и вотчины, которые были розданы "по пометам дьячим, но без указа великого государя"⁶⁵. В 1691 г. дворцовые земли в границах позднейших Рязанской, Тамбовской и Саратовской губерний по рекам Цне, Хопру, Медведице, Терсе и Елани получил боярин Л.К.Нарышкин. Это гигантское пожалование не имело четко обозначенных границ, и Нарышкину позднее пришлось вести тяжбу не только с первопоселенцами, но и с самовольными владельцами земли, приходившими сюда уже после пожалования.

С открытием Саратовского наместничества наплыв помещиков резко усилился. В 1785 г. наместник Саратовский и Кавказский генерал-губернатор П.С.Потемкин получил право собственноручно раздавать свободные земли. На него тут же обрушился поток просьб об отводе земли. К примеру, князь С.Ф.Голицын писал: "В Саратовском наместничестве нынче мода просить земель... прошу мне побольше и получше оной отвести". Княгиня В.В.Голицына же прямо ставила ультиматум: "Если не останутся земли за нами, тогда я с Вами более не знакома"⁶⁶.

Раздача земель помещикам в виде крупных групповых пожалований проводилась в 1797, 1799 и 1800 гг. До 1797 г. было роздано 328105 дес. Среди награжденных блистали дворянские роды Гагариных, Салтыковых, Голицыных, Вяземских, Чернышевых, Безбородко, Потемкиных, Шереметевых, Зубовых. Граф Д.А.Зубов получил самое крупное имение в 89802 дес. Кроме того, именными рескриптами пятеро помещиков получили в Вольском и Саратовском уездах 3974 душ крестьян⁶⁷.

В 1797 г. крупные групповые пожалования получили десять помещиков в Вольском, Саратовском и Камышинском уездах. Сре-

⁶⁴ Материалы комиссии были опубликованы к 50-летию отмены крепостного права. — См.: Материалы по крепостному праву: Саратовская губерния. Саратов, 1911.

⁶⁵ Там же. С. 4.

⁶⁶ Там же. С. 4-5.

⁶⁷ Подсчитано по: Материалы по крепостному праву... С. 5.

ди 63-х дворян, получивших земли в Саратовской губернии в 1801 г. особо выделялись владения действительного тайного советника сенатора Свистунова (10 тыс. дес.), тайных советников Карнеева, Леонтьева, Тарбеева и Алябьева, военных генералов Арбузова, Корсакова, Левшина, Ханыкова и Язлева, сенатора Глинки, а также помещиков Мертваго, Кожина и других (по 5 тыс. дес.)⁶⁸. Общая площадь группового пожалования составила 172312,5 дес.

В 1805 г. губернатор Беляков проводил по требованию правительства обследование дворянских владений. Выяснилось, что всего к этому времени в Саратовском крае дворянам было пожаловано 492538 дес.⁶⁹ В XIX в. крупных групповых пожалований уже не отмечалось, но единичные случались ежегодно. В 1809 г. получил 2000 дес. помещик Столыпин. К концу 20-х гг. относится также продажа кригс-шталмейстеру Столыпину еще 1000 дес. в Вольском уезде помещиком Соболевским⁷⁰. Этот список можно было бы продолжить...

Земельные пожалования (как и раздача крепостных душ) сыграли важную роль в формировании главным образом латифундального землевладения. Кроме них имелись и иные способы "округления" уже полученных владений. Например, нарезка на прибылые души при генеральном межевании, которое растянулось в Поволжье на значительный срок⁷¹:

Пензенская губерния	1782-1792 гг.
Казанская	1793-1803 гг.
Симбирская	1798-1821 гг.
Саратовская	1798-1835 гг.
Самарская	1798-1842 гг.

Нарезка производилась до достижения 15 дес. на крепостную душу. За нее помещик платил по 1 руб. за дес. без леса и 2 руб. за дес. с лесом. Точной статистики на этот счет не имеется, но о масштабах нарезки свидетельствует следующий факт: адмиралу Мордавинову в 1806 г. было повелено отвести недостающие до 15 дес. пропорции на число душ 7442 дес. из пустопорожных земель в Саратовской губернии⁷². Совершенно ясно, насколько актуаль-

⁶⁸ Там же. С. 10.

⁶⁹ Там же. С. 14.

⁷⁰ Там же. С. 12.

⁷¹ Цветков М.А. Картографические материалы Генерального межевания // Вопросы географии. М., 1953. Сб. 31. С. 92.

⁷² Материалы по крепостному праву... С. 19.

ной для помещика становилась задача переселения своих крестьян на новые земли из внутренних губерний. Но все-таки многие имения пустовали. После проверки губернатора Белякова выяснилось, что наибольшее число пожалований приходилось на Сердобский уезд, а наибольшая площадь — на Петровский (68550 дес.). Незаселенных имений к 1805 г. было 93597 дес. Некоторые имели чисто символическое население, например, коллежский жессор П.Иванов на 3 тыс. дес. имел всего 9 душ⁷³. Мелкие помещики теснились вокруг крупных городов, большей частью под Саратовом и на городских землях. К 1810 г. в основанных ими селениях проживало 2871 душ помещичьих крестьян⁷⁴.

В пореформенный период практика земельных пожалований пошла резко на убыль и уступила затем набиравшей силу мобилизации дворянских земель. Непосредственно перед реформой правительство все же успело раздать в Европейской России 873315 дес., значительная часть которых приходилась на Поволжье⁷⁵.

В Самарском Заволжье поместное землевладение сложилось главным образом в XVIII и первой половине XIX в.⁷⁶ До середины XVIII в. помещичья колонизация тяготела к приволжской местности и притокам Волги в их нижнем течении, но затем началось наступление на башкир, явились т.н. "коронные" участки, отводимые в вотчины служилым людям. Так возникли крупные имения московского дворянина Дмитриева, затем боярина Головина в южной части Самарского уезда. Во второй половине XVIII в. помещики продвинулись в глубь степей, переводя сюда крестьян из Пензенской и Симбирской губерний и осваивая постепенно Бугурусланский и Бузулукский уезды. Поток колонизации, направлявшийся с севера на юг, опережал движение с запада на левый берег Волги, поэтому волжский берег был заселен несколько позднее, чем внутренняя часть края⁷⁷. Сменился и хозяин района Самарской Луки: им стали владеть братья Орловы⁷⁸.

⁷³ Там же. С. 20.

⁷⁴ Там же. С. 21.

⁷⁵ Семевский В.И. Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. Очерк из истории частной земельной собственности в России. СПб., 1906. С. 69.

⁷⁶ См.: Ведерникова Т.И. Государственная политика насаждения помещичьего землевладения в Самарском Заволжье в конце XVII-XVIII вв. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 60-69; Савельев П.И. Помещичье хозяйство Самарской губернии накануне отмены крепостного права // Там же. С. 108-118.

⁷⁷ Перетяткович Г. Поволжье в XVII — начале XVIII вв. Одесса, 1882. С. 258; Преображенский П.А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923. С. 23, 43.

⁷⁸ См.: Катаев И.М. На берегах Волги. Челябинск, 1948.

Первая половина XIX в. была временем особенно интенсивного освоения юга. По данным П.А.Преображенского, "приблизительно 26% тогдашнего числа населения Бугульминского уезда, 69% Бугурусланского и 71% Николаевского возникли в течение XIX столетия. По Бузулукскому уезду особенный прилив переселенцев отмечается в промежуток между 7-й и 8-й ревизиями (1816-1834 гг.)"⁷⁹. В Николаевском и северной части Новоузенского уезда особенно быстрый рост числа поместий был в 20-50-е гг. XIX в. Практика пожалований продолжалась и в пореформенный период. Главным образом они производились из государственного фонда южных уездов, земли которых как правило либо сдавались в аренду, либо отдавались в оброчное содержание государственным крестьянам. На протяжении 50-60-х гг. XIX в. царское правительство отвало помещикам в виде высочайших пожалований 830715 дес.⁸⁰

Среди целенаправленных мер правительства по насаждению дворянского землевладения в Самарском крае следует назвать также переселение сюда разорившихся помещиков — т.н. "неслужащих" дворян из Рязанской, Симбирской, Тульской и других губерний Европейского центра России. Для этих переселенцев было нарезано 200 участков по 60 дес. (54 дес. пашни и 6 дес. лугов) из владений казны, находившихся до этого в оброчном содержании.

Переселение малоимущих дворян было проведено правительством по инициативе дворянских собраний Симбирской и Рязанской губерний, которые пытались таким образом ликвидировать довольно значительный слой обедневшего дворянства. По утверждению Николаем I Положению Комитета министров от 25 мая 1843 г. отводимые участки могли продаваться только подобным же поселенцам, а указом 1848 г. была установлена майоратная форма землевладения. Младшие сыновья (в возрасте от 7 до 17 лет) могли отдаваться на воспитание в батальоны военных кантонистов, а по достижении 18 лет — проходить службу в пехоте на правах, "принадлежавших им по происхождению"⁸¹. На переезд и обзаведение хозяйством правительство выдало 83 семействам мелкопоместных переселенцев только за три года (1848-1851 гг.) денежное пособие в сумме 10335 руб.⁸²

⁷⁹ Преображенский П.А. Колонизация... С. 55.

⁸⁰ Ич-э. Движение дворянской поземельной собственности в Самарской губернии с 1866 по 1885 г.// Экономический журнал. 1893. Кн. 9-10. С. 16.

⁸¹ Самарские губернские ведомости. 1861 г. 25 февраля. С. 76.

⁸² Там же. 1861 г. 11 марта. С. 92.

Уже через несколько лет обнаружилась вся искусственность этого правительственного мероприятия. Дворяне-переселенцы не имели ни навыков, ни желания к занятию хозяйством. Выданные им деньги пошли на непроизводительные расходы. К тому же в большинстве участков оказался затрудненным доступ к воде. Часть дворян вынуждена была строить свои дома на земле соседа или на границе своего владения, бок о бок с соседним владельцем. В результате местность, заселенная этими "благородными" земледельцами, являла собой безрадостную картину "разбросанных там и сям в беспорядке крайне незатейливых строений". Дома их не отличались от крестьянских изб средней руки. Из 122 владельцев лишь 19 удержались от сдачи земли в аренду под посев. Остальные были захвачены начавшейся "пшеничной лихорадкой" которая быстро истощила почву, и уже через несколько лет арендная плата упала с 5-10 руб. до 75 коп. за дес.⁸³ Вполне закономерным поэтому выглядит явление обратного переселения горе-фермеров на прежнее место жительства. Попытка правительства придать поселениям малоимущих дворян общинный характер с периодическими переделами провалилась из-за сопротивления самих дворян.

Результаты помещичьей колонизации Самарского Заволжья в крепостническую эпоху выразился в следующем географическом расположении помещичьего землевладения. Оно вклинивалось большими и малыми островками во владения казны, удела, а также в участки, которые принадлежали Башкирскому войску. Большая часть имений находилась по берегам крупных рек — Волги, Самары, Кинеля, Иргиза и др. В северной части губернии большие группы поместий сосредоточивались в приволжской зоне Ставропольского уезда вплоть до р. Кондурчи с ответвлениями вверх по р. Б.Черемшан, с концентрацией около г. Ставрополя. В Бугульминском уезде они располагались севернее г. Бугульмы, граница на севере и юго-востоке уезда с башкирскими землями, что создавало благоприятные условия для захвата или скупки последних. Полоса помещичьих земель проходила в северо-восточной части Самарского уезда, простираясь до границ Бугульминского и Бугурусланского уездов. Стержнем ее был бассейн р. Сок. Такую же роль играла р. Кинель, по правому берегу которой, на границе Самарского и Бугурусланского уездов, находились поместья дворян.

Самое большое в губернии пространство сплошного расположения помещичьих владений, составленное из бывших башкирских

⁸³ Там же. 1861 г. 6 марта. С. 128.

земель, находилось на границе Бугурусланского и Бузулукского уездов. Этот район сохранился вплоть до начала XX в., о чем свидетельствуют данные статистики землевладения 1905 года⁸⁴. Концентрация помещичьих дач отмечается также и в районе г. Бугуруслана, причем они имеют здесь форму длинных вытянутых от р. Кинеля на север полос.

Таблица 22. Дворянское землевладение в Самарском Заволжье в 50-70-х гг. XIX в. (дес.)

Губернии	Количество имений			Размеры владений		
	1857 г.	1867 г.	1877 г.	1857 г.	1867 г.	1877 г.
Ставропольский	167	143	136	23130	210249	199192
Самарский	135	192	267	19048	199469	245407
Бугульминский	110	102	94	10552	169191	169786
Бугурусланский	195	186	169	21893	379795	409162
Бузулукский	196	224	202	16050	402949	335950
Николаевский	95	224	168	15126	699285	499083
Новоузенский	26	76	46	2048	307123	174553
По губернии	924	1147	1082	107897	2368161	2033133

душ мужского пола.

Источник: Самарские губернские ведомости. 14 июня 1858 г. С. 122; ГАСам.О. Ф. 663. Оп. 1. Д.14. Л. 13-19; Статистика землевладения 1905 года. Вып. 28. С. 12-13.

В южной части губернии, по левобережью рр. Самары и Кинеля, в Самарском уезде располагались крупные владения Самариных, Урусовых и других помещиков. Сплошной полосой они тянулись по берегу Волги, сливаясь с поместьями Николаевского уезда. Напротив Хвалынска эта полоса разрывалась казенными владениями и продолжалась далее на юг до удельных земель в районе Балакова с углублением на восток вдоль рек Малый и Большой Иргиз. Наконец, полоса помещичьих земель, начинавшаяся в Николаевском уезде от Нижневоскресенского единоверческого монастыря, проходила по границе с Новоузенским уездом до земель Уральского казачьего войска⁸⁵.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 79. Л. 87-91 об.

⁸⁵ Самарские губернские ведомости. 1858 г. 17 мая. С. 93-94.

Итак, "фермерская" зона отнюдь не выглядит свободной от дворянского землевладения. Более того, масштабы его в степных просторах были намного значительнее, чем на севере губернии. В 60-х гг. XIX в. произошло увеличение числа поместий и общей площади их на юге (см. табл. 22).

Сведения о числе крепостных душ к концу 50-х гг. не отражали реального землевладения: Большинство новых поместий на юге (в Бузулукском, юго-восточной части Бугурусланского, засамарской части Самарского и в Николаевском уездах) со времен Павла I предоставлялись без крестьян, т.е. ненаселенными. Точной статистики для этого времени нет, а материалы Редакционных комиссий коснулись здесь лишь 270 имений из 924-х. Но с отменой крепостного права ценность ненаселенных земель резко подскочила. Правда; после реформы помещиков на юге ожидали отнюдь не легкие времена конкуренции со стороны купцов и крестьян. В правобережных губерниях — Симбирской и Пензенской — помещичье землевладение имело более глубокие корни. Его формирование было связано с освоением края сразу после разгрома Казанского ханства и присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству⁸⁶. Казань, как известно, принимала опальных бояр и дворян времен опричной грозы⁸⁷.

В засурской части Симбирской губернии (Курмышский и Алатырский уезды) имели место пожалования при царях Федоре Ивановиче, Борисе Годунове и даже при Лжедмитрии I. Эта часть края была к началу XVII в. уже достаточно густо заселена, и поэтому дачи помещиков здесь были не столь значительны. Иное дело юг Симбирской губернии: массовая раздача земель здесь началась со времен царя Алексея Михайловича (в 1649 г. дворянам-участникам литовского похода, в 1669 г. — участникам отрядов воеводы Одоевского и князя Волконского, действовавших под Саратовом)⁸⁸.

В ходе христианизации местного населения, особенно татар, часть их земель была конфискована и передана по челобитным русским дворянам при Петре I. Екатерина II раздала немало здешних земель своим сподвижникам и фаворитам. Кроме прекрасных

⁸⁶ См.: Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань, 1982. С. 68-76.

⁸⁷ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1980. С. 106-114; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 151-155.

⁸⁸ В акте было записано: "А некоторые в боях не бывали, тем поместья в вотчины не давать" — Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. Ч. I. С. 29-30.

имений графа Орлова-Чесменского, огромные земли по Суре и обширные девственные рощи по ее правобережью достались графу Строганову, а крупная земельная дача с селом Промзино — графу Потемкину⁸⁹. Отсюда богатые симбирские помещики двинулись в заволжские просторы, скупая за бесценок земли башкир и по дешевке — казенные участки в Сызранском, Самарском и Ставропольском уездах. Особенно живо освоение новых земель развернулось в начале XIX в.

Волну новопоселенцев в Симбирские земли вызвал грозный 1812 год. Сюда временно или навсегда перебрались многие дворянские семьи из Москвы и других западных губерний. К тому же "печальный для России 12-й год отразился весьма выгодно и на материальном благополучии землевладельцев: хорошие урожаи, а хлеб стоял в огромной (небывалой в ту эпоху) цене, потому что запрос на него был велик и в армию, и в разоренную войной часть России"⁹⁰. В первой половине XIX в. Симбирская губерния приобрела характерный для нее облик дворянского гнезда.

Общая картина "одаорянивания" земель Поволжья дана на карте-схеме (см. рис. 9). Здесь представлены данные об удельном весе помещичьего землевладения в процентах к общей площади уездов. Расчеты основаны на военно-статистических обследованиях и известных уже Приложениях к трудам Редакционных комиссий. Отчетливо выделяется район засилья помещиков, имевший вид мощного клина, рассекающего территорию Поволжья с запада на восток с нарастанием концентрации в обратном направлении. Поистине цитаделью поволжских помещиков выглядят Пензенская, Симбирская и Саратовская губернии (в последней исключение составляли лишь Камышинский и Царицынский уезды).

Грядущий аграрный капитализм вел дело к разрушению организационных форм вотчинного хозяйства, но темпы такого разрушения могли быть различными, смотря по тому, какая из форм феодальной ренты была преобладающей. В связи с этим важное значение приобретает вопрос о барской запашке. К сожалению, опубликованные в Приложениях к Трудом Редакционных комиссий сведения о помещичьих имениях в 100 душ и свыше не содержат точных расчетов барской запашки⁹¹. Это чрезвычайно затрудняет необходимые расчеты по большинству губерний. Исключение со-

⁸⁹ Там же. С. 30.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ См.: Приложения к Трудом Редакционных Комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости: Сведения о помещичьих имениях. СПб., 1860.

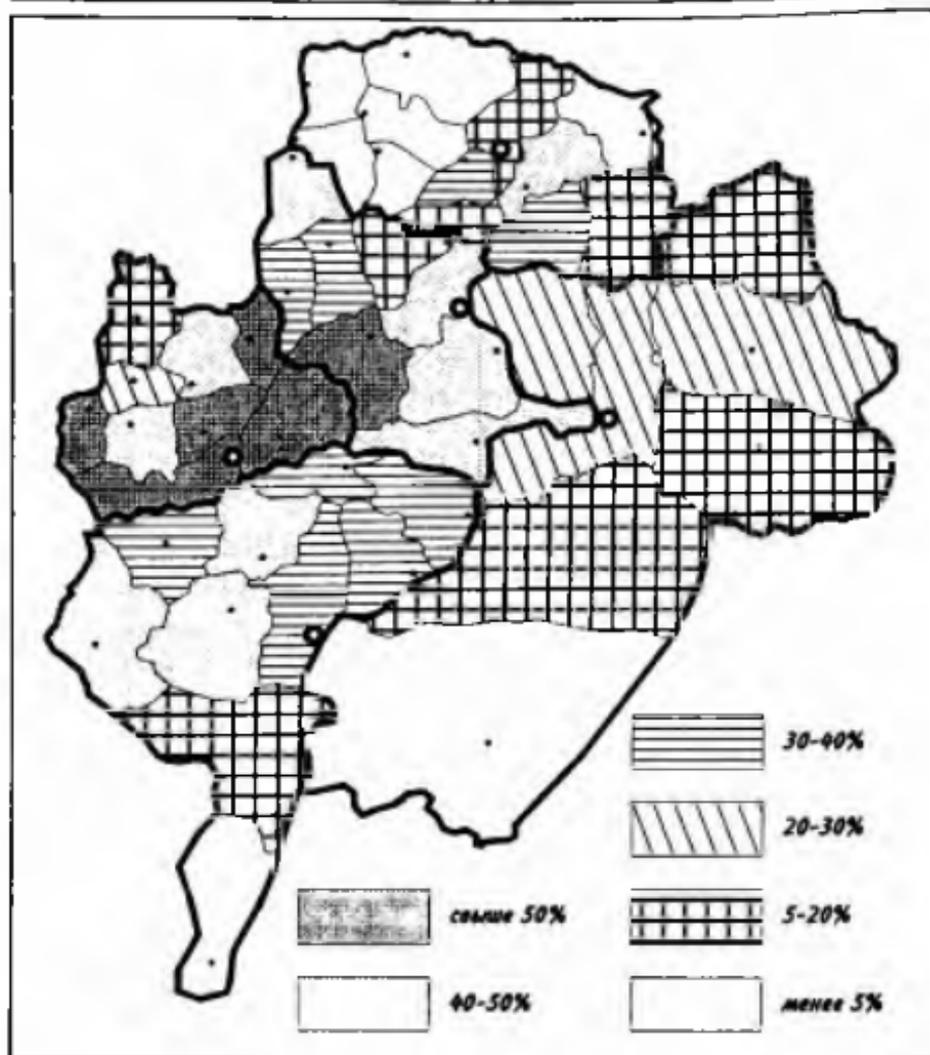

Рис. 9. Доля дворянского землевладения в Поволжье накануне реформы 1861 г. (% в площади уезда)

ставляют Симбирская и Казанская губернии, где трудами офицеров Генштаба Липинского и Лаптева нужные цифры были получены. Чтобы вычислить данные по остальным губерниям, пришлось прибегнуть к сложным подсчетам на основе Приложений к Трудам Редакционных комиссий и с привлечением данных Д.И.Рихтера о поуездном распределении т.н. кормовых площадей (покосы, луга и т.п.) за более поздний период. Полученные цифры, отражающие удельный вес барской запашки, нельзя считать абсолютно точными, но, во всяком случае, размер помещичьей пашни не завышен. Погубернские размеры барской запашки представлены в табл. 23.

Таблица 23. Удельный вес барской запашки в имениях поволжских помещиков накануне реформы

	Всего помещичьей земли (дес.)	Барская запашка (дес.)	%%
Казанская	805881	202726	25,2
Пензенская	1423579	290933	21,1
Симбирская	1397367	302852	21,7
Саратовская	2289947	745946	32,6
Самарская	1571028	502671	32,0
Поволжье	7487802	2045128	27,3

Источник: Приложение к Трудам Редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости; Сведения о помещичьих имениях. СПб., 1860. Т. 1-3.

Поуездные данные отражены на карте-схеме (см. рис. 10). Как видим, значительная часть помещичьей земли находилась под посевами. На степном юге посевы достигали более 30%. Это не удивительно, поскольку в руках помещиков сосредоточивались удобные и плодородные земли. Важно отметить, что наличие крупных барских посевов есть безусловное свидетельство предрасположенности помещиков к ведению собственного хозяйства.

Абсолютное большинство имений было либо чисто барщинными, либо сочетали барщину и оброк. Например, чисто барщинные хозяйства преобладали в Самарской губернии (77,2%), особенно в Ставропольском (85,7%), Бугульминском (84,8%), Бугурусланском (82,8%) уездах. Чисто оброчных здесь были единицы. В Саратовской губернии наибольший удельный вес барщинных поместий отмечался по Сердобскому (73,2%) и Балашовскому (70,9%), удапеным от Волги, наименьший же, напротив, в приволжских уездах

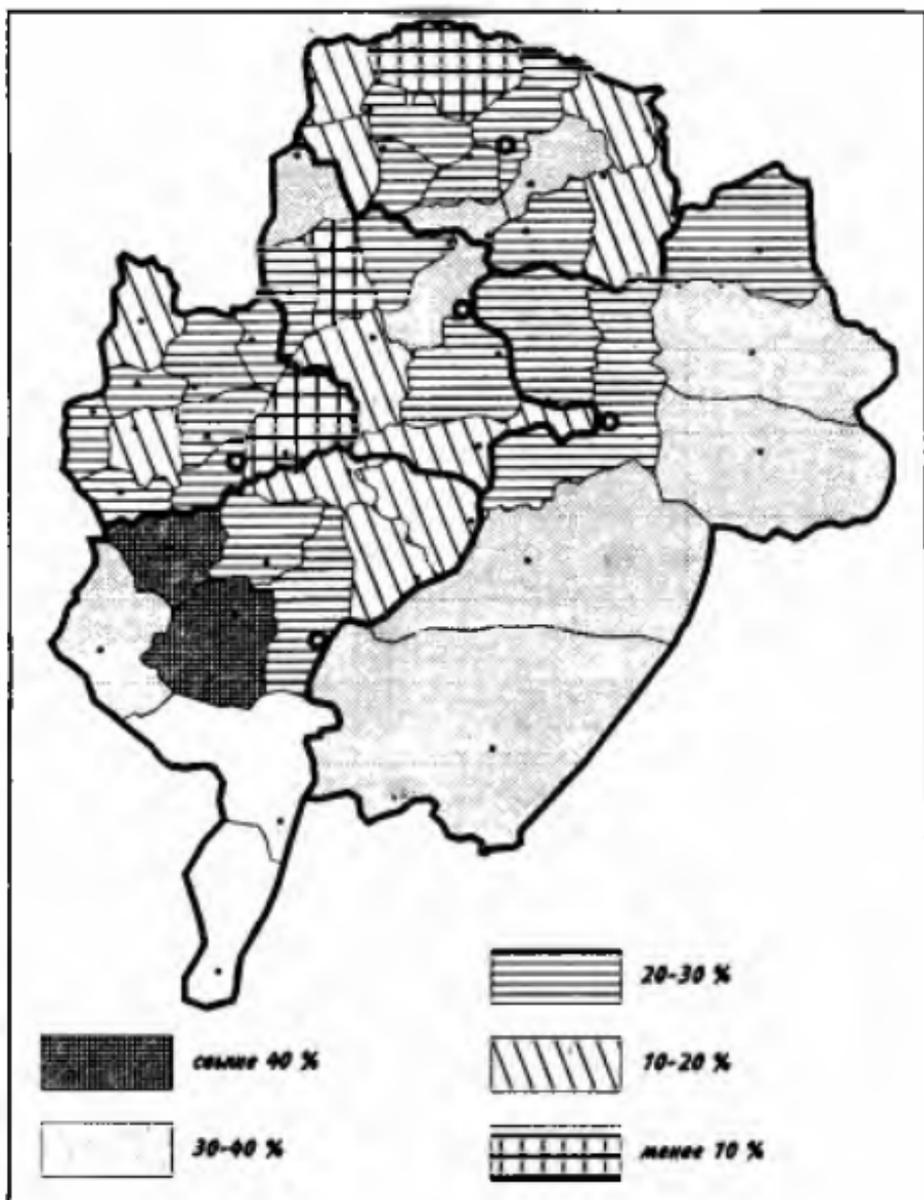

Рис. 10. Удельный вес барской запашки в помещичьих имениях Поволжья накануне реформы (%% в общей площади имения)

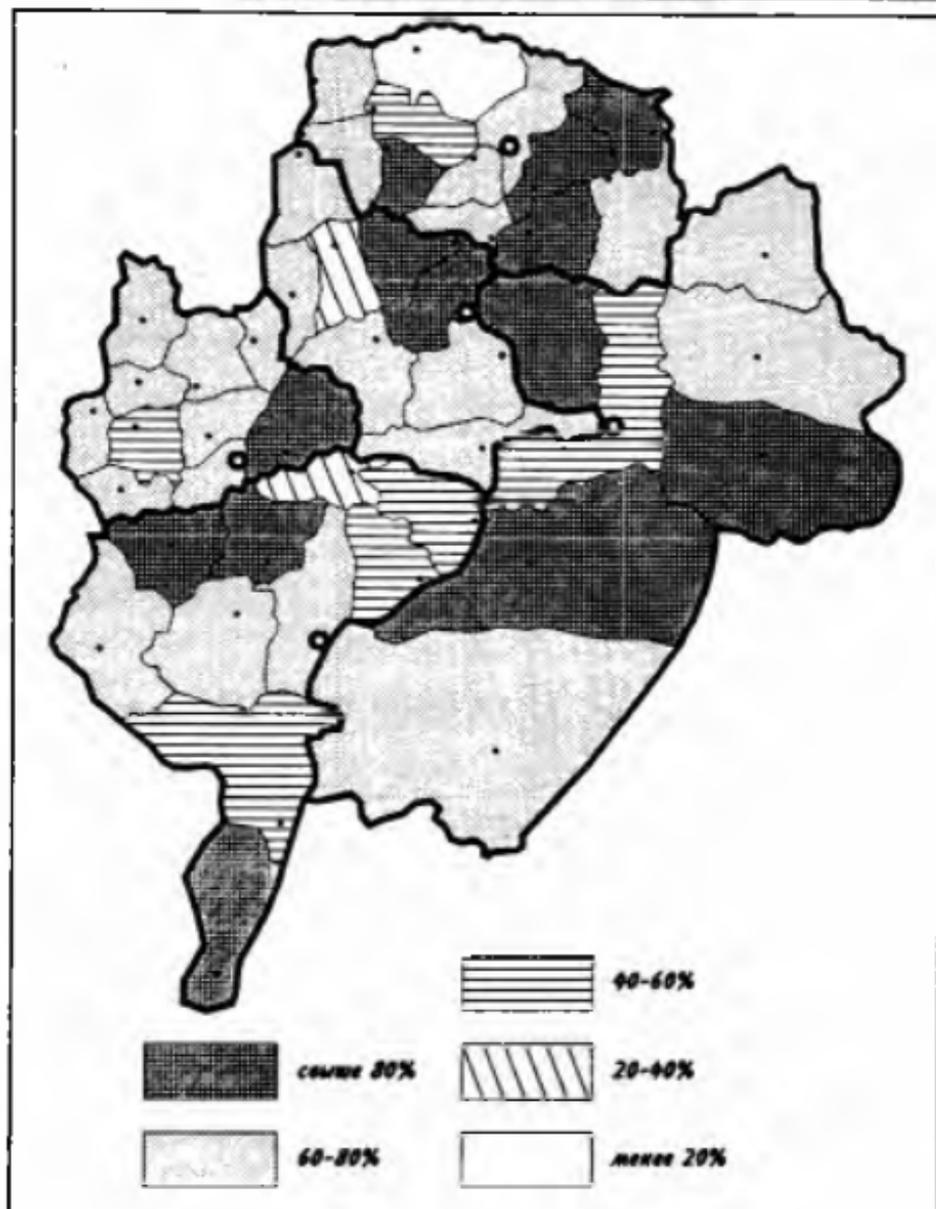

Рис. 11. Удельный вес издельного крестьянства в помещичьих имениях накануне реформы (%% в крепостном населении)

Хвалынском (27,6%), Вольском (37,5%) и Саратовском (38,8%) и особенно в небольшом по площади и примыкавшем к первым трем Кузнецком уезде (13,3%). В большей части имений этих уездов практиковалась смешанная барщинно-оброчная система⁹².

Далее, возьмем в качестве показателя численность издельного крестьянства и вычислим его удельный вес в общей массе крепостного населения. Необходимые данные содержатся в фундаментальном собрании А.Скребицкого⁹³. Группировка уездов по удельному весу издельных крестьян проведена на карте-схеме (см. рис. 11).

Небольшие островки относительно слабой роли барщины (уезды Кузнецкий, Алатырский и Царевококшайский) лишь подчеркивают картину общего преобладания ее на всей территории региона. В основном распределение издельного крестьянства совпадает с распределением барской запашки, и таким образом обе схемы как бы подтверждают друг друга.

Сопоставив полученные результаты с размещением помещичьего землевладения в регионе накануне реформы, приходим к следующему заключению:

— черноземный район Поволжья, служивший цитаделью дворянского землевладения, был прежде всего зоной барщинного хозяйства;

— вновь осваиваемые помещиками земли на юге и юго-востоке рассматривались ими как объект земледельческого производства, что вызвало к жизни здесь огромные барские запашки, а значит, и большой удельный вес издельной повинности и издельных крестьян в общей массе населения поместий;

— наконец, подчеркнем особо, что распространение помещичьего землевладения на колонизируемые территории вплоть до отмены крепостного права было распространением самой консервативной и жестокой формы феодальной ренты — отработочной. Следовательно, стержнем процесса формирования буржуазных отношений на базе поместья являлась перестройка барщинной системы. Это был крутой перелом, т.к. барщинная организация хозяйства означала наименьшие возможности для создания экономического потенциала в дворянском поместье. И все же такие возможности были. Главной силой, заставлявшей помещиков обращаться к рационализации своего хозяйства хотя бы в рамках барщинной системы, был рынок. Он вовлекал вотчину в товарное

⁹² Подсчитано по: Приложения к Трудам Редакционных комиссий. Т. II-III.

⁹³ Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Боли-на-Рейне, 1865/66. Т. III. С. 1227-1297.

производство зерна. Первая реакция помещика на улучшение рыночной конъюнктуры — резкое увеличение уроков, т.е. интенсификация барщины без совершенствования агротехники. Официальные данные Редакционных комиссий зафиксировали трехдневную барщину во всех уездах Поволжья⁹⁴. Реально положение было иным. Особенно грешили нарушением указа о трехдневной барщине, изданного Павлом I, мелкопоместные дворяне. При малочисленности душ в таких имениях все крестьяне трудились в помещичьем поле, всей своей безрадостной жизнью подтверждая известные наблюдения М.Е.Салтыкова-Щедрина о том, что "непосильною барщиной мелкопоместный крестьянин до того изнурялся, что даже по наружному виду можно было сразу отличить его в толпе других крестьян. Он был и испуганнее, и тощее, и слабосильнее, и малорослее. Одним словом, в общей массе измученных людей был самым измученным"⁹⁵. По воспоминаниям саратовского крестьянина Г.Я.Талдыкина, в окрестных с. Чардыму (Саратовский уезд) селениях "помещики были некрупные, у большинства их крестьяне работали во все будние дни и разве ночью сделают что-нибудь для себя, а в праздничные дни приходили целыми семьями в с. Чардым к государственным крестьянам просить милостыню. Трехдневная барщина была сравнительно у немногих помещиков"⁹⁶.

В самом помещичьем уезде — Сердобском — большинство крепостных находилось на барщине. У помещицы Ненароковой (сельца Благодатка) "на барщину ходили с 7 лет и барщина была такая, "как барыня вздумает": на тягло было по 3 каз. десятины в поле. У помещика Бахметьева (с. Дубасовка) "барщина была "зрячая"; ненастье — не гонят, а ведро — ступай на барщину; только в праздник дома были"⁹⁷. В Вольском уезде у помещиков Горяиновых (д. Евлашевка) до 1860 г. крестьяне были на 5-дневной барщине⁹⁸.

В Самарской губернии получила распространение урочная система. Размеры уроков полностью зависели от воли помещика, который применял даже хронометраж. Таким был, к примеру, помещик Бузулукского уезда Н.В.Племяников. Превратив свое имение в острог для крестьян, он заставлял их работать на пределе физических возможностей, что приводило к тяжелым увечьям,

⁹⁴ Там же. Т. I. С. 1227-1273.

⁹⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр.соч. в 10-ти тт. Т. 10. М., 1988. С. 9.

⁹⁶ Материалы по крепостному праву... С. 72.

⁹⁷ Там же. С. 74.

⁹⁸ Там же. С. 64.

а нередко и к самоубийству⁹⁹. Логическим завершением эволюции барщинной системы в условиях интенсификации работы был перевод крестьян на дворовое положение и превращение их в месячников. То, что большинство дворовых месячников было в мелкопоместных имениях, подтверждается данными по Самарской губернии (см. табл. 24).

Как видно из сравнения с данными по другим губерниям, такое положение было характерно для всего Поволжья. Редактор неофициальной части "Самарских губернских ведомостей" считал, что причиной тому – раздробление имений от разделов при наследстве¹⁰⁰. Самые мелких поместий, состоявших всего из одной души мужского пола, было в Самарской губернии 36, самое большое поместье было в 22 тыс. душ. Средняя величина поместий была наивысшей в Николаевской (159 душ), Самарском (141 д.) и Ставропольском (138 д.), наименьшей – в Новоузенском (79 д.). Однако размер по душам не совпадал с размером

Таблица 24. Состав помещичьих имений в Самарской губернии накануне реформы

Всего		Менее 100 душ		100-500 душ		500-1000 душ		Свыше 1000 душ	
им. 1	душ 2	им. 3	душ 4	им. 5	душ 6	им. 7	душ 8	им. 9	душ 10
Самарский									
135	19048	102	2811	25	5277	4	3295	4	7665
Ставропольский									
167	23130	126	3654	28	6741	7	4938	6	7797
Бугульминский									
110	10552	76	2336	31	6300	3	1916	-	-

⁹⁹ Лешаев В. Крепостные крестьяне деревни Якутино и помещик Племянников // В крепостную эпоху на Средней Волге. Москва-Самара, 1934. С. 160.

¹⁰⁰ Самарские губернские ведомости. 1858 г. 17 мая. С. 93.

Таблица 24. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бугурусланский									
195	21893	141	4266	46	9599	4	2494	4	5534
Бузулукский									
196	16050	149	4891	43	8474	4	2685	-	
Николаевский									
95	15126	57	2712	31	7147	6	3951	1	1316
Новоузенский									
26	2048	21	755	5	1293	-	-	-	-
Самарская губерния									
924	107897	672	21425	209	44831	28	19279	15	22312
Симбирская									
1722	214828	1133	33630	481	91303	78	40581	30	49314
Казанская									
833	н.с.	579	н.с.	245	н.с.	20	н.с.	9	н.с.

Источник: Леонтьев И. О поместьях в Самарской губернии // Самарские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1858 г. 14 июня. С. 122; Там же. 21 июня. С. 130-131; Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния. Ч. 1. С. 501; То же. Казанская губерния. С. 261.

по площади, т.к. в колонизируемых уездах на недавно пожалованных землях были поселены лишь небольшие хутора "для смотрения за земельными участками"¹⁰¹.

¹⁰¹ Там же. 1858 г. 14 июня. С. 123.

Другая особенность мелких поместий — большая доля дворовых. 93 имения в Самарской губернии состояли из одних дворовых. "Самарские губернские ведомости" отмечали, что "чем мельче идут имения, тем более увеличивается цифра дворовых"¹⁰². Заблоцкий-Десятовский считал их особым родом издельных крестьян, средним между собственно издельными и дворовыми людьми: "не владея землей, они, однако же, употребляются для обрабатывания земли собственными помещика орудиями и взамен того получают с их семействами как жилище, так и полное содержание круглый год, выдаваемое им обыкновенно помещику, и оттого сей класс людей носит название месячников"¹⁰³.

Разницу в положении месячников и дворовых хорошо подметил М.Е.Салтыков-Щедрин: "Существовало два способа продовольствовать дворовых. Одним (исключительно, впрочем, семейным и служившим во дворе, а не в горнице) дозволяли держать корову и пару овец на барском корму, отводили крошечный огород под овощи и отсыпали на каждую душу известную пропорцию муки и круп. Это и называлось месячиной. Других кормили в застольной. Первые считали себя, относительно, счастливыми... так как этот способ продовольствия считался менее выгодным, то с течением времени он был в нашем доме окончательно упразднен, и все дворовые люди были поверстаны в застольную. Я помню ропот и даже слезы по этому поводу"¹⁰⁴.

Собственный инвентарь помещика, о котором пишет Заблоцкий-Десятовский, был, конечно, крестьянским, конфискованным у самих же месячников. Здесь следует упомянуть также об опыте артельной организации сельскохозяйственного труда. Помещик Жуков в Балашовском уезде "образовал из крестьян дружину, посадил часть крестьян на месячину по их дворам и производил обработку земли артельным трудом". Причем автор талантливо написанного исследования о хозяйственном развитии Балашовского уезда А.Никольский (сам выходец из крестьян) с одобрением отзывался о результатах этого опыта, может быть, первого в России "помещичьего колхоза"¹⁰⁵.

Мелкопоместные помещики почти не имели шансов на сохранение своего хозяйства в ходе реформы. Большинство таких имений (менее 21 души м.п.) были переданы в казну на основании статьи 10 Дополнительных правил о крестьянах мелкопоместных

¹⁰² Там же. С. 155.

¹⁰³ Заблоцкий-Десятовский А.П. О крепостном состоянии в России. С. 279.

¹⁰⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. с 10-ти тт. Т. 10. С. 22.

¹⁰⁵ Материалы по крепостному праву... С. 61.

владельцев¹⁰⁶. А. Липинский считал, что помещики Симбирской губернии, имевшие менее 21 души, могли считаться бедными. В некоторых селах помещиков было почти столько же, сколько и крестьян (с. Мура Карсунского уезда, с. Мидяна Алатырского уезда и др.)¹⁰⁷.

В крупных имениях барщина, как правило, была несколько легче для крестьян. Вотчинная контора могла рассчитать так, что даже при трехдневной барщине работы на запашке шли безостановочно. Для этого все число тягол делилось пополам (на две барщины), которые сменяли друг друга.

Исходя из трехдневной барщины, годовой объем рабочего времени считался в 140 дней (70 летних и 70 зимних). Для мужчин половина этих дней конные. Женских дней несколько меньше (учитывая беременность, да и меньшую нужду в женских днях на полевых работах) — 100 дней, по 50 на лето и зиму. Каждое тягло выполняло работу в пересчете на деньги на сумму более 60 рублей серебром (плюс работа бестягольных и малолетних)¹⁰⁸.

Определить какие-то общие закономерности в самой организации барского хозяйства практически невозможно. Заблоцкий-Десятовский был вынужден отказаться от ответа на вопрос: до какой степени помещику в экономическом отношении выгодно обрабатывать землю барщиной? — "Вопрос этот нельзя решить общим образом, — с сожалением отметил он, — потому что количество работ и вознаграждение землю крестьянина чрезвычайно различны"¹⁰⁹.

Богатый фактический материал об обычаях барщины был собран Саратовской ученой архивной комиссией. Особенно выразительны воспоминания крестьян, присланные в адрес газеты "Саратовские губернские ведомости", но так и не опубликованные ею. О барщине у князя Голицына (с. Голицыно Аткарского уезда) читаем: "маяла эта барщина не только души тяглые, но и подростков и даже ребятишек 6-7 лет; все работали, да еще каждодневно; для своей работы оставалась только ночка темная, да праздничек Воскресения Христова" Особенный ужас на крестьян навредило дранье дубового корья на барина: "Надсмотрщики наблюдали, чтобы люди не употребляли для дранья никаких орудий, кроме

¹⁰⁶ Российское законодательство X-XX вв. В 9-ти тт. Т. 7. / Документы крестьянской реформы. М., 1989. С. 345-346.

¹⁰⁷ Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. Ч. I. С. 257-258.

¹⁰⁸ Там же. С. 511-512.

¹⁰⁹ Заблоцкий-Десятовский А.П. О крепостном состоянии в России. С. 281.

своих ногтей и зубов. Редкий не страдал от червей, которые наживались в зубных деснах"¹¹⁰.

В уездах интенсивного заселения (юг самарской и Саратовской губерний), где новые поместья появились в XIX в., барщина еще не установилась. Так, в Балашовском уезде до 20-х гг. вовсе не было барщины, а крепостные переселенцы из внутренних губерний были освобождены первое время не только от работ на барина, но и от поставки рекрут. Хозяевами обширных имений здесь были в основном крупные вельможи, имевшие вотчины в разных губерниях и жившие в столицах. По данным Саратовской ученой архивной комиссии, "до 1830-х гг. отношения помещиков к крестьянам преимущественно ограничивались оброчной системой, в обширных имениях Нарышкиных и Воронцовых эта система отчасти сохранилась до 1861 года"¹¹¹.

Итак, барщина в колонизируемых уездах шла на смену оброчной системе. И конечно, это была несколько другая барщина, чем в Симбирской или в Пензенской губерниях: "По изобилию пустовавшей в помещичьих владениях земли, дележа земли почти не было. Каждый крестьянин выбирал место по своему усмотрению и занимал такое пространство, на которое могло хватить его сил для обработки. Пахали в 1820-х гг. наездом" и косили "перелогам", где трава лучше"¹¹². Даже у мелких помещиков крестьяне получали для пахоты по две сороковых десятины (в 4 000 кв. сажень) в каждом поле на тягло и более, пугов — до двух сороковых десятин, а лесу — без ограничения¹¹³.

Реформа застала многие помещичьи хозяйства в состоянии рентной многоукладности. В крупном имении Нарышкина (в 102 тыс. дес.) в 1850-х гг. велось смешанное хозяйство: "Озимые хлеба сеялись и убирались урочной, огульной работой всего общества; пшеница же и просо — наймом или исполу; сенокос убирался наймом с предварительной съемкой с осени до следующего сенокоса, когда являлись по получении повестки"¹¹⁴. Еще южнее, в Камышинском уезде (район особенно интенсивных пожалований), по сообщению уездного исправника Данилова в 1854 г., многие помещики не имели даже четкого представления о своих землях¹¹⁵.

110 Материалы по крепостному праву. С. 59-60.

111 Там же. С. 60.

112 Там же. С. 63.

113 Там же.

114 Там же. С. 64.

115 РНБ ОР. Ф. 37. Артемьев. Л. 36. Л. 8.

Оброчные имения, игравшие менее значительную роль в аграрном строе, были к тому же ориентированы главным образом на неземледельческую деятельность крестьян. "Большая часть помещичьих оброчных имений занимает важное место в промышленном отношении, таких особенно много в западной половине губернии", — отмечал полковник Липинский. Далее он добавлял: "Во всех оброчных имениях преобладало направление по преимуществу промысловое (даже в таких, где надел был значителен)"¹¹⁶.

Большинство оброчных тяглов было сосредоточено в имениях со смешанной системой, где они были по сути придатком барщинного хозяйства. Такие имения преобладали в приволжских уездах с их хлебными пристанями, развитым отходничеством крестьян, сбытом продуктов ремесла, например, Хвалынский, Вольский и Саратовский уезды, либо в уездах с развитой промышленностью (например, Карсунский). В четырех уездах (Царевококшайском — 82,8%, Алатырском — 57,3%, Вольском — 53,3% и Кузнецком — 59,7%) оброчные тягловы занимали преобладающее положение. В этих имениях была также барская запашка, на которую эпизодически привлекались и оброчные. Повинность их требовала при этом наличия рабочего скота и инвентаря. В Симбирской губернии оброчные крестьяне должны были отработать с тягла от трех до десяти дней, либо сезонно наравне с остальными издельными крестьянами. Чаще от них требовались подводы, либо выполнение определенных видов работы. В имении Н.Соловцова (с. Богородское Симбирского уезда) оброчники "доставляют дрова и лес для господской усадьбы; содержат песную стражу"; в имении А.С.Пазухина (с. Засарье и Араповка Алатырского уезда) оброчники "отбывают по два дня на жнитве, сенокосе и возят дрова"; в имении Н.И.Назарьева (с. Аникеевка Карсунского уезда) — "с тягла по 2 дня, за пастухов, выставляют подводы, с тяговых баб по 15 аршин пряжи из господской конопли" и т.д.¹¹⁷

Оброчные в любое время могли быть переведены на барщину, особенно в том случае, если на них накапливались недоимки. При этом помещики иногда ссылали крестьян в особые селения. Так графиня Шувалова поступила с недоимщиками из д. Благодатка Кузнецкого уезда, сослав их в с. Поселок; у Нарышкина в Львовской волости Балашовского уезда набралось целое село (Барское) ссыльных оброчных дворов. В д. Львовке существовала

¹¹⁶ Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. Ч. I. С. 508.

¹¹⁷ Приложения к трудам Редакционных комиссий / Сведения о помещичьих имениях. Т. III. Симбирская губерния. С. 2-3, 10-11, 18-19.

специальная "барщинная контора". Из сосланных за разные провинности крестьян (нередко просто потому, что на них "господа были сердиты") составила д. Ольговка той же волости¹¹⁸.

Все авторы хозяйственных описаний различных уездов и губерний Поволжья отмечали, что оброчные крестьяне были более состоятельными, нежели издельные. Среди них было особенно много тех, которые первыми были переведены на новые земли. Они были вольны в распоряжении пахотной землей, покосами, лесом и быстро богатели, особенно от скотоводства¹¹⁹. Однако в дальнейшем, с укоренением и расширением барских запашек, поместье становилось оброчно-издельным. Оброчники начинали испытывать на себе все большую тяжесть отработочной повинности. Возможности расширения их собственных запашек неумолимо сокращались, более того, их надел приближался к наделу издельных крестьян, сами они шире привлекались к работам сверх денежного взноса, особенно в страдную пору, для перевозки господского хлеба на пристани, торговые пункты и т.п. Отсюда — рост внаемной аренды в оброчной деревне и расширение промысловых отраслей крестьянского хозяйства. Наиболее отчетливо это проявилось в районе старых дворянских вотчин Симбирской, Пензенской, Казанской и помещичьих уездах Саратовской губерний.

Расширение барской запашки в предреформенную эпоху означало, что абсолютное большинство поволжских помещиков связывало надежды именно со своим собственным хозяйством и не собиралось отказываться от земли как объекта хозяйства и после реформы. Насколько обоснованными были их претензии?

Объективной предпосылкой для нового хозяйствования было бы наличие инвентаря, тяглого скота в имении, а также оборотного капитала для найма сельскохозяйственных рабочих при достаточном количестве последних. Отсутствие статистики по всем указанным вопросам вынуждает нас ограничиться лишь отрывочными данными, свидетельствами очевидцев-путешественников, составителей хозяйственно-статистических описаний, самих помещиков, наконец. Они разноречивы, иногда противоречат друг другу, но заставляют прийти к заключению, что в большинстве поместий накануне реформы не было сколько-нибудь достаточного количества орудий производства. Это объясняется отмеченным уже нами повсеместным господством барщинного хозяйства.

¹¹⁸ Материалы по крепостному праву. С. 61-68.

¹¹⁹ Там же. С. 60; Никольский А. Хозяйственное описание Балашиевского уезда. С. 59-60.

И все же тенденция развития помещичьего хозяйства состояла в том, что новые черты в его экономике уже проклюнулись в разных местах. Об этом свидетельствуют следующие факты. В марте 1830 г. газета "Московские ведомости" поместила объявление инженер-майора и кавалера А.П.Вешнякова, в котором сообщалось о продаже молотилок с доставкой на поволжские пристани из Казани в Спасск, Тетюши, Симбирск, Сенгилей, Ставрополь, Самару, Сызрань, Хвалынский, Вольск, Саратов, Камышин и Царицын. Это, по-видимому, первая партия сельхозмашин, доставленная водным транспортом, ранее доставка осуществлялась по зимнику. При этом было замечено, что удобнее посылать в губернский город, т.к. в уездные не всегда ходят обозы¹²⁰. Возможно, поставки А.Вешнякова связаны с деятельностью Хр.Вильсона, построившего в 1802-1803 гг. первую молотильную машину в Москве — факт, свидетельствующий о начале сельскохозяйственного машиностроения в России¹²¹. Еще раньше, в 1774 г., Вольное экономическое общество объявляло конкурс на изобретение жатвенной машины, пообещав победителю премию в виде золотой медали в 35 червонцев¹²².

Первым механическим заведением в Поволжье, вероятно, было заведение В.И.Андреева в Симбирске, открытое в 1826 г.¹²³ В 1832 г. в Россию прибыли братья Бутенопы, вывезенные из Голштинии замечательным русским экономистом-аграрником С.А.Масловым¹²⁴. При содействии ИМОСХ братья Бутенопы занялись сельскохозяйственным машиностроением. Сначала они сконструировали "нового устройства веялку", но затем переключились на производство молотилок и вскоре открыли свои депо в Киеве, Харькове и Казани. В дальнейшем ИМОСХ активно поддерживало также предприятие Вильсона, сын которого И.Х.Вильсон был признан "машинистом Общества" в 1848 г., и приобрело для своего хутора механическое заведение Петровского¹²⁵.

¹²⁰ Московские ведомости. 1830 г. 5 марта. С. 1061-1062.

¹²¹ Труды V съезда русских сельских хозяев в Одессе в декабре 1878 г. Одесса, 1879. С. 552 (Доклад Черняева). Первая же молотилка была вывезена из Англии членом ИМОСХ Д.М.Полторацким вскоре после создания Общества. — См.: Историческое обозрение действий и трудов ИМОСХ за второе 25-летие / Сост. Н.А.Горбунов. Период 1. 1846-1860 гг. М., 1870. С. 45.

¹²² Труды V съезда русских сельских хозяев... С. 552.

¹²³ Там же. С. 553.

¹²⁴ Советов А.В. Памяти Степана Алексеевича Маслова // Труды Имп. Вольного Экономического Общества. 1879. Т. III. Вып. IV. С. 419.

¹²⁵ Краткий обзор 50-летней деятельности ИМОСХ с 1820 по 1870 г. Сост. секретарем его Н.П.Горбуновым. М., 1871. С. 12.

С помощью конкурсов и премий ИМОСХ содействовало распространению и других машин, в частности, сеялки Гриневицкого. После лондонской выставки 1851 г. члены ИМОСХ приступили к показательным испытаниям в своих имениях машин, вывезенных с выставки. Так, сохранилось подробное описание испытания, произведенного известным славянофилом А.И.Кошелевым в имении Песочня Сапожковского уезда Рязанской губернии летом 1852 г. Он положительно отозвался о работе плугов американца Старбурка и англичанина Говарда, пропашиков Гаррета и Бесби, зернодробилки Баррета, молотилки Гальмеса, а также орудий, "известных в России только по слухам", — конных сеносушилки и грабель, жаток Гуссея и Маккормика¹²⁶. По его мнению, эти машины сокращают более чем вдвое число работников при вспашке. Если при обработке 4 дес. "для обыкновенной пахоты сохою нужно 8 человек и 8 лошадей, или 16 лошадей на подножном корму", то для пахоты новыми плугами — 3 человека и 2 лошади¹²⁷. Особый восторг вызвала сеялка Гаррета, которая, по словам А.И.Кошелева, "работала отлично хорошо: семена клала по делаемым ею бороздам совершенно ровно и заваливала их на желаемую глубину"¹²⁸. При этом "в начале первого дня рабочие (их нужно 3 человека) не умели с нею обходиться, но с половины дня работа пошла очень хорошо, а к вечеру крестьяне обходились с ней как со старым знакомым"¹²⁹. Эти испытания вызвали живейший интерес соседних помещиков, съезжавшихся к А.И.Кошелеву и его соратнику, помещику Данковского уезда Н.П.Шишкову подивиться на заморские диковины.

Кошелев был также и самарским помещиком. В Новоузенском уезде ему принадлежало 311 душ крестьян и 39 душ дворовых. Имение было крупным — 3911 дес. Из них лишь 475 дес. было в пользовании крестьян (всего 1,52 дес. на душу). Велось переложное хозяйство с периодом в 4 — 5 лет¹³⁰. Внушительная площадь, остающаяся вне пользования крестьян (все они были на издельной повинности), предполагает большую барскую запашку, для которой нужны были работники и, конечно же, сельскохозяйственные машины.

¹²⁶ Кошелев А.И. Об испытании английских и американских машин и орудий в 1852 г. М., 1852

¹²⁷ Там же. С. 8.

¹²⁸ Там же. С. 8.

¹²⁹ Там же. С. 7.

¹³⁰ Приложения к трудам Редакционных Комиссий. Сведения о помещичьих имениях: Самарская губерния. СПб., 1860. С. 18-19.

Как широко были распространены усовершенствованные орудия и машины? По отзыву Липинского, в Симбирской губернии в трех-четырех помещичьих имениях были жатвенные машины, но "скорее в виде опыта, чем для действительного употребления"¹³¹. В то же время, "своевременность жатвы так важна, что даже и при крепостном труде помещики прибегали к найму жнецов и нередко покупали свои серпы"¹³².

Южнее, в уездах с крупными посевами яровых, наемный труд был уже не в диковинку, чаще встречались и сельхозмашины. В Балашовском уезде в 1855 г. "молотильные машины, именно — шотландские, усовершенствованные гг. Бутенопами, и американские не составляют уже редкости и заведены в нескольких больших хозяйствах"¹³³. Правда, эффективность этих машин была невелика, т.к. они работали до первой поломки: не было механиков. Подобная картина наблюдалась еще южнее, в Камышинском уезде: "Во многих из помещичьих имений заведены молотильни и веялки, которые приносят большую пользу сбережением времени и рабочих рук и чистым отделением зерна. Для возделывания земли особенных улучшенных земледельческих орудий не находится. Для этого употребляются обыкновенный русский и немецкий плуга и сохи"¹³⁴.

О собственном рабочем скоте помещиков мы не имеем прямых свидетельств и статистических данных. Даже в тех имениях, где был найм на работу, использовался рабочий скот нанимающегося. У помещиков были конные заводы. В Казанской губернии их было три: в Лаишевском уезде у подполковника Горского 5 жеребцов и 27 маток, у корнета Толстова — 3 жеребца и 15 маток; в Свияжском уезде с 1856 г. существовал завод отставного штабс-капитана Д.П.Нарышкина (4 жеребца и 33 матки рысистой породы). В остальных уездах, по сведениям уездных исправников, конных заводов не было¹³⁵.

В южных губерниях коннозаводством занималось большее число помещиков. Много было мелких заводов. В 1852 г. в Самарской губернии насчитывалось 26 более или менее значительных конских заводов. Крупными заводами обладали помещики Ф.К.Алашеев, А.Т.Аксаков, А.Н.Городецкий, князь Б.А.Голицын,

¹³¹ Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. Ч. I. С. 374.

¹³² Там же.

¹³³ Никольский А. Хозяйственное описание... С. 74.

¹³⁴ РНБ ОР. Ф. 37. Артемьев. 1854 г. Д. 36. Л. 10 об.

¹³⁵ ЦГА Республики Татарстан. Ф. 359. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-36.

граф Осоргин, тайный советник Г.И.Пыхачев¹³⁶. Разводились главным образом рысистые и упряжные лошади. На некоторых заводах были смотрители из англичан, хорошие коновалы, однако, по выражению А.Никольского, "выгоды от конных заводов большей частью случайны; из хозяйственного же их учета по сложности нескольких лет видно, что кроме охоты от коннозаводства владельцам нет никакой прибыли"¹³⁷.

Таблица 25. Резервы для создания оборотного капитала в помещичьих хозяйствах Поволжья

Губерния	Оброчных тягол	Оброк с тягла (руб-коп)	Всего оброка (руб)	Стоимость 140-дневной барщины по 30 коп./день (руб)
Казанская	5600	22-05	123480	1444800
Пензенская	22000	20-90	459800	2793000
Симбирская	20200	28-30	571660	2574600
Саратовская	33545	20-85	699413	2849112
Самарская	8650	23-10	199800	1344700
Поволжье	89995	22-81	2053153	10706212

Источник: Скребицкий А. Крестьянское дело. Т. 3. С. 1296. Данные по Саратовской губернии рассчитаны нами.

Многие помещики имели и скоуные дворы, иногда даже улучшенный продуктивный скот холмогорской, английской или тирольской породы. Доход помещиков от скотных дворов, кроме скопов масла, продажи скота, состоял также в "пополнении комплекта рабочих волов"¹³⁸. Но волы широко использовались лишь в Саратовской и отчасти в Самарской губерниях. Очень редки они были в Пензенской и Симбирской — их содержали здесь только помещики в крупных имениях¹³⁹.

Возможности помещиков в создании оборотного капитала видны из расчетов, представленных в табл. 25.

Реальные деньги помещик получал лишь от оброчных тягол. Они составляли всего 25,6% от общего числа тягол. Почти три четверти крепостных тягол доставляли помещику натуральный до-

¹³⁶ ГАСам.О. Ф. 430. Оп. 1. Д. 131. Л. 97.

¹³⁷ Никольский А. Хозяйственное описание... С. 110.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Материалы для географии и статистики России: Пензенская губерния. Ч. 1. С. 489.

ход в виде продукции с его барской запашки, часть которой могла быть продана за деньги. По сведениям А.С.Нифонтова, излишки хлебов в усадьбах помещиков Казанской губернии в 50-х гг. XIX в. достигали 949 тыс. четвертей¹⁴⁰. Доля помещиков в общем избытке хлеба над продовольственными потребностями была соответственно в Казанской — 82%, а в Самарской — 40%.

Товарность помещичьего земледелия колебалась в диапазоне от 30 до 60%. Если мы примем средний доход с десятины господской запашки при среднем урожае в 5 руб., то доходы помещиков от зернового производства выразятся в следующих цифрах¹⁴¹:

Казанская губерния	1031205 руб.
Симбирская	1786050 - ⁹
Пензенская	2021125 - ²
Самарская	1130535 - ⁹
Саратовская	3068625 - ⁹
Поволжье в целом	9037540 - ⁹

Источником пополнения денежных средств для дворян-помещиков служили дореформенные кредитные установления, принимавшие в залог крепостные души, зафиксированные в ревизских сказках (Сохранные казны, Приказы общественного призрения и т.п.). Судя по долгам, помещики получили внушительные суммы по этим каналам (см. табл. 26).

Приведенные данные впечатляют, но они должны быть записаны в отрицательное сальдо помещичьей экономики, т.к. к концу 50-х гг. это были уже не доходы, а долги, которые должны были тяжелым бременем лечь на хозяйство. Они были, по сути дела, наиболее точным выражением той меры социально-экономического паразитизма помещичьего класса, за который ему предстояло вскоре расплачиваться.

Наконец, остановимся на одной из важнейших сторон помещичьего хозяйства, которая требовала-таки от него определенных и порой немалых капиталовложений — это вотчинная промышленность. О масштабах ее нельзя судить с исчерпывающей точностью из-за отсутствия статистики. Можно лишь уверенно сказать, что почти в каждом более или менее крупном населенном имении (примерно во сто душ) была своя мельница или крупорушка,

¹⁴⁰ Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 134-135.

¹⁴¹ Подсчитано по: Мнение ИМОСХ о необходимости ссуд землевладельцам для введения вольнонаемного труда в замене обязательного. М., 1860. С. 26-27.

сукновалка или поташный заводик. Имеющиеся разрозненные сведения дают некоторое представление об этих предприятиях с точки зрения значения их для процесса капитализации помещичьего хозяйства.

Таблица 26. Долги помещиков дореформенным кредитным учреждениям (руб.)

	Число душ по IX ревизии	Из них заложено	% залож. душ	Сумма долга к 1859 г.
Казанская	99516	84457	84,9	4820437
Симбирская	211415	155513	73,6	10667198
Пензенская	262520	211754	81,0	13655949
Саратовская	322931	258583	80,1	15849540
Самарская	111277	70122	63,0	4211607
Поволжье	1007659	780429	77,4	49204731

Источник: Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. Т. II. Вып. I. СПб., 1893. С. 42.

Вклад Поволжья в промышленный потенциал России в интегральном виде представлен в табл. 27.

Поволжье давало около 6% всей промышленной продукции. Вклад отдельных губерний был примерно равным. Несколько выше он был у Симбирской и Самарской губерний. Возьмем наиболее мощную в этом отношении губернию — Симбирскую. Оживление интереса местных дворян к промышленности вызвала Отечественная война 1812 года: они смогли сколотить капиталы на хлебных поставках в армию, в ополчение, в разоренные войной районы. С тех пор в губернии стали возникать помещичьи суконные фабрики, винокуренные и другие заводы.¹⁴²

Как правило, многие крупные владельцы имели винокуренные предприятия. При существовании откупной системы в 1861 г. выкурка вина доходила до 805,6 тыс. ведер, на что требовалось хлеба до 103,9 тыс. четвертей или 831,6 тыс. пудов муки. Создание заводов не было связано с экономическими расчетами, а скорее, отвечало амбициям помещиков, поскольку наиболее благоприятные для винокуренной промышленности — Сенгилеевский, Арда-

¹⁴² Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. Ч. II. С. 31.

товский, Буинский — таких заводов не имели. Сызранский уезд насчитывал всего 3 завода из 16-ти по всей губернии. Между тем, именно в Сызранском и Буинском уездах устанавливались самые низкие цены на рожь, что имело первостепенное значение¹⁴³. Поэтому симбирским заводчикам вскоре после отмены крепостного права предстояло испытать давление со стороны конкурирующих с ними огромных и многочисленных винокуренных заводов Пензенской губернии, где цены на хлеб были почти в два раза ниже вследствие удаленности от водных торговых путей.

Таблица 27. Производство различных изделий на фабриках и заводах Поволжья в 1856 г.

Губернии	Произведено на сумму (руб)	%% к общей выработке по региону
Казанская	2248164	16,9
Пензенская	2274625	17,1
Самарская	3098692	23,4
Саратовская	2294494	17,3
Симбирская	3354444	25,3
Поволжье	13270419	100,0
Европейская Россия	222180587	-

Источник: Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1858. С. 216-217.

В 1854 г. князь Баратаев построил первый в губернии крахмало-паточный завод. Сырьем служил картофель, что стимулировало посевы этой культуры у помещиков и крестьян. Из шести таких заводов в начале 60-х гг. пять находились в Симбирском уезде. В губернии было также 17 солодовенных заводов (7 из них в городах принадлежали мещанам). В уездах находились наиболее крупные, т.н. "барские солодорастительные", которые принадлежали помещикам. Они также располагались большей частью в западной местности, особенно в богатых селах близ Суры, около Прмзина, Астрадамовки, Порецкого¹⁴⁴.

В зимнее время, по выражению Липинского, Симбирская губерния превращалась "как бы в завод для переработки хлебных

¹⁴³ Там же. С. 116-117.

¹⁴⁴ Там же. С. 129-130.

продуктов"¹⁴⁵. Из губернии вывозились лишь овес и пшеница. Остальные хлеба перерабатывались на местных мельницах, крупорушках, обойках, толчеях и т.п. По сведениям, доставленным земством и городской полицией, в Симбирской губернии было 967 водяных мельниц (2107 поставов), 2159 ветряных мельниц (2402 постава) и 479 крупорушек (526 поставов)¹⁴⁶, всего 3605 предприятий и заведений на 5035 поставов. Водяных мельниц больше всего было в Карсунском (241), Сенгилеевском (158), Буинском (532) и Алатырском (346). И опять мы констатируем ту же картину, что и с винокуренными заводами, — невыгодность расположения их с точки зрения рынка. Уже тогда многие осознавали, что самые невыгодные по доходам мельницы находились в Буинском, большей части Сенгилеевского, западных частях Сызранского и Ардатовского уездов. Однако именно здесь их было больше всего. Это обстоятельство определенным образом связано с общим характером вотчинной промышленности, построенной на внеэкономических производственных отношениях.

В Поволжье накануне реформы, по всей видимости, не было вотчинных фабрик, заводов, мельниц и т.п. с чисто вольным наймом. Основными типами были два — чисто крепостной и смешанный с вольнонаемным. Примером первого типа может служить фабрика помещика Н.П.Гладкова в Ново-Жуковской волости Вольского уезда. Постоянными рабочими у него были дворовые люди с зарплатой по полтора рубля в месяц. Оплата молодых рабочих (неженатых парней) составляла 3 рубля в год. После женитьбы их переводили на тягло (1,5 дес. в каждом поле) при четырехдневной барщине¹⁴⁷. У князя Голицына в Кузнецком уезде (с. Новый Кряжим Сюзюмской волости) крестьяне работали на суконной фабрике с девяти лет до самой старости. Причем обязанности их чередовались: неделю на фабрике, неделю — на наделе. Для этих целей помещик Астафьев вывез для своей суконной фабрики 66 работников из Московской, Владимирской и других губерний и заселил ими хутор Николаевский Наскафтымской волости.

В Саратовской губернии располагались и вотчины крупных государственных деятелей России — канцлера графа К.В.Нессельроде и министра графа С.С.Уварова. Канцлер имел в четырех вотчинах (с. Царевщина, д. Еленовка, Хватовка, Николаевка) 17800

¹⁴⁵ Там же. С. 135.

¹⁴⁶ Там же. С. 137. А Никольский писал, что хозяевами ветряных мельниц были в основном крестьяне, а водяных — помещики и купцы. — См.: Никольский А. Хозяйственное описание Балашовского уезда. С. 131.

¹⁴⁷ Материалы по крепостному праву... С. 64.

дес. земли. Население их составляло 3520 душ об. пола. Внушительными были размеры пахотных угодий — 9216 дес., леса — 6157¹⁴⁸. Кроме земледелия, крестьяне занимались рубкой дров и перевозкой их на винокуренные заводы, а с заводов возили спирт в г. Вольск и другие места. На заводах трудились вольнонаемные. Об этом свидетельствует следующая запись о царевщинских крестьянах, подвозивших дрова и вывозивших спирт: "За обе эти работы заводская контора платит им деньги точно так, как вольнонаемным работникам"¹⁴⁹.

Из статистического описания имения С.С.Уварова следует, что также он имел в четырех вотчинах 23323 дес. земли, в которых проживало 7238 душ об. пола¹⁵⁰. Здесь имелось два господских завода и девять мельниц. Крестьяне Уварова очень активно занимались промыслами. Часть их (не менее 550 душ об. пола) покидали Знаменскую вотчину по выдаваемым конторой билетам и уходили в Царицын, Дубовку, Астрахань, Ростов-на-Дону, Уральск. Кроме того, в одном Знаменском было шесть крестьянских кожевенных заводов, три салотопни, пять красилен¹⁵¹. Крестьяне вели обширную торговлю хлебом по Волге. О вольнонаемных нет сведений, однако большой оборотный капитал в руках некоторых крепостных крестьян приносил существенный денежный доход их господину. И Нессельроде, и Уваров построили в своих вотчинах больницы для крестьян с питанием на господский счет. А.Липинский весьма зорко подметил, что "особенно мало заболелых работников было в тех имениях, где были устроены помещиками больницы, ибо для крестьянина ничего не было хуже, как попасть в больницу, хотя бы она содержалась в должном порядке и чистоте"¹⁵².

В целом можно констатировать рост вотчинной перерабатывающей промышленности в Поволжье. Она сыграла определенную роль в создании первоначального капитала, приучала помещиков к экономическому расчету, а главное — знакомила "сельского хозяина" с рынком не только товарной продукции, но и с рынком рабочей силы. Все эти позитивные влияния вотчинной промышленности на помещичье хозяйство и на саму личность поме-

¹⁴⁸ РНБ ОР. Ф. 37. Артемьев. Д. 35. Л. 526-528.

¹⁴⁹ Там же. Л. 529. Во время работы около заводов стоял такой шум, что население прозвало это место "адам". — Материалы по крепостному праву. С. 36.

¹⁵⁰ Там же. Л. 533.

¹⁵¹ Там же. Л. 534.

¹⁵² Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния. Ч. I. С. 511.

щика резко ослаблялись крепостничеством, бесконтрольностью и безнаказанностью "благородного сословия". Если в сфере реализации произведенного крепостными душами продукта помещик вынужден был все больше считаться с реальями рынка (или в крайнем случае с реальностью купеческого сословия, как сословия торгового, т.е. имеющего определенные преимущества даже с точки зрения феодального права), то в сфере производства и особенно переработки сельскохозяйственной продукции он зачастую не признавал никаких резонов, шедших вразрез с его барской волей. И тогда возникала ситуация, сходная с той, которую можно видеть у сердобского помещика Бахметьева: "Был у помещика винокуренный завод: на нем всю зиму мужики и бабы работали день и ночь. К счастью крестьян, завод нередко останавливался: свою муку перегонят, деньги помещик промотает, на стороне кулить не на что, в долг никто из ближних помещиков не дает — завод и стоит"¹⁵³.

Здесь пролегалла граница между старым и новым: помещик мог хозяйничать по старинке, купец или капиталистский крестьянин — нет. Эта разница между экономическим и внеэкономическим подходом к делу была видна любому непредвзятому взгляду современника. В путевых записках М.П.Жданова, побывавшего в Пензенской губернии в 1838 г., читаем об одной из мельниц, которая "недавно принадлежала помещику, а теперь хозяин ее пензенский купец. Говорят, что он в два года выручил заплаченную им сумму. У нас нередко случается, что помещик от незнания дела или от беспечности теряет там, где простой умный мужик выигрывает"¹⁵⁴. Знаменательное признание: неумелый и беспечный барин и умный мужик олицетворяли собой один — проклятие, другой — благословенную надежду русской деревни перед лицом грядущих потрясений.

* * *

Переходя к освещению крестьянского сектора дореформенного аграрного строя, выделим в качестве центральной проблему генезиса экономической свободы мелкого производителя. Она достигалась как на основе самостоятельного хозяйства на собственной земле, так и на основе хозяйства арендаторского. Но, конечно же, аренда должна быть свободной и регулироваться конт-

¹⁵³ Материалы по крепостному праву. С. 74.

¹⁵⁴ Жданов М.П. Путевые записки по России в двадцати двух губерниях. СПб., 1843. С. 54.

рактом, лишенным каких-либо внеэкономических примесей. Самой известной формой такого хозяйства было фермерство.

К. Маркс, специально изучавший этот вопрос, считал фермером "в собственном смысле слова" агрария, "который вкладывает в дело собственный капитал, ведет хозяйство при помощи наемных рабочих и отдает лендлорду деньгами или натурой часть прибавочного продукта в качестве земельной ренты"¹⁵⁵. Это — конечный пункт генезиса. Начальные же его этапы (в Англии) Маркс связывал с последовательной сменой управляющих господским имением из числа крепостных фермерами-испольщиками, которых лендлорд снабжал семенами, скотом и земледельческими орудиями и делил с ними произведенный продукт по контракту. В данном процессе Маркс видел первоначальное накопление капитала в земледелии и возникновение первоначальных капиталистов¹⁵⁶.

Русская аграрно-экономическая наука рассматривала фермерство двух типов — мелкое крестьянское и крупное капиталистическое. Мелкий фермер обрабатывал землю для удовлетворения своих продовольственных нужд и мало зависел от рынка; фермер-капиталист же, напротив, рассчитывал на получение возможно большей прибыли путем производства продуктов на продажу. Последний должен располагать более или менее крупным капиталом (имеется в виду, конечно, денежный капитал) и возможностью эксплуатации наемного труда. Он всецело зависел от рынка¹⁵⁷. При этом русские теоретики сельского хозяйства имели в виду лишь европейское крестьянство: примером фермерского хозяйства первого типа считали Ирландию, второго — Англию¹⁵⁸. О России в этой связи речь не шла, ибо считалось, что ее экономический строй совершенно отличается от европейского.

Однако автор первого фундаментального исследования о крестьянской внеадаптивной аренде, опираясь на массовые земские переписи, обнаружил в крестьянском хозяйстве юга России черты, выделявшие его из общей массы¹⁵⁹. Анализируя процессы, происходившие на юге России, В.Е. Постников вынужден был говорить о разделении домохозяев "по степени самостоятельности в способах ведения хозяйства, в зависимости от количества рабоче-

¹⁵⁵ Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1973. С. 753.

¹⁵⁶ Там же. С. 752.

¹⁵⁷ Энциклопедический словарь Ф.Брокгауза и И.Ефрона. Т. 35-а. 70-й полутом. СПб., 1902. С. 587.

¹⁵⁸ Мануилов А. Аренда земли в Ирландии. М., 1895.

¹⁵⁹ Постников В.Е. Южно-русское крестьянское хозяйство. М., 1891.

го скота во дворе"¹⁶⁰. Ленин, критиковавший Постникова за неудачную группировку по этому признаку, не учел это обстоятельство и сосредоточил свое внимание на классовой дифференциации крестьянства¹⁶¹. Несколькими страницами раньше он уже декларировал тезис о том, что "крестьянское хозяйство в Таврической губернии не представляет никаких коренных отличий от общего типа русского крестьянского хозяйства"¹⁶². Однако когда речь зашла о Новоузенском уезде, где был заметный слой крестьян, ушедших из общины и поселившихся отдельно на купчей и арендованной земле, Ленин заметил вскользь о них как о "прямых представителях фермерского хозяйства"¹⁶³. Это было первое высказывание Ленина о фермерском хозяйстве в России. Оно касалось, как видим, лишь крестьянского хозяйства т.н. "хуторского типа" на арендованной земле. Поэтому в данном случае ничего нового по сравнению с имевшимися теоретическими положениями в аграрной науке ленинский взгляд на фермерство не содержал.

Вотчинная администрация в России также имела длинную и весьма богатую историю (кстати, совершенно не изученную), однако о серьезных экономических результатах ее деятельности вряд ли можно говорить. Вмешательство помещика в хозяйственные дела всегда было здесь абсолютным и не сдерживалось ничем, за исключением отдельных поместий, как правило, крупных. Феодальная эпоха в России не выработала из сословия вотчинной администрации сколько-нибудь заметного фермерского слоя. Конечно, представители ее стремились к накоплению капитала, однако управляющие из числа крепостных не имели никакой перспективы для ведения самостоятельного хозяйства, а вольнонаемные чаще всего были далеки от мысли о нем и потому не обрели своего места в аграрных отношениях.

Будущее фермерского хозяйства в России могло быть связано только с крестьянством, с теми его слоями, которые были наиболее свободны в своей хозяйственной инициативе. Поволжье было одним из регионов, где имелись благоприятные условия для такого развития. В подавляющем большинстве своем местный земледelec был переселенцем, а это было чрезвычайно важно психологически, т.к. формировало в человеке потенциал внутренней свободы.

¹⁶⁰ Там же. С. 110.

¹⁶¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 38-39.

¹⁶² Там же. С. 7.

¹⁶³ Там же. С. 107.

Таблица 28. Статистика свободных хлебопашцев Поволжья середины 50-х гг. XIX века

Губернии	Душ муж. пола	% к итогу	Земли у них (дес)	% к итогу	Средний надел на душу (дес)
Казанская	23	2,6	247	4,0	10,7
Симбирская	84	9,5	527	8,5	6,3
Пензенская	131	14,8	453	7,3	3,5
Саратовская	650	73,2	4986	80,3	7,7
Итого	888	100,0	6213	100,0	7,0

Источник: Архив РАН. Ф. 489. В.И.Семевский. Оп. 1. Д. 331. Л. 3-5.

Лишь малая часть крестьян обрела свободу еще до реформы. Прежде всего это "вольные хлебопашцы" (см. табл. 28).

Число крестьян, воспользовавшихся Указом от 20 февраля 1803 г., было небольшим: во всей России их к 1859 г. было только 111829 душ м.п.¹⁶⁴ В Поволжье большая часть их приходилась на Саратовскую губернию (73,2% душ и 80,3% земли). Все они были достаточно обеспечены землей, кроме пензенских крестьян, у которых на душу приходилось меньше, чем у государственных и удельных. Ст. 8 Указа запрещала свободным хлебопашцам дробить владения при передаче по наследству на участки, площадью менее 8 дес.¹⁶⁵ По правовому статусу свободные хлебопашцы приравнивались к государственным крестьянам. Они не платили лишь оброчных денег, т.к. были собственниками своей земли (ст. 6 Указа)¹⁶⁶. Условия отпуска на волю не были обозначены в Указе и фактически все зависело от власти помещика. Чаще всего для получения свободы необходим был огромный выкуп. Один из возможных вариантов содержался в ст. 10 Указа, по которой помещик мог переложить на отпускаемых крестьян свои долги как государственным, так и частным кредиторам, "а во взыскании сего долгу, на себя ими (крестьянами — П.С.) принимаемого, поступать с ними, как с помещичьими"¹⁶⁷. Наконец, на практике приме-

¹⁶⁴ Сергеева Н.И. Анализ количественных показателей действия Указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX-начала XX в. Л., 1983. С. 61.

¹⁶⁵ Российское законодательство X-XX вв. Т. 6. Законодательство первой половины XIX в. М., 1988. С. 34.

¹⁶⁶ Там же. С. 33.

¹⁶⁷ Там же. С. 34.

нялось и условное освобождение. Например, помещик Максимов (с. Камышпейка Ст. Чирчимской волости Кузнецкого уезда) в 1816 г. обязал своих крестьян выполнять все полевые работы до своей смерти, после чего они становились вольными¹⁶⁸. По духовному завещанию графа И.Ф. Орлова-Денисова волю получили крестьяне д. Ивановки Царицынского уезда. Они были приняты в число государственных крестьян. Случались, хотя и редко, отобрания помещичьих крестьян в казну (13 дворов от помещиков Обутьковых и Кадышевой, 18 дворов в д. Ивановке Барановской волости — Хвалынский уезд)¹⁶⁹. В целом же весьма немногочисленный слой свободных терялся в общей массе зависимого крестьянского населения и не мог заметно повлиять на пути аграрно-капиталистического развития.

Обратимся к массовым внутрисословным категориям крестьянства. В самом благоприятном положении находились государственные крестьяне. Они были менее стеснены как в землевладении, так и в хозяйственной инициативе, хотя в казенной деревне и действовала система "непосредственного государственного попечительства". Казалось, что государственные крестьяне были ближе других к фермерству, именно среди них следовало ожидать быстрого становления и развития соответствующих тенденций¹⁷⁰.

Государственные крестьяне были численно преобладающей категорией в Поволжье, а вместе с близкими к ним удельными их доля в общей массе крестьянского населения достигала 64,2%. Расселение их по территории региона было как бы оборотной стороной помещичьей колонизации. Особенно высоким был процент некрепостного крестьянства в губерниях с многонациональным составом населения. Татарская, чувашская, марийская, удмуртская и в значительной степени мордовская деревня являлась в основном государственной.

Сложившаяся из различных слоев сельского населения (черносошные крестьяне, однодворцы и пахотные солдаты, экономические крестьяне и ясачные, новокрещены и лашманы, наконец, многочисленные "сходцы" — беглые, поверстанные в казачество и т.д.)¹⁷¹, государственная деревня, несмотря на нивелирующее

¹⁶⁸ Материалы по крепостному праву. С. 68.

¹⁶⁹ Там же. С. 76.

¹⁷⁰ В этом отношении Поволжье типологически близко к Сибири, в аграрном строе которой фермерский тип, судя по работам Л.М. Горюшкина, В.Г. Тюкавкина, Э.М. Швагина и др., наличествовал вполне явственно.

¹⁷¹ Земля Самарская. Куйбышев, 1990. С. 96-97.

влияние межевых инструкций, сохранила свою многоликость. С экономическом укладе сельского хозяйства представлена вся палитра систем — от подсечно-огневой на севере Казанской губернии до не менее примитивного степного перелого на юго-востоке и юге региона. Переложная система своеобразным полукольцом охватывала его и включала в себя даже восточную часть Казанской губернии и смежный с ней Бугульминский уезд, не говоря уже о Бугурусланском, Бузулукском и уездах, располагавшихся на крайнем юге и юго-востоке Поволжья.

Таблица 29. Распределение крестьянского населения Поволжья по категориям в 1858-1859 гг.

	Государст.		Удельные		Частные		Итого	
	душ	%%	душ	%%	душ	%%	душ	%%
Казанская	541710	82,0	15736	2,4	103088	15,6	660534	100
Пензенская	237400	47,0	-	-	267675	53,0	505075	100
Симбирская	-		236241	52,4	214920	47,6	451161	100
Саратовская	271470	43,7	27711	4,4	322456	51,9	621637	100
Самарская	390141	62,9	116744	18,8	113373	18,3	620258	100
Поволжье	1440721	50,4	396432	13,8	1021512	35,7	2858665	100

Источник: Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. М., 1978. С. 8-9.

На северо-запад от этой своеобразной буферной зоны можно было встретить все оттенки традиционного трехполья и даже первые попытки перехода к интенсивным системам. Четырехпольное хозяйство с особым паровым полем появилось в Саратовской губернии у некоторых помещиков и у колонистов. Плодоперемен же здесь пока был неизвестен. Крестьяне считали, что отказ от трехполья слишком затруднителен из-за неуверенности в урожае в условиях частых засух. К тому же трехпольная система проста и привычна: "Все работы в ней так просты, что могут быть исправляемы всяким работником, без различия, и орудиями самыми про-

стыми¹⁷². Министерство госимуществ стремилось директивным путем внедрить восьмипольный севооборот у крестьян, переселенных на бывшие калмыцкие земли в Ставропольский уезд. За строгим соблюдением этого предписания следил особый смотритель из воспитанников Горы-горецкого земледельческого института, а помогал ему сельские правления, снабженные инструкциями¹⁷³.

Зоной наиболее свободного развития крестьянского хозяйства были колонизируемые регионы. Это практически все Самарское Заволжье и юг Саратовской губернии. Государственные и удельные крестьяне здесь находились в более благоприятных условиях, чем на севере (в Казанской и Симбирской губерниях). Так, в Самарской губернии душевой надел удельных крестьян составлял 5,5 дес., у государственных — в северной части губернии 4-6 дес., а в Николаевском и Новоузенском уездах от 5 до 14 дес. и более. Помещичьи крестьяне имели от 2 до 4 дес. на душу м.п.¹⁷⁴ Для сравнения укажем, что в Казанской губернии на душу приходилось по 1 дес. в одном поле при трехпольной системе, чего было явно недостаточно даже для простого воспроизводства в крестьянском хозяйстве. Об этом свидетельствует простейший расчет: с десятины в среднем получалось ржи до 3,5 четвертей, что при средней цене составляло 8 руб. серебром. С десятины ярового — до 4,5 четвертей на 5 руб. сер., всего около 13 руб. серебром. Расходы составляли на повинности (общественные сборы, земские и др.) 5 руб. сер. на душу; на одежду и обувь всей семьи — 1,5 руб.; домашняя утварь — 56 коп., на починку сох, возов, дровень и т.п. — 1 руб. 50 коп.; на поправку дома и других строений — 1 руб. 50 коп.; на прокормление одной души (включая женщин) — 4,5 четверти ярового хлеба, что составляло около 5 руб. сер. Таким образом, на каждую мужскую душу расходовалось до 15 руб. сер. Следовательно, ежегодный дефицит достигал в среднем 2 руб. сер.¹⁷⁵

Южнее, в Симбирской губернии, средний доход с десятины пахотной земли в благоприятный год колебался от 45 до 65 руб. сер. Чистая прибыль обычно была не выше 25 руб., лишь изредка она поднималась в некоторых хозяйствах до 40 руб. и выше¹⁷⁶.

¹⁷² Военно-статистическое обозрение Саратовской губернии. С. 94-95.

¹⁷³ Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет с 1844 по 1854 гг. СПб., 1855. С. 66.

¹⁷⁴ Военно-статистическое обозрение Самарской губернии. С. 110.

¹⁷⁵ Военно-статистическое обозрение Казанской губернии. С. 60-61

¹⁷⁶ Военно-статистическое обозрение Симбирской губернии. С. 78.

В степных уездах Саратовской и Самарской губерний земельные наделы государственных и удельных крестьян были значительно обширнее, но и резче проявлялись контрасты. Поэтому военные статистики не смогли вывести для Самарской губернии даже приблизительного расчета о доходе с пахотной десятины: "В здешнем крае существует множество местностей, по характеру и положению своему совершенно противоположных; от этого происходит значительная разность в ценах на наем земли, работников, содержание рабочего скота и проч., что замечается даже и в селениях, весьма недалеко отстоящих одно от другого"¹⁷⁷.

По наблюдениям священника с. Патровки Бузулукского уезда Г. Грекулова, жизнь крестьян на разных берегах р. Самары представляла собой "разительную противоположность". Земли, лежавшие на правом берегу, изобиловали лесом, а левый берег представлял собой степь, в которой кое-где только можно встретить небольшие колки, долинки, усеянные низким березняком. На правом берегу Самары, где земли уже к концу 50-х гг. значительно истощились, высевались рожь, овес, греча, ячмень, горох, просо и в небольшом количестве пшеница, и то русская (либо перерод). Селения же по левому берегу, особенно по уральской и оренбургской границе, стояли на почти девственной земле, которая давала богатые урожаи белотурки¹⁷⁸. Здесь была совсем другая жизнь: крестьянин с головой ушел в хлебопашество. Промысловый люд — плотники, пильщики, колесники, портные, сапожники, даже овчинники и вальщики кошем, а также торговцы всех мастей — приезжали из внутренних губерний. "Здешний крестьянин как бы за грех считает заниматься каким-либо мастерством", — замечает священник, — он знает только землю, которую возделывает без правил, требуемых наукою сельского хозяйства. При стремлении к обширным посевам почти никто не обращает внимания на правильную обработку земли. Для каждого хлеба крестьянин вспахивает землю однажды, какого бы она ни была качества, разбрасывает по ней лучшие семена и оканчивает дело бороньбой"¹⁷⁹.

Крестьяне южных мест старались сеять как можно больше хлеба, особенно пшеницы-белотурки и кубанки. Серые хлеба — овес и рожь сеяли очень мало, только для своего домашнего рабочего скота, просо для своего семейства, гречу и ячмень — очень редко, а о полбе не было даже слуху. Употреблять в пищу

¹⁷⁷ Военно-статистическое обозрение Самарской губернии. С. 110-111.

¹⁷⁸ ЦГА Республики Татарстан. Ф. 422. Оп. 1. Д. 341. Л. 1.

¹⁷⁹ Там же. Л. 2-об.

ржаной хлеб было не принято. Лишь несостоятельные, и то в неплодородные годы, прибегали к этому средству пропитания "со скорбию, что Господь привел испытать такое несчастье"¹⁸⁰.

Средний крестьянин в Бузулукском уезде засеивал от 10 до 20 дес., а у богатых посеивы простирались до 70 дес. и более¹⁸¹. На юге — в Николаевском и Новоузенском уездах, земельный простор был еще большим. Во времена пугачевщины населенных мест было мало, лишь по Иргизу гнездились староверческие скиты, да на Узеньях жили пустынноики. Заселена была лишь береговая зона Волги. Первыми в степной край прибыли немцы-колонисты. Потом возникла слобода Покровская. Хозяйственное освоение здесь началось лишь в 40-х гг. XIX в. государственными крестьянами¹⁸².

Юг Саратовской губернии был, конечно, не столь пустынным, но и здесь государственным крестьянам было раздольнее. В Камышинском уезде по X ревизии число колонистов достигла 94913 человек, государственных крестьян — 55749, удельных — 21375, а помещичьих — всего 31014¹⁸³. Почти не было помещичьих крестьян в Царицынском уезде, 3/4 населения Хвалынского уезда составляли государственные, из которых половина была нерусской, не знавшей крепостничества вовсе¹⁸⁴.

Камышинский уезд населяли русские, выходцы из верховых губерний. В селениях, образовавшихся из выходцев с верховьев Волги, долго сохранялся акцент прежде бывшего их местного диалекта. Так, они меняли в произношении "ч" на "ц" или "щ" и обратно, сокращали слова по типу "матушка" — "матша", "бэтюшка" — "батша". Это резало слух старожилов, особенно приволжских селений, отличавшихся чистотой и правильностью выговора¹⁸⁵. Часть переселенцев с Украины, а также солевых возчиков, поселившихся на землях помещиков была обращена затем в крепостных правительственным актом¹⁸⁶.

Государственная колонизация в середине XIX в. осуществлялась только в Заволжье, на свободные земли. Самой крупной из

¹⁸⁰ Там же. Л. 7 об.

¹⁸¹ Там же. Л. 3 об.

¹⁸² Чаславский В.И. Земледельческие отхожие промыслы... С. 189.

¹⁸³ Материалы по крепостному праву. С. 66.

¹⁸⁴ РИБ ОР. Ф. 37. Архивск. Д. 36. Л. 14 об.

¹⁸⁵ Материалы по крепостному праву. С. 76.

¹⁸⁶ Там же.

таких мер правительства было заселение земель, освободившихся после ухода калмыков в Ставропольском и Самарском уездах. В 1843 г. эти земли (322 тыс. дес.) поступили из военного ведомства в распоряжение Министерства Госимуществ. Чиновники министерства произвели хозяйственную съемку этих земель и выделили 128 тыс. под заселение, нарезав 12 более или менее равных частей под каждое предполагаемое сельское общество¹⁸⁷.

В 1847 г. был объявлен набор добровольцев. В следующем году 92 семейства государственных крестьян из Пензенской и несколько семейств из Новгородской губерний приступили к переселению: осенью в Самару прибыли крестьяне, которые выбрали себе участки по р. Степной Чесноковке и успели отчасти обработать земли к весенним посевам. Весной 1849 г. прибыла основная масса переселенцев и образовалось т.н. Николаевское сельское общество¹⁸⁸.

Таким же образом заселялись Самарско-Ставропольские казенные земли, на которых к 1855 г. было водворено 453 семейства численностью в 2127 душ муж. и 1828 душ жен. пола из губерний Пензенской, Тульской, Курской и отчасти Новгородской, Владимирской и Рязанской¹⁸⁹.

Этот опыт переселения интересен особенно тем, что правительство пыталось поднять приходившие в упадок малоземельные хозяйства крестьян с помощью перевода их не только на новые, более обширные участки, но и на новые условия владения землей (семейные участки), мотивируя тем, что "по возобновляющимся часто переделам полевых участков, земледелец не имеет охоты, ни выгоды обрабатывать и удобрять свое поле с должным рачением... Эти причины рождают в земледельце беспечность и равнодушие, которые не иначе могут быть отвращены, как переходом к постоянному пользованию землями..."¹⁹⁰.

Специальные правила об устройстве семейных участков подробно регламентировали условия организации новых деревень: они предполагались в двух формах — селений и выселков; на каждый семейный участок или двор нарезалось от 30 до 60 дес. удобной земли (в выселках — от 15 до 40 дес.), величина селений

¹⁸⁷ Обзор действий Департамента сельского хозяйства... С. 64-65.

¹⁸⁸ Затем выше по той же речке было создано еще два — Вязовское и Троицкое, а по р. Каидабулак — четвертое, названное Петропавловским.

¹⁸⁹ Обзор действий Департамента сельского хозяйства. С. 65.

¹⁹⁰ Там же. С. 58. 8 апреля 1843 г. Николай I утвердил Мнение Государственного Совета о предоставлении МГИ права назначать такие семейные участки во вновь образуемых селениях.

в обоих случаях допускалась не более 25 дворов. Переселенцам предоставлялись льготы: они освобождались от выбора в общественные должности на 2 срока, им выдавалось 100 корней строевого леса из ближайших крестьянских дач, или денежный эквивалент, наконец, ссуда от 60 до 100 руб. сер. сроком на 14 лет. Первые четыре года не вносились платежи. Переселенцам оказывалась помощь в перевозке строений (не далее 30 верст)¹⁹¹.

Право наследования семейных участков устанавливалось от отца к старшему из мужчин в семье (если хозяин при жизни не сделал иного распоряжения в пользу ближайших родственников). Женщины могли наследовать лишь по пресечении мужского колена. Следовательно, обычный в государственной деревне раздел имущества не допускался¹⁹². Правда имущество владельца участка подразделялось на два разряда, а именно вносимое в постоянную хозяйственную опись (участок, двор, инвентарь и т.п.) и не вносимое в нее. Последнее могло быть подвергнуто разделу на основании общих законов и местных обычаев, различаемых по губерниям и народностям: в Казанской губернии порядок наследования у русских отдавал право первенства старшему сыну, затем старшему брату, либо устанавливалась опека (вдова вообще не упоминалась), раздел весьма редок; в Саратовской губернии первым наследовал брат покойного, если он был бездетен. Если же он имел детей, то следовал неминуемый раздел. При отсутствии братьев хозяйством заведовала жена и только при ее нежелании (или неспособности) — старший сын. Если же вдова оставалась с малолетними детьми, то хозяйство передавалось в опеку. В Пензенской губернии хозяйство наследовал старший по летам, независимо от того, кем он приходился покойному. Раздел делался не всегда, а чаще всего в случае несогласия или раздельного проживания сонаследников. У татар большую роль при разделе играли муллы, но у них дело облегчалось еще и тем, что два женатых брата никогда не жили вместе, одним хозяйством. Многоженство и разводы всегда заставляли их разделяться на отдельные хозяйства. Стоило сыну жениться, как хозяин сразу же отделял его¹⁹³.

Семейный участок считался собственностью казны, и лицам, выбывшим из сословия государственных крестьян, принадлежать

¹⁹¹ Обзор действий Департамента сельского хозяйства. С. 62.

¹⁹² См.: Барыков Ф.Л. Обычай наследования у государственных крестьян: По сведениям, собранным Министерством Государственных Имуществ в 1848 и 1849 гг. СПб., 1862.

¹⁹³ Барыков Ф.Л. Обычай наследования... С. 85.

не мог. Участок мог быть отобран, если хозяин его неисправен в платеже податей и отбывании повинностей¹⁹⁴.

Избы в новых поселениях возводились строго по плану и непременно на каменных фундаментах. Каждая семья наделялась десятиной земли специально для разведения леса. В целях улучшения скотоводства были купленные общественные племенные быки, которые содержались крестьянами поочередно. При Николаевском сельском правлении был устроен сад, из которого желающие крестьяне наделялись саженцами плодовых деревьев и семенами¹⁹⁵. Устроители не забыли о церкви, приходском училище и создании мирского капитала. При этом хозяйственная политика Департамента отличалась постепенностью: "Сознавая вполне, что во всяком новом, а тем более в таком важном деле поспешность вредна, департамент может быть признан полезным предварительно из опыта в малом виде дознать неизбежные при подобном предприятии ошибки, исправить их, и тогда уже продолжать дело. Действуя таким образом, департамент и местное управление не старались в начале увеличивать число водворяемых семейств, но пользовались всяким справедливым замечанием или просьбою самих переселенцев для производства нужных изменений и усовершенствований в дальнейших распоряжениях"¹⁹⁶.

Финансирование переселения производилось из доходов, которые давали остававшиеся пока свободными земли, обращенные в оброчные статьи в границах будущих селений (т.е. весьма крупными участками). Содержатель такой оброчной статьи обязан был соблюдать севооборот (восьмипольный), который был назначен переселенцам. Несмотря на сокращение площади оброчных статей против прежнего времени, доход казны возрос почти втрое. В два с половиной раза вырос и доход от лесных оброчных статей¹⁹⁷.

Результаты этого масштабного предприятия оказались более успешными, нежели подобное переселение мелкопоместных дворян. Крестьяне прекрасно прижились на новых землях и быстро укрепили свое хозяйство, тогда как переселенцы-дворяне оказались несостоятельными. Эти два примера весьма показательны: они свидетельствуют, на чьей стороне могла быть инициатива в аграрном развитии при прочих равных условиях, тем более, что

¹⁹⁴ Обзор действий Департамента сельского хозяйства. С. 63.

¹⁹⁵ Там же. С. 66.

¹⁹⁶ Там же. С. 66-67.

¹⁹⁷ Там же. С. 67-68.

крестьяне все-таки несли на себе тяжкий гнет государственного крепостничества.

Таблица 30. Землевладение государственных крестьян в Самарской губернии в конце 50-х гг. XIX в.

	Число ревизских душ	Землевладение	
		всего	на душу
Самарский уезд	2294	14550,9	6,3
Ставропольский	7880	58206,1	7,4
Бугульминский	30887	230104,2	7,4
Бугурусланский	69915	573257,5	8,2
Итого			
"крестьянская зона"	110976	876118,2	7,9
Бузулукский уезд	109537	1117129,3	10,2
Николаевский	83095	973924,0	11,3
Новоузенский	43836	714861,8	16,3
Итого			
"фермерская зона"	236468	2805915,1	11,9
Всего по губернии	347444	3682033,8	10,6

Источник: ГАСам.О. Ф. 398. Оп. 1. Д. 195-а. Л. 41-44 об.

Землепользование в государственной деревне Самарского Заволжья изучалось в конце 50-х гг. Комиссией уравнивания в денежных сборах с государственных крестьян (см. табл. 30).

Большая часть государственных крестьян (более 68%) находилась в степной зоне. Их землевладение здесь было значительно обширнее. В нашем распоряжении имеются также данные о распределении земли по наделам (см. табл. 31).

Бросаются в глаза существенные зональные отличия, но сначала о том общем, что было характерно для обеих зон: основная масса казенных крестьян по своему экономическому статусу должна быть отнесена к крепкому среднему слою с хорошими перспективами в смысле дальнейшего развития своего хозяйства. Малоземельные крестьяне составляли всего 6,2% в лесной зоне и еще меньше — 1,4% — в степной. Зато средний слой безусловно преобладал.

Важнейшее же отличие было в удельном весе многоземельных крестьян, колебался от 2,7% в лесной до 18,4% в степной. Различия по удельному весу соответствующих категорий в землевладении были столь же значительны: 5,5% в лесной и 32,3% в

степной. Как видим, степная деревня была значительно богаче. При меньшем слое малоземельных она имела уже достаточно мощный слой зажиточных. Все это говорит о том, что именно государственные крестьяне степной зоны ближе других были к фермерству. Они только и могли (в силу своего численного превосходства, большей экономической свободы) оказать определяющее влияние на тип аграрной эволюции, составить серьезную конкуренцию хозяйствующему помещику и дорвавшемуся до земли купцу. Во всяком случае, для поволжского региона этот вывод представляется вполне обоснованным.

Таблица 31. Дифференциация государственной деревни по размерам наделного землевладения

	До 5 десятин		От 5 до 15 дес.		Более 15 дес.	
	Душ	Земли (дес.)	Душ	Земли (дес.)	Душ	Земли (дес.)
Самарский	697	4351,3	1804	13616,5	-	-
Ставропольский	762	3363,0	5852	38601,9	-	-
Бугульминский	2301	10449,3	28368	215313,2	239	4850,2
Бугуруславский	3327	14040,2	67466	613587,7	2783	48016,1
Лесная зона	7087	32203,8	103490	881119,3	3076	52866,3
Бузулукский	1426	6599,7	100148	933077,1	9657	196602,1
Николаевский	305	916,0	70210	709424,2	13054	272439,6
Новоузенский	1515	6232,3	21045	263980,8	21301	445049,0
Степная зона	3246	13748,0	191403	1906482,1	44012	914090,7
По губернии	10333	45951,8	294893	2787601,4	47088	966957,0

Источники: ГАКО. Ф. 398. Оп. 1. Д. 195а. Л. 74 об — 76.

Удельное крестьянство находилось в несколько худших условиях в смысле наделного землепользования, однако по общему своему положению оно было весьма близко к государственному и вполне может быть объединено с последним в смысле истори-

и вполне может быть объединено с последним в смысле исторической роли в зарождении демократического потока в аграрной эволюции. Здесь мы отсылаем читателя к хорошо фундированному исследованию Н.П.Гриценко об удельных крестьянах Среднего Поволжья¹⁹⁸. Отметим при этом, что Гриценко несколько преувеличил тяготы удельного крестьянства, максимально приблизив их к крепостным, опираясь на известное высказывание Ленина о том, что собственность удельных имений "всего более пропитана традициями крепостничества"¹⁹⁹.

Удельная деревня Поволжья занимала центральное место в общероссийском комплексе удельного хозяйства. Здесь внедрялись все нововведения удельного начальства, прежде чем они распространялись на все удельное хозяйство страны²⁰⁰. Основная масса удельных крестьян Поволжья проживала на территории Симбирской и Самарской губерний. Особенно велика их роль в Симбирской, где они составляли почти половину населения. Это была экономически наиболее развитая часть местного крестьянства. По отзывам наблюдателей, "по занятиям сельским хозяйством они вообще опередили других крестьян, и благосостояние их вообще выше"²⁰¹. Земельные наделы их были, конечно, скромнее, нежели у государственных и даже у своих братьев в Заволжье – в среднем по губернии 4 дес. на душу, но, по мнению Липинского, "средний надел земли у удельных крестьян... далеко не может дать понятия о действительном количестве земли, находящейся в пользовании каждого удельного крестьянина"²⁰². Тут две причины: широко развитая земельная аренда и наличие т.н. запасных удельных земель (составляли примерно 10% крестьянского землепользования), которые брались крестьянами за поземельный налог, а также интенсивная промысловая деятельность. Характерной особенностью удельной деревни был также высокий процент нерусского населения. В целом по Симбирской губернии оно составляло 54,2%, а вообще преобладало в северных уездах (Бунинский – 85,7%, Курмышский – 95,6%, Алатырский – 55,3%, Ардамовский – 63,2%).

¹⁹⁸ Гриценко Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: Очерки. Грозный, 1959.

¹⁹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 343.

²⁰⁰ См.: Никулина Н.Ю. Удельные земли в конце XIX-начале XX вв. // Историко-география аграрной истории дореволюционной России. Калининград, 1982. С. 95.

²⁰¹ Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. Ч. 1. С. 268.

²⁰² Там же. С. 347.

Реформирование удельной и государственной деревни получило освещение в ряде работ историков²⁰³. В наиболее солидном из них монографическом исследовании по средневожжской деревне Ю.И.Смыкова показаны реальные сдвиги в землеустройстве крестьян, которые произошли в процессе реформы²⁰⁴. Удельные крестьяне потеряли в ходе реформы 1863 г. в Самарской губернии 12,5% своих земель, а в Симбирской — 4,8%²⁰⁵. Все же, несмотря на отрезки от наделов, государственные и удельные крестьяне и в пореформенный период оставались наиболее дееспособной в экономическом отношении частью земледельческого населения Поволжья.

Хозяйственные возможности крепостных крестьян сильно варьировались в зависимости от наклонов помещика, вотчинной администрации, определявших размеры надела, урока, натуральных повинностей, денежных сборов и т.п. Однако и здесь население колонизируемых районов отличалось большей экономической свободой. В Саратовской губернии наиболее крупные наделы были у крестьян Камышинского и Царицынского уездов. То же можно сказать о Николаевском и Новоузенском уездах Самарской губернии. Правда, свобода эта была явлением временным. Все зависело от того, как скоро помещик сможет организовать барскую запашку на новых землях. Иногда на это уходили десятилетия, в продолжение которых крестьяне состояли на оброке, земель почти не делили, каждый "выбирал место в принадлежащих дачах, по своему произволу занимал пространство, на обработку которого доставало у него сил и скота... Это был остаток старинного обычая пахать наездами"²⁰⁶.

²⁰³ Дружинин Н.М. Бывшие удельные крестьяне после реформы 1863 г. (1863-1883 гг.) // Исторические записки. Т. 85; Седов А.В. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне Нижегородской губернии // Ученые записки Горьковского университета. Серия историко-филологическая. 1964. Вып. 72. Т. 1; Богатикова Г.И. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне // Исторические записки. Т. 63; Гриценко Н.П. Отмена крепостного права в удельной деревне Среднего Поволжья и волнения волжских крестьян в связи с реформой 1863 г. // Ученые записки Грозненского педагогического института. 1957. № 9. Сер. История. Вып. 2; Рябинский Л.С. Реформа 1863-1866 гг. в отношении удельных и государственных крестьян на территории Мордовии: Автореферат канд. дисс. М., 1964 и др. Историкографические проблемы рассмотрены в работах Л.Н.Ивашуто. — См.: Ивашуто Л.Н. Проблемы удельной деревни в советской исторической литературе // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1976 и Н.Ю.Никулиной (см. выше).

²⁰⁴ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма: Социально-экономическое исследование. М., 1984.

²⁰⁵ Там же. С. 66-67.

²⁰⁶ Никольский А. Хозяйственное описание Балашовского уезда. С. 68.

Постепенно, с увеличением барской запашки, крестьянам приходилось довольствоваться небольшой прирезкой к яровому полю в несколько десятин целины или залежи для посева красных хлебов, проса и пшеницы. Эти прирезки имели свой порядок чередования с периодом в 8, 10, 12 лет. При этом старинный передел уступал место трехполью.

Таблица 32. Крепостное население Поволжья по формам эксплуатации накануне реформы 1861 года

	Дворовых		Издельных		Оброчных		Всего	
	Душ	%%	Душ	%%	Душ	%%	Душ	%%
Казанская	7464	7,3	81722	79,9	13143	12,8	102329	100
Пензенская	16320	6,6	173087	70,3	56940	23,1	246347	100
Симбирская	12890	6,0	151367	70,7	49996	23,3	214253	100
Саратовская	8425	6,8	169590	62,4	83863	30,8	271993	100
Самарская	8425	7,8	78508	72,6	21193	19,6	108126	100
Поволжье Европейская Россия	63639	6,7	654274	69,4	225135	23,9	943048	100
	665622	6,7	6795274	68,8	2420110	24,5	9881006	100

Источник: Скребицкий А. Крестьянское дело. С. 1268-1273.

Рост собственного хозяйства помещика вел к сокращению возможностей крестьянского хозяйства к расширенному воспроизводству. Следовательно, главным препятствием на пути крепостного крестьянина к экономической свободе был помещик. Поместье включало в себя хозяйство крестьянина, отряцая тем самым его самостоятельное значение, высасывая его жизненные соки в виде феодальной ренты, соотношение форм которой видно из табл. 32.

В этом экономическое положение помещичьего крестьянства резко отличалось от других разрядов: ни удельные, ни тем более государственные крестьяне не ощущали столь тотальной хозяйственной дискриминации со стороны своего начальства при любом

“попечительстве”. Казна и Удел не отрицали хозяйственной самостоятельности своих крестьян, наоборот, они основывали свой доход именно на этом. В крепостной деревне была совсем иная картина. Поэтому помещичьим крестьянам предстояла неизмеримо более тяжелая борьба за экономическое освобождение от помещика даже после падения крепостного права.

Приведенная таблица вполне подтверждает высказанное суждение. Значительное большинство крепостных были заняты на барщине, и основная масса их сосредоточивалась в “помещичьем” районе (Пензенская, Симбирская и центральные уезды Саратовской губернии). На нее приходилось 75,5% всех барщинных крестьян региона. Но и из тех 22,3%, которые приходились на “фермерский” район, весьма немногие находились на оброке. В Казанской и Самарской губерниях барщина была еще более распространена, чем в “помещичьем” районе.

Хозяйство издельных крестьян было фактически включено в инфраструктуру поместья. Поэтому оно, строго говоря, должно рассматриваться как компонент последнего, как его производственно-экономическая база, доставлявшая орудия труда, тягловую силу и рабочие руки за чисто феодальную плату — надел. Барщинная система требовала наличия собственного хозяйства крестьян, причем достаточно обеспеченного производительными силами. Помещик был заинтересован не в нищем, а в дееспособном крестьянине. Поэтому в барщинной деревне ко времени реформы преобладал не бедняк, а середняк — это убедительно показал И.Д.Ковальченко²⁰⁷. Он же сформулировал важный вывод о том, что “основная масса крестьян еще обладала способностью к осуществлению в основном в своем хозяйстве простого воспроизводства. Слой крестьян, не получавших от хозяйства даже основных средств, еще был малочисленным”²⁰⁸.

Беднейшая (по размерам земельного надела) часть крестьянства в наименьшей степени была представлена на юге — в Самарской и Саратовской губерниях. Да и в целом в Поволжье малоземельных крестьян было меньше, нежели в Евразийской России вообще. Внутри же этих крестьянских низов явно преобладали наделы от 1 до 1,5 дес. на душу. Больше всего малоземельных насчитывалось в Пензенской губернии. Но именно здесь получили развитие и отхожие промыслы. В лесистых уездах (Городищенский, Саранский, Краснослободский, Наровчатский) крестьяне занимались выделкой рогож, циновок, мелкой деревянной посуды,

²⁰⁷ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство. С. 133, 150, 156.

²⁰⁸ Там же. С. 109.

которая сбывалась на базарах и даже поступала в соседние губернии. Крестьяне могли заработать и уплатить подати и повинности, нанявшись на винокуренные заводы, или пойти в бурлаки. Десятки тысяч уходили в Саратовскую губернию для уборки хлебов и добычи соли.

Таблица 33. Количество крестьян в крупных имениях с наделом пашни менее 1,5 дес. на душу

		В т.ч. с наделом пашни дес./душу				
	Всего кр-н и дворовых	До 0,5	0,5-1,0	1,0-1,5	Итого	% к 1
Казанская	77183	968	348	1169	2485	3,2
Пензенская	213426	-	4689	7739	12428	5,8
Симбирская	167596	184	1117	7679	8980	5,4
Саратовская	232774	155	649	3642	4446	1,9
Самарская	89383	195	-	2209	2404	2,7
Поволжье	780362	1502	6803	22438	30743	3,9
Европейская Россия	3924686	37643	97911	310171	445725	11,4

Источник: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство. С. 270.

Промысел все же был привилегией крестьян подгородних и приволжских сел. В глубинке даже извоз, которым обычно занимались "достаточные" крестьяне, имел иное значение. Он был лишь подспорьем при главных занятиях — земледелии и скотоводстве. Тут шла не погоня за барышом, а лишь прослеживалось стремление прокормить в зиму своих лошадей и себя²⁰⁹. Колебания в состоятельности издельного крестьянства почти не зависели от каких-либо объективных экономических процессов, а больше от воли помещика или управляющего. Хороший управляющий надолго запоминался крестьянам. Вот рассказ одного из крестьян Саратовского уезда: "До 1843 г. барщина была легкая, работали три дня в неделю и то кое-как; всего было вдоволь: земли, лугов, лесу, скота, из хлеба не нуждались. Заведывал тогда нами добрый управляющий. Но его сменили. А новый... не стал давать покоя, отдавал невозможные приказания и за неисполнение жестоко

²⁰⁹ Материалы для географии и статистики России: Пензенская губерния. Ч. II. С. 85.

наказывал. Крестьяне при нем обеднели, почти не имея времени работать для себя. Не стало в 1850-х гг. ни одного тесового дома с топкой по-белому, все земледельческие орудия и лошадиная сбруя были из дерева, конопли и мочала... Сносно жилось много-семейным: они работали с заменой: одни работали на барщине, другие дома. Но впоследствии эти замены уничтожили, всех стали гонять на работу, даже стариков и подростков...²¹⁰. Новый управляющий ввел после голодных 1848-1850 гг. т.н. "долговой посев", с которого возмещалась барину его ссуда крестьянам: барское поле поделили на две части, на одной крестьяне должны были работать три дня в неделю, а другую часть обрабатывали в "свои дни". Сюда-то и направил управляющий стариков и подростков. Мало того, он завел еще и "казенную" пашню, которую крестьяне уже обрабатывали в праздники.

Голод не тетка: приходилось крестьянам съедать и выданный семенной хлеб, причем поскольку его запрещалось молоть, то его ели тайком в моченом или даже сухом виде. Маялся и скот: "На пахоте лошади от бескормицы едва держались на ногах, а все-таки в три сохи вспаши барскую десятину, не вспашешь — побыют и заставят работать в свои дни. Все к спеху было: проглотят люди по куску хлеба и жнут, не разгибая спины; обедать станут, когда уже солнце готово закатиться... Прожнешь три дня, свою долю надо-бы жать, а тут говорят: еще приказано жать, а там — "долговач", "казенная"... Приедешь свой хлеб жать, а он уж пустой, все ветром вытрясло"²¹¹.

И все-таки не все в барской деревне выбивалась из сил. Много-семейные за счет перенапряжения сил держались на плаву, засеивали по 3-4 дес. озимого и ярового (беднота — 1 дес., а то и вовсе сажней десять) и сводили все же концы с концами. Но жгучую ненависть "общества" вызывали "некоторые, так называемые мироеды, дарившие начальство и свободные от барщины, жили хорошо и вдоволь мясо ели"²¹².

Свободнее в своих хозяйственных делах были оброчные. Они были близки по положению к удельным крестьянам. Правда, после изменения денежного курса в 1810 г. оброк повысился, к тому же помещики считали ассигнационные рубли по серебряному курсу. Но все же оброчный крестьянин жил гораздо зажиточнее удельного. Это подметил Заблоцкий-Десятовский. По его наблюда-

210 Воспоминания крестьян Саратовского уезда // Материалы по кредитному праву. С. 70-71.

211 Там же. С. 71.

212 Там же.

ниям, оброчные "живут изобильнее, крепче здоровьем, веселее, живее и умнее"²¹³. Такими он увидел крепостных графа Воронцова, остановившись у него по дороге из Саратова в Тамбов. Сами крестьяне поведали ему: "Сравнить нельзя оброчного с барщинским. Ежели хлеб уродился, то заплати оброк, да и живи себе баарином, никого не знай; а барщина беднит мужика, особливо как крепко прижмут; вот вокруг много барщинских, ходят да подбираются у нас же"²¹⁴. Да и сами помещики признавали, что оброчный в случае несчастья сам поправляется, а издельный — только с помощью барина.

Главным отличием оброчного от издельного была большая свобода действий и мысли, большая возможность развивать свои способности: "Предаваясь какому-нибудь ремеслу или промыслу по собственному выбору, а не по произволу другого, он более пользуется опытом. более старается исправлять собственные свои ошибки. Между тем издельный крестьянин все делает механически, по наряду другого и не имеет ни времени, ни возможности испытать какое-либо другое занятие, кроме сохи и косы и даже не имеет малейшего капитала, дабы на вечном своем поприще попытаться на какие-либо улучшения"²¹⁵. Тонко подмечено! И действительно, в оброчной деревне редкий мужик не занимался каким-то промыслом. Скажем более, он как бы бежал от земледелия, стремясь в бурлаки, в извоз, а отход, в торговлю — подалее от господской запашки. Иногда вовсе сдавал свой надел другим, а сам с головой уходил в промысел. Если же он был земледелец, то при наличии барской запашки, как правило, привлекался на частичную или эпизодическую барщину. Такое положение особенно было развито в степных имениях, где хлебопашество было единственным промыслом и для оброчных, а в страду был громадный недостаток рабочих рук. Пореформенная жизнь крестьян в имениях со смешанной повинностью оказалась особенно тяжелой. На это указывал калужский губернатор В.А. Арцимович: "Для крестьян имений чисто барщинных все-таки немедленно с освобождением являлись известные облегчения: отменялись все добавочные и сгонные дни сверх трехдневной барщины и уменьшалась женская барщина; в имениях же со смешанной повинностью, где барщина являлась лишь дополнением к оброку, она не подходила под эти облегчения и оставалась в прежнем виде"²¹⁶.

²¹³ Заблочкий-Десятовский А.П. О крепостном состоянии в России. С. 286.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Арцимович В.А. Воспоминания-характеристики. СПб., 1904. С. 617.

Какие же громадные силы дремали в крепостном крестьянине под спудом помещичьего гнета? Многолетние наблюдения за жизнью крестьян привели одного из лучших знатоков этого вопроса к выводу о том, что несмотря на внешнее однообразие, уже накануне отмены крепостничества проявились черты разных хозяйственных типов в крестьянстве. Он их назвал классами: "Бедный крестьянин не имеет ни одной лошади, ни одной или одну плохую корову, две-три овцы, несколько кур и самый скудный запас хлеба. Строение у него по большей части ветхое или разоренное; одежда худая, загон его плохо обработан, в исправлении повинностей он всегда отстает и в домашней жизни постоянно чувствует скудность и недостаток, а в неурожайный год его доля — нищета. Исправный крестьянин имеет на тягло по крайней мере одну хорошую или две посредственных лошади, две коровы с подтелком, до 10 овец, иногда 2-3-х свиней да несколько кур и уток. Строение его, хотя и не обширно, но хозяйственно устроено, одежда потребная есть, обработкою своего поля он хорошо кормит семью, оплачивает повинности и исправляет свои обязанности вовремя; один неурожай или другое несчастье являет в быту его недостатки и делает на время неисправным против других. Зажиточный крестьянин имеет на тягло по 2 и более лошади, несколько коров и рабочих быков, собственный плуг; платья и строения в избытке; некоторые большесемейные имеют по две избы. При избытке рабочего скота, он сверх своих полей засеивает съемные земли и потому в домашнем быту его видно изобилие; запасы хлеба у него остаются ежегодно от своего продовольствия и уплаты повинностей, так что неурожай или случайные несчастья не вдруг сделают его неисправным. К классу богатых крестьян относятся те же зажиточные, но от долговременного домашнего избытка скопившие запасный капитал, который у многих простирается от 300 до 1500 и более руб. сер. В домашнем быту у них является, без особой роскоши, все то же, что и у крестьянина зажиточного; но при способностях, многие из них ведут сверх хозяйства и торг хлебом или скотом"²¹⁷.

С теми или иными вариациями указанные характеристики типов вполне применимы ко всему крестьянству. Характерно, что исправный хозяин довольствовался наделом, зажиточный уже засеивал съемные (т.е. арендованные) земли (и потому "в быту его видно изобилие"), а богатые — вели широкую торговлю "сверх хозяйства", т.е. имевшую самостоятельное значение. Итак, изобилие и довольство крестьянина возрастало по мере развития рас-

²¹⁷ Никольский А. Хозяйственное описание Балашовского уезда. С. 54-55.

ширенного воспроизводства и интеграции хозяйства в систему рынка, сначала через реализацию хлебных излишков, а затем — постоянную торговую деятельность. На определенном этапе у него возникал денежный запас, который, как правило, в чем-либо фиксировался — либо в виде сокровищ (кубышки, скрины и т.п.), либо вкладывался в недвижимость. Всегдашним вожделением для крестьянина была земля, но вкладывать деньги в ее покупку при барине было опасно. Пореформенные присутствия по крестьянским делам, мировые посредники вынуждены были неоднократно разбирать дела, подобные тому, которое спущалось в симбирских учреждениях: временно-обязанные крестьяне помещицы Альтбицкой (с. Москотиньева) Лазарь Петров и Тимофей Абрамов принесли местному мировому посреднику жалобу на "усиленное завладение во время бывшего специального размежевания помещицей их земли, купленной лет 30 до настоящего времени (1863 г. — П.С.) отцом и дедом просителей у помещика с. Голодаевки А.И.Юматова на имя родителя г-жи Альтбицкой Никанора Москотиньева"²¹⁸. Мировой посредник опросил односельчан, которые подтвердили факт покупки и обработки этих 47 дес. истцами до смерти старого барина и самоуправления его дочери и решил дело в пользу крестьян. Присутствие подтвердило решение посредника, но поскольку истек 10-летний срок, то дело было передано на "благоусмотрение губернатора" и следы его в архиве затерялись.

Под сенью общего настроения, выраженного в лозунге: "Хоть с крестом, да на волю!", зрели, как видим разные мысли и хозяйственные планы. У определенной, хотя и небольшой части крестьян водились "лишние деньги", припрятанные до поры до времени. О многом говорят и такие факты: в 1819 г. крестьяне сл.Елань Аткарского уезда заплатили помещику Нарышкину по 614 руб. с души за вольную; помещица Коптева освободила своих крепостных за пожизненную "ренту" в 400 руб. со всего общества и особый платеж за каждую крестьянскую девушку, достигшую 14 лет, по 100 руб.; в Вольском уезде в 1859 г. крестьяне д. М-Караваяевка Новосильцевской волости купили имение своей помещицы Худяковой, задолжавшей казне, за 15 тыс. руб.; крестьяне д. Богая Барановской волости внесли за перевод в свободные хлебопашцы со 151 души 10 тыс. руб. асс. на устройство богадельни в г. Вольске, покрыли все "взыскания, на помещике лежащие", а в 1836 г. купили у него 2265 дес. земли за 30 тыс.

²¹⁸ ГАУО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 52 об.

руб.²¹⁹. Как складывались эти деньги? Конечно, у крестьян был какой-то мирской капитал, но его не могло хватить на такие траты. Какой сонм "особых отношений" внутри общины должны были вызвать эти взносы и выкупы! Бедный общинник наверняка обрстал долгами, а значит, шел в кабалу к богатею и в результате расцветало ростовщичество.

ГЛАВА III. ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ

Реформа 1861 г. стала сильнейшим потрясением для помещичьих хозяйств России, а Поволжья — в особенности: большинство поместий здесь базировалось на отработочной ренте. Первые два пореформенных десятилетия были самыми мучительными. В полной мере сказалась неподготовленность к хозяйствованию в новых условиях. Хозяйства в полном смысле не было вообще: практиковалась барская запашка, имелись кое-какие помещения для хранения урожая. Хозяйство нужно было создавать.

Прежде всего, нужны были деньги. Сколько? По подсчетам ИМОСХ, 22,3 млн. рублей²²⁰. Сюда следует приплюсовать долги дореформенным кредитным установлениям в 49,2 млн. руб. Всего 71,5 млн. руб. Даже если все тягла перевести на денежный оброк, то помещики получали бы ежегодно лишь 4,5 млн. руб. серебром²²¹. Но это было невозможно. Не спасала положение и выручка от продажи урожая хлебов, составлявшая около 10 млн. руб. сер. В активе помещиков была еще выкупная сумма. До 1882 г. в поволжских губерниях следовало к поступлению 57,8 млн. руб. сер., а в первом трехлетии — в среднем 599,2 тыс. руб. серебром²²².

Таким образом, помещики вступали в новые отношения с громадным платежным дефицитом. Он должен был быть еще увеличен, если учесть, что: 1) далеко не все тягла были переведены на оброк после реформы; 2) сбор хлебов должен был сократиться из-за сокращения барской запашки; 3) выкупная сумма больше была в активе казны, нежели в активе помещиков, т.к. большей частью своей выдана была выкупными свидетельствами, которые быстро упали в цене. Вот эта неумолимая финансовая реальность и была главной причиной столь медленной перестройки помещичь-

²¹⁹ Материалы по крепостному праву. С. 60-65.

²²⁰ Мнение ИМОСХ о необходимости ссуд землевладельцам... С. 26-27.

²²¹ Подсчитано по: Скребницкий А. Крестьянское дело. Т. III. С. 1297.

²²² Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. С. 64-67.

его хозяйства на капиталистический лад. Конечно, были тысячи других причин, но эта — коренная, потому что она всего труднее устранялась, она заставляла помещика искать обходные пути, прибегать к таким методам ведения хозяйства, которые позволяли если не устранить, то хотя бы смягчить ее действие.

Сами помещики, видимо, в большинстве своем если не сознавали, то чувствовали надвигавшийся финансовый крах, точнее важность скорейшей организации кредита. Путь, предложенный ИМОСХ, не мог быть реализован, т.к. старые сословные банки бесповоротно ушли в прошлое²²³. Землевладельцам предстояло пережить своеобразный "мертвый сезон" ипотечного кредита. Во всяком случае, в Поволжье этот вопрос дворянами активно обсуждался. "Необходимость кредита для бывших помещиков, перешедших ныне в землевладельцы без рабочих рук и капиталов, с долгами, висящими над ними как меч Дамокла, не подлежит сомнению. Кредит необходим для землевладельца, как пища для жемчужка", — писал свияжский уездный предводитель дворянства 1 октября 1861 г.²²⁴

Казанские помещики разработали и отправили в столицу в феврале 1861 г. свой проект дворянского сельскохозяйственного банка. Цель его учредителей состояла в том, чтобы "доставить каждому небогатому землевладельцу недорогой кредит для поддержания и развития их промышленности"²²⁵. Проект устава этого банка был предложен дворянам, съехавшимся 30 ноября 1860 г. для торгов на поставку провианта в казну. Под ним подписались 56 помещиков, и основной капитал должен был составить первоначально 17950 руб. сер.²²⁶ Авторы проекта считали, что банк мог бы кредитовать на короткий срок не более 11 мес. Начало выдач должно приходиться на март, т.к. "в течение этого месяца землевладельцу необходимо будет нанимать рабочих и готовить капитал к предстоящим весенним работам"²²⁷. В обеспечение кредита требовалось ручательство двух соседей-помещиков (известных правлению банка) или уездного предводителя дворянства, сельскохозяйственные продукты с имения, и, наконец,

²²³ О плане ИМОСХ см.: Савельев П.И. Вольнонаемный труд накануне отмены крепостного права в России: По материалам ИМОСХ // Специально-экономическое положение и классовая борьба в поволжской деревне в период капитализма. Куйбышев, 1988. С. 44-47.

²²⁴ ЦГА Республики Татарстан. Ф. 407. Оп. 1. Д. 26-а. Л. 17.

²²⁵ Там же. Л. 20.

²²⁶ Там же. Л. 31 об.

²²⁷ Там же. Л. 27.

честное слово дворянина, "обязанного по званию своему способствовать, а не подрывать полезное общественное дело"²²⁸. Проект долго путешествовал по коридорам власти, и дальнейшая судьба его не устанавливается документально. Реальность его была сомнительна, прежде всего, в силу краткосрочности кредита, имевшего в силу этого коммерческий характер. Такой кредит был бы выгоден динамичному капиталистически организованному хозяйству, но до него еще было далеко. Помещики уповали на кредит поземельный. Об этом четко сказал Е.И.Ламанский на съезде сельских хозяев в Санкт-Петербурге в 1865 г. Он вынужден был констатировать, что ни один из ипотечных проектов на основе частной кампании "не получил у нас еще осуществления, даже не заявил своего существования собранным складочным капиталом"²²⁹.

Обсуждался также проект "Поземельного Банка Русского земства". Судя по "Проекту статей устава", банк должен был обосноваться в Москве, в здании Московского Опекунского совета (Воспитательный Дом). Капитал последнего, составленный из дворянских пожертвований, достигал 2 млн. руб. Из них 150 тыс. были пожертвованы Екатериной II и Павлом I. На этих же деньгах основывались операции ссудной и сохранной казны, созданной в ноябре 1772 г. по представлению И.И.Бецкого²³⁰.

Первым реальным источником поземельного кредита для помещиков стало Общество взаимного поземельного кредита (далее – ОВПК), утвержденное в Санкт-Петербурге 1 июля 1866 г.²³¹ Оно было основано дворянами на началах взаимного ручательства. ОВПК стало всероссийским и выдавало ссуды в золотой валюте, что было весьма недальновидно в условиях нестабильности курса рубля, ставшего предметом спекуляции. Только что созданный Государственный банк России вынужден был поддерживать его уровень искусственными мерами, тяжело отзывавшимися на государственных финансах. Русские экономисты отмечали также организационные пороки ОВПК: "Смешение в этом учреждении принципов централизации, взаимной ответственности за-

²²⁸ Там же. Л. 27 об.

²²⁹ Ламанский Е.И. О значении земледельческого кредита для сельского хозяйства в России и способ его осуществления // Съезд сельских хозяев в С-Петербурге в 1865 г. по случаю 100-летнего юбилея Императорского Вольно-экономического общества (ИВЭО). СПб., 1866. С. 212.

²³⁰ ЦГА Республики Татарстан. Ф. 407. Оп. 1. Д. 26-а. Л. 1.

²³¹ Энциклопедический словарь Ф.Брокгауза и И.Ефрона. Т. II. СПб., 1891. С. 922.

емщиков и самоуправления их, отсутствие прямо заинтересованных в ведении дела лиц с разбросанностью заемщиков на громадной территории России и происходящим отсюда полным отсутствием контроля за действиями центрального управления, создавало такие условия деятельности учреждения, которые ни в каком случае не могли способствовать его успеху и процветанию"²³². И действительно вскоре после открытия Дворянского земельного банка ОВПК было передано ему в качестве Особого отдела, подлежащего постепенной ликвидации.

Таблица 34. Кредитная деятельность Саратовско-Симбирского земельного банка в Поволжье

Губернии	Число залож. имений	В них земли (дес.)	% в общей площ. ч/з-вл	Сумма выданных ссуд (руб.)
Казанская	7	1573	0,2	42300
Симбирская	3	3516	0,3	46925
Саратовская	108	49222	1,7	1205500
Самарская	18	33909	1,0	273600
Итого	136	88220	1,1	1568325

Источник Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. Т. III. Вып. I. СПб., 1893. С. 36.

Неудачной оказалась попытка создания сословно-дворянского Саратовско-Симбирского банка. Из-за злоупотреблений правления (председатель Юханцев) банк оказался несостоятельным. Счета его были настолько запутаны, что не включались в официальные отчеты. Спасая заемщиков-дворян, правительство взяло на себя ликвидацию этого банка²³³. 13 июля 1884 г. было создано ликвидационное управление в составе двух членов, назначенных министром финансов и юстиции²³⁴. Затем, с созданием Дворянского земельного банка, это дело было поручено его администрации. На расходы выделялось ежегодно 15 тыс. руб. из государственных средств²³⁵.

²³² Хрулев С.С. Наш ипотечный кредит. СПб., 1898. С. 14.

²³³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ): III собрание. № 2355.

²³⁴ ПСЗ. III. № 3094.

²³⁵ См. подробнее: Мигулин П.П. Наша банковская политика (1729-1903). Харьков, 1904.

Масштабы деятельности Саратовско-Симбирского банка были невелики (см. табл. 34).

Реальные цифры к началу 80-х гг., возможно, были выше, однако банк пока выдавал кредиты лишь в Саратовской губернии и только начинал проникать в Заволжье. Вполне вероятно, что большая часть клиентуры составлялась из помещиков, уже до реформы ощущавших сильную нужду в деньгах для оплаты вольнонаемного труда.

Таблица 35. Кредитная деятельность ОВПК по состоянию на 1889 г.

Губернии	Число залож. имений	В них земли (дес.)	%% к общей площади частн. землевладения	Сумма ссуд (руб.)
Казанская	228	162651	22,8	4342860
Пензенская	350	337397	26,3	11704074
Симбирская	406	324350	24,0	9284016
Саратовская	368	587424	20,7	14805751
Самарская	210	470624	14,5	5018660
Поволжье	1562	1882446	20,1	45155361

Источник: Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. Т. II. СПб., 1891, С. 118.

Значительно шире была деятельность ОВПК. Статистика поземельного кредита России зафиксировала ее на последнем этапе развития, накануне замораживания выдачи ссуд и передачи Общества в только что созданный Дворянский земельный банк. Поэтому цифры следует считать преувеличенными: в начале 80-х они были скромнее (см. табл. 35).

В начале 70-х гг. открылись и первые акционерные ипотечные банки. Их уставы создавались на двойственных началах: определение ипотечных операций было заимствовано из уставов городских кредитных обществ, херсонского земельного банка и ОВПК, а что касается основного капитала, прав акционеров, управления — из коммерческих акционерных банков. Кредит в акционерных земельных банках составлял 8 1/3%²³⁶. Пик грюндерства приходился на 1871/72 гг., когда в полтора года возникло сразу 11 зе-

²³⁶ Энциклопедический словарь Ф.Брокгауза и И.Ефрона. СПб., 1891. Т. 4. С. 937.

мельных банков. На денежном рынке возникла бумовая ситуация, и сбыт закладных листов затруднился, что грозило резким падением их курса. Поэтому в 1873 г. возникло частное общество по сбыту закладных листов – Центральный банк русского поземельного кредита. Деятельность его сводилась к тому, что он приобретал закладные листы русских земельных банков на деньги, полученные за продажу собственных закладных на металлическую валюту, а также выполнял комиссионерские функции с выдачей авансов под залог закладных листов, принимаемых на комиссию. Однако, в условиях нестабильности рубля операции этого банка оказались убыточными, и к 1889 г. его потери достигли 5,2 млн. руб.²³⁷

Таблица 36. Долгосрочные ссуды из акционерных банков действовавших в Поволжье (млн. руб.)

	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880
Московский	12,4	16,3	20,0	24,7	30,1	37,9	45,1
Нижегородско-Самарский	4,1	5,5	8,6	10,0	11,0	0,3	14,0
Итого	16,5	21,8	28,6	34,7	41,1	38,2	59,1

Источник: Энциклопедический словарь Ф.Брокгауза и И.Ефрона. СПб., 1891. Т. 4. С. 938-939, 941.

Уставы земельных банков утверждались министром финансов, который следил за соблюдением условия: в одной губернии могли одновременно действовать не более двух банков. В Поволжье ими были Нижегородско-Самарский и отчасти Московский. Их операции по выдаче долгосрочных ссуд имели следующую динамику (см. табл. 36).

С большим трудом кредитный рынок набирал обороты. На его создание ушло около 15 лет. В рассматриваемый период он был еще в младенческом возрасте и не мог удовлетворить громадный спрос на кредит. К услугам помещиков был еще неистребимый "теневик" – частный кредитор, взимавший баснословные проценты. По дороговизне поземельного кредита все источники можно расположить в следующем порядке²³⁸:

²³⁷ Там же.

²³⁸ Хрулев С.С. Наш ипотечный кредит. С. 16-19; Мигулин П.П. Наша банковская политика.

Частный кредит	- от 10 до 18%
ОВПК	- свыше 9%
Акционерные банки	- от 8 до 9%
Саратовско-Симбирский банк	- 6%

Для сравнения укажем, что дореформенный кредит давался из 5%, а с 20 июля 1857 г. — из 4%²³⁹. Как видим, в течение десяти лет помещики могли получить средства лишь от частных лиц под разорительные проценты или в учреждении взаимного кредита (значительно реже), процентные ставки которого были намного выше старых государственных банков. Неудивительно, что частные банки "должны были бороться с недоверием к ним широкой публики и с привычкой населения к казенным банкам, привычкой, воспитанной в течение 130-летнего монопольного существования казенных банков"²⁴⁰.

Как чувствовал себя помещик, столкнувшись с суровой реальностью? Насколько верны жалобы поместного дворянства на то, что правительство оставило их без помощи перед лицом наступивших перемен? Возьмем одну из самых "дворянских" губерний — Симбирскую. По ней имеются подробные поуездные сведения о денежных пособиях помещикам со стороны правительства уже на самом первом этапе проведения в жизнь реформы 1861 г. (см. табл. 37).

Приходится признать, что при достаточно рациональном подходе к хозяйству, при известной экономии и знании рынка помещики могли располагать немалыми средствами для организации своего хозяйства на новых началах. Чтобы выяснить, насколько эффективно они использовали эту возможность, необходимо рассмотреть экономический строй помещичьего хозяйства.

Для 60-х — 70-х гг. XIX в. положение с источниками более благоприятно: мы имеем данные Валуевской комиссии, блестяще проанализированные Н.М. Дружининым²⁴¹. Однако опираться лишь на эти выборочные данные было бы неправильно. Сопоставление извлечений, сделанных чиновниками этой комиссии из залоговых дел ОВПК, с основным массивом таких дел показывает, что комиссия приняла во внимание относительно благополучные имения, чем несколько исказила реальную картину. Поэтому нами был предпринят сплошной анализ архива Особого отдела Дворянского

²³⁹ Энциклопедический словарь Ф.Брокгауза и И.Ефрона. Т. 4. С. 921.

²⁴⁰ Боголепов М.И. Государственный банк и коммерческий кредит // Банковская энциклопедия. Т. 1. Коммерческие банки. Киев, 1914. С. 292.

²⁴¹ Дружинин Н.М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г.: По данным Валуевской комиссии 1872-1873 гг. // Исторические записки. Т. 89. С. 187-230.

земельного банка (бывшего ОВГК). В результате выборки были получены сведения о 102 дворянских имениях, распределенных по зонам преобладания того или иного типа аграрного строя, полученным в ходе кластерного анализа.

Таблица 37. Денежные пособия симбирским помещикам со стороны правительства по состоянию на 1 июля 1863 г. (тыс. руб.)

Уезды	Ссуда	Погашение банков. долгов	Вознаграждение мел-копом. вл-цев	Итого
Симбирский	199,5	183,6	7,7	390,8
Сенгилеевский	103,0	49,5	29,4	182,1
Сызранский	235,5	345,7	7,7	588,9
Карсунский	491,2	560,7	21,3	1073,2
Буинский	32,0	36,9	8,0	76,9
Алатырский	29,3	22,5	16,7	66,5
Ардатовский	82,8	19,4	13,2	115,4
Курмышский	257,8	336,4	6,3	600,5
Губерния	1431,3	1554,7	110,3	3096,3

Источник: Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния. Ч. 1. С. 507.

Уже самая общая экономическая характеристика состояния помещичьего хозяйства, данная в таблице, вскрывает существенные различия трех выделенных зон (см. табл. 38).

В зоне преобладания "помещичьего" типа средний размер имения оказался наименьшим. Латифундияльность была присуща в наибольшей степени южному степному району. При этом помещики во всех местностях владели наиболее удобными землями, которые составляли в общей массе помещичьего землевладения 94,3%. Что касается экономической запашки, то здесь прослеживается обратная зависимость между средним размером и долей ее в общей удобной площади. В "помещичьей" зоне процент экономически обрабатываемой пашни оказался выше более, чем вдвое против "фермерской" зоны. В "крестьянской" запашка также имела больший удельный вес, чем на юге. Как известно, крупные песчаных массивов на юге региона не было, неудобья в форме солончаков и т.п. составляли мизерный процент. Следовательно, оставшаяся земля (89,4%) отдавалась в аренду? Оказывается, вовсе

нет: доля удобной земли, сданной в аренду в районе "помещичьего" типа эволюции составляла 28,7%, в районе "крестьянского" типа 22,5%, в "фермерском" — 30%. Как использовалась оставшаяся земля? Можно предположить как наиболее вероятное: в условиях 60-х — 70-х гг. у многих помещиков большая часть земли просто "гуляла", т.е. никак не использовалась, особенно на юге с его необозримыми просторами. К примеру, в Самарском Заволжье средняя цена на землю в первое пятилетие после реформы составила 7 руб. 05 коп. В 1867 г. она составляла даже 5 руб. 89 коп. и лишь с 1869 г. начался рост: 1868-1872 гг. — 9 руб. 59 коп., в 1873-1877 гг. — 12 руб. 83 коп., в 1878-1882 гг. — 15 руб. 22 коп. и т.д.²⁴²

Таблица 38. Основные параметры экономического строя помещичьего хозяйства Поволжья в 60-70 гг. XIX в. (сведения приведены в расчете на 1 имение)

Регион с преоблад. типа аграрной эволюции	Общая площадь (дес.)	Удобная земля (дес.)	Экон. запашка (дес.)	% в удоб. земле	Раб. скот стоимость (руб.)	На 1 дес. зап.	Инвентарь (руб.)	На 1 дес. зап.
I. Помещичий	737,8	702,6	157,3	22,4	264,9	1,7	388,7	2,5
II. Крестьянский								
а) лесная зона	1235,1	1155,5	205,0	17,7	756,9	3,7	465,1	2,3
б) степная	2795,6	2613,9	276,6	10,6	2792,9	10,1	1524,5	5,5
Поволжье в целом	1144,2	1078,9	183,2	16,0	748,9	4,1	587,8	3,2

Источник: Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешней положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложение VII. Описание имений по данным Общества Взаимного земельного кредита. СПб., 1873. Ч. 1-2; РГИА. Ф. 593. Оп. 2.

Весьма важное значение имеет вопрос о том, как велось хозяйство на экономической запашке. По нашим подсчетам, довольно значительный процент ее возделывался с использованием най-

²⁴² Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XX. СПб., 1905. С. XI.

ма: на севере — 34%, на юге — 51,5%. Самой распространенной формой некапиталистической эксплуатации помещичьей пашни была испольщина. Ее следует признать одной из ранних форм отработочной системы, т.к. с нее начинался длинный путь перестройки поместья на новый лад (см. табл. 39).

Таблица 39. Системы ведения помещичьего хозяйства в Поволжье в 60-х — начале 70-х гг. XIX в.

Сведения о преобладающих системах хозяйства

Казанская губерния

"Обработка земли отдается за известную плату, за пользование угодьями, пастбищами и др. Сюда же должно отнести [2] оброчное имение, где крестьяне уплачивают оброк работой".

"Издельной повинностью обрабатывается весьма незначительное количество земли: из числа 911 имений, распределенных по восьми уездам, только 26". "Обработка земли исполу, существующая в более отдаленных от Казани местностях, является самым выгодным для ведения хозяйства способом. Он принят в уездах: Спасском, Лаишевском, Тетюшском, свияжском, Цивильском, частью в Чебоксарском и Чистопольском, т.е. там, где в земле чувствуется недостаток, где земледельцы дали крестьянам в дар четверть надела, или сами крестьяне выкупили третью его часть (уезд Лаишевский)".

Симбирская

"Главный и общий в Симбирской губернии способ хозяйства у помещиков — испольный; хутора с хозяйственным обзаведением и обработка земли постоянными годовыми работниками составляют исключение и для большинства хозяев невозможны за недостатком свободных капиталов... Сдача земель исполу происходит большей частью с условием дележа хлеба в снопах, пополам между помещиком и хозяином; иногда, но реже обрабатывается десятина за десятину... В некоторых имениях исполняются крестьянами, сверх того, в незначительном размере, дополнительные работы, как-то: вывозка навоза на хозяйские поля, доставка хлеба к пристани (примерно 20 возов на расстояние 35 верст с одного сельского общества и т.п.)"

Пензенская

"Вольнонаемный труд... остается без возможности к применению за наделом всех работающих собственной землей... При подобных обстоятельствах каждый хозяин ограничивается неизбежным числом рабочих"

"Издельная система, или плата землей за труд, обыкновенно бывает так: за обработку десятины работнику дается десятина. Этот вид обработки уменьшается, так как уступает исполному хозяйству в качестве обработки земли, ибо крестьянин обрабатывает свою десятину тщательнее, чем хозяйскую".

"Исполное хозяйство принято в большинстве хозяйств: оно выгодно и для крестьян, в особенности по посевам озимых хлебов. Способ этот имеет те невыгоды, что требует присмотра, так как дележи хлебов производятся крестьянами неверно. А потому некоторые владельцы отдают земли в наем крестьянам, находя это выгодным. Но способ такой в будущем принесет вред хозяйству".

Саратовская

"Вольнонаемное хозяйство в здешнем крае (север губернии) редкость; большей частью землевладельцы отдают землю крестьянам за деньги или за отработку".

Саратовский уезд: "С прекращением дарового труда прекратилось и обширное полевое хозяйство здешних помещиков и только кое-где, в виде опыта, или для поддержания домашнего хозяйства, производятся посевы лично самими владельцами или управляющими и приказчиками имений, но, к сожалению, нерационально, а по большей части смешанным образом, т.е. наймом с половины и обязательно за отдаваемые для пользования крестьянами сверх их надела разных земельных угодий и только в тех имениях, где крестьяне не вышли на дар или выкуп, а остались на обязательном труде, запашка более значительна".

Петровский и Вольский уезды: "В настоящее время установилась преимущественно исполная система ведения хозяйства, хотя при каждом хозяйстве часть полей обрабатывается или постоянными годовыми рабочими или посредством задельной платы. В некоторых имениях, где крестьяне получили в дар четверть надела, запашки у владельцев делаются крестьянскими обществами за пользование пастбищем".

Балашовский уезд: "В Балашовском уезде две господствующие системы: вольнонаемная и исполная, смотря по роду засевае-

мого хлеба. Для посева красных хлебов всегда употребляется система вольнонаемная, прочие же хлеба почти везде производятся исполнительной системой".

Сердобский уезд: "В Сердобском уезде ... исполнительный способ преобладает в местностях с густым населением, где поэтому земля дороже, а труд дешевле".

Кузнецкий уезд — "В Кузнецкой уезде хозяйство ведется по преимуществу вольнонаемным трудом, как наиболее выгодным перед хозяйством исполнительным".

Самарская губерния

"В Самарской губернии преобладает вольнонаемная система в особенности в южных уездах — Николаевском и Новоузенском, где все хозяйство ведется при помощи вольнонаемного труда. В северных уездах, хотя вольнонаемный труд преобладает, но здесь в некоторых уездах существует еще издельная повинность, особенно в Бугурусланском, Бугульминском и Бузулукском уездах отчасти и в Ставропольском и Самарском".

"Исполнительная система мало распространена. Она существует в худших хозяйствах, преимущественно в северо-восточном углу губернии. Эта система была довольно распространена в Самарской губернии в первое время по освобождении крестьян".

Источник: Доклад Высочайше учрежденной комиссии... Приложение 1. Отдел 1. С. 12-16.

Приведенные сведения комиссия получила от наиболее осведомленных людей — предводителей дворянства, председателей земских управ, управляющих имениями, арендаторов крупных участков, наконец, самих помещиков. Сведенные вместе в таблице, они дают весьма наглядное представление о том, как отреагировали помещики на реформу. Немедленного перехода к новой системе хозяйства не произошло. Самое большее, на что оказалась способной основная масса дворян — использовать издельный найм. Это не что иное, как раздача земель за труд. Если же присмотреться ближе к тому, что именовали авторы записок в комиссию вольнонаемной системой, то нельзя не заметить, что она далека еще от собственно капиталистического найма. Это т.н. "зимняя наемка" — раздача денег, хлеба и другой природы вперед, с февраля, под обещание крестьянина произвести определенные работы у помещика, т.е. по сути дела отработочная система, ибо инвентарь в этом случае был крестьянский. Так, помещик Пензен-

ского уезда прямо указал, что, к примеру, издельный найм тем плох, что на все лето нанимаются обычно "бобыли или плоходомники", и вообще те, которым не под силу вести свое хозяйство, а из таких рабочих лиц трудно составить для землевладельца что-нибудь выгодное, к тому же работники эти будут наниматься без лошадей и необходимой упряжной сбруи, которые должны быть даны им уже нанимателями, а на это потребуются такие значительные затраты денег, которые едва могут окутаться"²⁴³.

Таблица 40. Доход помещика при разных системах хозяйства (руб.)

	Каз. дес.	Барщинная		Исполная		Вольнонаемн.	
		При дурн. урож.	При хор. урож.	При дурн. урож.	При хор. урож.	При дурн. урож.	При хор. урож.
В наделе кр.	175	-	-	525,0	525,0	525,0	525,0
Барская запашка							
под рожью	42	531,30	1698,90	302,0	970,2	153,72	1044,12
овсом	21	219,45	611,31	94,08	320,28	12,50	337,26
гречихой	21	151,20	604,80	75,60	302,40	35,70	426,30
паром	42	-	-	-	-	-	-
Луга и выгон	34	48,0*	120,0*	>68,0	170,0	68,0	170,0
Земля под усадьбой и неудоб.	15	-	-	-	-	-	-
Всего	350	949,95	3035,01	1064,68	2296,88	794,92	2502,68
Средн. дох/дес.	1	2,69	8,67	3,04	6,56	2,27	7,15

* только от лугов

Источник: Материалы для геогр. и статистики России. Т. 20. Симб. губ. Ч. I.
С. 517, 518, 524.

Издельная система не смогла продержаться долго. В "помещичьей" зоне ее место вскоре прочно заняла исполная система в том или ином сочетании с "зимней наемкой". И только в южных уездах Самарской и отчасти Саратовской губерний, т.е. в "фер-

²⁴³ Доклад Высочайше учрежденной комиссии... Приложение I. Отдел I. С. 16.

мерской" зоне, можно было обнаружить по-настоящему вольный найм, поскольку здесь крупные посевищики пользовались трудом пришлых издалека крестьян. Цены на труд в самый сезон были на 20-25% выше, нежели, при "зимней наемке". Однако и здесь пришлые чаще всего работали тем незамысловатым инвентарем, который приносили с собой.

Исполную систему ведения хозяйства приняли не только, так сказать, помещики-лежебоки, но и те, кто умел считать и соотносить доходы и расходы. Обратимся к сравнительно-сопоставительному расчету доходов от разных систем хозяйства, выполненному на материале симбирских поместий (см. табл. 40).

Старая барщина была самой выгодной. Лишь в случае плохого урожая больше давала исполщина, при среднем же и особенно при хорошем она превосходила все другие системы. Однако будущее было не за ней, она должна была уступить двум другим. Которой из них? При хорошем урожае вольный найм приносил несколько больший доход на десятину экономической запашки, но в целом исполщина была надежнее: при среднем и особенно при плохом урожае она давала больший доход.

При прежней отраслевой структуре переход к вольносняемой обработке снижал доход против крепостного труда на 1/6 часть. К тому же помещик при крепостном праве пользовался трудом бестягольных, дворовых и т.п. Вольнонаемное хозяйство могло дать эффект лишь при одновременном совершенствовании организационно-производственной стороны дела, агрикультуры вообще. Примером более или менее удачного опыта была ферма графини Потемкиной в крупном торговом селе Промзино. Средний доход за 4 года там составлял 14 руб. сер. с дес. (за вычетом расхода на рабочих, тяговую силу, ремонт построек и 10% стоимости всех сельскохозяйственных орудий). В масштабах вышеприведенных расчетов доход по имению достигал бы 2975 руб. сер., т.е. значительно выше, чем при крепостном труде. Наемный труд здесь применялся еще до реформы 1861 г., но при этом было введено травосеяние, установлено более правильное соединение других отраслей сельского хозяйства — луговодства и скотоводства²⁴⁴. Однако большинство помещиков считало, что перейти к таким крутым переменам невозможно по крайней мере до совершения выкупной операции. Поэтому они пытались изыскать "временные средства для установления такой системы хозяйства, которая по возможности уравнивала бы прежние дохо-

²⁴⁴ Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. Ч. I. С. 520-521.

ды, ипи, по крайней мере, сделала бы ущерб в доходах менее ощутительным"²⁴⁵.

В общем и целом получалась довольно выразительная картина: в зоне господства помещиков преобладало испольно-отрабочное хозяйство, в достаточной мере обеспеченное кабальным трудом окрестного населения. Не было пока нужды в крупных затратах на обзаведение инвентарем. В "крестьянской" зоне помещик был вынужден проявлять большую поворотливость, ибо имел дело с преобладающим в округе государственным и удельным крестьянством, к тому же в значительной мере национальным. Отсюда меньший удельный вес запашки и большие затраты на экономические нужды. И все же здесь были еще богатые возможности для сохранения старых форм эксплуатации труда.

Иная ситуация складывалась на юге. Здесь не только государственное, удельное, но и крепостное крестьянство получило значительные наделы, имело поблизости арендный фонд и давний выход на хлебный рынок. Помещик после реформы неминуемо попадал в обстановку конкуренции за рабочие руки и т.п. Поэтому затраты степных помещиков на хозяйство были весьма велики.

Вышеприведенный материал говорит о внешней стороне экономической организации помещичьего хозяйства. Многие из них оставляют впечатление агонии некогда мощного и по-своему логично построенного организма, которому теперь суждена была неминуемая гибель: переход к издельной и испольной системам есть не что иное как ликвидация собственного хозяйства (либо отказ от его создания). Если в экономическом строе помещичьего хозяйства нет ничего более, чем обычная расплата землей за часть урожая, то у него нет будущего, в нем нет ничего, кроме старого одряхлевшего крепостничества.

Наиболее адекватную информацию об истинном положении дел в хозяйстве содержат сведения о расходах и доходах помещиков (см. табл. 41).

Действительно, бюджет хозяйства обнажает многие скрытые от глаз пружины экономической жизни поместья. Помещик получал более половины валового дохода от земледелия. Это было характерно для всех хозяйств региона. Значительно меньше дохода давали сенокосение, скотоводство, промышленные заведения и лесоводство. При огромных размерах южных имений валовый доход на одну десятину удобной земли здесь был ниже, чем с "помещичьей" зоне, а вот при пересчете на десятину экономической запашки получалась обратная картина.

²⁴⁵ Там же. С. 521.

Таблица 41. Бюджет помещичьего хозяйства Поволжья в 60-70 гг. (в расчете на 1 имение)

Всего	На (от) полеводство	На (от) сенокосение	На (от) скотоводство	На (от) лесоводство	На (от) промышленности	Всего на дес. уд. зем.
I. Доход						
Помещичий р-н						
Руб. 4590,4	2720,7	380,0	245,4	323,3	411,5	6,5
%% 100	59,3	8,3	5,3	7,0	9,0	
Крестьянский р-н						
Лесная зона						
Руб. 5593,8	3867,3	324,1	394,6	201,5	446,7	4,8
%% 100	69,1	5,8	7,0	3,6	8,0	
Степная зона						
Руб. 10723,0	8612,5	1086,8	977,9	85,3	69,2	4,1
%% 100	79,5	10,0	9,0	0,8	0,6	
Поволжье						
Руб. 5758,6	3848,8	490,6	386,5	268,1	359,0	5,3
%% 100	66,8	8,5	6,7	4,7	6,2	
II. Расход						
Помещичий р-н						
Руб. 1365,5	476,4	17,9	188,4	70,9	156,0	1,9
%% 100	34,9	1,3	26,2	5,2	21,7	
Крестьянский р-н						
Лесная зона						
Руб. 3227,7	1656,5	69,8	551,2	78,0	24,5	2,8
%% 100	51,3	2,2	29,1	2,4	1,3	
Степная зона						
Руб. 7567,0	4305,6	330,0	993,3	15,2	22,4	2,9
%% 100	56,9	4,4	21,2	0,2	0,8	
Поволжье						
Руб. 2636,4	1265,0	76,5	368,8	62,5	117,0	2,4

Источник: подсчитано по тем же, что и в таблице 5.

Постатейный анализ дохода позволяет судить об организационно-производственных особенностях помещичьего хозяйства. Относительно равным было значение сенокосения и скотоводства

(на юге — несколько выше). Зато явно различалась роль лесоводства и промышленности. По обоим показателям "помещичья" зона была выше. Значение промышленности в типично степной "фермерской" местности было, можно сказать, чисто символической. Все надежды возлагались на земледелие. От него поступало 79,5% валового дохода.

Таблица 42. Производительные расходы помещиков Поволжья в 60-70-х гг. XIX в. (Руб. на 1 имение)

Районы и зоны	На рабочих	На ремонт орудий	На скотоводство		На рем. построек	На промыш.	Всего
			Во-обще	Тяг. силы			
Помещичий	293,0	3,2	188,4	25,0	52,4	156,0	693,0
%	42,2	0,5	27,2	3,6	7,6	22,5	100,0
Крестьянский							
Лесная зона	990,2	25,1	551,2	207,1	97,8	24,5	1688,9
%	58,6	1,5	32,6	12,3	5,8	1,4	100,0
Степная зона	2919,5	239,9	993,3	461,6	43,3	22,4	4218,5
%	69,2	5,7	23,5	10,9	1,0	0,5	100,0
Поволжье	819,6	45,4	368,8	121,0	56,7	117,0	1407,5
%	58,2	3,2	26,2	8,6	4,0	8,3	100,0

Источник тот же.

В расходной части бюджета все эти характерные особенности усиливаются: самый высокий расход на имение в степной зоне. Он более чем в два раза превышает соответствующий показатель "крестьянской" лесной зоны и почти в шесть раз — зоны "помещичьей". Даже в расчете на удобную десятину расход на юге на порядок выше, не говоря уже о затратах на десятину запашки — здесь превосходство более чем в три раза.

Учет расхода по статьям его особенно важен для экономического анализа, т.к. речь идет о роли производительных и непроизводительных затрат. В данном случае видно, что помещики находились в окружении экономически независимого крестьянского и тем более купеческого хозяйства должны были уже в самом начале пореформенной эпохи тратить более половины общего рас-

хода на полеводство (51,3-56,9%). Цифра же 34,9%, характеризующая долю расхода на полеводство в "помещичьей" зоне есть наглядное свидетельство широкого распространения здесьщины, "зимней наемки" и т.п.

Рассмотрим структуру производительного расхода более подробно (см. табл. 42).

В таблице приведены ежегодные затраты помещика на поддержание своего хозяйства. Выводы очевидны: основная часть производительных затрат приходится на наем рабочей силы. Только в "помещичьей" зоне он составил менее половины — 40,8%. В расчете на дес. запашки расход на наем рабочих выразится в следующих цифрах: помещичий район — 1,9 руб., крестьянский — 4,8 руб., фермерский — 10,5 руб. Намного скромнее затраты на ремонт тягловой силы и особенно сельскохозяйственных орудий. В зоне господства помещиков они достигали лишь половины процента от общих затрат. В свою очередь, в районе преобладания крестьянского земледелия значительно меньше были затраты на промышленность и ремонт построек.

Попытаемся выяснить отношение расходов к доходу в хозяйствах помещиков (см. табл. 43).

Таблица 43. Отношение расхода к доходу в поместьях Поволжья 60-70-х гг. XIX в. (в %)

Районы и зона	По статьям				
	Всего	На полеводство	На сенокос	На лесоводство	На пром-ть
Помещичий	29,7	17,5	4,7	21,9	38,2
Крестьянский					
Лесная зона					
Степная зона	70,6	50,0	30,4	17,9	32,4
Поволжье	45,9	32,9	15,6	23,3	32,6

Источник тот же.

Приведенные здесь данные имеют в известной мере интегральный характер. Абсолютно ясно, что хозяйство, производительно расходующее свыше 70% вапового дохода, имеет совсем иные перспективы в капитализирующемся аграрном строе, нежели хозяйство, не потребляющее и 30%. Помещики степного юга явно вырвались вперед по пути преобразования своего хозяйства.

Можно еще проиллюстрировать эти выводы тем или иным количеством характерных примеров, но показать сам механизм хозяйства традиционными методами невозможно. Для этого необходимо выяснить тесноту колебаний различных его частей на примере нескольких имений, т.е. измерить внутренние связи экономического строя.

Наиболее эффективным методом анализа, позволяющим добиться этой цели, является корреляционное моделирование. Теоретическая разработка и практическое первое применение метода принадлежит И.Д.Ковальченко и Н.Б.Селунской. Он достаточно подробно описан и апробирован, в том числе и автором этих строк²⁴⁶.

Результаты анализа социально-экономического строя помещичьих хозяйств в 60-70-е гг. XIX в. представлены в таблицах 44-46, а также в графах сильных связей (двойной линией обозначены коэффициенты, значение которых более 0,5 или менее -0,5; одной линией обозначены коэффициенты, значение которых колеблется в диапазоне от 0,4 до 0,5).

Результаты, за первый взгляд, могут показаться неожиданными: средний коэффициент корреляции оказался самым высоким не в степной, а "помещичьей" зоне ($r=0,44$). Однако во всех зонах он был ниже уровня в 0,5, с которого мы начинаем отсчет достаточно значимой связи. Экономике помещичьего хозяйства явно пихорадило по всему региону. Она вступала в полосу глубокой структурной перестройки, сопровождавшейся разрушением старых связей и зарождением новых, придающих хозяйственному механизму новую логику, новые пропорции. В такой ситуации содержательное значение коэффициента корреляции как бы приобретает обратное значение: разрушительное вторжение рынка в налаженные связи отражается не в высоком, а наоборот, в низком количественном выражении коэффициента.

²⁴⁶ См.: Селунская Н.Б. моделирование социальной структуры помещичьего хозяйства России конца XIX-начала XX в. // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. М., 1982; Кабылов П.С. Аграрные отношения в Поволжье периода империализма (1900-1917 гг.): Автореф. докт. дисс. М., 1983. С. 22-23; Амирова Н.Ф. Помещичье хозяйство Юго-востока Европейской России в период империализма (1900-1917 гг.): Автореф. канд. дисс. Куйбышев, 1989; Савельев П.И. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства в эпоху капитализма // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX-начале XX в. Куйбышев, 1986.

Таблица 44. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства 60-70-х гг. XIX в. Помещичий район. (Коэффициент корреляции = 0,...)

	1	2	3	4	5	Граф сильных связей
1. Стоимость инвентаря	-	71	51	33	14	
2. Стоимость раб. скота	71	-	70	23	27	
3. Расход на раб. силу	51	70	-	53	53	
4. Расход общий	33	23	53	-	45	
5. Доход от полеводства	14	27	53	45	-	

Источник тот же.

Таблица 45. То же. Крестьянский район. Лесная зона

	1	2	3	4	5	Граф сильных связей
1. Стоимость инвентаря	-	65	05	76	65	
2. Стоимость раб. скота	65	-	64	32	20	
3. Расход на раб. силу	05	64	-	23	19	
4. Расход общий	76	32	23	-	61	
5. Доход от полеводства	65	20	19	61	-	

Источник тот же.

Таблица 46. То же. Степная зона

	1	2	3	4	5	Граф сильных связей
1. Стоимость инвентаря	-	21	22	-4	25	
2. Стоимость раб. скота	21	-	72	25	87	
3. Расход на раб. силу	22	72	-	47	84	
4. Расход общий	-4	25	47	-	52	
5. Доход от полеводства	25	87	84	52	-	

Источник тот же.

В самом деле, корреляция первого и второго признаков в "помещичьей зоне" ($r=0,71$) отражает вовсе не колебания стоимости, точнее — не столько это, сколько согласованность их наличия или отсутствия. Так, из 72-х обследованных имений этого района в 43-х отсутствовал инвентарь. Из этих последних лишь 6 име-

ний располагали рабочим скотом, в остальных не было ни того, ни другого²⁴⁷.

Кажется, что кризис помещичьего хозяйства сильнее всего сказался на степном юге. Первый признак (стоимость инвентаря) оказался совершенно не связанным с остальными. Но в то же время доход от полеводства имел тесную связь со всеми компонентами хозяйства (кроме инвентаря). Известно, что помещичья колонизация юго-востока сопровождалась расширением барщины, но в то же время были огромные запашки и сохранялась давняя традиция привлечения наемной рабочей силы. Вполне естественно, что основная часть дохода здесь уходила на производительные затраты, т.е. источником расширенного воспроизводства могло быть только собственное хозяйство на земле. Соответственно этой доминанте складывался внутренний строй помещичьего хозяйства, в котором доминировали тесные и прямые связи в доходно-расходной системе.

Хорошо видны: особенности экономической организации помещичьего хозяйства из графа сильных связей, построенного на основе корреляционной матрицы. В районе помещичьего типа аграрной эволюции (табл. 44) внутренний строй поместья зависел от характера рабочей силы, применяемой в имении. Все остальные компоненты зависели от него. Такой "централистский" вариант экономического строя характерен, по-видимому, для барщинной системы вообще, ибо там все держалось на даровом труде крепостных. Капитализация такого строя должна выражаться в замене новым вариантом, который был бы системой непосредственных взаимозависимостей.

Граф сильных связей крестьянского района, ближе стоящего к "помещичьему", демонстрирует тем не менее уже иной тип организации помещичьего хозяйства. Здесь в центре первый признак — стоимость инвентаря — тесно и непосредственно связанный с общим расходом и доходом от полеводства. Такая организация хозяйственного механизма имела уже новые черты, подобно тому, как "зимняя наемка" представляла собой нечто новое по сравнению с чистым крепостничеством. В целом можно сказать, что старая система явно стала уступать новым веяниям в аграрных отношениях.

Третий граф (табл. 46) представляет уже более развитую модель с замкнутой конфигурацией сильных связей. Лишь первый признак оказался за пределами системы. Это обстоятельство может вызвать удивление, т.к. нами установлено, что именно поме-

²⁴⁷ Подсчитано по: РГИА. Ф. 593. Оп. 2. Д. 661-2257.

щики юга затратили наибольшие средства на усовершенствованные сельхозмашины. Однако эти затраты мало повлияли на экономику хозяйства. Помещики должны были вскоре излечиться от эйфории по этому поводу. "Многие из машин поступили в сараи и составляют еще до сих пор довольно богатую коллекцию", — отмечалось на съезде сельских хозяев в декабре 1878 г.

Итак, внутренний экономический строй помещичьего хозяйства в первые пореформенные десятилетия испытывал мучительный процесс перерождения в новое качество. Стержнем этого процесса следует признать возникновение и утверждение прочного соответствия доходной и расходной части бюджета, т.е. такого хозяйственного механизма, который регулируется экономическими рычагами рынка. Условия для прохождения первых стадий на этом пути не были вполне благоприятны в Поволжье. Мешали стесненность ипотечного и коммерческого кредита, отсутствие достаточной материально-технической базы в поместьях, наконец, искушение еще продлить беззаботное хозяйствование за счет кабальной зависимости крестьян, за счет продажи (сдачи в погодную аренду) части земли. Все эти традиционные черты аграрных отношений вокруг поместий особенно явственно видны в "помещичьей зоне" аграрной эволюции.

Иная ситуация сложилась в зоне господства крестьянского хозяйства, где утверждался качественно иной тип аграрной эволюции. Он ставил в центр аграрных отношений не помещика, а свободного крестьянина. Поэтому здесь помещики должны были придать своему хозяйству не только большую динамику, но и с самого начала создавать рациональный доходно-расходный механизм, ибо без него хозяйствование в этой зоне было просто невозможным. Не случайно именно в степной зоне масштабы мобилизации латифундиального землевладения дворян были наибольшими. С другой стороны, крепостничество здесь не успело еще подчинить своему влиянию весь комплекс аграрных отношений, и потому над помещиками не довлела традиция "господского дела". Они вынуждены были сделать свой выбор значительно раньше и решительнее.

Реформирование аграрных отношений растянулось более чем на два десятилетия и по-иному отзывалось на крестьянском хозяйстве. В отличие от помещиков, крестьяне всех разрядов были заинтересованы в скорейшем разрыве старых феодальных уз, связывавших их с Казной, Уделом, барином. Однако перед ними также стояли нелегкие проблемы по организации собственного хо-

зайства. Здесь также прежде всего нужны были деньги, ибо на деньги теперь мерялось все: и земля, и орудия производства, и сам труд.

По подсчетам комиссии для уравнивания денежных сборов в государственной деревне, на обзаведение крестьянского двора необходимо было 196,06 руб.²⁴⁸ Между тем крестьянам предстояла выплата выкупных и прочих платежей, и немалая. В 1860 г. тверское дворянство выступило с идеей создания земского банка, который выдавал бы крестьянам ссуды для выкупа наделов. Идея эта не нашла поддержки. Вот как на нее реагировал свияжский уездный предводитель дворянства: "Я не могу быть уверенным, чтобы освобождаемые крестьяне решились прибегать к его ссудам. Легкость уплаты предполагаемых с них оброков за вечное пользование помещичьей землей, надежда, не лишенная основания, на слабое взыскание за неисполнение их недобровольных обязанностей относительно бывших владельцев, а главное, смутное понятие о праве собственности, все вместе и каждое порознь дает мне грустную уверенность, что крестьяне, за исключением немногих случаев, не прибегнут к ссудам Земского Банка"²⁴⁹.

В момент первых взносов помещичьих крестьян в счет выкупной суммы (усадебная оседлость) в 1863-1864 гг. наступил шок общего безденежья. Мировой посредник Саратовской губернии А.Н.Минх вспоминал, что "крестьяне, совершенно обезденежившие, шли за самую умеренную плату, выданную вперед, на заработки"²⁵⁰. Ростовщики брали от 12 до 24% в год под верные залоги, предлагал деньги банк Френкеля, но на таких условиях, что "каждый заемщик мог быть вполне уверенным, что имение не его, а Френкеля"²⁵¹. Особенно плохо приходилось крестьянам тех имений, где были управляющие. А.Н.Минх описал действия управляющего имениями графа Шереметева в отношении дарственников с. Дмитриевки: крестьяне в бедственные 1864 и 1865 гг. не смогли выплатить за землю, умоляли об отсрочке, но управляющий Уваров обратился к становому приставу Солтовскому, который, "живясь около богатой конторы, тотчас же распорядился задержать весь хлеб на полях. Пошли дожди и стало мочить разбитые ветром крестцы, а мужику не позволено было свозить своего хлеба в гумна..." Воодушевленные таким примером, многие

²⁴⁸ ЦГА Республики Татарстан. Ф. 402. Оп. 1. Д. 4. Л. 46.

²⁴⁹ ЦГА Республики Татарстан. Ф. 407. Оп. 1. Д. 26-а. Л. 12-об.

²⁵⁰ Материалы по крепостному праву. С. 16.

²⁵¹ Там же.

субарендаторы (Эшгольц, Канненберг и другие) сделали то же самое со съемщиками-крестьянами²⁵².

Таблица 47. Распределение поземельной собственности по главным категориям в 1878 г. (тыс. дес. и % %)

	Общее колич.	В пользова-нии крест. общин	В части. собст.	Удель-ные	Казен-ные	Иные
Казанская тыс. дес.	5613,3	3328,2	715,0	37,0	1475,0	58,1
% %	100,0	59,3	12,7	0,7	26,3	1,0
Пензенская тыс. дес.	3402,9	1877,8	1283,8	-	193,0	48,3
% %	100,0	55,2	37,7	-	5,7	1,4
Симбирская тыс. дес.	4275,2	1765,3	1305,5	1045,0	93,3	66,1
% %	100,0	41,3	30,5	24,5	262	1,5
Саратовская тыс. дес.	7391,7	3812,5	2872,9	72,5	364,2	269,6
% %	100,0	51,6	38,9	1,0	4,9	3,6
Самарская тыс. дес.	13508,3	7601,1	3267,4	816,0	1734,5	89,3
% %	100,0	56,3	24,2	6,0	12,8	0,7
Поволжье тыс. дес.	34191,4	18384,9	9444,6	1970,5	3860,0	531,4
% %	100,0	53,8	27,6	5,8	11,3	1,5
Европейская Россия % %	100,0	33,6	23,8	1,9	38,5	2,2

Источник: Статистические таблицы распределения поземельной собственности в Европейской России крестьянских наделов и платежей за землю. Б/м., Б/г. С. 2-5.

Имевшиеся кое-где мирские капиталы были весьма скудны, да к тому же нередко становились добычей алчных господ. Так, крестьяне сел Промзина, Студенца и д. Ольхояки Алатырского уезда подали жалобу на своего помещика Потемкина, присвоившего с помощью управляющего фон-Ренкуля запасный капитал Студенецкой волости в размере 19926 руб. 88 коп. сер. Капитал

²⁵² Там же. С. 16-17.

этот составил из многолетних взносов т.н. рекрутских денег тех крестьян, которые стояли на очереди и в освобождение от нее платили деньги помещику. Поскольку с отменой крепостного права рекрутская повинность помещика не касалась, то деньги эти следует передать волостному правлению на нужды самих крестьян²⁵³. В фондах губернских по крестьянским делам присутствий отложилось немало подобных деп. Рекрутские деньги были немалым уроном для крестьянской семьи, т.к. она платила столько взносов (размером от 300 до 2000 руб.), сколько работников в ней состояло. Так, семья Самойловых (помещица Писарева) в Сенгилеевском уезде в 1851-1855 гг. выплатили 1500 рублей²⁵⁴.

Единственным источником доходов для крестьянина было хозяйство на земле. После реформ 60-х гг. XIX в. крестьянское землевладение осталось доминирующим в регионе (см. табл. 47).

Хорошо видны условия, в которые было поставлено крестьянское хозяйство в смысле землевладения. Их нельзя не признать в целом благоприятнее, нежели в Европейской России, где землепользование крестьян занимало всего 33,6%. В то же время частная собственность на землю обладала большим удельным весом в "помещичьей зоне", что заставляет предположить ее старое, дореформенное происхождение. Место крестьян среди частных землевладельцев других сословий видно из табл. 48.

Таблица 48. Частная личная собственность крестьян всех разрядов в 1878 г.

	Число владельцев		Тысяч десятин		Средний размер владений (дес.)
		%		%	
Казанская	1454	58,4	31,0	4,3	21
Пензенская	2270	48,2	53,1	4,1	23
Симбирская	2456	55,6	56,9	4,4	23
Саратовская	2563	47,1	82,5	2,9	32
Самарская	2619	55,0	364,6	11,2	139
Поволжье	11362	52,1	588,1	6,3	51,8
Европейская Россия	273084	56,7	5005,8	5,5	18

Источник: см. Табл. 47. Статистические таблицы... С. 12-15.

²⁵³ ГАУО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 8. Л. 78 об.

²⁵⁴ ГАУО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 63. Л. 21 об.

Основная масса частновладельческих земель по-прежнему принадлежала дворянам. Ниже 80% они составляли лишь в Саратовской (79,8%) и Самарской (62,5%) губерниях, что подтверждает высказанное выше предположение. Выше здесь (особенно в Самарской) и средние размеры крестьянских владений. Весьма выделяется степная зона, где частное землевладение крестьян оказалось неизмеримо значительнее, во многом оно было составлено из покупок за период 1861-1877 гг. Так, в Самарской губернии за это время ими было приобретено 308605 дес.²⁵⁵ По наблюдениям чиновников, посланных в 1872 г. (одновременно с учреждением Валуевской комиссии) в разные местности России, в том числе и Поволжье, отметили: "общества и отдельные зажиточные крестьяне, занимающиеся сельским хозяйством, стремятся по недостатку луговых и покосных земель, приобретать преимущественно земли пустошные. Кулаки ищут в имениях скорой наживы и потому покупают большей частью имения с лесом, который немедленно вырубает, а землю отдают в аренду под пастбище. Отдельные деревни стараются приобретать те земли, которые были в их пользовании до освобождения крестьян"²⁵⁶.

Поуездные данные, собранные МГИ за период 1861-1877 гг., свидетельствуют о том, что в более крупных масштабах покупались земли именно там, где было много помещичьих имений, оказавшихся неспособными перестроиться на новый лад²⁵⁷:

Бугульминский уезд	33604 дес.	Бузулукский уезд	46705 дес.
Бугурусланский	21494 дес.	Николаевский уезд	93979 дес.
Самарский	9163 дес.	Новоузенский	67337 дес.
Ставропольский	36323 дес.		
Итого	100584 дес.	Итого	208021 дес.

Кроме отдельных состоятельных домохозяев, землю в собственность приобретали общины (см. табл. 49).

И здесь Самарская деревня резко выдавалась из общего ряда. Причем, если покупки государственных, удельных крестьян или колонистов не вызывают удивления, то покупательная активность бывших помещичьих крестьян не имела прецедента в регионе. Все это явные признаки быстрого формирования в степных

²⁵⁵ Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России, собранные по распоряжению министра государственных имуществ. СПб., 1880. Вып. 1. С. 56-57.

²⁵⁶ Материалы для изучения современного положения... С. 8.

²⁵⁷ Там же. С. 56-57.

районах, да и вообще в зоне преобладания крестьянского хозяйства всех разрядов, качественно новых аграрных отношений.

Таблица 49. Земли, прикупленные целыми общинами
1861-1878 гг. (тыс. дес.)

	Быв. госуд. крестьяне	Быв. влад. крестьяне	Быв. удел. крестьяне	Быв. ко- лонисты	Всего
Казанская	10,4	1,0	0,9	-	12,3
Пензенская	2,7	1,0	-	-	3,7
Симбирская	0,2	1,9	0,5	-	2,6
Саратовская	8,2	3,2	0,1	0,1	11,6
Самарская	14,4	13,1	1,8	13,3	42,6
Поволжье	35,9	20,2	3,3	13,4	72,8

Источник: Статистические таблицы распределения... С. 26-27.

Обратимся к надельному землевладению, которое оставалось основным для крестьянина. В исторической литературе давно утвердился тезис о крупных отрезках в помещичьей деревне Поволжья. Недавно Ю.И.Смыков внес весьма существенное уточнение в понимание данного вопроса. Он выделил в общей массе отрезков потери дарственников и установил, что их доля в общих отрезках была: в Симбирской губернии — 58,7%, в Самарской — 59,9%, в Казанской — 77,1%²⁵⁸. В Саратовской губернии, по данным П.П.Семенова-Тян-Шанского, потери дарственников составили 264 тыс. дес. (на дар вышло 110 тыс. рев. душ)²⁵⁹, а в Пензенской — 120 тыс. дес.²⁶⁰ Сам Семенов-Тян-Шанский вспоминал, что дворянские депутаты, участвовавшие на официальных совещаниях в Редакционных комиссиях, в частных беседах говорили о своих особых надеждах на введение дарственного надела: "Дальновидные помещики многоземельных имений Юго-восточной России (Самарской, Оренбургской, Саратовской и Воронежской губерний) были убеждены, что крестьяне их неминуемо попадут в эту ловушку... Само собой разумеется, что крестьяне не могли

²⁵⁸ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. М., 1984. С. 52-59.

²⁵⁹ Семенов-Тян-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857-1861) в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведывающего делами Редакционных комиссий. СПб., 1911. Т. 1. С. 375.

²⁶⁰ Там же. СПб., 1913. Т. 2. С. 95.

предвидеть того, что помещики, землями которых они были окружены со всех сторон, с каждым годом будут повышать земельную плату за отдаваемую ими землю и доведут ее до недоступных крестьянам размеров, как это и случилось впоследствии²⁶¹.

Выходит, что если отбросить дарственные сделки (безусловно грабительские, но добровольные), то потери основной массы крестьян от собственно отрезков выглядят скромнее: в Симбирской губернии по уставным грамотам они потеряли 11,4%, а в Самарской — 13,1% прежней надельной земли²⁶². Семенов-Тянь-Шанский ставит это в заслугу Редакционным комиссиям, не пошедшим на поводу у губернских дворянских комитетов, которые действительно проектировали крупные отрезки. С этим следует, по-видимому, согласиться²⁶³.

Состояние надельного землевладения крестьян разных разрядов на 1878 г. дано в табл. 50, из которой видна общая панорама крестьянского хозяйства: зональные различия в обеспеченности землей и тенденция к измельчанию наделов на наличную душу, уже заметно отклонившихся от ревизских наделов; не менее заметные различия между разрядами и т.п.

Во всяком случае, эти данные убеждают в том, что пройдя через горнило преобразований 60-х гг., часть крестьянства укрепила свои позиции в аграрном строе. Прежде всего, это государственная и удельная деревня. В Самарской губернии, где у этих разрядов было в среднем 26,5 дес. на двор, их фермерская перспектива не вызывает никаких сомнений. Очень близким было положение государственной деревни Саратовской губернии. Это и есть демократическое ядро крестьянской экономики в Поволжье.

Из помещичьего крестьянства более или менее благоприятные шансы опереться на свой надел имели только самарские, главным образом, в южных уездах.

Средние данные, представленные в табл. 50, не дают возможности провести подсчеты численности крестьян, ближе всех стоявших к крупному свободному земледелию на надельной земле. Более выразительна в этом отношении табл. 51, дающая группировку (правда, довольно грубую), отклоняющуюся от средних цифр.

Почти 35% ревизских душ всех разрядов были наделены землей значительно выше средних норм. В Самарской губернии наде-

261 Там же. С. 91.

262 Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья... С. 53, 56.

263 Семенов-Тянь-Шанский объяснял неуступчивость Редакционных комиссий убеждением реформаторов в том, что крестьяне имели "обычное право" на часть имения. — См.: Семенов-Тянь-Шанский П.П. Эпоха освобождения... Т. 1. С. 377.

пами свыше 10 дес. на рев. душу была обеспечена треть государственного и удельного крестьянства. В остальных губерниях эта цифра скромнее, но также достаточно высока. Совсем немного было таких счастливиц среди бывших помещичьих, но зато они преобладали в той части деревни, которая была обречена на прозябание с наделом менее 2,5-3,5 дес. на душу.

Таблица 50. Крестьянское наделное землевладение в 1878 г.
(Удобная земля. Тys. дес.)

	Бывшие государственные и удельные крестьяне						
	Число дворов	Число душ м.п.		Кол-во земли на душу			
		Ревиз.	Наличн.	Всего тыс. д.	На двор	Рев. дес.	Нал.
Казанская	239,2	558,1	652,9	2908,5	12,1	5,2	4,5
Пензенская	82,2	236,1	285,5	1170,2	14,2	4,9	4,1
Самарская	193,8	520,4	640,7	5143,8	26,5	9,8	8,1
Саратовская	118,7	299,7	385,6	2089,5	17,6	6,1	5,3
Симбирская	104,2	273,8	338,8	1163,3	11,2	4,2	3,3
Поволжье	738,1	1888,1	2303,5	12473,3	16,9	6,6	5,4
	Бывшие владельческие крестьяне						
	Число дворов	Число душ м.п.		Кол-во земли на душу			
		Ревиз.	Наличн.	тыс.д.	двор	дес.	
Казанская	38,6	95,3	110,8	255,3	6,6	2,7	2,3
Пензенская	91,2	248,1	287,7	624,9	6,9	2,5	2,2
Самарская	35,8	88,3	104,5	313,0	8,8	3,5	2,9
Саратовская	118,9	239,1	359,5	834,2	7,0	2,8	2,3
Симбирская	76,3	198,6	231,0	530,0	6,9	2,7	2,3
Поволжье	360,8	923,4	1093,5	2257,5	7,1	2,8	2,3

Источник: Статистические таблицы распределения... С. 20-21.

Самый грубый подсчет показывает, что потенциально фермерская часть деревни включала в первые пореформенные годы 968,2 тыс. душ м.п., щедро наделенных землей. К ним следует отнести еще 350,8 тыс. душ государственных крестьян, чей надел

Таблица 51. Группировка крестьян по размерам наделов

	Крупные наделы			Средние наделы			Малые наделы			Общ. число ревизских душ (тыс.)
	выше среднего на душу	число душ (тыс.)	% к общ. числу	средн. на рев. душу (дес.)	число душ (тыс.)	% к общ. числу	средн. на рев. душу (дес.)	число душ (тыс.)	% к общ. числу	
<u>Казанская</u>										
- быв. гос. и удель.	5	276,1	49,4	2,5-5,0	177,3	31,6	2,5	104,7	19,0	558,1
- быв. владельч.		0,9	0,9		54,7	16,1		39,7	41,6	95,3
Все разряды		277,0	42,3		232,0	28,5		144,4	29,2	653,4
<u>Пензенская</u>										
- быв. гос. и уд.	4	175,4	74,3	2,5-4,0	56,3	24,8	2,5	44,0	1,9	236,1
- быв. владельч.		8,4	3,3		141,7	57,2		98,2	39,5	248,1
Все разряды		183,6	38,0		198,0	40,8		102,6	21,2	484,2
<u>Самарская</u>										
- быв. гос. и удель.	10	175,2	33,6	3,5-10,0	242,0	46,6	3,5	103,2	19,8	520,4
- быв. владельч.		3,3	2,6		43,2	49,0		42,8	48,4	88,3
Все разряды		177,5	29,0		285,2	47,0		146,0	24,0	608,7
<u>Саратовская</u>										
- быв. гос. и удель.	6	189,4	63,2	2,5-6,0	108,8	46,3	2,5	1,5	0,5	299,7
- быв. владельч.		1,9	0,6		158,4	54,1		132,8	45,3	293,1
Все разряды		191,3	32,3		267,2	45,1		134,3	22,6	592,8
<u>Симбирская</u>										
- быв. гос. и удель.	4	128,0	46,5	2,5-4,0	134,7	49,8	2,5	11,1	4,0	273,8
<u>Поволжье</u>										
- быв. гос. и удель.		944,1	50,0		719,1	38,1		264,5	14,0	1888,1
- быв. владельч.		24,1	2,6		507,7	55,0		391,6	42,4	923,4
Все разряды		968,2	34,7		1226,8	43,9		616,5	22,1	2791,5

Источник: Статистические таблицы распределения... С. 30-38.

колебался от 4 до 10 дес., а также 2613 душ казаков и 111761 душ м.п., т.е. свыше 50% всего ревизского мужского населения региона²⁶⁴.

Исчерпывающий ответ на вопрос о степени развития фермерских черт в крестьянском хозяйстве могли бы дать подробные бюджетные обследования, но они появились много позже, уже на новом этапе эволюции крестьянской экономики.

ГЛАВА IV. НОВЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Основные направления аграрного развития России окончательно определились в последнее двадцатилетие XIX в., когда освобожденные от всех юридических пут крепостного наследия помещичье и крестьянское хозяйства сделали свой первый вполне самостоятельный шаг. 80-90-е гг. оказались далеко не самым благоприятным временем для сельского хозяйства. Промышленный подъем резко контрастировал с угнетенным состоянием земледелия. Таможенный протекционизм крайне негативно воспринимался сельскими хозяевами — экспортерами хлеба. Дворянские собрания бурно протестовали против политики министерства С.Ю.Витте²⁶⁵. Падение хлебных цен на европейском рынке, вызванное экспансией дешевой заокеанской пшеницы, еще более обостряло проблему. Крестьянское хозяйство, придавленное бременем налогов и выкупных платежей, особенно остро переживало неурожайные годы, среди которых самым страшным оказался голодный 1891 г. Неудивительно, что в глазах общества негативные явления заслонили собой всякое позитивное движение деревни. Господствовало впечатление упадка и деградации крестьянского хозяйства, разорения помещиков. Ученые и публицисты заговорили об оскудении центра России²⁶⁶.

²⁶⁴ Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. С. 204-205.

²⁶⁵ См.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861-1904 гг. М., 1979. С. 254-284.

²⁶⁶ См.: Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. С. 124-126; Заломанов Н.П. Дворянское землевладение и меры к его сохранению и развитию: Историческая справка. СПб., 1899. С. 20, и сл.; Ермолов А.С. Современные сельскохозяйственные вопросы: Этюды из области сельского хозяйства и статистики. Вып. 1. М., 1891. С. 6; В.А. К дворянскому вопросу // Русское Богатство. 1897. № 11. ДС. 1-16 и др. Такому впечатлению во многом способствовали выводы правительственных комиссий и земских органов. — См.: Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1; Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903.

Между тем, именно в конце XIX в. сложилась та качественно новая ситуация, из которой затем, после событий 1905-1907 гг., вышел мощный подъем зернового (и вообще сельскохозяйственного) производства и хлебного экспорта России. Сформировалась в основных чертах кредитно-финансовая система: наряду с словянскими Дворянским и Крестьянским банками, быстро выростала сеть акционерных ипотечных банков, которые уже поделили сферы влияния. Наконец, пришла в движение земля, перетекавшая в руки хозяев нового типа. Процесс мобилизации земли в равной мере затрагивал интересы как помещиков, так и крестьян, во многом определяя их будущее. По Поволжью наиболее основательно он показан в исследовании П.С.Кабытова²⁶⁷.

Для дворян-помещиков мобилизация означала утрату части земли, ибо они были главными ее продавцами. К концу 80-х гг. убыль дворянской земли стала вызывать у господствующего сословия тревогу. Спустя несколько лет о ней во весь голос заговорили на съездах губернских предводителей дворянства в Москве²⁶⁸. В Поволжье убыль выразилась в следующих цифрах: 1791,6 тыс. дес. за период 1863-1882 гг. и 1918,8 тыс. дес. за период 1883-1902 гг.²⁶⁹ Основная масса утраченной дворянами площади пришлось на многоземельные губернии — Самарскую и Саратовскую. Причем, в южных, степных уездах процесс мобилизации шел с опережающими темпами как по площади так и по количеству имений: за период 1867 по 1902 гг. в трех уездах (Бузулукском, Николаевском и Новоузенском) дворяне лишились 290 имений площадью в 916316 дес., а в остальных четырех — 111 имений и 287586 дес.²⁷⁰ К 1905 г. дворяне Поволжья владели следующими земельными ресурсами²⁷¹:

Казанская губерния	705 имений	457,9 тыс. дес.
Пензенская	1250	787,0
Симбирская	1046	632,7
Самарская	810	926,0
Саратовская	1275	1311,2

Т. 13. (Казанская губерния), Т. 29. (Пензенская губерния), Т. 35 (Самарская губерния), Т. 37 (Саратовская губерния), Т. 38 (Симбирская губерния). На деградацию крестьянского хозяйства указывает Д.Байрау. — См.: Байрау Д. Янус в лаптях. С. 21.

²⁶⁷ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье. С. 28-55.

²⁶⁸ РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 87. Л. 123.

²⁶⁹ Подсчитано по: Кабытов П.С. Аграрные отношения. С. 32.

²⁷⁰ Подсчитано по: ГАСам.О. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1405. Л. 37.

²⁷¹ Кабытов П.С. Аграрные отношения. С. 38.

Означала ли убыль землевладения оскудение дворянства? На этот вопрос исчерпывающий ответ дает динамика земельных цен. Во всех губерниях земля дорожала (средние цены на землю по пятилетиям в руб. за 1 дес.)²⁷²:

	1863-1867 гг.	1878-1882 г.	1898-1902 гг.
Пензенская	23,96	45,61	83,60
Саратовская	24,00	37,97	78,10
Казанская	18,77	31,20	73,40
Симбирская	24,00	35,84	67,70
Самарская	7,65	15,22	43,68

Если перевести дворянское землевладение в стоимостное выражение и сопоставить данные за 1877 и 1905 гг., то получается следующая картина:

	на 1877 г. (тыс. руб.)	на 1905 г. (тыс. руб.)
Пензенская	49122,0	65793,2
Саратовская	67700,5	99577,5
Казанская	18423,6	33609,9
Симбирская	42040,3	42833,8
Самарская	30942,3	40447,7
По региону	208228,7	282262,1

Фактически, несмотря на сокращение земли у дворян, их экономическая мощь даже возросла и весьма существенно. Правда тут же необходимо заметить, что эта мощь в значительной степени была потенциальной в экономическом смысле. Насколько она была реализована — это весьма сложный вопрос, к которому мы теперь переходим.

Как было отмечено, помещичье землевладение охватывало наиболее плодородные земли края, хорошо обводненные, покрытые лесными пространствами, богатые сенокосными и прочими угодьями. К концу XIX в. эти преимущества дворян во многом сохранились, что видно из табл. 52.

Географический фактор безусловно влиял на состав угодий у помещиков: удельный вес лугов и выпасов в степных губерниях Самарской и Саратовской был более высоким, в лесных губерниях Казанской и Симбирской преобладали лесные массивы. Но

²⁷² Подсчитано по: Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XIII. СПб., 1907. Табл. IV.

главное состоит в том, что в имении помещика были представлены все основные угодья, позволявшие развернуть многоотраслевое полноценное сельское хозяйство, прежде всего земледельческое.

Таблица 52. Состав угодий в помещичьем хозяйстве Поволжья в конце XIX в. в % к удобной земле в имении

Губернии	Пашня	Луга, выгоны	Усадьбы, огороды	Лес
Самарская	38,6	49,3	0,4	11,7
Пензенская	61,3	9,3	1,1	28,3
Казанская	48,4	15,4	1,1	35,1
Симбирская	51,6	8,6	0,9	38,9
Саратовская	58,5	20,8	1,3	19,4
По региону	51,7	20,7	0,8	26,7

Источник: Короленко А.С. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. СПб., 1892. С. 45-46.

Вторым фактором, значение которого существенно выросло, был ипотечный кредит. В конце века возможности дворян получить относительно дешевый кредит были намного шире. Инициатива в этом вопросе принадлежала государству, которое стремилось создать максимально благоприятные финансовые условия для помещиков²⁷³. Идя навстречу их пожеланиям, правительство снизило ссудный процент до 3,5%. Государство стало терпеть убыток: доходы от закладных листов, получаемые Дворянским земельным банком, стали отставать от расходов на выдачу ссуд. Новые 3,5% закладные листы не пользовались популярностью на денежном рынке Европы. Правительство снабдило их льготами: полное освобождение от всяких русских налогов, отказ от права на долгосрочный выкуп первого выпуска и от права на усиленное их погашение. Наконец, новым бумагам было дано особое обеспечение "всеми средствами в распоряжении правительства состо-

²⁷³ См. подробнее: Савельев П.И. Протекционистская политика самодержавия по отношению к помещичьему дворянству в пореформенный период // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 77-82.

ящими, т.е. обязательствами правительства производить в случае надобности уплату процентов и погашения по сим листам"²⁷⁴.

Дворянский банк создавался изначально как благотворительное по отношению к помещикам учреждение, которое не смогло бы существовать без вливаний из казначейства. Операции с ценными бумагами Дворянского банка принял на себя Государственный банк России. Он скупил на бирже значительное количество залладных листов частных банков и отпускал эти листы Дворянскому банку по средней, а не по биржевой цене, что было прибыльно, ибо бумаги частных банков шли в рост. Ущерб понес сам Госбанк. Он вынужден был привлекать на эти операции наличные средства и сокращать прибыльные для себя операции по кредитованию торговли и промышленности. Чтобы поддержать Госбанк, правительство решило передать ему акты дореформенных кредитных установлений (процентные бумаги на сумму в 76 млн. руб.). Разницу в 2% (5% вместо прежних 3%) казначейство возмещало из своих средств — ежегодно 1860 тыс. руб. Эта сумма выражала "пожертвование государственного казначейства в целях поддержки дворянского землевладения"²⁷⁵. По справедливому замечанию П.П.Мигулина, Дворянский банк "начал свою деятельность и ознаменовал это начало временным лишением государственного банка его наличных средств, необходимых для развития коммерческих операций"²⁷⁶.

Продолжали свои операции акционерные банки. Они были учреждены по большей части дворянами, как и общества взаимного кредита, а затем уже к участию в них были приглашены капиталисты (среди учредителей видим имена князя А.В.Черкасского, князя Голлицына, А.Ф.Бантыша, Т.Д.Колокольцова, князей Оболенских, И.А.Васильчикова, графа Орлова-Денисова и др.). Однако, несмотря на более низкие платежи заемщиков акционерных банков, помещики не могли воспользоваться их кредитом, т.к. погасить довольно высокий долг ОВПК было никак невозможно. Поэтому среди влиятельных дворян созрела идея передачи ОВПК Дворянскому банку, чего они и добились. Наконец, помещикам

²⁷⁴ Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1903). Опыт историко-критического обзора. Т. III. Вып. IV. Банковская политика и государственный ипотечный кредит в 1895-1902 гг. Харьков, 1904. С. 902.

²⁷⁵ Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1899). Т. I. Харьков, 1899. С. 534.

²⁷⁶ Там же. С. 535. Такой льготный и безотчетный кредит Мигулин объясняет тем, что "дворянство было признано на новую государственную службу — занятие сельским хозяйством в своих имениях" — Там же. С. 536.

удалось добраться и до самого Госбанка. Последний вынужден был приступить к выдаче ссуд под соло-векселя, которые против воли банка, наперекор всей его политике, из коммерческих стали быстро превращаться в долгосрочные.

Таблица 53а. Ипотечное кредитование частного землевладения в Поволжье на 1 января 1896 г. Дворяне

Губернии	Земли в собственности тыс. дес.	В закладе тыс. дес.	%% заложено
Пензенская	907	456	50
Казанская	397	325	82
Симбирская	978	425	43
Саратовская	1654	848	51
Самарская	1413	718	51
По региону	5349	2772	52
По России	55486	19623	35

Таблица 53б. Ипотечное кредитование частного землевладения в Поволжье на 1 января 1896 г. Инословные владельцы

Губернии	Земли в собственности тыс. дес.	В т.ч. куплено до 1895 тыс. дес.	Залож. тыс. дес.	%% залож.	%% залож. к куплен.
Пензенская	376	337	345	92	100
Казанская	383	383	100	26	226
Симбирская	325	286	271	85	95
Саратовская	1097	832	741	68	89
Самарская	1841	1111	485	26	44
По региону	4022	2949	1942	48	66
По России	36985	24683	19654	53	80

Масштабы пользования ипотечным кредитом и полученные при этом денежные средства на развитие дворянского помещичьего хозяйства были велики. В целом по региону в залоге было 2637 имений площадью 2772 тыс. дес., т.е. 58,4% всего землевладения дворян на 1896 г. Полученная ссуда составила 76960 тыс.

руб. Из всей заложенной земли 76,7% состояло в Дворянском земельном банке²⁷⁷. В четырех губерниях из пяти средняя сумма ссуды была выше 30 руб. за дес., а в Пензенской губернии она была наивысшей — 38,02 руб. Лишь в Самарской она была намного ниже — 14,58 руб.²⁷⁸

Кроме дворян, кредитом пользовались частные землевладельцы из других сословий. Если сопоставить их залого с дворянскими, получается следующая картина (см. табл. 53 а, б).

Иносословные владельцы (купцы, крестьяне, мещане) в целом охотнее дворян пользовались ипотечным кредитом. Причем, они заложили купленную землю либо покупали уже заложенную землю дворян, принимая на себя лежащие на земле долги. Из общей площади проданной иносословным лицам в Самарской губернии к 1901 г. (218214 дес.) 77,9% (169954 дес.) было отчуждено с долгом Дворянскому банку с правом погашения его в течение 10 лет на льготных, дарованных дворянству²⁷⁹. Сумма ссуд, приходившихся на новых помещиков-недворян, составила к 1896 г. 50577 тыс. руб. Лишь в двух губерниях они стремились обойтись без ипотеки — в Казанской и Самарской. Наконец, отметим, что кредитом в ипотечных банках пользовались в основном крупные землевладельцы, что явствует из данных о среднем размере заложенных имений:

Пензенская губ.	676 тыс. дес.	Саратовская губ.	1023 тыс. дес.
Казанская губ.	669 тыс. дес.	Самарская губ.	1790 тыс. дес.
Симбирская губ.	667 тыс. дес.		

Ипотечный кредит вытеснял из аграрной сферы своего хищного предшественника — частного кредитора-ростовщика и создавал условия для подъема помещичьего хозяйства, однако вопрос о том, насколько благотворным было его воздействие, остается пока открытым. Окончательный вывод можно сделать только после анализа самого хозяйственного развития. Но можно отметить, что задолженность дворянского землевладения не только не снизилась, но даже и возросла. Вот данные о долгах частных землевладельцев различным банкам накануне реформы и в конце столетия²⁸⁰:

²⁷⁷ Подсчитано по: Хрулев С.С. Наш ипотечный кредит. С. 140-143.

²⁷⁸ Там же. С. 136-137.

²⁷⁹ ГАСам.О. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1405. Л. 38.

²⁸⁰ Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. Т. II. СПб., 1891. С. 100, 124; Т. III. Вып. 1. СПб., 1893. С. 42.

Губернии	1859 г. (тыс. руб.)	1889 г. (тыс. руб.)	1892 г. (тыс. руб.)
Пензенская	13655,9	27001,9	28200,5
Казанская	4820,4	10203,9	11588,1
Симбирская	10667,2	18965,9	21733,4
Саратовская	15849,5	37298,3	42770,7
Самарская	4211,6	12023,3	14879,2
По региону	49204,6	105493,3	119162,9

Представленные здесь внушительные суммы далеко не полностью попадали в руки заемщиков. Сначала удовлетворялись права прежних кредиторов. Так например, по 20 законченным расчетами к 1 января 1888 г. сделкам самарских помещиков с Дворянским банком было разрешено ссуд на сумму в 995300 руб., а на руки заемщикам выдано всего около 275800 руб., т.е. всего 27,7%. Остальные же деньги пошли на уплату долгов Нижегородско-Самарскому банку — 393500 руб., по частным закладным и векселям — 242000 руб., городскому общественному банку и Госбанку — 74900 руб., и около 9000 руб. — на покрытие казенных недоимок и земских сборов. В результате задолженность в Самарской губернии достигла в имениях площадью: от 100 до 1000 дес. 66,3%; от 1000 до 5000 дес. — 81%; более 5000 дес. — 86%²⁸¹. На 1 января 1902 г. из 307 имений Самарской губернии, состоявших в залоге у Дворянского банка, 41 было обременено долгами, произведенными по вторым закладным²⁸², в Симбирской — из 507 заложенных 63 были в таком положении²⁸³. Уровень задолженности по каждому имению в таких случаях превышал 80%. Общероссийская ситуация была близка к описанной. По данным Дворянского банка, в Европейской России в 1888 г. полученные ссуды расходовались: на уплату долгов 59,8%, удержано банком 5,5%, выдано на руки 34,7%²⁸⁴. Современники из числа специалистов утверждали также, что "большая часть ссуд, выданных акционерными земельными банками, пошла на удовлетворение частных кредиторов, взимавших чрезвычайно высокий про-

²⁸¹ Итч.-в. Движение дворянской помещичьей собственности в Самарской губернии с 1866 по 1885 г. // Экономический журнал. СПб., 1893. Кн. 9-10. С. 20-23.

²⁸² ГАСам. О. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1405. Л. 39.

²⁸³ Там же. Д. 1315. Л. 2 об.

²⁸⁴ Сборник сведений по России. 1890 г. СПб., 1890. С. 204.

цент, доходивший по закладным до 18%²⁸⁵. Таким образом, можно констатировать, что реальных денег, которые могли быть пущены с оборот, помещики получили не более трети указанной суммы в 119,2 млн.руб. Вместе с тем, новая задолженность оказалась тяжелее, т.к. при всей благотворительности кредита предстояло его возвращать с процентами, его нельзя было перепожить на крепостные души, как в 1861 г. В таких условиях ипотека становилась побудительной причиной для продажи задолженной земли. По данным самарского губернского предводителя дворянства А.А.Чемодурова, отчуждение дворянских земель происходило в силу следующих причин: а) повышение продажных цен — 55,2%; б) крупная задолженность имений — 28%; в) дробление целых имений при переходе их по наследству — 16,8%²⁸⁶.

Оборотистые купцы, перешедшие к собственному сельскому хозяйству, вновь оказались более расчетливыми хозяевами. Ипотечный кредит во многом способствовал их процветанию, хотя возможности для льготных ссуд они не имели. Благодаря уникальной документации соло-вексельного кредита Госбанка, о которой говорилось во введении, мы имеем возможность сравнить двух заемщиков — купчиху А.М.Неклютину и дворянина С.Р.Данненберга, приложивших соло-вексельный кредит к своему хозяйству.

Купчиха Неклютина владела семью участками общей площадью в 42751 дес. в Бузулукском и Николаевском уездах Самарской и Оренбургском уезде одноименной губернии²⁸⁷. В 1887 г. она обратилась в Самарское отделение Госбанка с заявлением о ссуде под соло-вексель, обеспеченный имением в Бузулукском уезде с оборотным капиталом в 150 тыс. руб. Учетно-ссудный комитет постановил открыть ей кредит в 100 тыс. руб.²⁸⁸ Управление банка, куда был направлен протокол заседания комитета, разрешило лишь 64 тыс. В ноябре 1890 г. самарское отделение просило увеличить кредит до 100 тыс. Обратный капитал (кассовый расход) по имению возрос к этому времени до 161750 руб. Просьба была объяснена стремлением "охранить интересы хозяйства и не допустить необходимости продавать произведения имения в явный убыток"²⁸⁹. Управление банка отказалось удовлетворить ходатайство. В декабре 1896 г. учетный комитет отделения сократил соло-вексельный кредит Неклютиной, как "не обнару-

²⁸⁵ Хрулев С.С. Наш ипотечный кредит. С. 19.

²⁸⁶ ГАСам.О. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1405. Л. 39.

²⁸⁷ ГАСам.О. Ф. 276. Оп. 1. Д. 93.

²⁸⁸ Там же. Л. 6-9.

²⁸⁹ Там же. Л. 33.

живший достаточной подвижности". Дело было в том, что заемщица держала все денежные поступления от хозяйства на текущем счету отделения Волжско-Камского банка вместо того, чтобы вносить их в частичное погашение долга отделению Госбанка. В своем отчете заемщица писала: "Я имею имение стоимостью в 400000 руб. и нигде не заложенное, произвожу крупную торговлю хлебом с годовым оборотом до 500000 руб. и соответствующий капитал; поэтому полагаю, что я в своих интересах могла и должна была пользоваться кредитом правильно"²⁹⁰. Как видим, Неклютина имела свое мнение о том, как следовало распорядиться ссудой, и отвергала критику чиновников банка. Главное для нее — рост производительного капитала имения. Тем не менее, правление банка отказалось восстановить кредит в прежнем размере.

После аграрных потрясений 1905-1907 гг. отношения заемщицы с банком потеплели. В 1908 г. по ее просьбе банк разрешил перенести обеспечение залога по соло-вексельному кредиту с прежнего имения на другое, находившееся в Николаевском уезде, с сохранением кредита в 44800 руб. Весной 1912 г. был произведен осмотр всех семи имений Неклютиной с составлением оценочной и поверочной описей на каждое имение²⁹¹. Кредит явно пошел на пользу хозяйству. Оно расширилось. В декабре заемщица сообщала отделению: "В хозяйстве со времени осмотра произошли следующие изменения: в текущем году запахано для посева на 1913 г. земли 6690 дес., т.е. больше прошлого года на 700 дес., также предполагается и весновспашка приблизительно до 600 дес. Сдача участков в арендное пользование значительно уменьшится, а увеличится травokoшение. В настоящее время обращено внимание на разведение коневодства и скотоводства, достигшего до 3700 голов, считая в этом числе рабочего рогатого скота 2450 голов"²⁹².

В августе 1912 г. ссуда была увеличена до 125000 руб. с сохранением торгового кредита. В октябре 1913 г. имение "Перовское", служившее обеспечением соло-векселя, было заложено в Нижегородско-Самарский банк, причем ссуда Госбанка была сохранена в прежнем размере. В ноябре 1913 г. запрещение отделения Госбанка, наложенное на имение, было снято, ссуда по соло-вексельному кредиту была погашена полностью. В одном из своих последних отчетов Неклютина заявила, что "ведение сельского хозяйства будет продолжаться с увеличением площади по-

²⁹⁰ Там же. Л. 35.

²⁹¹ Там же. Л. 10-132.

²⁹² Там же. Л. 136.

сева, разведением скотоводства и приобретением более усовершенствованных сельскохозяйственных машин"²⁹³. Таким образом, ипотечный кредит в данном случае способствовал расширению и укреплению хозяйства.

Иначе выглядит история соло-вексельного кредита дворянина Самарского уезда С.Р. Данненберга. В заявлении о желании пользоваться кредитом в Самарском отделении Госбанка, написанном 29 октября 1894 г., помещик указал, что ссуда ему требуется на предмет расширения сельского хозяйства, ремонт и возведение необходимых для сельского хозяйства построек, а именно: для перехода от трехпольного хозяйства к шестипольному с целью повысить правильным севооборотом производительность посевной площади"²⁹⁴. Имение Данненберга площадью в 485 дес. находилось в Богдановской волости при с. Алакаевка²⁹⁵. В апреле 1895 г. отдел по сельскохозяйственным кредитам инспекции Госбанка дал Самарскому отделению разрешение на предоставление кредита в сумме 2900 руб. Ко времени получения ссуды имение было заложено у частного лица (дворянина С.С. Лаврова), и долг по этому залому составлял 2000 руб.²⁹⁶ В 1896 г. помещик сообщил отделению, что кредит дал возможность увеличить посев ржи с 13 до 50 дес. и подготовить осенней пашни для посева яровых хлебов 58 дес. вместо бывших 25 дес. Подсчеты Данненберга за первый год пользования кредитом показывают, что денег едва хватало, чтобы покрыть расходы по хозяйству и уплату повинностей. Пытаясь предупредить санкции отделения, помещик в феврале 1897 г. обратился непосредственно к управляющему банком²⁹⁷. Посетовав на неурожай 1896 г., давший "низкопробное зерно", сославшись на то, что фактические затраты были произведены соответственно первоначальному размеру ссуды в 4000 руб. (не утвержденному правлением банка и сокращенному до 2900 руб.), Данненберг дерзко заявил, что "таким образом соло-вексельный кредит оказывается не поддержкой землевладельцев-посевщиков, а орудием тяжелой кяры за неблагоприятные климатические условия сельского хозяйства"²⁹⁸.

²⁹³ Там же. Л. 154.

²⁹⁴ Там же. Д. 130. Л. 1.

²⁹⁵ Там же. Л. 2, 6.

²⁹⁶ Там же. Л. 24.

²⁹⁷ Учетно-ссудный комитет уже сократил к этому времени ссуду на 30% с обязательством внести до марта 1897 г. 1050 руб. — Там же. Л. 38.

²⁹⁸ Там же.

Учетный комитет проявил максимум терпения и благосклонности к помещику, который уже не мечтал о шестипольном севообороте и ужасом думал о том, что "покрытое снегом имение невозможно продать без тяжких потерь"²⁹⁹. В этих условиях Данненберг вновь обратился к частному кредиту. Одновременно он засыпал отделение Госбанка просьбами об отсрочках в уплате долгов по ссуде. Дважды учетный комитет удовлетворял его просьбы, однако и это не спасло помещика от разорения. Ему пришлось ликвидировать собственное хозяйство. В одном из отчетов за 1898 г., заполненных бесконечными просьбами о рассрочке долговых платежей, он признавался: "Вследствие целого ряда тяжких в сельскохозяйственном отношении лет, а в особенности 1896 г., я значительно сократил посев и вообще хозяйство, перейдя к сдаточной системе, а также сдал в аренду и принадлежащую мне водяную мельницу, оставив лишь известковое производство как одно из подспорий промышленных отделов хозяйства"³⁰⁰. Так имение Данненберга приходило в упадок, несмотря на кредит. Арендаторы-крестьяне тоже тянули с платежами по своей бедности. На помощь запутавшемуся в долгах помещику пришел Дворянский банк. Имение у с. Алакаевки было перезаложено местным отделением по специальной оценке (применялась только к имениям с относительно крепким хозяйством помещика) в 54333 руб. с выдачей ссуды в 27100 руб. Отделение Госбанка со своей стороны предъявило Данненбергу судебный иск. 27 мая 1907 г. судебные издержки вместе с долгом были с него взысканы³⁰¹.

Таков нерадостный итог кредитования. Ко времени обращения владельца в Госбанк в имении сдавалось в аренду 26,5% пашни и 33,6% сенокоса на испольных условиях. На остальной части земли велось трехпольное хозяйство. Из Дворянского банка он получил на руки 16100 руб., но и они не пошли на пользу. 19 голов рабочего скота при полном отсутствии инвентаря — вут и вся его материально-производственная база.

Еще один крупный источник денежных поступлений для помещиков представляли собой выкупные платежи. Положением 28 декабря 1881 г. выкупная операция вступила в завершающую стадию. Крестьяне переводились на обязательный выкуп и до совершения выкупной сделки должны были вносить оброчные платежи не помещику, а в казначейство. Помещики же получали твердо

²⁹⁹ Там же. Л. 44.

³⁰⁰ Там же. Л. 51.

³⁰¹ Там же. Л. 101.

гарантированные 80% выкупной суммы от государства³⁰². Ситуация в Поволжье видна из следующих данных (см. табл. 54).

Таблица 54. Выкупная операция в Поволжье по Положению 1881 г.

	Число оставшихся временнообязанных на 1 января 1883 г.		Число сделок, утвержденных Главн. выкупн. учрежд-м	Число ревиз. душ, присутствующих к выкупу к 1891 г.	Разрешенная выкупная сумма (тыс. руб.) на 1 января 1891 г.
	рев. душ.	%			
Казанская	35482	38,7	576	62723	6742,2
Пензенская	71513	28,4	1483	203902	20682,9
Самарская	48845	51,0	468	50568	5660,8
Саратовская	139730	45,6	1481	183993	19308,8
Симбирская	61393	30,5	1167	151786	15755,9
По региону	365963	37,5	5175	652972	68150,6

Источник: Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881-1904. М., 1980. С. 41-42; Статистические таблицы распределения поземельной собственности в Европейской России, крестьянских наделов и платежей за землю. Б.м., б.г. С. 102-103.

В целом по Европейской России помещики получили 64,5% всей выкупной суммы. Если взять для Поволжья более скромный (и намеренно заниженный) уровень в 60%, то сумма реальных поступлений от выкупной операции к 1891 г. составит 40890,4 тыс.руб. Сумма немалая для чуть более пяти тысяч помещиков. С.С.Хрулев, анализировавший выкупную операцию, подметил, что в первые двенадцать лет после реформы к выкупной сделке стремились наиболее задолжавшие помещики, но они оказались в самом невыгодном положении, т.к. большую часть выкупной суммы "съели" старые долги, и потеря на курсе выкупных свидетельств сказалась именно на них. "В иных условиях, — пишет далее Хрулев, — находились те помещики, которые не имели долгов или долги которых не требовали немедленного приступа к выкупу; они взамен выкупа могли пользоваться временно-обязательным

³⁰² См.: Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881-1904. М., 1980. С. 35-36.

трудом своих бывших крестьян и могли пережить свободно это время"³⁰³. Следовательно, второй этап выкупной операции был значительно выгоднее для помещиков, ибо их отчисления по долгам и потери по курсу были сведены к минимуму.

Таким образом, возможности привлечения денежных средств для развития помещичьего хозяйства в последнее двадцатилетие XIX в. стали качественно иными, несравненно более благоприятными. Дворяне получили новый шанс для успешного хозяйственного строительства. Поскольку имение могло развиваться только как крупное хозяйство, у него был единственный путь выживания — путь коммерциализации.

Прежде всего вычленим из общей массы имений те, в которых велось собственное хозяйство владельца. Обратимся к статистике Дворянского банка, содержащей наиболее достоверные данные на этот счет³⁰⁴. В удобном для нас виде они сведены в материалах Комиссии 1901 г. (см. табл. 55).

Если признать сведения Дворянского банка достаточно представительной выборкой из генеральной совокупности, то вывод однозначен: более половины имений к концу XIX в. были сданы в аренду в полном составе. Заметен также общий рост числа таких имений, особенно в южных губерниях региона. Последняя строка таблицы указывает на то, что эта проблема не была чисто региональной, она стала общероссийской. Столь массовый характер сдачи имений в аренду в полном составе не может быть объяснен какими-либо приходящими, внешними либо случайными причинами. Во всей России половина помещиков оказалась неспособной к новой "государственной службе" на поприще сельского хозяйства. Дальнейшая судьба сданных имений не отражена в известной ученым статистике. Более или менее определенно можно сказать, что чаще всего владелец стремился иметь дело с возможно меньшим числом арендаторов — либо с купцом, либо с соседней общиной крестьян. Можно также утверждать, что в этом случае исключалась отработочная аренда, т.е. помещик не имел запашки. Чаще всего это была аренда денежная, либо из доли урожая. Наконец, она была как правило долгосрочной. Все негативные явления в аренде (особенно хищническая погодная сдача земли) могли развиваться при субаренде, т.е. когда крупный арендатор делил

303 Хрулев С.С. Наш ипотечный кредит. С. 11.

304 Источниковедческий анализ публикаций Дворянского земельного банка см.: Елисева Н.В. Новый источник по истории помещичьего хозяйства Европейской России конца XIX в. // История СССР. 1976. № 5.

снятое имение на клочки, иногда даже подесятинно, и ссужал их малоземельным и задавленным нуждой мелким арендаторам.

Таблица 55. Способы хозяйствования у заемщиков Дворянского банка (в % к общему числу заложенных имений)

Губернии	1886-1890 гг.			1891-1895 гг.			1896-1900 гг.		
	За-счет влад.	Сда-чей в арен.	Сме-шан-но	За-счет влад.	Сда-чей в арен.	Сме-шан-но	За-счет влад.	Сда-чей в арен.	Сме-шан-но
Самарская	29	27	44	25	37	38	26	61	13
Казанская	25	46	29	28	40	32	26	44	30
Симбирская	30	38	32	37	34	29	31	40	29
Пензенская	30	48	22	23	54	23	29	46	25
Саратовская	23	43	34	28	36	36	18	57	25
Европейская Россия	40	39	22	38	42	20	29	51	20

В данном случае нас интересует та часть помещичьих имений, которая продолжала хозяйственную эволюцию в новых условиях (см. табл. 56).

Таблица построена на данных 30% выборки из описей по залогам, состоявшимся в 80-90-х гг., поэтому относительные характеристики можно считать вполне валидными. Сравнение с подобными данными за 60-70-е гг., приведенными выше, обнаруживает следующие изменения в экономическом строе поместий; увеличение общей площади, экономической запашки, стоимости инвентаря. Таким образом, общая картина по региону оставляет впечатление поступательного развития нового помещичьего хозяйства, построенного на рациональном использовании удобной земли с применением своей тягловой силы и инвентаря. Зональные особенности этой эволюции можно свести к следующим наблюдениям: в помещичьем районе при общем абсолютном росте экономической запашки заметно сократился ее удельный вес в общей массе удобной земли, а в крестьянском районе он, напротив, повысился, особенно существенно в степной зоне. Этим, по-видимому, можно объяснить отставание крестьянского района по такому важному параметру, как стоимость инвентаря на десятину запашки. Помещики-южане уже не имели абсолютного превосходства по последнему показателю в расчете на одно имение. Дополнительную, но немаловажную информацию к размышлению содержат данные о стоимости построек в имениях. В среднем на име-

Таблица 56. Основные параметры экономического строя помещичьего хозяйства Поволжья в 80-90-х гг. XIX в. (Сведения приведены в расчете на 1 имение)

Общая площ. (дес.)	Удоб. земля (дес.)	Экон. запашка (дес.)	% % к удоб. земле	Рабочий скот стоимость (руб.)		Инвентарь	
				На дес. зап.	(руб.)	На дес. запашки	
Помещичий							
1469,0	1400,5	208,3	14,9	1131,3	5,4	1929,2	9,3
Крестьянский							
а) лесная зона							
2309,7	1961,8	381,9	19,5	2566,8	6,7	1315,6	3,4
б) степная зона							
4342,3	2327,1	430,5	18,5	4371,6	10,1	1951,0	4,5
По региону							
2780,9	1971,2	365,0	18,5	2858,8	7,8	1623,7	4,4

Источник: Подсчитано по материалам РГИА. Ф. 593. Государственный Дворянский земельный банк; ГАСам. О. Ф. 322. Самарское отделение ГДЗБ; ГАСам. О. Ф. 276. Самарское отделение Государственного банка России; ГАПО. Ф.14. Пензенское отделение ГДЗБ; ГАУО. Ф. 125. Симбирское отделение ГДЗБ; ИГА Республики Татарстан. Ф. 259. Казанское отделение ГДЗБ.

ние они составили в "помещичьем районе" 8052,3 руб., в "крестьянском" 5307,2 руб., в "фермерском" 3062 руб. Конечно, такой расклад отражает наследие дореформенной эпохи, оставившей подчас роскошные усадьбы, однако со времени отмены крепостного права прошли десятки лет, и в конце XIX в. наличие и стоимость хозяйственных построек отражали отраслевую структуру и уровень материального благополучия помещика.

Наиболее точную и объективную информацию о состоянии хозяйства и характере его развития содержит доходно-расходный механизм (табл. 57).

Сопоставление с соответствующими данными по 60-70-м гг. XIX в. показывает, что в последнем двадцатилетии помещичье хозяйство обрело внутреннюю динамику: произошло общее повышение доходов и расходов в их количественном выражении как на одно имение, так и на десятину удобной земли. Таким образом, размеры хозяйства выросли. Несколькими быстрее это произошло на степном юге, где доход на десятину поднялся ровно в два раза

Таблица 57. Бюджет помещичьего хозяйства Поволжья в 80-90-х гг. (в расчете на 1 имение)

Всего	Поле- вод- ство	Сено- ко- шение	Ското- вод- ство	Лесо- вод- ство	Про- мыш- лен- ность	Всего на де- сятину удобн. земли
1. Доход						
Помещичий						
руб. 13127,0	10207,3	477,7	78,6	780,2	1217,9	9,4
%% 100,0	79,9	3,8	0,6	6,1	9,6	
Крестьянский						
Лесная зона						
руб. 18083,7	12923,3	1271,7	1336,4	866,2	1626,1	9,2
%% 100,0	71,5	7,0	7,7	4,8	9,0	
Степная зона						
руб. 18653,6	14993,7	1618,1	1315,7	251,8	195,3	8,0
%% 100,0	80,4	8,7	8,5	1,3	1,1	
По региону						
руб. 17349,8	13045,3	1228,2	1223,7	602,9	1111,6	8,8
%% 100,0	75,6	7,1	7,0	3,8	6,5	
2. Расход						
Помещичий						
руб. 3754,7	2649,2	65,4	17,7	65,6	68,1	2,7
%% 100,0	70,6	1,7	0,5	1,8	1,8	
Крестьянский						
Лесная зона						
руб. 8200,3	3562	2234,0	191,9	243,9	1213,2	4,2
%% 100,0	43,4	27,2	2,3	3,0	14,8	
Степная зона						
руб. 11328,4	7987,4	754,6	621,0	9,2	675,9	4,9
%% 100,0	70,5	6,7	5,5	0,1	6,0	
По региону						
руб. 8347,4	4756,4	1381,0	292,0	139,0	837,9	4,2
%% 100,0	57,0	16,5	3,5	1,7	10,0	

Источник: См. примечание к табл. 56.

(с 4,1 руб. в 60-70-е гг. до 8,2 руб. в 80-90-е). Отраслевая структура еще более сместилась в сторону земледелия. При этом по-

положение выравнивалось по всем зонам: свыше 70% дохода помещики получали от полеводства. Оно стало и главной статьей расхода. Особенно сильно изменилось положение в помещичьем районе (Пензенская, Симбирская и Саратовская губернии). Здесь доля полеводства в общем расходе составила 70,6% (для сравнения — в 60-х — 70-х гг. лишь 34,9%). В сенокосение вкладывали значительные денежные средства лишь хозяйства крестьянской зоны, так же как и в промышленность. Доход же от сенокосения и скотоводства существенно понизился в помещичьем районе. Вообще положение скотоводства резко переменялось: сократились расходы на него при сохранении доходов на прежнем уровне. Это свидетельствовало о том, что помещики не стремились далее к наращиванию продуктивного стада и тягловой силы в имении. Лесоводство также не составляло сколько-нибудь важной отрасли хозяйства, хотя лес занимал второе по площади место в помещичьем землевладении. Общая же картина лесных угодий по региону была следующей³⁰⁵:

Губернии	Всех лесов (дес.)	% % лесистости	Помещичьих лесов (дес.)	В % % к общ. площади
Казанская	1720961	30,2	244169	14,2
Симбирская	1238010	28,7	404189	32,6
Самарская	1045407	7,6	268359	25,7
Саратовская	890436	12,7	386934	43,3
Пензенская	620194	18,1	276982	44,7
Поволжье	5515008	16,2	1579633	28,6
Европ. Россия	141720225	33,7	35952571	25,4

Как видим, монополистами лесных угодий помещики были в Саратовской и Пензенской губерниях — в районе с сильным влиянием помещичьего землевладения. Но именно здесь, как следует из табл. 57, разрыв между доходом от леса и расходом на лесоводство в среднем на одно имение был особенно заметным.

В сфере промышленности произошло увеличение доходов и затрат в их абсолютном выражении. Исключение составил помещичий район, где наблюдалось явное сокращение расходов (60-70 гг. — 156 руб., 80-90 гг. — 68 руб. на имение).

³⁰⁵ Касперович Г. Лесное дело, лесная торговля и лесопромышленность России в связи с пересмотром торговых договоров. Пг., 1916. С. 176-177.

Относительные характеристики бюджета в процентах к общему доходу и расходу указывают на значение каждой отрасли в хозяйственной системе, и сопоставление их с соответствующими данными табл. 41 позволяет оценить эволюцию отраслевой структуры по районам. В помещичьем районе резкое повышение роли полеводства сопровождалось устранением ряда диспропорций: ликвидировалась очевидная дефицитность бюджета в сфере скотоводства и промышленности, хотя нельзя не отметить, что падение абсолютных значений бюджета в скотоводстве оказалось слишком стремительным. В промышленности обнаружилась опасная тенденция развала, т.к. векторы дохода и расхода приобрели разную направленность. В крестьянском районе кризисные черты проявились в скотоводстве; удельный вес основной отрасли — земледелия — повысился в доходной части и снизился в расходной. Одновременно возросла доля расходов на сенокосение и промышленность. В фермерской зоне моноотраслевой характер помещичьего хозяйства сказывался с наибольшей силой: 80,4% дохода поступало от полеводства. Дефицитной стала промышленная сфера, ибо расходы на нее существенно увеличились, но и доход от нее возрос. Преодолевалась и убыточность скотоводства. В целом помещичье хозяйство в степных уездах обладало наиболее сбалансированным бюджетом, который обеспечивал опережающие темпы развития земледелия и вспомогательный характер остальных отраслей.

Остановимся подробнее на структуре расхода на полеводство — основной статье бюджета (см. табл. 58).

Абсолютно преобладали затраты по найму рабочих. Но было бы опрометчиво считать, что помещичье хозяйство полностью капитализировалось, т.е. перешло к системе вольного найма. Затраты на воспроизводство сельхозинвентаря и тягловой силы безнадежно отставали, следовательно, по-прежнему многими владельцами использовалась материально-техническая база крестьянского хозяйства. В самом найме не исключено преобладание простой раздачи денег в форме "зимней наемки" и т.п. О наличии инвентаря в имениях можно судить по табл. 59.

Во всех районах наибольшее значение для помещиков имели орудия для переработки урожая — в основном молотилки. Примерно одинаковым был и удельный вес пахотных орудий. Из других видов инвентаря в помещичьем районе заметную роль играли сеялки, а в степной зоне выделялись косилки и жнейки. В целом же степная зона превосходила остальные по вооруженности инвентарем (кроме орудий для сева). Особенно заметным это превосходство было в уборке урожая. Это объяснимо: крупные запашки и сжатые сроки уборки при дороговизне рабо-

чих рук в страду заставляли степных помещиков покупать более дорогие и совершенные уборочные машины.

Таблица 58. Расходы помещиков Поволжья на собственное полеводство в 80-90-х гг. XIX в. (руб. на 1 имение)

Район	Найм рабочих	Ремонт орудий	Ремонт тягловой силы	Ремонт построек	Всего
Помещичий	1939,3	25,8	-	161,2	2126,2
%%	91,2	1,2	-	7,6	100,0
Крестьянский					
Лесная зона	2487,5	125,8	13,5	44,5	2671,3
%%	93,1	4,7	0,5	1,7	100,0
Степная зона	7520,5	183,1	133,2	43,7	7880,5
%%	95,4	2,3	1,7	0,6	100,0
Поволжье	3935,5	125,1	47,9	65,6	4174,2
%%	94,3	3,0	1,1	1,6	100,0

Источник тот же.

Таблица 59. Состав инвентаря в помещичьих хозяйствах Поволжья 80-90-х гг. (руб. на 1 имение)

Район	Орудия для обработки пашни	Орудия для сева	Орудия для уборки урожая	Орудия для переработки урожая
Помещичий	66,5	61,6	10,5	235,5
%%	17,8	16,5	2,8	62,9
Крестьянский				
Лесная зона	55,4	13,8	3,8	255,6
%%	16,5	4,1	3,2	76,2
Степная зона	149,1	31,7	257,4	454,8
%%	16,7	3,6	28,8	50,9
Поволжье	86,3	28,1	86,6	313,2
%%	16,8	5,5	16,8	60,9

Источник тот же.

Таблица 60. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства 80-90-х гг. XIX в. Помещичий район. (Коэффициент корреляции $=0, \dots$)

	1	2	3	4	5	Граф сильных связей
1. Стоимость инвентаря	-	71	07	20	91	
2. Стоимость раб. скота	71	-	48	31	65	
3. Расход на раб. силу	07	48	-	55	15	
4. Расход общий	20	31	55	-	30	
5. Доход от полеводства	91	65	15	30	-	

Источник тот же.

Таблица 61. То же. Крестьянский район. Лесная зона

	1	2	3	4	5	Граф сильных связей
1. Стоимость инвентаря	-	49	02	01	27	
2. Стоимость раб. скота	49	-	04	02	31	
3. Расход на раб. силу	02	04	-	67	72	
4. Расход общий	-01	02	67	-	54	
5. Доход от полеводства	27	31	72	54	-	

Источник тот же.

Таблица 62. То же. Крестьянский район. Степная зона

	1	2	3	4	5	Граф сильных связей
1. Стоимость инвентаря	-	56	06	-02	13	
2. Стоимость раб. скота	56	-	26	45	32	
3. Расход на раб. силу	06	26	-	75	90	
4. Расход общий	-02	45	75	-	67	
5. Доход от полеводства	13	32	90	67	-	

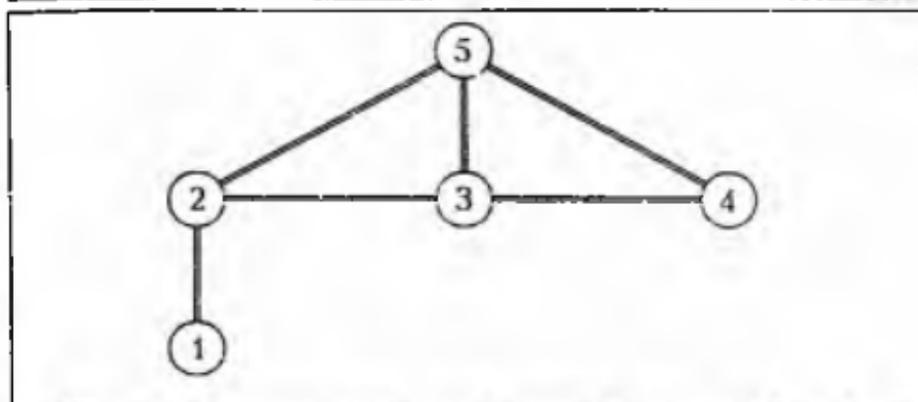
Источник тот же.

Последний аналитический показатель состояния помещичьего хозяйства, имеющий интегральный характер — отношение расхода к доходу. По помещичьему району он составил 28,6%, по крестьянскому 45,3% и по фермерскому 60,7%, а в целом по Поволжью — 48,1%. Соотношение этих показателей осталось прежним

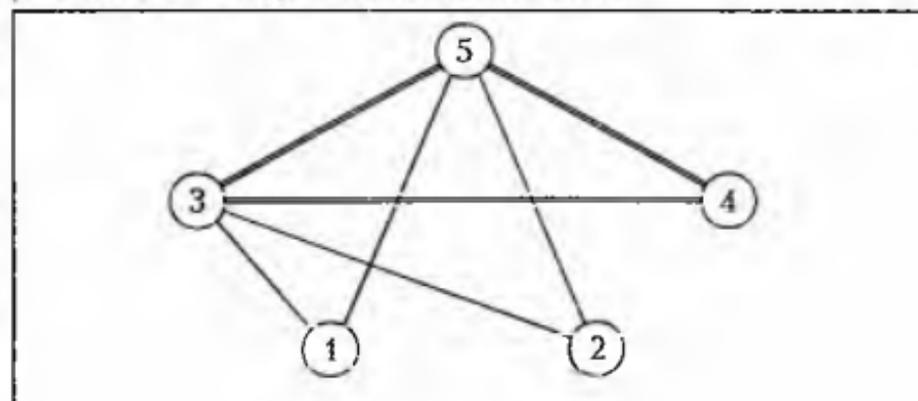
(см. табл. 56) при общем небольшом снижении. По-прежнему помещики в "дворянских гнездах" использовали производительно лишь четверть валового дохода, в то время как "степняки" — более половины.

Наконец, обратимся к корреляционному моделированию внутреннего строя помещичьего хозяйства. Таблицы 60-62 и графы построены на тех же основаниях, что и табл. 57-59.

Средний коэффициент корреляции в помещичьем районе составил 0,43, в крестьянском 0,30, в фермерском — 0,41. Таким образом, ситуация схожа с периодом 60-70-х гг. XIX в.: по-прежнему средний коэффициент не достигал значимого порога в 0,5; помещичий район отличался наиболее высоким его значением. Однако внутренний строй помещичьего хозяйства в крестьянском районе претерпел качественные изменения. Это хорошо видно по графам сильных связей. Своеобразным структурным ядром нового типа хозяйства, по-видимому, следует считать устойчивый треугольник, в вершинах которого находились показатели: 3, 4 и 5. Установление тесных прямых связей между ними означало, что глубокая перестройка хозяйства вступила в решающую стадию, когда распад старой системы завершился и началось складывание нового строя. Затем к указанному треугольнику присоединились показатели 1 и 2, что в итоге должно довершить картину становления целостного, пропорционального хозяйственного организма капиталистического типа. При таком подходе видно, что помещики в фермерской зоне аграрной эволюции более своих северных соседей преуспели на этом пути. Что же касается помещичьего района, то здесь распад старой системы только начинался. Поэтому судьбы дворянского хозяйства, его перспективы оказывались под вопросом. Дальнейший анализ показал, что завершающий этап истории помещичьего хозяйства Поволжья, пришедшийся на начало XX в., полностью подтвердил правомерность сделанных выводов. Распад экономики поместий в первом районе привел к почти полной утрате устойчивых внутренних связей. Единственный значимый коэффициент получен для корреляции второго и третьего показателей. В крестьянской зоне аграрной эволюции граф сильных связей имел следующий вид:

Налицо упрочение новой хозяйственной системы. Еще более развитой она выглядела в фермерской зоне:

Таким образом, пореформенная эволюция закономерно привела помещиков к капиталистической системе там, где они попытались сохранить свою экономическую дееспособность путем создания крупного зернового производства экстенсивного типа. В цитадели же стародворянского землевладения преобладали черты распада.

Наиболее заметным новым явлением к концу XIX в. стало быстро растущее частное землевладение крестьян, что зафиксировано поземельными переписями 1877 и 1905 гг. (см. табл. 63).

Доля в общей площади частного землевладения составляла по региону в 1877 г. 4,8%, в 1905 г. 13,2%. По губерниям наивысшей она была в Самарской — соответственно 11,2% и 25,6%³⁰⁶. Кроме

³⁰⁶ Кабышев П. С. Аграрные отношения. С. 39.

личного, стремительно выросло землевладение крестьянских товариществ и обществ. Темпы роста общей площади частного землевладения крестьян видны из табл. 64.

Вообще быстрый рост крестьянских покупок пришелся на черноземную полосу Европейской России, где выделялись особенно

Таблица 63. Личное частное землевладение крестьян Поволжья

Губернии	1877 г.			1905 г.		
	Число влад.	Тыс. дес.	Средн. размер дес.	Число имений	Тыс. дес.	Средн. размер дес.
Казанская	1465	31,3	21,4	1687	65,2	38,6
Симбирская	2506	57,4	22,9	5040	145,4	28,8
Пензенская	2309	53,8	23,3	4007	118,1	29,5
Самарская	2631	365,3	138,8	3049	803,0	263,4
Саратовская	2595	84,4	32,5	2694	247,3	91,8
Поволжье	11506	592,2	51,5	16477	1379,0	83,7

Источник: Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XX. Купля-продажа земель в Европейской России в 1905 г. СПб., 1911. С. 39-47.

Таблица 64. Прирост частного землевладения крестьян Поволжья (тыс. дес.)

Губернии	1888-1892	1893-1897	1898-1902	Всего	Площадь частн. землевладения крестьян в 1905 г.
Самарская	84,2	7,9	213,1	305,2	1208,1
Казанская	10,4	11,6	52,0	74,0	144,8
Пензенская	-2,1	8,3	91,1	97,3	262,6
Саратовская	62,2	108,3	394,9	565,4	852,5
Симбирская	30,5	9,6	84,3	124,4	324,2
Поволжье	185,2	145,7	835,4	1166,3	2792,2

Источник: Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XX. Купля — продажа земель в Европейской России в 1905 г. СПб., 1911. С. 39-47.

Таблица 65. Покупка земли крестьянами при участии Крестьянского банка. (Состояние на 1 января 1889 г. по губерниям и категориям покупателей)

Покуп.	В них домо-коз.	Куп-лено дес.	Сумма покупки (руб.)			Среднее на дом		
			Всего	Выдано банком в ссуд.	Уплат. крест.	дес. зем-ли	Банк-долга	Доп-латы (руб.)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Казанская								
22	752	2437	149008	130615	18393	3,24	173,69	24,46
Сельские общества								
16	665	1802	109490	96300	13190	2,71	14,81	19,83
Товарищества								
5	86	626	38618	33825	4793	7,28	393,31	55,73
Отдельные крестьяне								
1	1	9	900	490	410	9,33	490,00	410,0
Пензенская								
65	4189	15659	1214546	1072245	142301	3,74	255,97	33,97
Сельские общества								
47	3796	13813	1053287	941275	112012	3,63	247,94	29,51
Товарищества								
18	393	1846	161259	130970	30289	4,70	333,28	79,61
Самарская								
22	2001	19107	644633	575252	69381	9,55	287,48	34,67
Сельские общества								
15	1560	12775	458868	422057	36811	8,19	270,55	23,59
Товарищества								
7	441	6332	185765	153195	32570	14,36	347,38	73,85
Саратовская								
130	10947	71178	2960833	2589215	371618	6,50	236,52	33,95
Сельские общества								
109	10232	63297	2636570	2312747	323823	6,24	226,03	31,65
Товарищества								
20	714	7851	322463	275968	46495	11,00	386,51	65,12
Отдельные крестьяне								
1	1	30	1800	500	1300	30,00	500,00	1300
Симбирская								
29	2051	7147	508134	465403	42731	3,48	226,92	20,83
Сельские общества								
22	1999	6833	484550	449678	34872	3,42	224,95	17,44

Таблица 65. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Товарищества	6	51	301	22934	15225	7709	5,90	298,53	151,1
Отдельные крестьяне	1	1	13	650	500	150	13,00	500,0	150,00
Поволжье	268	19940	115528	5477154	4832730	644424	5,79	242,36	32,32
Сельские общества	209	18252	98520	4742765	4222057	520708	5,40	231,32	28,53
Товарищества	56	1685	16965	731039	609183	121856	10,06	361,53	72,31
Отдельные крестьяне	3	3	52	3350	1490	1860	17,33	496,67	620,0
То же в % %									
Сельские общества	78,0	91,53	85,27	100,0	89,0	11,0	-		
Товарищества	20,9	8,45	14,68	100,0	83,3	16,7	-		
Отдельные крестьяне	1,1	0,02	0,05	100,0	44,5	55,5	-		
Европейская Россия в % %	32,2	59,6	47,2	100,0	88,0	12,0	-		
Товарищества	54,2	40,0	52,0	100,0	80,0	20,0			
Отдельные крестьяне	13,6	0,4	0,8	100,0	53,0	47,7			

Источник: Статистические таблицы... С. 94-101. Данные по Поволжью подсчитаны нами.

степные районы — Заволжский и Новороссийский. В первое пятилетие лишь одна продажа земли у крестьян. Второе пятилетие (1893-1897 гг.) было неблагоприятным в урожайном отношении, что особенно сказалось на Самарской и Симбирской губерниях. Здесь покупки были не столь внушительны. В целом же налицо нарастание темпов. Статистики отмечали, что "начиная с 80-х гг. половина и более, а с 1898 г. значительно более половины всей площади междусословной мобилизации земель переходило в ру-

ки крестьянского сословия³⁰⁷. Таким образом, мобилизацию земли следует записать в актив крестьянства.

Новая социальная политика Александра III ознаменовалась созданием специального учреждения поземельного кредита — Крестьянского поземельного банка (далее — КПБ). Роль его обычно оценивается как продворянская, что в общем небезосновательно. Однако нельзя не признать, что Крестьянский банк сыграл важную роль и в расширении круга крестьянских хозяйств, участвовавших в мобилизации земли за счет малообеспеченных слоев.

Расцвет деятельности Крестьянского банка был еще впереди, однако уже в первые 6 лет его операции приобрели вполне определенную направленность: абсолютное большинство сделок по покупке земли, кредитуемых банком, приходилось на общинников. Поволжье в этом отношении резко отличалось от общероссийской картины. Средние цифры показывают также и то, что на каждый двор общинника приходилось почти в два раза меньше купчей земли, нежели у членов товарищества, не говоря уже об индивидуальных сделках. В дальнейшем положение изменилось. К концу первого периода деятельности банка (до реформы его устава в 1895 г.) стало преобладать кредитование сделок в составе товариществ. Особенно подробными сведениями на этот счет мы располагаем по Самарскому отделению КПБ. Число заявлений от сельских обществ практически сошло на нет, а сделки товариществ продолжались. К 1895 г. и покупной ценой в 648325 руб. 81 коп., что было существенно выше общественных покупок³⁰⁸. Чиновники банка отмечали, что "наиболее неимущие домохозяева являлись тяжелым грузом, затруднявшим развитие сельско-общественных покупок. Наоборот товарищества, состоявшие из крестьян однородного благосостояния и часто более высокого, оказывались в состоянии производить покупки более крупные"³⁰⁹. В течение первых двух лет заявителями на ссуду оказались почти исключительно крестьяне-дарственники. За весь же первый период из всех заявлений 25% было подано дарственниками на четвертном наделе (0,3 — 0,7 дес. на душу), а остальные 75% целиком приходились на долю бывших помещичьих крестьян. Кроме того, 18% ссуд было выдано переселенцам из других губерний (2 случая из Казанской, 2 — из Симбирской, по одному — из Уфимской и Пензенской. Из дальних переселенцев — уроженцам Пол-

³⁰⁷ Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XX. СПб., 1911. С. XXXI.

³⁰⁸ ГАСам. О. Ф. 149. Оп. 1. Д. 491. Л. 20 об.

³⁰⁹ Там же. Л. 21.

тавской и Подольской губерний). Группы переселенцев направились в Бугульминский уезд (6 групп), остальные — в Бузулукский, Бугурусланский и Николаевский (по одной группе)³¹⁰.

Новый устав КПБ внес в его деятельность существенные изменения. Еще за год до его введения были понижены годовые платежи по ссудам на 1%, затем началось создание собственного капитала банка, для чего из выкупных платежей отчислялись средства до достижения 50-миллионного рубежа. По новому уставу было снято денежное ограничение суммы ссуды в 500 руб. на домохозяина или 125 руб. на душу. Новая ст. 54 гласила, что "наибольшее количество земли, которое может быть приобретено при содействии Крестьянского банка... определяется для каждой местности с тем, чтобы содействие банка ограничивалось случаями приобретения земли не более того количества, которое может быть обработано силами покупателя и его семьи"³¹¹. Таким образом, вводилась "трудовая норма", зависевшая от качества почвы, условий хозяйства и системы землепользования. В Самарской губернии посредничество КПБ допускалось при максимальной такой норме в уездах Ставропольском, Самарском, Бугульминском, Бугурусланском и северо-западной части Бузулукского в 35 дес. на домохозяина и 10 дес. на душу; в остальной части Бузулукского и в северо-восточных углах Николаевского и Новоузенского уездов — 40 дес. на домохозяина и 12 дес. на душу; в остальной части Новоузенского — 60 дес. и 18 дес.³¹² Согласно ст. 49 "цена земель определялась по специальной, а в исключительных случаях, по ходатайствам заемщиков, — по нормальной оценке"³¹³. Ссуды было разрешено выдавать в размере 90%, а иногда даже и в 100% специальной оценки. Специальная оценка, раньше почти не практиковавшаяся, позволила существенно приблизить размер ссуды к реальной цене имения да к тому же неизбежно понижала размер доплат с крестьян в пользу продавцов. Устанавливались новые сроки ссуд — 26, 38 и 51 год, что понижало взимавшийся процент погашения. Ст. 58 Устава разрешала перезалог с выдачей дополнительной ссуды, пересрочку долга без его увеличения. Помощь банка теперь распространялась и на сделки, совершенные без его посредничества. Под залог купленной земли банк мог выдавать деньги, но только на погашение долгов, лежавших на земле вследствие покупки.

³¹⁰ Там же. Л. 26-об.

³¹¹ См.: Устав Крестьянского Поземельного банка. СПб., 1902. Ст. 54

³¹² ГАСам.О. Ф. 149. Оп. 1. Д. 491. Л. 45.

³¹³ Устав Крестьянского... Ст. 49.

Самой главной частью реформы КГБ было разрешение покупать имения частных владельцев за счет собственного капитала и перепродавать их частями в руки крестьян. Реформа придала операциям банка новый импульс. При подготовке реформы в 1893 г. С.Ю.Витте писал, что "существует много имений, владение которыми представляется весьма неустойчивым как вследствие сельскохозяйственного кризиса, так в особенности по причине значительной их задолженности. Эти-то земли Банк и будет покупать"³¹⁴. Еще один весьма сведущий чиновник Ф.Тернер заметил, что КГБ "стремился обеспечить дворянам возможность сбыта экономически слабых имений, которые без такого содействия банка подлежали бы невыгодной и нередко принудительной продаже"³¹⁵. Самарский губернский предводитель дворянства А.Чемодуров, один из инициаторов проверки воздействия КГБ на убыль дворянских земель, вынужден был признать в письме к своему московскому коллеге, что банк играл в данном случае второстепенную роль и "деятельность его в Самарской губернии нельзя признать вредной в смысле решающего влияния на обезземеливание дворян"³¹⁶.

О масштабах покупки дворянских имений в Поволжье говорят следующие статистические данные³¹⁷:

Приобретения Крестьянского банка в период с 1896 по 1903 гг.

Губернии	Имений	Десятин	Рублей
Симбирская	10	12363,1	1143139,5
Самарская	24	96628,3	5379680,9
Казанская	8	11268,9	790352,0
Пензенская	11	27018,7	1529338,1
Саратовская	25	97260,1	8108270,2
Поволжье в целом	78	244539,1	16950781,0
Европейская Россия	477	904672,6	62984022,6

³¹⁴ Цит. по: Зах А.Н. Крестьянский поземельный банк. 1883-1910. М., 1911. С. 258.

³¹⁵ Тернер Ф. Государство и землевладение. СПб., 1901. Ч. II. С. 298.

³¹⁶ ГАСам.О. Ф. 149. Оп. 1. Д. 491. Л. 51 об.

³¹⁷ Таблицы к обзору деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883-1904 гг. СПб., 1906. С. 83-85; ЦГА Республики Татарстан. Ф. 350. Оп. 2. Д. 313. Л. 1-8; ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 2773.

Поскольку КПБ перепродавал земли только в руки крестьян, то указанные площади следует считать перешедшими в руки земледельцев. Для Самарского отделения КПБ поворотным оказался 1898 г., когда резко возросло число заявлений — с 9 до 50. Затем вплоть до 1904 г. активность заемщиков держалась на высоком уровне. Русско-японская война и связанная с ней полная мобилизация, проведенная в Самарской губернии, привели к резкому падению числа заявлений о ссуде. Стремление воспользоваться кредитом КПБ особенно сильно проявилось у крестьян тех уездов, где произошло резкое увеличение землевладения купцов, приводившее к значительному росту арендных цен на землю из-за их монополии среди сдатчиков. Наконец, ряд сильных неурожаев, которым подвергся юг Европейской России, измельчание наделов вызвали волну переселений крестьян из Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Киевской и других губерний. Из 419 поданных в период 1895-1904 гг. заявлений 126 (30%) приходится на переселенцев³¹⁸.

В конце XIX — начале XX в. среди заявителей значительно преобладали товарищества: по количеству сделок — 73,4%, по площади купленной земли — 70%. На одного домохозяина-общественника приходилось 8,5 дес., а в товариществе — 20,8 дес.³¹⁹ Что собой представляли товарищества? К такой форме покупки прибегали почти все переселенцы. Они прибывали в Поволжье не всей общиной, а группами ходоков, которые и составляли товарищество, стремясь при этом прикупить возможно больше земли. Поскольку в этот период они устремились главным образом в Бузулукский и Николаевский уезды, наибольшие покупки пришлись именно на этот район. Здесь же были и наивысшие доплаты, поскольку монополисты-купцы вздули земельные цены, а для выходцев из центральных и южных губерний даже эти высокие по местным меркам цены казались небольшими. Товарищества местных крестьян чаще всего возникали после безуспешных попыток склонить к покупке земли сельский сход. При этом обычно выступало на поверхность неравенство общинников: слабосильные домохозяева не могли платить свою долю, а состоятельные не соглашались брать это бремя на себя. Тогда инициаторы, как правило более состоятельные и примерно равные по хозяйственному положению, составляли товарищество. Покупки сельских обществ вообще измельчали, т.к. общинники шли на это вынужденно, не столько ради увеличения площади землевладения, сколько для уничто-

³¹⁸ ГАСам.О. Ф. 149. Оп. I. Д. 491. Л. 51 об.

³¹⁹ Там же. Л. 58 об.

жения чересполосицы с соседним землевладельцем, различных "клиньев" и т.п. Покупки товариществ, напротив, были исключительно предназначены для расширения землевладения. Все вышеописанное свидетельствовало о том, что состоятельные слои крестьянства, точнее сказать, дееспособная его часть (ибо банк отказывал в кредите заведомо богатой верхушке деревни), несмотря на падение хлебных цен и взлет цен на землю, тяжелые неурожайные и даже голодные годы (особенно выделялся грандиозный голод 1891 г.), проявили стремление к расширению своего хозяйства. При этом крестьяне прибегали исключительно к коллективным формам покупки в составе всей общины или ее части — товарищества. Индивидуальных покупок было ничтожно мало вплоть до 1907 г. В составлении же товариществ нужно, на наш взгляд, видеть извечную склонность русских крестьян к общинности, коллективизму и при этом — к коллективизму на новой, производственной почве. В последнем смысле товарищества можно рассматривать в качестве предвестников грядущей массовой кооперации крестьянских хозяйств начала XX в.

Основу крестьянского хозяйства региона в 80-90-х гг. по-прежнему составляло надельное землепользование. Именно оно оказалось в центре внимания подворных переписей. В Поволжье такие переписи были проведены земскими статистиками Самарской и Саратовской губерний³²⁰. В целом по Европейской России такие переписи охватили 22 губернии. Свод этих переписей в сравнимых данных в целом по стране с наиболее приемлемой для нас поузездной рубрикацией подготовлен и издан Н.А.Благовещенским³²¹.

Прежде всего остановимся на способе хозяйственного использования надела, на том, какую роль играл собственный производственно-экономический потенциал крестьянина (см. табл. 66).

Большинство крестьян имели в наличии инвентарь для обработки полученного надела. Обработка наймом означала, что хозяин надела не мог обработать его сам по тем или иным причинам и обращался к более состоятельному соседу, обвязываясь ему работами, либо устраивал супругу с такими же малосостоятельными, как и он сам. Зональные различия имелись, но они не были очень значительными. Крестьянско-фермерская зона была более благополучной. В то же время здесь было больше хозяйств, сда-

³²⁰ См.: Свод статистических сведений по Саратовской губернии. Ч. I. Таблицы. Сост. под ред. С.Харизмеева. Саратов, 1888; Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. 1-8. Самара, 1883-1892.

³²¹ Благовещенский Н.А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским переписям. Т. I. Крестьянское хозяйство. М., 1893.

вавших свой надел. Среди них были, конечно, не только пришедшие в упадок, но и те, которые устроились от земледелия, занявшись промыслами.

Таблица 66. Способ обработки надела у крестьян Самарской и Саратовской губерний

	Общее число х-в	Х-в, обработав-х надел				Сдающих надел чел. %	
		Своим инвен.	%	Наймом	%	чел.	%
Помещичий тип	218403	147037	67,3	24889	11,4	21159	9,7
Крестьянский							
Лесная зона	168918	130503	77,3	11791	7,0	14927	8,8
Степная зона	254537	181595	71,3	20590	8,1	35378	13,9
Итого	641858	459135	71,5	57270	8,9	71464	11,1

Источник: Благовещенский Н.А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским переписям. Т. 1. Крестьянское хозяйство. М., 1893. С. 40-43, 100-103, 44-45, 104-105.

Хозяйственные движения в крестьянской среде точнее всего отражает группировка по рабочему скоту (см. табл. 67).

Таблица 67. Группировка крестьянских хозяйств по количеству рабочего скота. (Число хозяйств)

	С 2-3-х и более лошадьми %		С 1-2 лошадьми %		Безлошадные %	
		%		%		%
Помещичий тип	39859	18,2	109649	50,3	862	23,3
Крестьянский тип						
Лесная зона	74005	43,8	60934	36,0	22447	13,3
Степная зона	132645	52,1	72637	28,6	38388	15,1
Итого	246509	38,4	243220	37,9	111697	17,4

Источник: Благовещенский Н.А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений... С. 46-47, 106-107.

Хозяйство, имеющее три и более голов рабочего скота, есть, несомненно, самостоятельное в экономическом отношении. Вто-

В.Е.Маковский. Жнитво

рой экономический тип (с одной-двумя гол. рабочего скота) также нельзя полностью сбрасывать со счетов. Конечно, это были малосильные хозяйства, стоявшие на грани разорения, но они еще могли при благоприятном стечении обстоятельств быстро достигнуть среднего уровня. В общем, они не были потеряны для хозяйственной эволюции. Третий тип хозяйств уже лишился такой перспективы. Его уделом была кабальная неволя у помещика, деревенского богатея, "управка душ", супруга и т.п.

В зоне господства помещичьего типа эволюции крупнокрестьянский слой был весьма тонким (18,2%). Он окружен со всех сторон хозяйствами со слабым экономическим потенциалом (второй тип), которые находились в поле тяготения крепостнической эксплуатации со стороны помещика. Понятно, что при таких условиях вырваться из общей придавленной массы можно было лишь по головам однообщинников, высасывая из них остатки жизненных сил и опуская многих ослабевших на самое дно общины (третий тип). Поэтому большой процент безлошадных в этом районе был обусловлен не только (а, может быть, даже и не столько) экономическим консерватизмом помещика, но и хищничеством богатой верхушки деревни — мироедов. Такой тип состоятельного хозяй-

ства мог возникнуть и развиваться только в обстановке экономической несвободы, которая здесь, в помещичьей зоне, не исчезла с отменой крепостного права. Экономическая физиономия такого "русского гроссбуэра" несет на себе печать отживших времен. Он добивается расширенного воспроизводства в своем хозяйстве средствами, весьма далекими от цивилизованных, но он видит перед собой образцы еще худшего свойства в образе дворянских "экономий". Его благополучие есть оборотная сторона обезлошадения почти четверти его однообщинников.

Качественно иная картина в фермерской зоне аграрной эволюции. Малый удельный вес хозяйств второго типа, кажется, говорит о значительно более глубокой дифференциации, однако с этим не согласуется непомерно большой процент крупных хозяйств и значительно меньший, чем в помещичьей зоне, процент безлошадных. Видимо в данном случае проявляются типологические особенности аграрной эволюции, при которой прогресс хозяйственный охватывает основную массу крестьян, безнадежно отставших значительно меньше, о чем свидетельствует малый удельный вес безлошадных. Следовательно, крупный сельский хозяин в фермерской зоне отличается от кулака тем, что его состояние строится не на пауперизации еще большего числа соседей, а наоборот, может развиваться лишь при условии хозяйственного прогресса большинства. Итоговые данные табл. 67 указывают на то, что общий облик региона определялся именно таким крестьянским типом эволюции.

Чтобы глубже исследовать новый тип хозяйства, необходимо перейти от губернского на уездный уровень и проанализировать подворные и бюджетные обследования. Но прежде необходимо уточнить два базовых понятия — "крестьянское хозяйство" и "фермерское хозяйство". Мы поддерживаем идею их разграничения, высказанную недавно В.П.Даниловым³²². Можно согласиться также и с его мыслью о генетической связи крестьянства и фермерства и расщеплении единого крестьянского хозяйственного поля в процессе товаризации, хотя она и не лишена некоторой схематичности. Рассуждения Н.П.Макарова на этот счет (см. раздел первый настоящей работы) нам представляются более адекватными реальному положению дореволюционной деревни. Не следует также абсолютизировать количественные характеристики размеров производства, хотя они несомненно важны. Поэтому подсчеты Н.Д.Кондратьева, приведенные Даниловым, сами по себе не определяют различия между крестьянским и фермерским хозяй-

³²² См.: Отечественная история. 1993. № 2. С. 3-7.

ством. Были крупные крестьянские семьи с весьма солидным размером производства. Главные различия проходят по линии семейного характера труда, комплексности хозяйственного организма, совершенной свободы хозяйственной воли, точнее — в наличии или отсутствии внеэкономических факторов, влияющих на организацию производства и реализацию полученных продуктов.

В качестве важного предварительного замечания считаем уместным привести следующую характеристику преимуществ американских земледельцев, составленную в 1882 г. А.Ф.Фортунатовым: 1) округленное состояние имений и целесообразное положение фермерских построек; 2) энергичное применение машин во всех случаях; 3) превосходные мелкие приспособления для домашних и полевых работ; 4) практичное сооружение построек, жилищ, хлевов и амбаров; 5) разделение труда и забота лишь об одной специальной отрасли производства; 6) хорошая организация торговли и учреждений, сюда относящихся, каковы элеваторы, рефрижераторы, биржи для продуктов, общественные складочные магазины, пересылочные учреждения и т.д., подобных которым не знает и Германия; 7) гармоничное взаимное содействие фермеров и купцов и могущественная опора, оказываемая последними сельскому хозяйству; 8) дешевые железнодорожные фрахты и постройка новых дорог для открытия новых земледельческих округов; 9) ловкость, выносливость, настойчивость рабочих; 10) довольство троекратной пищей; 11) постоянная мысль: как бы сберечь время и силу и быстро применение найденного ответа; 12) энергия, предприимчивость и безграничная юношеская надежда на лучшее будущее; 13) политическая свобода и дитя ее, самоуправление, которое воспитывает людей, привыкающих к самопомощи; 14) устройство обществ, направленных на практическую деятельность; 15) деловой дух и деловая ловкость; 16) большое внимание, посвящаемое прессой сельскохозяйственному промыслу и постоянное ее стремление подвигать фермеров по пути прогресса; 17) отсутствие кастовой гордости, тесное общение всех сословий друг с другом, поднимающееся народное образование доставляет мелкому фермерству великий капитал знаний и интеллигентности; 18) закон о вотчинах — закон об ограждении от запрета; 19) высокое внимание и великая симпатия, питаемая всеми классами поселян к сельскохозяйственному промыслу, в который они вливают непрерывно новую жизнь; 20) отсутствие границ внутри фермерского сословия, которое во всей совокупности пользуется вышеприведенными преимуществами"³²³. Нарисован-

³²³ ЦГИАМ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 3. Л. 24-об.

ная Фортунатовым картина представляет нам фермера и его хозяйство внутри целостной системы отношений экономических, политических, культурных, социально-психологических, т.е. внутри определенного аграрного менталитета, который формировался по чисто европейскому типу за вычетом присущих Старому Свету ментальных традиций, накопленных здесь за всю историю аграрных отношений. В Америке фермерское хозяйство и вся окружающая его инфраструктура создавалась как бы с чистого листа. В России элементы фермерства рождались в муках из недр старого крестьянства.

В Поволжье были местности, где "американские" черты формирования и развития аграрной структуры сказывались с наибольшей отчетливостью. К таковым относится прежде всего степной юг Заволжья, что давно подмечено исследователями³²⁴. Однако вопрос о том, в чем конкретно, в каком из видов хозяйства крестьян воплощены собственно фермерские черты, остается открытым. Типологические выводы делались обычно на общей характеристике аграрного развития региона, что вполне отвечало конкретным исследовательским задачам. В общем же полагались на известный вывод Ленина о том, что борьба двух путей буржуазной эволюции имела место всюду, где были рядом помещичье и крестьянское хозяйства. Поэтому дальше утверждения о крестьянстве как социальной базе фермерского пути дело не шло, а вопрос о специфически фермерских явлениях в богатой палитре русской деревни не ставился. Считаюсь, что это безусловно богатая верхушка крестьянства, которая эволюционировала либо в фермера, либо в грессбауэра³²⁵.

Строго говоря, фермерским не могло считаться хозяйство в общине с принудительным севооборотом. Это сразу же отсекает громадное большинство деревни. В известной мере под установленные выше условия могло бы подойти подворное крестьянское хозяйство, однако его удельный вес был ничтожно мал (см. табл. 68). Кроме того, как показали земские обследования, крестьяне при этой форме землевладения оказались даже в худшем положении, нежели общинники. Так, в Самарской губернии, которая выделялась в регионе площадью подворно-наследственного владения, почти все подворники были сосредоточены в Самарском уез-

³²⁴ См.: Кабытов П.С. Аграрные отношения; Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма.

³²⁵ См.: Тюкавкин В.Г. Изменения социально-политического и правового положения крестьянства в период столыпинщины // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 250-253.

де (130 селений, 3679 дворов, 22982 душ об. пола, в среднем по 7,8 дес. на душу)³²⁶. В состав этих подворников входили 10 селений меннонитов, прибывших из окрестностей Данцига в 1858-1865 гг. и осевших в Александртальской волости и 14 селений в Константиновской волости, образованных в 1864 г. ткачами из Лодзи. Первые были гораздо состоятельнее вторых, ибо обладали первоначальным капиталом и навыком к сельскому хозяйству, чего начисто были лишены вторые. К общинному владению все колонисты относились враждебно, но вскоре вынуждены были завести у себя передел сенокосов и общинное пользование выгоном³²⁷.

Таблица 68. Подворное землевладение крестьян в Поволжье в 1878 г.

Губернии %%	Быв. государст. и удельные		Бывшие помещичья		Всего	
	тыс. дес.	%%	тыс. дес.	%%	тыс. дес.	
Казанская	1,3	0,1	0,9	0,4	2,2	0,1
Пензенская	79,6	6,8	10,2	1,6	89,8	5,0
Самарская	134,5	2,6	5,8	1,9	140,3	2,5
Саратовская	86,7	4,1	21,2	2,5	107,9	3,6
Симбирская	12,5	1,0	11,5	2,2	24,0	1,4
Поволжье	326,3	2,6	49,6	1,9	364,2	2,4
Европ. Россия	9881,5	15,0	11339,5	31,0	21221,0	22,0

Источник: Статистические таблицы... С. 28-29.

Остальные подворники поселились в шести северных волостях уезда (Петропавловской, Краснодомской, Стародворянской, Кандабулакской, Старобуянской, Елховской). Это были переселенцы из государственных крестьян Курской, Пензенской, Рязанской, Нижегородской, Новгородской, Тульской, Орловской, Тверской и Лифлянской ("эстонцы и чухонцы"), которые бежали от малоземелья. Правительство нарезало для них земли правильными четырехугольниками в расчете на восьмипольный севооборот. Спустя восемь лет на всех этих участках установилось трехполье с об-

³²⁶ Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. VIII. Вып. 1. Самара, 1892. С. 23.

³²⁷ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Вып. 1. Самарский уезд. Самара, 1883. С. 32-33.

щинным использованием сенокосов и выгона. Но самое губительное воздействие на эти хозяйства оказало дробление участков между наследниками и совершенное обезземеливание младших членов семьи.

Земские статистики пришли к выводу, что "идея подворного землевладения плохо прививается в крестьянском быту. Она противоречит всему традиционному воззрению крестьян на землю, как общественную собственность, всему их хозяйственному и бытовому строю жизни. Юридические понятия крестьян о праве частной поземельной собственности чрезвычайно смутны и сбивчивы. Каждый домохозяин думает, что записанный на его имя во владенную запись участок земли принадлежит исключительно ему одному, вследствие чего он нередко продает его другому лицу, не спрашивая согласия ни братьев, ни дядей, ни сыновей. Здешний окружной суд завален жалобами крестьян на несправедливость их родственников, произвольно обделивших их земельными паями или лишивших права на владение землей"³²⁸. Таким образом, за исключением меннонитских колоний, все остальные подворники ничем особым из массы крестьян не выделялись, хотя "домохозяева, владеющие большими цельными участками, перехода участкового землевладения к общинному, конечно, не желают"³²⁹.

В соседней Казанской губернии к концу века подворные владения остались лишь на 697 дес. удобной земли в составе двух селений (с. Волостниковка Спасского и с. Ст.Девятово в Лаишевском уезде)³³⁰. Более заметным явлением здесь было четвертное владение. Оно представляло собой нечто среднее между частным и общинным землевладением: "Участок земли принадлежит известной группе лиц на праве общей собственности, но доли отдельных членов этой группы никогда между собою не уравниваются и вообще становятся весьма различными между собою по величине. В отличие от землевладения на праве частной собственности, или подворного, доли совладельцев в четвертном владении не состоят в индивидуальных участках земли, а представляют из себя идеальные доли общего участка. Поэтому при четвертном землевладении возможны переделы, но только без уравнивания наделов, а с сохранением прежних отношений наделов по величине"³³¹. Четвертные владельцы на практике считали себя частными

³²⁸ Там же. С. 36.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Общий съезд данных хозяйственно-статистического исследования по Казанской губернии. Часть экономическая. Казань, 1896. С. 345.

³³¹ Там же. С. 369-370.

Н.Дмитриев-Оренбургский. Молотьба

собственниками, хотя и платили выкупные платежи в казну. Четвертое землевладение возникло путем пожалования, причем владельцы одновременно состояли в обычных крестьянских общинах. В Казанской губернии был 41 такой участок общей площадью в 11758,3 дес. удобной земли, и форма эта признавалась статистиками вымирающей³³².

Степной юг Заволжья оказался лишенным подворно-наследственного землевладения³³³. Иное дело хутора. Из 490 хуторов Самарской губернии 424 находились в черте Николаевского (132 хутора) и Новоузенского (292 хутора) уездов³³⁴. Именно в этих уездах были проведены наиболее подробные обследования крестьянского хозяйства. Отдельному изучению подверглись и хутора. Причем и в том, и в другом случае статистики осуществили группировку по количеству рабочего скота, которая наиболее точно

³³² Там же. С. 370.

³³³ Ю.И.Смыков ошибочно вывел в одной из таблиц рубрику "подворные владения", сложив хутора с земцами-колонистами. Ни те, ни другие под эту категорию не подходят. Немцы-колонисты, в отличие от меннонитов, жили общинами, производили переделы земли и т.п. — См.: Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. С. 143.

³³⁴ Сводный сборник. Общая сводная таблица хуторов. С. 2.

отражала размер хозяйства. Кроме крестьян, хуторами владели также мещане тех же уездов. Хутора создавались на купчей, арендованной казенной и частновладельческой, а также на башкирских землях. Они были внедрены в пустынные пространства на юго-востоке степей Самарского Заволжья. На башкирских и частновладельческих землях жили хуторяне из многосемейных и многолошадных крестьян, которые вели одновременно и хозяйство в общине, отстоявшее порой на сотни верст от хутора. Часть хуторов, особенно на подестаинно арендованной земле, служили перевалочными пунктами для переселенцев дальше на восток, либо пунктами сбора пришлых и наемных рабочих. Последнее обстоятельство еще более подчеркивает фермерский характер хуторов³³⁵. Местные статистики отмечали: "Особенно оживленными рабочими рынками служат селения: Клинцовка, Семеновка, Перелюб и хут.Таловой, в которые в июне и начале июля месяцев стекается рабочего люда до 10000 и более человек, преимущественно из губерний Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской. Весь этот рабочий люд располагается в течение 2-3 дней на площади и по выгону, где он и ночует. К этому времени из всех соседних хуторов и селений съезжаются хуторяне и казаки из Уральской области для найма рабочего люда по 200-300 человек: на жнитво, сенокосение, молотьбу и пашню, причем нанятели забирают у рабочих серпы и косы, складывая их на воза, а рабочим выдают "могарычи" по 1/4 ведра на каждые 10 человек, или по 5 коп. на каждого"³³⁶. 16,6% хуторов были основаны до реформы 1861 г., 83,4% — в 60-80-х гг. XIX в. (в Николаевском у. соответственно 22% и 78%)³³⁷.

Хутор включал в себя до десяти и более дворов. К купчим землям крестьяне присоединяли земли арендованные. Причем арендовались по большей части "крепкие" земли, годные под посевы "белотурки". Арендованная земля сначала разбивалась по жеребьям, но затем уже не переделывалась до конца арендного срока. Выгон, как правило, общий. Если сдавалось в аренду пастбище, то деньги со стороннего скота делились поровну между

³³⁵ См. подробнее: Кабытов П.С. Аграрные отношения. С. 132-141; Савельев П.И. Социально-экономическое положение сельскохозяйственных рабочих в Самарской губернии в пореформенный период // Социально-экономическое положение трудящихся Среднего Поволжья (Дооктябрьский период). Саранск, 1989. С. 55-64.

³³⁶ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 6. Николаевский уезд Самара, 1889. С. 65-66.

³³⁷ Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 6. Николаевский уезд. С. 834-866; Т. 7. Новоузенский уезд. С. 332-420.

пайщиками. В руках хуторян Николаевского уезда преобладали залежи 10-12-летней давности, ковыльные пространства встречались уже значительно южнее, в Новоузенском уезде. Настоящий ковыль родился только на залежах 15-20-летних, поэтому на землях хуторян чаще встречался особый вид ковыля — "цветун". "Белотурка", как известно, быстро перерождалась. По наблюдениям местных крестьян, перерод можно было предотвратить и на 10-летних залежах, если семена пропускать через сортировку и подсеять на мелкие решетах, иначе через 4-5 лет она превращалась в "брызгалку"³³⁸.

Кроме обширного посева, хутор был удобен для промышленного скотоводства. Особенно часто под эти цели производилась участковая, т.е. более крупная аренда степей. Наконец, "крестьяне многих хуторов припускают на арендованные пастбища массу чужого крестьянского рогатого скота, конечно за известную плату, и сами занимаются откармливанием рабочих волов киргизской породы и продажей их в соседние селения и на ярмарках, получая за быка от 40 до 55 руб., годовиков от 13 до 15 руб., 3-4-летков от 20 до 25 руб. Немаловажный предмет промышленности для хуторян составляет и овцеводство. На хуторе Зябкине хуторяне содержат у себя до 10 тыс. "ордынских" (башкирских) баранов. На хуторах Соплевском, Устинове, Хлыстове, Плаксине, Цыгановке, Антеевском, Бубнове, Буканове и Яблоновском крестьяне держат помногу "спускных курдючных" овец..." и т.д.³³⁹ Итак, перед нами экономически свободное земледельческое и скотоводческое хозяйство, основанное на свободной от всяких сословных перегородок земле, ориентированное на определенную отрасль в производстве и сбыте продукции. Рассмотрим, каков его внутренний строй. В качестве объекта исследования возьмем Новоузенский уезд, т.к. только здесь в подворные анкеты была внесена важнейшая графа о структуре посевов.

Обследованию подверглись все 2294 хуторских хозяйства Новоузенского уезда. Из них 2058 (89,7%) находились на арендованной земле (главным образом внеадельной), 430 дворов имели купчую землю (18,7%). Практиковалась аренда двух видов — участковая и подесятинная. Первая была выгоднее, как правило, оплачивалась деньгами и намного превосходила вторую по площади. Исполно-отрабочная оплата производилась с 2205,7 дес. (0,7%), а натуральная — в 5512,8 дес. или 1,8% всей арендованной земли. 2182 хуторянина (95,1%) имели жилые постройки. Из них

³³⁸ Там же. С. 68.

³³⁹ Там же. С. 71.

237 — пятистенки или несколько простых изб. Показателем состоятельности были деревянные строения, ибо строевой лес стоил недешево. Таковых было 592, глиняных — 1751.

О специализации хозяйства говорят следующие данные: общая посевная площадь составила 123270,4 дес. Из них 99791,5 дес. (81%) занимала пшеница, 12941 дес. (10,5%) — рожь и 10537,9 дес. (8,5%) — разные другие хлеба. В структуре стада численно преобладал рабочий скот. При пересчете мелкого рогатого скота и свиней в крупный в соотношении 1:10 удельный вес рабочего скота составлял 65,8%. Строение тягловой силы было следующим: лошади — 49,2%, верблюды — 2,6% и быки — 48,2%. Молодняк в рабочем стаде (третьяки и жеребята) составлял 10,2%, что не выходило за рамки обычного ремонта тягловой силы хозяйства. Усовершенствованные земледельческие орудия имели 529 дворов (23,1%). Структура инвентаря была следующей: плуги железные — 64,2%, паровые молотилки 1,2%, конные молотилки — 10,4%, жнейки — 4,2%, сеялки — 1,4%, косилки — 6,7% грабли — 3,2%, сортировки — 0,6%, веялки — 8%, соломорезки — 0,1%. Таким образом, хуторские хозяйства были явно ориентированы на выращивание основного товарного хлеба — пшеницы, т.е. имели монокультурный характер, напоминающий ферму американского Запада.

По наличию собственной рабочей силы хозяйства хуторян распределялись следующим образом: семьи без работников — 0,3%, с одним работником — 52,2%, с двумя — 26,8%, с тремя — 11,8%, с четырьмя и более — 6,6%. Следовательно, преобладали малые семьи с одним-двумя работниками, что возможно указывает на то, что рабочая сила семьи не играла определяющей роли в хозяйстве. Однако дворы с наемными работниками также составляли всего 34%. Этот парадокс разрешается тем, что переписчики фиксировали постоянных и сроковых рабочих. Реально же самой распространенной рабочей силой были поденщики, которые нанимались для уборки урожая. На этот счет имеются многочисленные указания в источниках, известна также приблизительная цифра ежегодной потребности Новоузенского уезда в таких рабочих — от 75 до 100 тыс. человек в год³⁴⁰.

Основные характеристики хуторских хозяйств Новоузенского уезда по материалам подворной переписи 1889 г. представлены в табл. 69.

³⁴⁰ ГАСам.О. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1281. Л. 9-16, 30; Сборник заключений по вопросам, относящимся к пересмотру Положения 12 июня 1886 г. о найме на сельские работы: Заключение губернских совещаний. СПб., 1898. С. 10.

Таблица 69. Хуторское хозяйство Новоузенского уезда Самарской губернии (группировка по количеству рабочего скота. В % к итогу)

	Число хоз-я	Число душ	Число ра- ботн. в се- мье	Дво- ров с наем. рабо- чими	Число наем. рабо- чих	Дво- ров с с куп. зем- лей	Дворов имеющ. более соверш. орудия	Дворов арен- дую- щих землю
Без раб. скота	8,1	5,1	4,8	0,3	0,1	2,1		4,2
С 1 гол. р.с.	11,9	8,8	9,3	1,5	0,5	3,2		11,4
С 2-3 -"-	15,3	12,0	12,6	1,5	0,5	8,8	1,1	15,6
С 4 -"-	8,1	7,5	7,3	1,5	0,6	5,6	2,1	8,8
С 5-10 -"-	2,09	21,9	21,6	15,9	5,6	21,9	19,3	22,7
С 10-20 -"-	16,3	19,7	19,9	27,9	13,3	19,1	23,4	17,0
Более 20 -"-	19,4	25,0	24,5	51,3	79,4	39,3	54,1	20,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Насколько точно отражает принятая земскими статистиками группировка по рабочему скоту экономические типы в хуторском хозяйстве, видно из того, что почти по всем основным показателям разграничительная черта проходит между хозяйствами на одном уровне. Хозяйства с числом рабочего скота свыше четырех голов имели качественно иные показатели, нежели те, что не достигли этого рубежа. По-видимому с него и следует вести отсчет по-настоящему фермерского хозяйства. И таких хозяйств у хуторян Новоузенского уезда было более половины (56,6%).

Таблица 69. Продолжение

	Арендной пахотной земли		Посевн. площадь	Раб. скот	Продуктивный	Жилые постройки	Торгово-промыш. заведения
	наделной	вненаделной					
Без рабочего скота	0,1	0,2	0,2		0,5	7,1	4,7
С 1 головой рабочего скота	0,4	0,7	0,8	0,7	2,0	11,4	8,7
С 2-3 - "	2,0	1,5	2,1	2,1	3,8	15,2	30,7
С 4 - "	1,1	1,2	1,9	1,9	2,9	8,1	2,7
С 5-10 - "	14,6	8,3	9,4	8,7	12,9	21,2	8,0
С 10-20 - "	18,1	13,6	13,9	15,2	18,0	16,8	8,0
Более 20 - "	63,7	74,5	71,7	71,4	59,9	20,2	37,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 7. Новоенский уезд. Самара, 1890. С. 450-453.

К сожалению, подворные переписи не содержат данных бюджетного характера, и мы не можем судить о доходах и расходах каждого хозяйства, но остальные характеристики налицо. Поэтому внутренний строй можно представить в виде следующей матрицы коэффициентов корреляции (см. табл. 70).

При всей приблизительности полученной картины (вариационные ряды выстроены в соответствии с группировкой по рабочему скоту, малое число наблюдений предполагает жесткие доверительные границы) внутренние связи достаточно тесные. Единственный признак как бы выпадает из общей системы — рабочая сила семьи. Выше уже делались предположения на этот счет. Возможно, отсутствие значимой связи объясняется также и тем, что

часть хуторян вела двойное хозяйство — на хуторе и в общине. Во всяком случае перед нами хозяйство, размер которого жестко не привязан к численности семьи, ее рабочей силе, в то время как наемная рабочая сила, напротив, была неотъемлемой частью системы хозяйства.

Таблица 70. Внутренний строй хуторского хозяйства Новоузенского уезда Самарской губернии
(коэф. линейной корреляции $r=0,...$)

	1	2	3	4	5	6
Рабочая сила семьи	-					
Наемная рабочая сила	764	-				
Посевная площадь	724	988	-			
Рабочий скот	753	986	999			
Продуктивный скот	810	975	992	995	-	
Орудия труда	825	964	974	976	983	-
Средний коэф. корр.	778	935	939	941	951	944

Источник тот же.

Таблица 71. Внутренний строй хозяйства крестьян и колонистов Новоузенского уезда Самарской губернии ($r=0,...$)

	1	2	3	4	5	6	Ср.
	КОЛОНИСТЫ						
Рабочая сила семьи	-	954	924	934	962	855	925
Наемная рабочая сила	711	-	979	982	984	933	966
Посевная площадь	866	961	-	999	992	983	975
Рабочий скот	877	956	999	-	994	979	977
Продуктивный скот	952	887	976	981	-	963	979
Орудия труда	816	981	993	992	952	-	942
Средний коэф. корр.	844	899	959	961	949	946	-
это.	крестьяне						

Источник тот же.

Два других крупных разряда представляли собой хозяйства общинников-крестьян разных национальностей и колонистов (немцы). Среди последних считались 190 домохозяев-меннонитов, вла-

девших земель в Малышевской волости на подворном праве. Внутренний строй этих хозяйств представлен в табл. 71.

Таблица 72. Крестьянское хозяйство Новоузенского уезда Самарской губернии (группировка по рабочему скоту. В % % к итогу)

Группы хоз-в	Число хоз-в	Число душ	Число ра-ботн. в се-мье	Дво-ров с наем. рабо-чими	Число наем. рабо-чих	Дво-ров с куп. зем-лей	Куп. зем-ли	Дворов арендующ.	
								вне-на-дел.	на-дель-ных
I. Без рабочего скота	20,8	13,9	15,0	1,6	1,1	1,3	0,2	2,5	4,2
II. С 1 головой рабочего скота	16,4	13,3	13,7	1,1	1,0	-	-	7,9	7,9
III. С 2-3 -"-	26,5	25,7	25,3	3,6	2,2	3,9	0,5	25,2	23,0
IV. С 4 -"-	11,5	12,8	12,4	5,7	3,2	2,6	0,1	16,3	15,7
V. С 5-10 -"-	17,2	21,9	21,6	34,9	21,1	6,6	0,9	27,9	31,6
VI. С 10-20 -"-	5,8	9,1	8,9	36,3	32,9	30,3	6,1	14,1	13,4
VII. Свыше 20 -"-	1,8	3,3	3,1	16,8	38,4	55,3	92,2	6,1	4,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Он мало чем отличается от хуторского: то же абсолютное совпадение колебаний количества рабочего скота и посевной площади ($r=0,999$), столь же тесная связь между всеми основными хозяйственными факторами. Основным отличием является разница в среднем коэффициенте корреляции первого признака — рабочей силы семьи. Судя по всему, семейный характер хозяйства был в наибольшей степени присущ колонистам и меннонитам. Это

Таблица 72. Продолжение

Группы хозяйства	Площадь посевов		Доля пш-цы во всем посеве	Дворов с усов. инвентарем	Кол-во усов. инвентаря	Рабоч. скот	Продукт. скот
	Все-го	Пшеницы					
I.	2,8	3,0	76,3	-	-	-	4,2
II.	5,2	5,1	71,2	0,1	0,2	3,8	7,0
III.	17,1	16,6	69,5	8,6	5,7	15,2	19,7
IV.	11,6	10,9	67,8	16,3	11,3	11,0	13,2
V.	26,8	26,0	69,9	49,7	37,6	28,9	30,1
VI.	19,3	19,7	73,7	17,2	22,8	22,3	16,4
VII.	17,2	18,7	78,4	8,1	22,4	18,8	9,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Подсчитано по Сборнику статистических сведений. Т. 7.

объясняется тем, что немцы-колонисты и меннониты (особенно последние) жили замкнутыми общинами, обособленно. Конечно, они пользовались наемной рабочей силой, она даже имела большее значение для организации хозяйства, чем семейная ($r=0,966$), однако высокий коэффициент корреляции между первым и вторым признаками ($r=0,954$) свидетельствует о том, что наемные рабочие чаще и больше использовались в тех семьях, которые больше имели своих работников.

Наибольший интерес представляет крестьянское хозяйство, ибо колонисты, при всей их важности для двух южных уездов Самарской губернии, все-таки составляли меньшинство в пределах всего поволжского региона. Крестьянский же двор был абсолютно господствующим явлением. Основные характеристики крестьянского хозяйства представлены в табл. 72.

Группировка по рабочему скоту показывает существенное отличие от хуторян: малосильные дворы (безлошадные и однолошадные) составляли 37,2%, средние (от 2 до 4 гол.) — 38% и крупные (свыше 4 гол.) — 24,8%. Примерно такой же почти равномерный расклад по душевому составу и семейной рабочей силе. При этом наибольший процент по этим признакам дает хозяйство с 2-3 гол. рабочего скота. Следующие данные таблицы, характеризующие экономическую мощь хозяйств, рисуют полное превосходство группы дворов с 5-10 гол. рабочего скота. Вероятно, эта группа представляет собой наиболее оптимальный тип хозяйства для данной местности. Именно у этого типа устанавливается паритет в использовании своей семейной рабочей силы и на-

емников (21,6% и 21,2%). В более крупных дворах видим резкое преобладание наемной силы над семейной. У них же находилась почти вся купчая земля. Аренда же земли преобладала у средних дворов. Все остальные столбцы таблицы убедительно подтверждают превосходство среднего типа хозяйства в сфере производства. Полученная статистическая картина подводит нас к типологически важнейшему выводу: в среде общинников вырастала хозяйственная тенденция, не вписывавшаяся в приведенную выше фермерскую схему. Это были хозяйства средней мощности, имевшие самостоятельное экономическое значение рядом с близкими к фермерским, к которым мы с полным правом можем отнести шестую и седьмую группы (хозяйства с количеством рабочего скота свыше 10 гол.). Последние были на виду, они бросались в глаза современным наблюдателям, создавали впечатление "американского" хозяйственного ландшафта (вместе с крупными частными владельцами из крестьян), но основу все-таки составляли хозяйства крупнокрестьянские, в которых рабочая сила семьи либо преобладала над наемной, либо была ей равнозначима. Важным свидетельством тому мы считаем данные об удельном весе основного рыночного продукта степного края — яровой пшеницы — в общей структуре посевов, приведенные в табл. 72. Крайние группы дают наивысший процент, а ближе к центру, т.е. в среднем слое хозяйств процент этот заметно снижался. И последнее: "фермерский" район аграрной эволюции дает нам картину наименьшего расслоения; дифференциации и наибольшей силы среднего, крепкого крестьянства. Какова дальнейшая судьба этой части деревни? На этот вопрос можно ответить лишь после анализа бюджетных обследований начала XX в., но следует подчеркнуть, что в условиях тяжелого, угнетенного состояния рынка, понижения цен, когда рушилась традиционная система помещичьего хозяйства, крестьянство оказалось вполне дееспособным. В деревне выросли слои хозяйств, способных взять в свои руки обеспечение страны товарным хлебом. Идентичные подсчеты по Николаевскому уезду, которые мы опускаем здесь для экономии места, показали почти полное сходство с вышеописанными особенностями хуторского и крестьянского хозяйств. Здесь также господствовал мощный слой средней силы крестьянских дворов (63,5%), в котором оказались сосредоточенными главные рабочие силы семей (66,2%). При этом пятая группа хозяйств (от 5 до 10 гол. рабочего скота) концентрировала почти половину всех хозяйств с наемными работниками (46,6%), на нее приходилось 37,3% всех

наемных сил. Она выступала главным арендатором надельной земли (41,8%)³⁴¹. К сожалению, сведения по Николаевскому уезду собирались по усеченной программе, отсутствуют данные о посевных площадях, купчих землях, усовершенствованном инвентаре. Однако можно отметить, что пятая группа хозяйств по некоторым параметрам была ближе к фермерскому слою, нежели в Новоузенском уезде. В целом главную роль в производственно-экономическом строе степного Заволжья следует признать за таким массовым явлением, как крепкое крестьянское хозяйство полутрудового типа, не утратившее своих семейных устоев, несмотря на полную включенность в систему рыночных отношений и товарного производства. Эта особенность русского фермерства имеет принципиально важное значение при сравнении его с американским.

В зоне господства традиционно крестьянских укладов с ярко выраженными национально-хозяйственными чертами крестьянский тип эволюции выражен более рельефно. Здесь не было обширных пространств свободных земель, на которые можно было бы перенести хозяйственную инициативу общинников. Сама общинно-семейная структура здесь намного устойчивее. Она определяла всю систему хозяйственных отношений. Наиболее близким из известных мировых типов крестьянской экономики является не европейский (прусский), а восточный (китайский). В этом мы согласны с А.В.Чаяновым.

В качестве объекта исследования в данном случае более других подходят уезды Казанской губернии. Здесь было проведено первое в Поволжье бюджетное обследование крестьянских хозяйств³⁴². Разделяя многие упреки в адрес этой публикации³⁴³, мы все же считаем оправданным применение этих массовых данных для анализа внутреннего строя крестьянского хозяйства. Публикация сведений произведена по каждому из 82-х крестьянских хозяйств, т.е. имеет фундаментальный характер. Серьезным изъяном данного источника следует считать отсутствие сведений о размерах надела, его структуре, посевных площадях, о разделении скота на рабочий и продуктивный, о количестве земледельче-

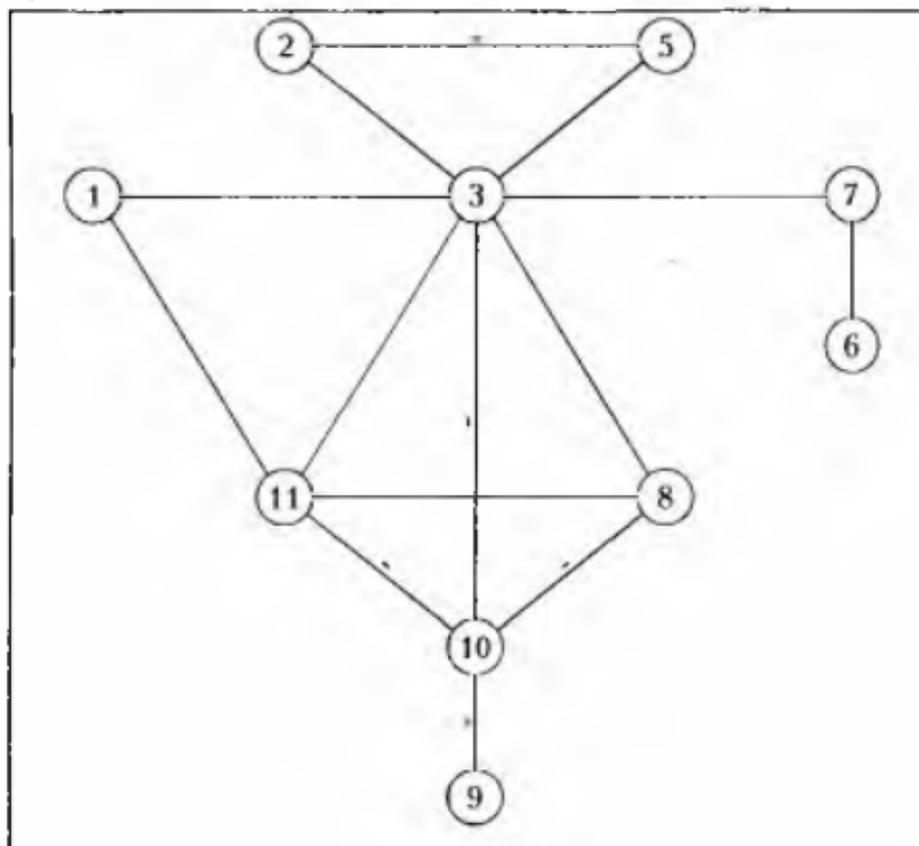
³⁴¹ Посчитано по: Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 6. Николаевский уезд. С. 828-831.

³⁴² Крестьянские бюджеты. Вып. 1. Вступительный. Сведения о 82-х крестьянских бюджетах, собранные путем рассылки бланков гг. корреспондентам Бюро. Казань, 1899.

³⁴³ См.: Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. С. 31-32.

ских орудий. Однако довольно подробная доходно-расходная часть обследований во многом компенсирует указанные недостатки. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 73.

Поскольку значимые показатели в данном объеме совокупности начинаются с уровня $r=0,31$, граф сильных связей имеет следующий вид:

Центральное положение в хозяйственном комплексе занимал признак 3 (сбор хлебов). Он имел наивысший средний коэффициент корреляции (0,27). Сбор хлебов определял уровень двух других важнейших показателей — товарную массу хлеба и долю дохода от его продажи в структуре валового дохода. На графе хорошо видно, что треугольник, образуемый этими тремя признаками, следует считать "ядром" хозяйства крестьянского типа. Наемный труд во всех обследованных хозяйствах отсутствовал. Все

Таблица 73. Внутренний строй крестьянского хозяйства Казанской губернии в конце XIX в. (коэфф. корр. $r=0,...$)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Семья (чел.)	-										
Скот (черед)	24	-									
Сбор хлебов	43	33	-								
Расх. натур.	-08	-04	21	-							
- ^н - на скот	05	-34	42	28	-						
- ^н - ден. общ.	29	26	27	25	14	-					
- ^н - на инв.	-06	15	31	07	24	37	-				
Доход ден.											
от з/д	11	21	63	-06	04	-12	13	-			
- ^н - от скот.	-1	05	03	-09	04	015	013	-08	-		
- ^н - от пром.	-02	-11	-40	09	03	24	-06	-63	-31		
Товар-ть з/д	33	05	47	-07	-02	06	06	58	03	-31	-
Средний	13	08	27	05	09	16	11	08	-03	-15	12

Источник: Крестьянские бюджеты. Вып. 1. Казань, 1899.

опиралось на рабочие силы семьи. Однако мы не видим здесь тех пропорций, которые характерны для частновладельческого или фермерского, т.е. капиталистически организованного хозяйства. Численность семьи тесно коррелировала со сбором хлебов, но не была связана с доходно-расходным механизмом в его производственной части. Отсутствие линейной зависимости денежного оборота от основной характеристики рабочих сил свидетельствует о принципиально иной логике, ином хозяйственном этосе крестьянской семьи. Яркий показатель — признак 4 (расход хлеба на еду). Он вообще не имел значимых коэффициентов. Известно, что для поддержания хозяйства крестьянин не колеблясь настолько сокращал потребление, что оно граничило с голоданием. Питание членов семьи могло в большей степени зависеть от традиционного для данной местности (еще чаще — от национального) уклада жизни, нежели от хозяйственной конъюнктуры. В Поволжье этими качествами отличались чуваша. По наблюдениям заведующего статистическим бюро казанского земства В.Ф.Залеского, чуваша умели "сокращать свои потребности до такого минимума, который для русских недостижим"³⁴⁴. Расход хлебов на скот, напротив, имел очень тесную прямую связь со сбором, но также не

³⁴⁴ Крестьянские бюджеты... С. 21.

коррелировал с денежной частью бюджета. Ничего удивительно-го: при первой возможности крестьянин стремился усилить рацион скота, особенно рабочего, часто в ущерб собственному пропитанию, однако покупать что-либо для этих целей считалось верхом неблагоразумия.

В крестьянском хозяйстве отсутствовал рациональный денежный доходно-расходный механизм, знакомый нам по другим типам хозяйства. Общий расход никак не был связан с основными статьями дохода, следовательно, размер его мотивировался иными соображениями, нежели капиталистическое расширенное воспроизводство.

В отрицательной взаимосвязи с вышеописанной системой находился признак 10 (доля дохода от промыслов в валовом доходе). По большей части это были заработки на стороне. Отходники покидали семейное хозяйство не от хорошей жизни. Из ответов уездных земств Казанской губернии на вопрос ИМОСХ о передвижениях сельскохозяйственных рабочих видно, что крестьяне уходили на работу в Самарскую и реже в Астраханскую губернии. Кроме того, из Цивильского уезда был отход на золотые прииски и Уральскую железную дорогу. Заработки достигали 120-150 руб. в год. Более половины его тратилось на дорогу³⁴⁵. Иногда не только не было заработка, но и приходилось возвращаться "при помощи милостыни"³⁴⁶. Промыслы были в основном добыванием необходимых средств на уплату податей и повинностей, мирских сборов, покупку нехлебных продуктов питания, одежды и обуви, керосина, колесной мази и т.п. Отпускали рабочую силу, как правило, те хозяйства, благосостояние которых было ниже среднего уровня. Отрицательный характер корреляции с товарностью земледелия и особенно с главным показателем состоятельности семьи — сбором хлебов указывает на альтернативность промыслов и хлебопашества во внутреннем строе крестьянского хозяйства. В целом же крестьянский тип организации хозяйства предполагал сочетание разных отраслей, сельскохозяйственных культур, замкнутый цикл основных производственных процессов, затрат труда и капитала.

В заключение сведем все выявленные типы хозяйств воедино и попытаемся проследить эволюцию аграрного строя в целом. Наиболее полные и сравнимые данные по региону собраны поземельными переписями 1877 и 1905 гг. Воспользуемся также методом типологии аграрного (поземельного) строя, который пред-

³⁴⁵ ЦГИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2126. Л. 70-72 об.

³⁴⁶ Там же. Л. 70 об.

пожен Лениным³⁴⁷. Результат тем более важен, что до сих пор не было попыток сопоставить материалы этих двух переписей. Ленин, как известно, воспользовался статистикой землевладения 1905 г., чтобы показать соотношение экономических типов и построить прогностическую модель возможного благоприятного для массы крестьянства разрешения аграрного вопроса путем уравнительного перераспределения всех земель в его пользу. Наша задача — выяснить реальный ход аграрной эволюции до 1905 г., чтобы проверить базовый тезис Ленина о повсеместной буржуазной дифференциации российской деревни. Рассмотрим сначала весь регион в целом (см. табл. 74).

Таблица 74. Поземельный (аграрный) строй Поволжья в 1877-1905 гг.

Хозяйства площадью (дес.)	Владений		Площадь		Средний размер владений
	%%	%%	(дес.)	%%	
До 10 дес.	432818	37,4	2937403	11,4	6,8
10-20	495437	42,8	6861475	26,5	13,8
20-500	225320	19,5	78886339	30,5	35,0
свыше 500	3172	0,3	8176423	31,6	2577,7
Итого	1156747	100,0	25863940	100,0	22,4
Не распределены по владениям		-	6364569	-	
Всего	1156747	-	32218509	-	27,8
1905 г.:					
До 10 дес.	1141203	65,9	5876017	23,5	5,1
10-20	428169	24,7	6080375	24,3	14,2
20-500	158510	9,2	6230838	25,0	39,3
свыше 500	3410	0,2	6794238	27,2	1992,5
Итого	1731292	100,0	24981513	100,0	14,4
Не распределены по владениям	-	-	6615600	-	-
Всего	1731292	-	31597113	-	18,2

Источник: Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. Губернии Центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 97.; То же. Вып. IV. Губернии Нижне-Волжской области; Статистика землевладения 1905 года. СПб., 1906. Вып. 2, 7, 12, 22, 28.

³⁴⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 203-205.

Таблица 75. Аграрный строй помещичьего района в 1877-1905 гг.

Типы хозяйств	Владения		Площадь		Средний размер влад.
		%	(дес.)	%	
До 10 дес.	296304	53,0	1954701	17,9	6,6
10-20	225037	40,2	3003969	27,6	13,3
20-500	36320	6,5	1422310	13,1	39,2
свыше 500	1907	0,3	4508372	41,4	2364,1
Итого	559568	100,0	10889352	100,0	19,5
Не распределены по владениям	-	-	1776916	-	-
Всего	559568	-	12666268	-	22,6
1905 г.:					
До 10 дес.	785254	81,1	3462528	34,6	4,4
10-20	119124	17,5	2150084	21,5	12,7
20-500	12087	1,2	1272866	12,7	105,3
свыше 500	1803	0,2	3118709	31,2	1729,7
Итого	968268	100,0	10004187	100,0	10,3
Не распределено по владениям	-	-	1985994	-	-
Всего	968268	-	11990181	-	12,4

Источник тот же.

Общий вид аграрной эволюции на протяжении последней четверти XIX в. состоял в том, что резко выросло количество мало- и среднесильных хозяйств крестьянского типа и одновременно сократилось число средних крестьянских, а также крупных, среди которых были как крестьянские так и фермерские хозяйства. Несколько возросло число патифундий, но понизился их удельный вес в аграрном строе. В этом проявился процесс мобилизации. В таблице учтены владения всех сословий, как дворян, так и купцов и крестьян. Показатель площади выражает ту же тенденцию: повысился удельный вес только у хозяйства низшего типа. У остальных наблюдалось снижение. Из сопоставления средних размеров владения видно, что снижение произошло в крайних группах — у мало- и среднесильных крестьян и патифундистов. Крепкое крестьянство и капиталистическое хозяйство в результате движения землеустройства еще более укрупнилось. Общий вывод по региону состоит в том,

что преобладающим процессом аграрной эволюции была общая подвижка вниз.

В "помещичьем" районе эта подвижка выглядит очень рельефно. Абсолютное большинство хозяйств (81,1%) к 1905 г. оказались на грани нищеты. Средний размер здесь был ниже среднего общерегионального. Такое хозяйство не могло составить достойную конкуренцию частным владельцам. Его удел — кабала и пауперизация. На другом полюсе — хозяйства площадью свыше 500 дес. Поскольку речь идет о правом берегу Волги, то поднимать верхнюю планку до 1 тыс. дес. (как мы это делали для степных уездов) не нужно. Хозяйства помещиков размером более 500 дес. оказывали реальное внеэкономическое давление на основную массу общинников, как было показано в ходе многомерного статистического анализа.

Снизилось и положение среднекрестьянских слоев: они понесли большие потери по числу владений, сократился их средний размер. Меньше стало и крупных хозяйств, но резко возросло их землевладение в расчете на одно хозяйство. Следовательно на фоне общего малоземелья расцветало буйным цветом племя кулаков-миродов. Внешне такой строй действительно напоминает прусскую триаду: юнкер — гроссбауэр — кнехт. Однако нужно вспомнить о том, что именно в этом районе помещичье хозяйство было наименее капитализированным, богатая верхушка крестьянства не вышла за рамки паразитарного ростовищества, аграрное перенаселение не компенсировалось индустриальным сектором экономики (ввиду отсутствия последнего). Поэтому приходится признать, что в "помещичьем" районе Поволжья новые хозяйственные типы еще не сложились. Будущее аграрного строя было неясно именно из-за обнищания крестьянства. Остается только удивляться, как в условиях понижения хлебных цен (при незлитных сортах высеваемых злаковых) и усиления общего податного бремени крестьянин еще сохранял охоту и способность к самостоятельному хозяйствованию на земле.

Эволюция аграрного строя в крестьянском районе проходила при слабом влиянии помещиков на основные процессы. Они уступали по всем показателям, кроме среднего размера владений. Здесь также наблюдалась подвижка вниз, но при этом количество и удельный вес хозяйств в 10-20 дес. были значительно больше. На среднее крестьянство приходилось больше всего земли (35,9%). О капитализации крупновладельческого слоя, здесь можно говорить с еще большей осторожностью. Средний размер таких владений был слишком невелик (в 1877 г. — 29,9 дес., в 1905 г. — 33,1 дес.), т.е. не выходил за рамки крепкого трудового хозяйства.

Сюда входили и много семейные двары крестьян-общинников с полным отсутствием или слабым развитием наемного труда. В целом крестьянское хозяйство сохраняло хорошие перспективы для экономического подъема.

Таблица 76. Аграрный строй крестьянского района в 1877-1905 гг.

Типы хозяйств	Владений		Площадь		Средний размер влад.
		% %	(дес.)	% %	
До 10 дес.	110580	28,0	842665	12,0	7,6
10-20	233964	59,3	3303126	47,0	14,1
20-500	49717	12,6	1487636	21,1	29,9
свыше 500	528	0,1	1400836	19,9	2653,1
Итого	394789	100,0	7034263	100,0	17,8
Не распределено по владениям	-	-	2893269	-	-
Всего	394789	-	9927532	-	25,1
1905 г.:					
До 10 дес.	305844	58,5	2119772	30,6	6,9
10-20	184123	35,2	2490308	35,9	13,5
20-500	31887	6,1	1056067	15,2	33,1
свыше 500	617	0,1	1266497	18,3	2052,7
Итого	522471	100,0	6932644	100,0	13,3
Не распределено по владениям	-	-	2829773	-	-
Всего	522471	-	9762417	-	18,7

Источник тот же.

В фермерском районе аграрная эволюция протекала также на базе крестьянского хозяйства, но преобладающим процессом здесь была нивелировка. Рост числа мелких владений сопровождался и ростом их средних размеров. Основная масса хозяйств принадлежала к средней и многоземельной группам (от 10 до 500 дес.). Причем направление развития было таково, что центр тяжести перемещался с крупных на средние хозяйства крестьянского типа. Крупные буржуазно-фермерские хозяйства, внутренний строй которых проанализирован выше, были относительно невелики по средним размерам, несмотря на большой земельный простор.

Таблица 77. Аграрный строй фермерского района в 1877-1905 гг.

Типы хозяйств	Владений % %		Площадь (дес.) % %		Средний размер владения
1877 г.					
До 10 дес.	25934	12,8	140037	1,8	5,4
10-20	36436	18,0	554380	7,0	15,2
20-500	139283	68,8	4978693	62,7	35,7
свыше 500	737	0,4	2267215	28,5	3076,3
Итого	202390	100,0	7940325	100,0	39,2
Не распределено по владениям	-	-	1684384	-	-
Всего	202390		9624709		47,6
1905 г.:					
До 10 дес.	50105	17,2	293717	3,9	5,9
10-20	124922	43,0	1439983	17,9	11,5
20-500	114536	39,4	3901905	48,5	34,1
свыше 500	990	0,3	2409077	29,9	2433,4
Итого	290553	100,0	8044682	100,0	27,8
Не распределено по владениям	-	-	1799833	-	-
Всего	290553		9844515		33,9

Источник: тот же.

Таким образом, наиболее существенные перемены в аграрном строе произошли на протяжении последней четверти столетия. Они оказались сложнее, нежели это представлялось историкам. Разложение старого вотчинного хозяйства производило впечатление общего упадка и деградации аграрной сферы, вымирания деревни, раскрестьянивания. Но это было во многом обманчивое впечатление. Российская деревня была многолика. Основную тяжесть процессов распада крепостного хозяйства вынесли крестьяне "помещичьего" района. Положение их действительно было отчаянным. Основная масса их составила разряд малосильных хозяев. Однако все-таки не последовало полной пауперизации. Живучесть крестьянского уклада оказалась настолько велика, что в начале XX в. большая часть этих хозяйств пошла на подъем, а после аграрного переворота 1917 г. составила костяк семейно-трудового населения советской доколхозной деревни.

В крестьянской зоне реализовалась модель иного типа эволюции, при котором хозяйство общинников было свободно от непосредственного помещичье-крепостнического влияния. Но здесь сильно сказывалось аграрное перенаселение и стесненное землепользование. Крестьянин здесь выглядел, конечно, веселее, нежели в "помещичьей" зоне, но до полной экономической свободы было далеко. Единственным возможным оказалось развитие с воспроизводством семейно-трудовой организации хозяйства. Чем южнее, ближе к степным пространствам расселялось крестьянство, тем большей свободой покупки или аренды земли оно располагало. Хозяйство общинников здесь по большей части не было затронуто капитализацией, оно оставалось на семейно-трудовой орбите.

В "фермерской" зоне имел место качественно иной тип эволюции. К капиталистическим фермерам должны быть отнесены совершенно самостоятельные в экономическом отношении (и свободные в правовом) посевики. Но и здесь собственно крестьянские хозяйства составляли большинство. Они, конечно, существенно отличались от более северных (а тем более — западных) собратьев. На них не давило падающее крепостническое хозяйство. Они имели свободу выбора. Аграрный капитализм здесь получил наибольшее развитие, прежде всего, в частном владельческом хозяйстве. В целом именно "фермерский" район Поволжья и Приуралья, как и другие подобные районы свободного развития мелких товаропроизводителей, составляли надежду России, ее аграрный потенциал, вполне раскрывшийся в начале следующего столетия.

ГЛАВА V. НОВЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЭТОС

По мере трансформации традиционных устоев общества и обращения к земледельческому хозяйству тех сословий, которые прежде были далеки от него, складывался новый хозяйственный этос³⁴⁸. Главными организаторами сельского хозяйства к концу

³⁴⁸ Понятие "этос" мы считаем в данном случае наиболее точно отражающим содержание-описываемого явления, т.к. оно применяется к социальным группам, а не к индивидам и лишено той двойственности в толковании, которая присуща более привычному термину "этика". Здесь мы присоединяемся к точке зрения польского ученого М.Оссовской. — См.: Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М., 1987. С. 26. В качестве более широкого, но близкого по смыслу, мы вводим также понятие "аграрный менталитет". — См.: Савельев П.И. Аграрный менталитет русского дворянства в XIX в. // Общественно-политические движения России XVIII-XX в. Самара. 1993. С. 25-35.

XIX в. становились, кроме крестьян, также дворяне и купцы. Их хозяйственный этос имел чрезвычайно важное значение для путей аграрной эволюции, проникновения в деревню индустриальной цивилизации и буржуазного духа.

Стержневой идеей, издревле определявшей менталитет русского дворянства, была идея служения Отечеству. В конкретной жизни она воплощалась в службе государевой и службе земской. В допетровской России эти два понятия в сознании дворян были слиты воедино: без службы не давались поместья, без поместья невозможна была достойная ("конно, гладно и оружно") служба государю. Петровский указ о единомаследи впервые проявил раздельную черту между государственной службой и помещьем, и с этого времени понятие "поместное дворянство" обрело свой общепотребительный смысл.

Выделение хозяйственных забот в качестве основных стало фактом сословного менталитета, несмотря на то, что указ о единомаследи не прижился в последующей истории российского дворянства. Происшедший перелом отразила вотчинная документация, что было давно отмечено историками³⁴⁹. Прimitивные боярские "памяти" и "наказы" XVII в. уступили место подробным и хорошо проработанным во всех подробностях инструкциям для управляющих имениями. Они получили в XVIII в. весьма широкое распространение³⁵⁰. В историографии отмечена также их близость к петровскому регламенту³⁵¹. Императорское Вольно-экономическое общество (ИВЭО) провело конкурс образцовых наказов. Награды были присуждены П.И.Рычкову и А.Т.Болотову.

Век XIX-й потребовал от дворянства России коренной переработки привычек и понятий, усвоенных их предками. Это был век расставания с романтическим великолепием екатерининской эпохи. Уже холодный душ непродолжительного, но памятного правления Павла I заставил искать спасения от непредсказуемых превратностей службы. Затем последовали меры Александра I по созданию всемогущих бюрократических ведомств — министерств, что еще более укрепило поместных дворян в их стремлении отстоять свою независимость опираясь на доходы от собственного хозяйства. Это

³⁴⁹ См.: Петровская И.Ф. Об изучении поместно-вотчинных архивных фондов // Проблемы источниковедения. Т. VI; Новосельский А.А. Вотчинник и его хозяйство в XVIII в. М.-Л., 1929 и др.

³⁵⁰ См.: Волков С.И. Инструкция управителям дворцовых волостей 1731 г. // Исторический архив. 1951. Т. VI.

³⁵¹ На это указал Б.Г.Литвак. — См.: Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX-начала XX в. М., 1979. С. 17.

вызвало интерес к сельскохозяйственным познаниям, которые после Отечественной войны 1812 г. стали почти модой. В высшем свете все чаще звучали речи о новых методах хозяйствования, заморских машинах, удобрениях и сложных севооборотах. В одном из таких великосветских салонов Москвы в доме князя С.И.Гагарина возникла идея создать Общество сельского хозяйства. Кроме хозяина дома, основателями Общества стали князь Д.В.Голицын, граф П.А.Толстой, граф С.С.Апраксин, Д.М.Полторацкий, Н.Н.Муравьев, А.А.Витовтов, Л.Л.Карбонье и А.М.Пушкин³⁵². Официальное открытие Общества состоялось в 1820 г.

Большинство помещиков по-прежнему считало, что панацеей от всех хозяйственных бед является "хороший управляющий". Курский помещик А.А.Ауэрбах писал по этому поводу: "После преобразований, произведенных в России Петром Великим, дворяне русские, вступившие в новые отношения ко двору и остальной Европе, вскоре начали чувствовать недостаток денежных средств для нового образа жизни; прежними доходами со своих поместий, достаточными для их предков, они уже не могли довольствоваться и были вынуждены изыскивать средства к увеличению их. Учащенные сношения с Западом и сравнение нашего сельского хозяйства с тамошним побуждали многих помещиков наших приняться за преобразование своих вотчинных хозяйств: за введение улучшенных способов земледелия и строгого порядка в управлении. Вследствие этого управление их именьями посредством старост и дворецких сделалось недостаточным и начали появляться управляющие"³⁵³.

Число управляющих в XIX в. быстро выросло, но вскоре мнение помещиков о них стало круто меняться. Многие дворяне говорили об управляющих как о "весьма пестрой толпе людей всех возможных сословий и степеней образованности", которые "не заслужили ни уважения, ни значения", дали немало "примеров невежества и безнравственности"³⁵⁴.

Острота вопроса об управляющих была отмечена Заблоцким-Десятовским, который заметил, в частности, что в Саратовской губернии управляющими крупных имений все чаще становились поляки³⁵⁵. Сохранились воспоминания саратовского помещика Шомпулева об управляющем именьями князя Л.В.Кочубея поль-

³⁵² Краткий обзор 50-летней деятельности ИМОСХ с 1820 по 1870 год. / Сост. секретарь его Н.П.Горбунов. М., 1871. С. 3.

³⁵³ ЦГИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1404. Л. 3.

³⁵⁴ Там же. Л. 3-об.

³⁵⁵ Заблоцкий-Десятовский А.П. О крепостном состоянии в России. С. 296.

ском дворянине О.Н.Ветвицком, который вел хозяйство с размахом, резко увеличил доходы князя, но после реформы 1861 г. вскрылись подробности этого управления и истинный облик самого Ветвицкого — жестокого и развратного человека. На его совете оказалось много изломанных судеб крепостных из села Широкий Карамыш³⁵⁶. Ветвицкий успел нажить состояние и притом вполне официально. Кроме жалованья, он получал еще 10% со всех доходов князя, завел знатную псовую охоту, купил даже полторы тысячи десятин земли в Аткарском уезде. Когда все вскрылось, он был арестован, но в тюремном замке инсценировал смерть и даже свои похороны, а затем тайно бежал из России³⁵⁷.

Вольные управляющие немилосердно крали. Один из таких, служивший у другого князя Кочубея в с. Рыбушке, угнал более тысячи голов лучших шпенских овец в имение своего тестя и отказался при этом от должности. Когда же князь С.В.Кочубей возбудил против него судебное дело, он симулировал сумасшествие, при посещениях его начальством и истцом в саратовской больнице усердно поедая мыло, был отпущен и "по миновании катастрофы... зажил припеваючи со своим тестем"³⁵⁸.

Помещики средней руки реже прибегали к найму управляющих. В отличие от патифундистов, которые проживали в столицах, а в имения свои заглядывали очень редко, средние и мелкие помещики большую часть времени проводили в имениях и могли контролировать действия своих доверенных. Заблоцкий-Десятовский писал, что помещики эти, "жалуясь на неспособность и корыстолюбие сих людей, чаще вверяют управление собственным крепостным, руководствуясь тою мыслью, что "собственный человек, во-первых, дешевле, а, во-вторых, если и плут, то украденное им от рук помещика не уйдет, накрававший откупается"³⁵⁹. Правда, помещикам приходилось мириться с тем, что, "не имея никакого образования, они неспособны ни к каким улучшениям, ведут хозяйство по обыкновенной рутине, стараясь извлечь наибольшее массово сил, а не искусством и потому обременяют крестьян работами"³⁶⁰.

Отношение помещиков к проблеме организации хозяйства и его управления начало стремительно меняться в 40-50-е гг. XIX в. Новая эпоха заставила их взглянуть на свое имение глазами раци-

³⁵⁶ Шоппудев В.А. Мнимоумерший: Из записок старого помещика. // Русская старина. 1898. Т. 94. № 5. С. 347-350.

³⁵⁷ Там же. С. 348.

³⁵⁸ Там же. С. 347-348.

³⁵⁹ Заблоцкий-Десятовский А.П. О крепостном состоянии... С. 296.

³⁶⁰ Там же.

онального хозяина. В архиве ИМОСХ сохранились два проекта разрешения болезненного вопроса об управляющих. Первый был представлен смоленским помещиком князем Д. Урусовым в 1840 г. Он предложил просто закрепить вольнонаемных управляющих с помощью земских судов, куда последние должны сдавать свои виды на жительство и другие документы. Причем земским судам проект Урусова представлял право разыскивать беглых управляющих по всей стране³⁶¹.

Спустя двадцать лет упоминавшийся уже выше Ауэрбах предложил уже нечто иное — создать сословную корпорацию управляющих со взаимной ответственностью и взаимным надзором, со своим капиталом (из взносов) на выплату компенсации помещику в случае нанесения ему убытков от недобросовестности или некомпетентности управляющего, а также на пенсии престарелым, больным управляющим и их сиротам и вдовам³⁶². Этот проект также не был реализован, т.к. все мысли дворян уже были поглощены приближающейся реформой. Специальная комиссия одобрила проект Ауэрбаха, но ничего, кроме покровительства и ходатайства перед правительством, ему не обещала³⁶³.

В сознании поместного дворянства все более укоренялась мысль, что предпочтительнее лично вести свое хозяйство. Этой же линии придерживалось правительство и даже сам император. 20 июля 1835 г. Николай I приказал министру финансов Канкрину выразить благоволение через ИМОСХ тем помещикам, которые занимались улучшением сельского хозяйства. Канкрин обратился к президенту ИМОСХ князю Д.В.Голицыну с просьбой представить список для награждения наиболее отличившихся на хозяйственном поприще помещиков. На экстренном собрании Общества прозвучали фамилии наиболее активных корреспондентов "Земледельческого журнала": помещика Оренбургской губернии Поздюнина, пензенского помещика И.В.Сабурова (за развитие тонкошерстного овцеводства), саратовского помещика А.Н.Зацепина ("устроил несколько орудий по системе Гранже"), симбирского помещика П.И.Ивашева ("изобрел мельницу с вертикальным жерновом"), еще одного пензенца барона Котца ("за стремление усовершенствовать свеклосахарное производство в России") и др.³⁶⁴

В последние четыре-пять лет перед реформой 1861 г. начался тектонический сдвиг в аграрном менталитете помещиков: от воп-

³⁶¹ ЦГИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 373. Л. 2 об.-3.

³⁶² Там же. Д. 1404. Л. 6.

³⁶³ Там же. Л. 12-13.

³⁶⁴ Там же. Д. 237. Л. 1-13.

расов технологии сельского хозяйства они перешли к открытому обсуждению социально-экономических и, наконец, философских проблем хозяйства, его человеческого измерения.

В центре внимания оказался предстоящий переход от крепостного труда к вольнонаемному. "При совершающейся реформе вопрос о вольном труде стоит во главе всех других вопросов", — заявил таврический помещик Шатилов, игравший видную роль в ИМОСХ³⁶⁵. В адрес Общества и его печатного органа поступило несколько подробных описаний конкретного опыта с вольнонаемным трудом в поместьях Европейской России³⁶⁶. Члены совета ИМОСХ и его отделений в провинции сочувствовали готовящейся реформе. Поэтому они придирчиво рецензировали поступавшие записки и статьи о вольнонаемном труде, а к статьям противников реформы относились негативно. Однако итог изучения конкретного опыта не мог быть признан утешительным. Даже в тех имениях, где вольный найм давал позитивные результаты, он все-таки соединялся с барщинным трудом крепостных.

Большинство членов ИМОСХ считало, что крепостное хозяйство должно пасть. "Барщинские хозяйства не могут у нас больше существовать", — писал А.И.Кошелев³⁶⁷. Представления же дворян о механизме такого перехода были весьма абстрактными. Предполагалось, что помещики откажутся сами от обязательного труда и сразу перейдут к вольнонаемному. Нужно только устранить два главных препятствия на пути этих перемен — безденежье и отсутствие достаточного числа наемных рабочих. Однако чем глубже теоретики вникали в существо дела, тем более остывал их энтузиазм. По подсчетам специальной комиссии ИМОСХ, на переход к новому хозяйствованию потребовалось бы капиталовложений по 35 руб. серебром на дес. пашни в трех полях. На 25 губерний центральной России и Поволжья — 90 млн. руб. сер.³⁶⁸

Изыскивая источники кредитования и запугивая правительство упадком сельского хозяйства России в целом, комиссия предложила ему субсидировать дворянское хозяйство через посредство только что закрытых Приказов общественного призрения. Мотивировка: "Имея долгое время дело с приказами в провинции, землевладельцы успели к ним привыкнуть"³⁶⁹. По их мнению, предот-

³⁶⁵ Там же. Д. 1472. Л. 2.

³⁶⁶ См. подробнее: Савельев П.И. Вольнонаемный труд накануне отмены крепостного права в России. С. 25-49.

³⁶⁷ ЦГИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1473. Л. 87.

³⁶⁸ Там же. Л. 92 об.-93.

³⁶⁹ Там же. Л. 93 об.

вратить экономическую катастрофу дворянства можно было бы "дарованием землевладельцам для поддержки их хозяйства льготы, подобной той, которая дана была в последнее время мануфактурной и торговой промышленности". Предполагалось ввести в оборот новые процентные банковские билеты с уплатою по ним проектов и погашением их звонкою монетою, с тою только разницею, что билеты эти будут исключительно назначены на выдачу ссуд землевладельцам, которые взамен обязательного труда вводят у себя вольнонаемный труд и, не имея капиталов, нуждаются в пособиях³⁷⁰.

Реформа 1861 г. подвергла суровому испытанию всю систему воззрений благородного сословия. Далеко не все дворяне держали его, многие поспешили расстаться с землей. Тогда раздались голоса о близящейся гибели сословия из-за мобилизации земли, виновником которой объявлялись то министр финансов С.Ю.Витте, то Крестьянский банк. Теперь правительство и просвещенная публика запугивались перспективой исчезновения опоры российской государственности³⁷¹.

Реалистический век продолжал развенчивать романтические мечтания дворян о немедленном переходе от крепостного к вольнонаемному хозяйству. Предложение правительства о временном введении обязательного труда оказалось наиболее жизненным, ибо ни вопрос об обратном капитале, ни вопрос о наемных рабочих не был разрешен на протяжении всего пореформенного периода. Единственное облегчение состояло в том, что после реформы дворяне уже не должны были заботиться еще и о хозяйстве своих бывших крестьян. "Настоящее состояние помещичьего хозяйства есть переходное и сопряжено с довольно ощутительной потерей в доходах от имений... В таком положении очень понятно, что помещики должны были изыскивать временные средства для установления такой системы хозяйства, которая по возможности уравновесила бы прежние доходы, или по крайней мере сделала бы ущерб в доходах менее ощутительным", — писал автор военно-статистического обследования Симбирской губернии в 1868 г.³⁷². Он же отметил, что при вольнонаемной обработке с

³⁷⁰ Там же. Л. 92.

³⁷¹ Заломанов Н.П. Дворянское землевладение и меры к его сохранению и развитию: Историческая справка. М., 1900; Минутко С.А. Об упразднении дворянского землевладения при посредстве Крестьянского банка // Русское обозрение. 1896. № 12. С. 948-986 и др.

³⁷² Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 20. Симбирская губерния. Ч. 2. СПб., 1868. С. 521.

"удержанием прежней системы хозяйства" доход от имени уменьшался на одну шестую часть по сравнению с крепостной системой³⁷³. Выход был найден в возможно более длительном существовании обязательного труда в форме отработочной системы.

Существенной особенностью психологии помещичьего дворянства в пореформенный период продолжало оставаться сознание своей сословной исключительности. Вот свидетельство одного из мемуаристов-реформаторов о калужском дворянстве: "Несимпатичная, отталкивающая сторона большинства представителей калужского дворянства заключалась... в резко сознанном и проявленном сословном эгоизме. Причем на первом плане имелись в виду всегда материальные интересы сословия; нематериальные же его интересы понимались чрезвычайно своеобразно — они сводились к чувству дворянской чести, которая истолковывалась, однако, довольно низменно. Большинство понимало под честью право первенствовать, властвовать над другими"³⁷⁴.

В первые послереформенные годы провинциальное помещичье дворянство пребывало в тревожном состоянии духа. Носившиеся в народе слухи о "черном переделе", о "золотой грамоте", о "сокрытии настоящей воли" и т.п. захватили и помещиков. Один из современников тех достопамятных времен заметил между прочим, что помещики как бы даже радовались слухам о напугающем взрыве народного возмущения: "По-видимому на этот взрыв возлагались немалые надежды в радужном для помещиков смысле регрессивного движения в деле совершившейся во очию реформы". В одном из сел Чембарского уезда Пензенской губернии автор услышал из уст местного помещика замечательное по наивности суждение относительно освобождения крестьян: "Эмансипация эта только на время дана мужикам, в наказание русскому дворянству за то, что оно во время Крымской войны мало делало пожертвований..."³⁷⁵.

Крестьянская реформа усилила стремление помещиков к сословной консолидации, созданию сельскохозяйственных ассоциаций. К числу подобных обществ, возникших после реформы, относится Петербургское собрание сельских хозяев (ПССХ), имено-

³⁷³ Там же. С. 519.

³⁷⁴ Виктор Антонович Арцимович: Воспоминания-характеристики. СПб., 1904. С. 147. Помещик Карпенко изнасиловал крепостную девушку. При этом он говорил своей жертве, что "ей принадлежит только одна душа ее, а тело ему, как помещику и потому ее господину". — Там же. С. 184.

³⁷⁵ Якунин И. Два эпизода: Из эпохи освобождения крестьян. // Древняя и новая Россия. 1877. № 3. С. 306.

вавшееся первоначально сельскохозяйственным клубом. Устав его отразил влияние русских сельскохозяйственных обществ, знаменитого Санкт-Петербургского яхт-клуба, Императорского Русского географического общества, английского центрального клуба фермеров и смитфилдского клуба³⁷⁶. Среди учредителей были граф П.П.Шувалов, князь Б.А.Голицын, барон М.Н.Медем, А.А.Половцов, Н.М.Сольский и граф А.И.Мусин-Пушкин. Последний был избран председателем собрания.

Несмотря на более закрытый, клубный характер занятий ПССХ, внесенные на его рассмотрение доклады уже существенно отличались от дореформенных заседаний ИМОСХ. Обычным явлением стали вполне смелые и неллицеприятные отзывы об экономической политике правительства, но критике подвергались те реформаторские шаги, которые ущемляли сословные привилегии дворян в пользу коммерческих структур. Характерен в этом отношении спор между А.Н.Шишковым и В.А.Кокоревым, с одной стороны, и Д.И.Менделеевым — с другой. В 1866 г. первые выступили с докладом о винокурении, где объявили акцизную систему вредной, повинной в "чрезмерном развитии коммерческих заводов в ущерб хозяйственным (т.е. помещичьим — П.С.) винокурням", а следовательно, и в упадке скотоводства и земледелия. "Самое энергичное возражение" против ревнителей сословных льгот сделал Д.И.Менделеев, заявивший, что "в кабаке, будь он частный или казенный, нельзя видеть спасение для экономического быта народа, и не в водке следует искать исхода для улучшения состояния дел народных и государственных"³⁷⁷.

Иной характер приобрел интерес помещиков к аграрной эволюции на Западе. Если накануне реформы в периодической печати преобладали материалы об организации сельского хозяйства в Дании, Швеции, Англии, Северной Америке, то теперь помещики размышляли об аграрном строе Европы и Америки, пытались приложить западный опыт к российской ситуации, всерьез говорили о возможности ведения своего хозяйства по типу фермерского.

В 1875 г. ПССХ заслушало интересный доклад В.В.Самолевского, который по командировке министерства государственных имуществ изучал сельское хозяйство США. "Причины поразительной производительности сельского хозяйства в Северной Америке в том, заявил он, — что главные факторы хозяйства — земля, труд и капитал, находятся там в самых правильных и нормальных

³⁷⁶ Советов А. 25-летие Петербургского собрания сельских хозяев: 1864-1889. СПб., 1889. С. 3-4.

³⁷⁷ Там же. С. 80.

отношениях³⁷⁸. Автор отмечал, что Америка — это страна сосредоточения крупного капитала на средних по площади фермах. По данным Самолевского, фермерское имущество в Северной Америке оценивалось в 1875 г. в 11124 млн. долл., или по 2 тыс. долл. на каждые 25 дес. земли³⁷⁹. Докладчик сообщил также о легкости приобретения агрономических знаний и необходимости взаимного общения хозяев между собой, о дешевых газетах с хозяйственными сведениями в каждом штате, об отсутствии в Америке местных кулаков при продаже земледельческих продуктов, о хлебных биржах и комиссионерской торговле.

В 1884 г. с докладом на близкую тему об американском сельском хозяйстве выступил Н.П.Заломанов. Он считал, что Америка — "хуторное государство, и в этом источник его гигантской экономической силы, дающий возможность производить дешевый хлеб для продажи с выгодой на европейских рынках". Особое внимание Заломанова привлек американский закон о неотчуждаемости земельных участков определенных размеров за долги, ограничивающий дробление хозяйства. Отсюда — неразвитость ипотечного кредита, "лишающего хозяина доходов от земли и превращающего его в простого сборщика и передатчика банку доходов от своих земель". В итоге Заломанов предложил создать в России мелкое и среднее землевладение. В России он видит только крупное, в том числе и крестьянское: "Нельзя крестьянское землевладение называть мелким. Оно ухудшенное крупное землевладение. Это крестьянская латифундия. У нас есть десятки миллионов мелких землевладельцев и нет мелкого землевладения"³⁸⁰.

Особенно активно обсуждались помещичьим дворянством идеи неделимости и неотчуждаемости имения за долги. Перед лицом усиливающейся мобилизации земли и утраты своих владений оно приступило к разработке законопроекта о заповедных, семейно-неделимых участках. Весной 1899 г. был издан закон о временно-заповедных имениях. Однако на практике закон не получил применения. Несмотря на активную пропаганду идеи неделимых и неотчуждаемых участков путем рассылки отпечатанных типографским способом "мнений" и "проектов", она не получила поддержки в массе помещиков³⁸¹.

378 Там же. С. 96.

379 Там же. С. 97.

380 Там же. С. 93.

381 Арсеньев Ю. Мнение о неделимых дворянских участках члена Комиссии по вопросу о заповедных имениях. 1891 г. — ГАСам.О. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1405; Чемодуров А.А. Проект положения об учреждении в среде дворянских обществ семейных

Большинство помещиков видело свое спасение в другом — в денежном кредите. Значительное число их уже находилось в тенах ростовщиков, частных ипотечных банков. Столкнувшись с суровой экономической реальностью, симбирский помещик князь Тимашев даже обнаружил дар поэта-трагика:³⁸²

*Блажен, кто в кризис не нуждался,
К кредитам кто не прибегал.
Блажен, кто с банками не знался
И их когтей не испытал.*

*Блажен, кто с быта улучшеньем
Не сразу по миру пошел
И с христианским кто смиреньем
Через невзгоды все прошел.*

Немилосердный коммерческий капитал внушал суеверный ужас сословию, привыкшему ко всяческой исключительности. "Легкий заем — это сладкий яд, который мы выпиваем как приятное лекарство от временных недугов, но которое ведет к гибели, сначала превращая помещика и его наследников в приказчиков, служащих большей частью без жалованья, только за хлеб, а потом нередко и лишая их имения", — писал в 1897 г. бывший предводитель дворянства и публицист катковского лагеря А. А. Плансон³⁸³.

Таким образом, хозяйственный этос русского дворянства испытал сильные потрясения в эпоху падения крепостного права. Помещики не только были вынуждены заниматься своим хозяйством непосредственно, но и оказались втянутыми в круг понятий новой эпохи — капиталистической. Чем ответило помещичье сословие на вызов времени? Наиболее дальновидные из них еще накануне реформы призывали: "Не будем тешить своей лени, не будем делать великого зла, последствия которого отзовутся если не вскоре, то на наших детях. Благо нашей отчизны состоит не в застое, а в развитии земледелия!"³⁸⁴

Пореформенная реальность однако убеждала в ином. Поколение поместных дворян, вкусившее крепостнической отравы, так

неделимых участков. — Там же; Баратынский Н. Неделимые дворянские участки. // Русский вестник. 1883. Т. 196. Май. С. 71-86.

³⁸² ГАУО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

³⁸³ Плансон А. А. Особое совещание / Записка бывшего предводителя дворянства. СПб., 1897. С. 21.

³⁸⁴ Русинов Н. Опыт приложения вольнонаемного труда к сельскому хозяйству // Сельское хозяйство. 1860. Т. 1. № 1. Отд. 1. С. 8.

В.М.Максимов. Всё в прошлом

и не смогло отрешиться от усвоенных привычных стереотипов мышления и поведения. В конце XIX в. в сознании многих дворян преобладало по-прежнему стремление к сословным привилегиям. Так они относились к долгосрочному кредиту, винокуренному производству, заботились об административном обеспечении вольнонаемного труда³⁸⁵.

Примерно с 80-х гг. XIX в. у дворян-помещиков появились серьезные конкуренты, быстро оттеснившие их на хлебном рынке, в промышленности. Это была буйно поднимающаяся молодая поросль "чумазных лендлордов" из числа купцов, крестьян, мещан, скупавших дворянские земли и уже переходивших от хищнического выпаживания к планомерному сельскохозяйственному производ-

³⁸⁵ А.П.Корелин отметил, что "сохранение особого статуса высшего сословия, являвшегося пережитком феодальной социальной структуры, тормозило слияние его с классами и слоями буржуазного общества, формально предполагающего полное юридическое равенство граждан". — Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России: 1861-1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 287.

ству. В их растущей силе таилась смертельная угроза старопомещичьей традиции. Новое поколение дворян должно было либо как-то поладить с ними, либо вступить в схватку.

* * *

Аграрный менталитет русского купечества не имел столь глубоких, как у поместного дворянства, исторических корней. В то же время купечество обладало своим специфическим хозяйственным этосом, сформированным в сфере торгово-промышленной деятельности. В центр системы ценностей здесь всегда ставилась идея предприимчивости, стяжания богатства, идея инициативы, движения. Поэтому купцы имели очевидное превосходство перед помещиками. Даже в деле поставок хлеба для нужд армии помещикам не удалось их оттеснить. Характерен спор казанских помещиков с военным ведомством, которое в своих кондициях на 1863 г. установило минимальную поставку в 10 тыс. четвертей (кулей). Казанский губернский предводитель дворянства потребовал раздробить их до 1 тыс., ссылаясь на малые запашки, удаленность от хлебозапасных магазинов и т.п. Тогда Провиантский департамент Военного министерства предложил помещикам последовать примеру купцов, с которыми вел дела. Военным импонировало то, что "род торговли купца постоянен, и притом администрация его такова, что одни и те же силы употребляются для нескольких дел. Администрация, покупая хлеб, по окончании или при ослаблении покупок, усиливает администрацию справа, далее употребляется на сдачу хлеба, потом опять обращается к новому занятию и т.д. Весьма важно при этом то условие, что купец распоряжается с неограниченной властью, не стесняясь никакими формальностями, а пользуется каждой удобной минутой для своих распоряжений"³⁸⁶. Департамент предложил действовать не поодиночке, а составить компанию, которая и стала бы своеобразным коллективным купцом. Военному министерству отнюдь не нравилась перспектива вести дела с каждым помещиком в отдельности, "спорить против претензий каждого по каждой поставке"³⁸⁷. По мнению министерства, "помещики желают только сбить свои мелкие партии, но и при этом весьма естественном для них желании не решаются принять на себя какую-либо деятельность для того, чтобы иметь дело с казною и вместо того, чтобы составлением компании конкурировать с купцами, они на-

³⁸⁶ ЦГА Республики Татарстан. Ф. 407. Оп. 1. Д. 269. Л. 100-об

³⁸⁷ Там же. Л. 101 об.

против требуют для себя полного опекуинства со стороны казны³⁸⁸. В результате было решено отказаться от существовавшей в 1857-1862 гг. системы генерал-провиантмейстера Булгакова и перейти к размещению заказов по торгам³⁸⁹.

Купцы издавна с вождением считали на земельные владения дворян. Они не без основания взирали землю самым надежным объектом вложения капитала. Отдельные купеческие роды стали-таки крупнейшими помещиками, но в массе купечество было лишено такой возможности. 12 декабря 1801 г. Александр I именным указом предоставил купцам право покупки ненаселенных имений, "желая дать новое поощрение земледелию и промышленности народной соразмерно способам, какие Россия по пространству и положению своему имеет"³⁹⁰. По подсчетам К.В.Сивкова, более половины покупок земли (свыше 56%) приходилось на долю купцов³⁹¹.

Купцы не удовлетворялись только покупкой земли. Они хотели сравняться с дворянами и во владении людьми. Материалы Саратовской ученой архивной комиссии содержат богатый материал о купцах-крепостниках. Сердобский 1 гильдии купец А.К.Ишутин имел немало крестьян, полученных им от помещиков Владыжина, графа Толстого, Сабурова и др. Ишутин был на короткой ноге с местным городничим и приходился тестем помещику Каракозову³⁹². Правительство еще законом 14 марта 1746 г. запрещало купечеству покупать крепостных, грозя штрафом надсмотрщикам за купчими крепостями. Тогда купцы вступали в сделку с помещиками, создавая видимость посредничества в продаже крепостных по т.н. "верующим письмам". В результате таких сделок крепостными душами владели даже немцы-колонисты. К примеру, канцелярист О.В.Штольц в Саратове приобрел от помещика И.А.Аксенова крестьянского мальчика Сергея Михайлова и распорядился им на протяжении 14 лет, пока дело не открылось. Весьма часты были перепродажи по доверенностям. Так, в 1821 г. заявила иск об отыскании воли крестьянка О.Семенова, которую ее барин И.И.Юрьев (Ломовский уезд Пензенской губернии) продал на ярмарке сара-

³⁸⁸ Там же. Л. 104 об.-105.

³⁸⁹ Сазонов Г.П. Вопросы хлебной промышленности и торговли. разработанные земскими учреждениями: 1865-1890 гг. СПб., 1891. С. 310.

³⁹⁰ ПСЗ. II. Т. XXVI. № 20075; Российское законодательство X-XX вв. Т. 6. Законодательство первой половины XIX в. М., 1988. С. 28.

³⁹¹ Сивков К.В. Важный этап в переходе от феодального к буржуазному землевладению в России // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 26.

³⁹² Материалы по крепостному праву. С. 116.

товской купчихе Лозиной. От купчихи Семенова вскоре попала к священнику Сретенской церкви И.В.Добромирову и затем к дьячку. В 1823 г. суд опротестовал доверенность, по которой совершались эти перекупки, и освободил О.Семенова³⁹³. Правительство боролось с этим злом. Еще в 1816 г. вышел указ об уничтожении всех "верующих писем" и прочих доверенностей, выданных разночинцам и прочим недворянам. Наконец, 10 апреля 1823 г. были введены штрафные санкции за незаконное владение крепостными (200 руб. за женщину и 500 руб. за ревизскую душу м.п.)³⁹⁴.

Часть купцов вплоть до 1861 г. на законном основании распоряжалась крестьянами. Это были приписные крестьяне на купеческих фабриках. Их освобождение доставило владельцам немало хлопот и убытков, прежде всего в землевладении. Особенно злободневным было это для симбирских купцов, многие из которых имели такие предприятия. Так, владелец Тальской писчебумажной фабрики севастопольский 1 гильдии купец Криваксин жаловался на мирового посредника за неправильное составление уставной грамоты, по которой "представляется безземельным крестьянам, записанным по фабрике, усадебная земля и строения с отнесением усадеб к 1 разряду, вместо 2-го... уступка земли крестьянам как главной обязанности фабрики не может быть допущена без лишения владельца средств владеть своим имуществом"³⁹⁵. В ходе знакомства с делом губернское по крестьянским делам присутствие установило, что указанные в жалобе Криваксина приписные души не были вписаны в ревизские сказки и не поставляли рекрутов. К тому же заседавшие в присутствии дворяне не преминули утеснить "чумазого", и действия мирового посредника были признаны правильными.

Накануне великих преобразований купечество Казанской, Пензенской и Симбирской губерний практически не выходило за рамки торговых операций с хлебом. К 1861 г. в Казанской губернии числилось 5118 душ об.п. в составе трех гильдий, что составляло 0,35% от всего населения губернии³⁹⁶. В Симбирской губернии было заявлено 439 капиталов трех гильдий. Считая в среднем по 30 душ на капитал, получим чуть более 13 тыс. человек. Однако величина капиталов была незначительной: лишь один достигал первой гильдии, 18 — второй. Хлебная торговля оптовая была в руках иногородних купцов, которые не записывались в местное купеческое общество.

³⁹³ Там же. С. 127.

³⁹⁴ Там же. С. 115-116.

³⁹⁵ ГАУО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 61. Л. 32 об.

³⁹⁶ Материалы для географии и статистики России: Казанская губерния. С. 158.

Липинский отмечал, что "только купечество г. Симбирска выделяется несколько как по оборотам, так и по обстановке жизни, а отчасти и по большему образованию. Остальное же купечество занимается мелкой торговлей, оно бедно, и жизнь его, равно как и домашняя обстановка, несколько не отличаются от жизни и обстановки мещан. Самая записка в 3-ю гильдию побуждается во многих случаях единственным желанием освободить свои семьи от рекрутства"³⁹⁷. Капиталы симбирских купцов участвовали в оборотах главным образом ундоровской, городищенской, сенгилеевской и тетюшской пристаней. По словам того же автора, "незаметная роль купеческого класса в общественной жизни Симбирска придает городу особенный характер дворянского городка"³⁹⁸.

Иной была психология купечества Саратовской и особенно Самарской губерний. Здесь торгово-промышленный класс уже был сильно втянут в спекуляции землей. На примере самарского купечества можно проследить эволюцию в его занятиях сельским хозяйством. Еще задолго до реформы купцы успешно занимались субарендой. По сообщению губернатора К.К.Грота, из старых счетов одного из купцов ему стало известно, что с 1830 по 1842 год в Бузулукском уезде снималось до 50 тыс. дес. казенных земель их 3 коп. за дес. ежегодно, а затем пересдавалось крестьянам из платы в 20-30 коп. и дороже³⁹⁹. В 1859 г. купец Воцакин снял в Бузулукском уезде 35 участков оброчных казенных статей и 32 из них тут же сдал крестьянским обществам, другой крупный съемщик того же уезда Красиков арендовал 42 таких участка. В Николаевском уезде в руках купцов было 466907 дес. казенных земель, в Новоузенском 369526 дес. (44 участка)⁴⁰⁰.

В 1860 г. была введена повсеместная система торгов на сдачу казенных земель в долгосрочную аренду. Это вызвало настоящую земельную или, точнее, хлебную лихорадку, ибо на торги были выставлены почти нетронутые земли. Значительная часть оброчных статей мгновенно переключалась в руки купцов. В одном Николаевском уезде рост этих площадей составил 40 тыс. дес. Самостоятельных посевов у купцов в это время почти не было, ибо все поступало в субаренду крестьянам под пашни, сенокосы и пастбища. Цены подскочили до 46 коп. за дес. На 1861 г. крупнейшими арендаторами казенных земель были: Мальцевы (116395 дес.), Шихоба-

³⁹⁷ Материалы для географии и статистики России: Симбирская губерния. Ч. 1. С. 262.

³⁹⁸ Там же. Ч. 2. С. 713.

³⁹⁹ РНБ ОР. Ф. 226. Оп. 1. Д. 27. Л. 46.

⁴⁰⁰ Там же. Л. 25 об.

повы (92844 дес.), Вошакины (79502 дес.), Емельяновы (72885 дес.), Молгачевы (63658 дес.), Тареевы (40394 дес.), Зиновьевы (32696 дес.), Кузмины (57332 дес.), Бороздины 54237 дес.), Медведевы (21500 дес.), Корепановы (15000 дес.), Задковы (6703 дес.), Кочетковы (16392 дес.). Фактически все эти земли засеивались крестьянами. Они пытались бороться с купцами за право аренды, но безуспешно. Спор крестьян с купцами за землю, резко повысивший цены, привел вскоре к их резкому падению, т.к. наступил рубеж, за которым субаренда для крестьян стала совершенно невыгодной и они вынуждены были отказываться от земли. Спекулянты, особенно мелкота, разорились. Крупные съемщики понесли убытки, оставшись с неснятыми землями на руках. Заводить свои посе-вы было тем более убыточно. Грот писал, что мог бы привести более 50 фамилий из самарских жителей, занимавшихся съемами и посевами, из которых 20 оказались через то "формально несостоятельными" на сумму свыше 800 тыс. руб., а остальные 30 понесли от своих земельных операций убытки на сумму около 1,3 млн. руб., не говоря уже о множестве мелких спекулянтов⁴⁰¹.

В пореформенный период стала быстро развиваться покупка земель. Здесь активность была проявлена поистине экстраординарная. Скупались крупные имения дворян и башкир-вотчинников, мелкие клочки крестьянских участков, дачи мецан. Особенно обогатились купцы во время правительственных пожалований земель дворянам. "Правительственный вестник" сообщал в 1870 г., что за семь лет — с 1854 по 1860 г. — дворянам было роздано в Самарской губернии 142 тыс. дес., а в последующие семь лет еще 749 тыс. Значительная часть этих земель почти тотчас же переходила к купечеству, в руках которого сосредоточилось до 700 тыс. дес. Самыми крупными скупщиками земли, сосредоточившими у себя три четверти всего купеческого землевладения, были, по сути дела, лишь восемь богатейших семей — Мальцевы, Шихобаловы, Курлины, Аржановы, Корепановы, Плешановы, Ковригины и Сапожниковы. К 1868 г. у Мальцева с Корепановым собственных земель было 150 тыс. Они арендовали еще более 300 тыс. дес. казенных и около 50 тыс. дворянских. Таким образом, Мальцев со товарищи держал в руках население двух южных уездов. На самарском земельном рынке то появлялись, то исчезали фамилии ловцов удачи, которые в случае везения наживали миллионы, а еще чаще попадали в долговую яму.

В ходе мобилизации земли в губернии в пореформенный период землевладение купцов удвоилось. В 1877 г. им принадлежа-

⁴⁰¹ Там же. Л. 37 об.

по 261 владение площадью в 658466 дес., а в 1905 г. — уже 527 имений площадью в 1212430 дес. Особенно крупные владения купцов были в Николаевском (398276 дес.), Новоузенском (290418 дес.) и Бузулукском (241741 дес.) уездах⁴⁰². Покупки земель купцами устойчиво росли до начала 80-х гг. Так, в 1863-1872 гг. они приобрели 488 участков в 474,6 тыс. дес., а в 1873-1882 гг. — 599 участков в 1020136 дес. Затем покупаемые имения измельчали: в 1883-1889 г. — 867 участков в 457,6 тыс. дес. Резко упала общая площадь купленных в последний период земель. Именно на этом этапе купцы уступили первенство в покупках крестьянам, которые приобрели 2502 имения площадью в 567945 дес.⁴⁰³

Быстрый переход дворянских земель в руки купцов вызвал у благородного сословия болезненную реакцию. Дворяне на своих собраниях обвиняли "чумазых" в хищническом отношении к земледелию. Они во многом были правы, но это не остановило купцов. На юге они занимались спекуляцией землей, а на севере объектом их особого внимания были лесные участки. Лес вырубался на продажу, забрасывались дорогостоящие и малопродуктивные или вовсе убыточные дворянские затеи с садами, оранжереями, сложной песохозяйственной вырубкой и т.п. Купец-помещик был лишен всего того комплекса сентиментальности, который был характерен для непрактичных дворян, неспособных выжить в жестокой конкурентной борьбе.

Средний размер купеческого землевладения составлял в 1877 г. 2522,9 дес., а в 1905 г. — 2300 дес. Следовательно, на смену дворянской латифундии шла не менее грандиозная латифундия купца. И вот новые помещики показали себя еще худшими эксплуататорами, воспринявшими весь арсенал прежних методов. Вместе с тем, при всем внешнем сходстве формы эксплуатации крестьян старым барином и новым хозяином земли из купцов глубоко различались. Менялась совершенно психологическая подоплека отношений, исчезала патриархальная атмосфера. Уже в этом заключалась колоссальная перемена, которая больно ударила по крестьянину. Его положение резко утрачивало устойчивость, рушились привычные стереотипы и ценности, иллюзии о завтрашнем дне. Это создавало у него впечатление общего ухудшения положения. Поэтому крестьяне-старики, вспоминая прежние времена, говорили часто, что "при барине было лучше".

⁴⁰² Статистика землевладения 1905 г. Вып. 28. Самарская губерния. СПб., 1906. С. 10-13.

⁴⁰³ Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. IV. СПб., 1901. С. 104-107.

Постепенно купцы стали переходить к собственным посевам. Уже в 70-х гг. XIX в. в Новоузенском уезде купцы вели "большие торговые дела, занимаясь посевом пшеницы. Они арендуют на год несколько тысяч десятин нови; около июня они посылают по Волге из Самары, Симбирска, Казани целые артели рабочих для поднятия этой земли плугом; а весной они опять посылают пахарей, чтобы те потом засеяли и заборонили поле. В жнитво туда из разных мест отправляются массы народа для заработков"⁴⁰⁴. Перед нами весьма типичный вид хозяйствования крупного арендатора, который сам мог даже и не посещать свои посевы. Его интересовала прибыль от урожая, независимо от того, где и как он выращен. Это хищническое спекулятивное землепользование уступало место рациональному сельскохозяйственному производству на экономической запашке. Определенным рубежом здесь следует признать конец 70-х — начало 80-х гг., когда переход этот определился окончательно. Быстро вырастал пахотный клин во владениях купцов Казанской губернии, что было зафиксировано земским обследованием. Средняя площадь купеческого хозяйства составляла 176,4 дес., площадь пашни достигла к 90-м гг. 32994,1 дес. в 187 экономиях — 8,8% от всей пахотной земли в губернии⁴⁰⁵.

Свое сельское хозяйство купец строил с присущей ему основательностью, более прочно, нежели дворянин. Интересную зарисовку оставил английский путешественник, побывавший в Поволжье в конце 70-х гг.: "Русский купец в редких случаях действует по собственной инициативе; например, если ему понравится какая-нибудь машина, то он сперва обратит внимание на то, как она работает у других и насколько она выгодна, и тогда сам ее приобретает. Полнейшую противоположность в этом случае представляю прежние помещики, которые или покупают всякую машину без разбора, или же относятся ко всем хозяйственным нововведениям вполне индифферентно"⁴⁰⁶.

Примером крупного хозяйства могут служить имения купчих Новокрещеновой и Неклютиной. Имение "Черемушка" в Николаевском уезде было заложено У.М.Новокрещеновой в Госбанк по соло-вексельному кредиту в 1889 г. Из описи видно, что имение было крупным — 5141 дес. с валовым доходом в 52450 руб., причем от полеводства — 33200 руб. и скотоводства — 14450 руб. Высевались рожь, пшеница, овес по шестипольному севообороту на

⁴⁰⁴ Рот Г.Л. Очерк хлебопашества и крестьянского быта в восточной России // Русская Речь. 1879. № 3. С. 279.

⁴⁰⁵ Общий свод данных... С. 391.

⁴⁰⁶ Рот Г.Л. Очерк хлебопашества... С. 279.

площади в 630 дес. Инвентарь включал косилки "Вуда", паровую молотилку стоимостью в 6,5 тыс. руб. и грабли "Тигр" (4 шт.)⁴⁰⁷.

Еще более мощным было хозяйство А.М.Неклютиной в Бузулукском уезде. Она сама вела его со строгой экономической отчетностью, что встречалось не столь часто. Площадь имения составляла 7711 дес. Из них в севообороте находилось 2570 дес., главным образом под яровой пшеницей. Имение было хорошо обустроено: инвентарь включал все необходимое — 68 пятипарных плугов, 30 косилок "Вуда", паровую молотилку "Рансома" в 10 л.с., бороны, сбрую и т. Рабочий скот: 50 гол. лошадей, 340 быков, 42 верблюда. Действовал конный завод и т.п.⁴⁰⁸.

В то же время хозяйственный этос купцов включал в себя и варварские приемы эксплуатации окрестного населения. В 1890 г. "Экономический журнал" признавал наличие такого порядка хозяйствования, при котором "в то время, когда возят с полей экономический хлеб, крестьянам запрещается свой сноповоз. Находясь в полнейшей зависимости, они подчиняются этой мере, имеющей целью предупреждение краж экономических снопов... Нужно сказать, что образцы подобного жестокого режима нам приходилось встречать у землевладельцев-купцов и в имениях только отсутствующих дворян собственников, управляемых или остзейским немцем, или российским кулаком, не понимающим не только гражданской, но и евангельской обязанности уважать право ближнего"⁴⁰⁹.

Если дворяне стремились к господству в местной администрации, к занятию важнейших должностей в губерниях и уездах, то купцы были настоящими хозяевами экономической жизни края. Они не замыкались в узком мире своей усадьбы, сословной корпоративной организации, для них не было губернских и даже региональных границ. Их товары на пути к потребителю проделывали подчас далекий путь, пересекая границы экономических районов и государств. Купец шире смотрел и на свое сельскохозяйственное предприятие. Ему привычны были операции с деньгами, общение с коммерческими и ипотечными банками. Наконец, отметим важное обстоятельство: большинство купцов были выходцами из крестьян, причем многие были купцами в первом-втором поколении. Это накладывало отпечаток на их быт. Любопытен один из диалогов известного романа А.И.Эртеля "Гарденины". Беседуют швейцар Григорий и младший дворник:

⁴⁰⁷ ГАСам.О. Ф. 276. Оп. 1. Д. 102. Л. 8-10.

⁴⁰⁸ Там же. Д. 93. Л. 10-16 об., 33.

⁴⁰⁹ Логашев П. Крупное частновладельческое хозяйство и влияние его на экономический быт населения // Экономический журнал. 1890. Кн. 1. С. 57-58.

— Отчего это, Григорий Евлампыч, господа спят долго? — сказал дворник, опираясь на метлу. — Я вот на Калашниковой у купцов жил: те страсть как рано поднимаются.

— Вот и вышел дурак, — важно проговорил швейцар, — то купцы, а то господа.

— Что ж купцы? Чай, естество-то одно.

— Эва, махнул! Может, и у тебя одно естество с генеральшей?

Дворник не решился ответить утвердительно.

— Об нас что толковать, — сказал он, — коли из мужиков, так уж из мужиков. А я вот насчет купечества. Какие есть несметные богачи, но между прочим встают рано.

— Да купец-то, по-твоему, не мужик? Дедка его ошметком ши хлебал, а он разжился, в каретах ездит⁴¹⁰

Еще более характерен монолог состоятельного купца Силы Гордеича Чернова из романа Скитальца: "Я <...> открытый враг дворянского сословия. Они проживали, а мы наживали! Они падали, а мы возвышались <...> Дом мой в городе — тоже бывший дворянский. Деньги прожить, проесть и пропить — это преступление великое: не жалеть и не любить деньги — это значит людей уважать! Кто рубля не бережет, тот сам гроша не стоит! <...> Ненавижу дармоедов, расточителей, разрушителей! — загремел он вдруг разряжающимся голосом. — Уважаю только тех, кто создает, кто накапливает. Идея накопления капитала — это великая идея! Ей посвятил я жизнь мою: самоучка, учился в уездном училище, с пастуха начал. На себя трачу не больше, чем, может быть, самый последний бедняк тратит. Идее служу! Российский капитал воздвигаю, создаю силу, которая в общем своем составе, может быть, впоследствии все судьбы России к лучшему будущему повернет. Ведь вы подумайте, что это за сила! Каждая копейка — работай! Все кипит! Все возрастает! Пускай корни, накапливай силу. Капитал — это все! Если одни растратят, другие должны будут опять с самого начала создавать его. Без этого — гибель, без этого — смерть! Все — для создания капитала, в нем — все начала и все концы!"⁴¹¹. Эта страстная речь старого купца есть яркое свидетельство того, какие именно краски в общую палитру нового аграрного менталитета приносило торгово-промышленное сословие, какую энергию оно способно было развить в деревне.

Однако главной фигурой в деревне оставался крестьянин. Вся жизнь его была подчинена аграрному календарю. Вместе с тем,

⁴¹⁰ Эртель А.И. Гарденины, их дворян, приверженцы и враги. М., 1987. С. 5-6.

⁴¹¹ Скиталец (С.Г.Петров). Дом Черновых. Ульяновск, 1963. С. 7-8.

крестьянин воплощал в себе не только традиционный аграрный менталитет, но и определял своей этикой всю традиционную систему ценностей. Поэтому успех капитализма в деревне зависел от отношения крестьянства.

К середине 80-х гг. XIX в. завершился болезненный процесс выделения крестьянского хозяйства из старой феодальной скорлупы. С отменой с 1883 г. временнообязанного состояния пали последние юридические оковы, на которых держалось внеэкономическое принуждение. Поволжское крестьянство вышло из великих потрясений аграрной реформы в массе своей действительно дееспособным. Для его быстрого подъема и процветания необходимы были два условия — широкая свобода и увеличение землевладения и землепользования и благоприятная налоговая политика правительства. Однако таких условий не было. Интересы крестьянского хозяйства столкнулись с аппетитами помещичьего дворянства, требовавшего дешевого кредита, а также с натиском купечества, у которого одного были деньги на покупку земли. Деньги крестьян почти целиком уходили на уплату выкупных платежей, различных налогов и повинностей⁴¹². Разбогатеть в таких условиях в общине можно было лишь путем откровенного ограбления своих соседей. Потому немногочисленная состоятельная верхушка деревни приобрела (особенно в бедных, малоземельных общинах) весьма нелепые для нее эпитеты "кулаков", "мироедов" и т.п. Ее богатство вызывало у однообщинников ненависть и обостренное чувство несправедливости. В таких условиях чрезвычайно важное значение приобретали фундаментальные ценности традиционного крестьянского уклада, который практически не был затронут реформой.

Крестьянский мир имел в своем распоряжении вполне реальную форму организации традиционного уклада — общину. Она действительно вмещала в себя все крестьянское мироздание, а за ее пределами раскинулся "весь свет". Реформы в деревне даже укрепили это мироощущение крестьян всех разрядов, ибо их правовое положение было в значительной мере унифицировано. Все самые насущные дела решал сельский сход, межобщинные трения устранялись на волостном сходе. Главными фигурами на селе были староста и волостной старшина. Новые судебные уста-

⁴¹² По мнению И.Д.Ковальченко, платежи и повинности оказывали значительно большее гнетущее влияние на крестьянское хозяйство, нежели помещичьи отработки. — См.: Ковальченко И.Д. Аграрное развитие России и революционный процесс. // Реформы или революция? Россия 1861-1917. Материалы международного colloквиума историков. СПб., 1992. С. 249-250.

вы лишь скользнули по поверхности жизни громадного большинства населения губерний. Стоявшие ближе других к общине мировые посредники и мировые судьи так и остались силой чуждой, не говоря уже о полиции и появившихся позднее земских начальниках. Все это было "начальство", всякое проявление которого связывалось в сознании крестьян с новыми поборами, притеснениями. Выколачивание выкупных платежей и повинностей, карантинные мероприятия в годы эпидемий и эпизоотий лишь усилили у крестьян твердое неприятие всего, что исходило от "начальства". Как бы ни убеждали их эзевские чиновники, что та или иная мера проводится для их же, крестьян, пользы, сход либо молчал, либо охотно поддакивал, смекая тем временем, как бы лучше свалить с себя новый груз. Потому между общиной и властью сложился негласный уговор, по которому "начальство" не вмешивалось во внутриобщинные дела, а общество принимало на себя фискальные функции и во имя сохранения своей автономии бывало нередко жестоким по отношению к своим членам. Это обстоятельство породило обвинения общины в ее полицейском характере, что было несправедливо.

Самым важным событием в жизни всякой общины был передел земли. Чаще всего это были частичные переделы, связанные с выходом из общества кого-то из его членов. Поскольку малый надел не оправдывал себя и доход с него не покрывал расхода, участилось бегство с земли, вызвавшее "свалку-навалку" душ, частые жеребьевки. Вопрос о необходимости передела принимал порой тяжелые формы внутренней борьбы в общине за уравнительное землепользование. Иногда споры длились годами, вызывая тяжбу на сходе, жалобы в волость и даже побоища, убийства и поджоги. В ожидании передела домохозяева прекращали унавоживание, корчевку пней, окапывание от сусипка и т.п. Опасную напряженность создавал конфликт между заревизским поколением крестьян (т.е. родившимся и выросшим после последней ревизии) и "державцами" наделов. Рубежом стала середина 80-х гг., когда первым удалось, наконец, добиться своего и деревню захлестнула волна переделов, захватившая собой не только приволжский, но и центрально-черноземный район⁴¹³.

Велика была роль общины в формировании взглядов крестьян на преступление и наказание. Их основу, по свидетельству современников, составляло понятие о степени вреда благосостоянию народа. Поэтому те преступления, которые касались личной соб-

⁴¹³ См.: Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903, С 31-32.

ственности и безопасности, считались более тяжкими, нежели те, которые касались общественной собственности и безопасности: крестьяне считали преступлением и грехом святотатство, поджог, умышленное убийство, кражу и грабеж, в то время как уклонение от рекрутчины, стрельбу дичи в запрещенное время — не преступлением и не грехом, а проступком, покушение же на самоубийство, пьянство и развратная жизнь — грехи. Характерно, что, например, кража леса из казенной дачи не считалась даже проступком. По сообщению современника, "народ смотрит на казенный лес как бы на свою собственность, принадлежащую всем вместе и каждому в отдельности, и потому иногда приходится встречать такие суждения, из которых видно недоумение в отношении запрета пользоваться казенным лесом с полною свободою"⁴¹⁴.

Особую ненависть у крестьян вызывали конокрады, ибо их деяния подчас вели к окончательному разорению семьи. Наказания были суровыми и вершились самосудом. Здесь были свои правила. Обязательным считалось обсуждение преступления на сходе. При этом правом голоса пользовались все семейные крестьяне 35-40-летнего возраста, которые сами не были замечены ни в чем предосудительном. Таковых набиралось 8-10 человек во главе с сельским старостой или волостным старшиной. В случае отсутствия последних в председатели схода призывался опытный и авторитетнейший старик, слово которого считалось последним и безапелляционным. Решение о наказании принималось тайно и приводилось в исполнение немедленно. Известны случаи, когда по решению схода конокрады подвергались мучительному истязанию: одному из них были вбиты под ногти рук и ног деревянные шпильки; другому вору народ порешил вбить в голову железный гвоздь, и он был вбит. Особенно страшно выглядела казнь группы воров из пяти человек: сначала высекли плетью, потом посадили в наполненную дымом баню, но не добились признания. Наконец, ввернули им в голову через уши прядильные веретена, что привело к гибели подозреваемых⁴¹⁵.

Иррациональной и неоправданной выглядела в XIX в. жестокость, основанная на глубоко сидевших в сознании крестьян суевериях. Так, не считалось за преступление убийство колдуна или, чаще, колдуньи (ведуньи); в случае появления повальных болезней иногда производилось опаживание селения. При этом если кто-ли-

⁴¹⁴ Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. Русское Географическое общество. Записки по отделению этнографии / Под ред. С.В.Пахмана. СПб., 1900. С. 276.

⁴¹⁵ Там же. С. 283.

бо случайно узнавал тайну, либо попадался в момент совершения таинства, подлежал убиению, его полагалось зарыть в землю живьем.

Фундаментальной ячейкой традиционного крестьянского уклада была семья. Благодаря этнографическим исследованиям Императорского Русского географического общества, опубликованным в 70-х гг. XIX в., мы имеем довольно подробные сведения о внутреннем мире крестьянской семьи тех времен⁴¹⁶. Уже тогда наблюдатели отметили, что представление о чрезвычайной простоте семьи у русского населения, в отличие от нерусских народов, не соответствует действительности. Семья представляла собой сложный организм, особенно большая семья, сохранявшая черты родового быта. В ней насчитывалось иногда более десяти работников. По подворной описи 1867 г., семей, имевших в своем составе от 6 до 10 работников, в Бузулукском уезде было 195, а 8 семей — с числом работников более десяти. Громадная семья была известна в д. Раевке Николаевского уезда (крепостные переселенцы помещицы Раевской из Курской губернии). Во главе ее стоял большак Михайла. Семья состояла из его женатых братьев, сыновей и внуков и владела участком в несколько сот десятин. Еще отец Михайлы Иван купил у помещицы 500 дес., которые затем были присоединены к новым приобретениям⁴¹⁷. Таким образом, большая семья представляла собой настоящую общину или артель, находившуюся под контролем большака или большухи. Связующей силой ее являлось кровное родство, а в хозяйстве преобладало трудовое начало. По нему определялось имущественное право членов семьи. Кроме главы семьи, дееспособными были также взрослые работники, имевшие свою семью.

Имущественная власть главы семьи была ограничена правом на пай других членов. Поэтому завещания в большой семье не составлялись. В случае смерти большака сыновья его могли разделиться. В малой семье завещание (духовная память) практиковалось и было признано волостным судом. Власть отца в малой семье вообще значительно сильнее, ибо она была не только административной, но и имущественной. Однако здесь тоже были свои правила: отец мог привести в семью приемыша, пасынка или зятя-

⁴¹⁶ См.: Матвеев П.А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Русское географическое общество. Записки по отделению этнографии / Под ред. П.А.Матвеева. Т. 8; Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. СПб., 1877. С. 13-46. Недавно эта работа была частично переиздана под ред. проф. П.С.Кабытова. — См.: Черный перелом. Самара, 1992. С. 23-43.

⁴¹⁷ Черный перелом. С. 26-27.

влазенья, но последние не могли претендовать на часть имущества, и если что и получали, то только из милости. Наделить хорошего зятя-влазенья правом имущественного представительства отец мог только при отсутствии своего сына, либо с согласия объявить родных сыновей беспутными. В иных случаях зять-влазень отходил от семьи "с одним крестом". Мальчик-сирота, оставшийся с матерью в семье отца, со времени своей женитьбы получал полный пай. Если же мать выходила вновь замуж, он отправлялся пасынком в чужую семью, а родная освобождалась от выдачи сироте полного пая его отца.

Ряд устоев, восходящих к обычному праву, определял положение женщины, которой в малой семье жилось лучше: она свободнее распоряжалась имуществом. Все своеобразие ее положения в семье определялось тем, что она не имела доли в имуществе, но зато она обладала своим отдельным имуществом — коробьей. Это была ее привилегия. Она копила коробью всю свою жизнь на себя и детей, особенно на дочерей к замужеству. Коробья складывалась из побочных заработков (деньги за грибы, ягоды, в малой семье — молочные скопы, яйца, птица). Все женщины (бабы) получали из общего семейного запаса льняную, пеньковую или посконную нить, шерсть на одежду и обувь себе и семье. Эти выдачи были строго регламентированы с учетом семейного положения бабы (муж, сыновья). Большуха получала ровно столько же. Ее преимущество заключалось в том, что она распоряжалась женской работой, "квашней и стряпней" и "не смотрела из чужих рук куса"⁴¹⁸.

Доля семейного достояния выдавалось только на мужскую часть, девушки не получали ничего. На них мать выгадывала из своего и из части сыновей-подростков. В то же время девушки могли работать на себя (после общей работы, конечно), отправляясь в "гульку" — праздничную уборку хлеба по найму группами в 6-10 человек. Заработанное таким путем девушка откладывала в свою коробью. Последняя была неприкосновенна. Хозяин дома мог вскрыть ее, но лишь по подозрению в том, что в коробью уходит непомерное количество общесемейного достояния. Это был бы скандал. Вообще девушка в семье считалась "пустокормом". В народе ходила поговорка: "Отца-мать кормлю — долг плачу, сыновей в люди вывожу — займы даю, дочь снабжаю — за окно (на ветер) бросаю". Поэтому свадебные расходы брала на себя семья жениха: она получала работницу и должна была раскошелиться в том числе и на выкуп коробьи — т.н. кладку.

⁴¹⁸ Там же. С. 28.

Кладка отличалась от калыма именно тем, что ею выкупалась не невеста, а ее коробья.

Женщине запрещалось выступать в главных имущественных деяниях, например, в продаже хлеба, соломы и т.п. продукции хозяйства. В Тростянской волости Самарского уезда был случай, когда жена тайком от мужа продала хлеб и продешевила, т.к. у нее степенный хозяин за полную цену покупать не стал бы. Волостной суд по жалобе мужа взыскал с покупателя и продавщицы штраф в 50 коп.⁴¹⁹

Община вмешивалась в жизнь семьи лишь в том случае, когда намечался урон для всего общества. Тогда сход рядил и выносил свой приговор. К числу таких случаев относилась забота о сироте, которого слишком обделяли. Мир добивался выделения ему полного пая, т.к. из него мог выйти хороший работник, полезный член общины. Мир вступался за солдатку, которую пытались спровадить из семьи. Если она имела сына, то могла твердо рассчитывать на защиту схода.

Таким образом, крестьянская семья представляла собой замкнутый мир со своим твердым уставом, нормы которого восходили подчас к очень древним нормам обычного права. Внутри этого крестьянского микрокосма выстраивалась сложнейшая иерархия ценностей со многими оттенками в отношениях, непонятных для людей, взирающих на деревню со стороны. В то же время нельзя не заметить, что жизнь крестьянина, как ни у какого другого сословия, была на виду, имела публичный характер. Этим достигалась необходимая нравственная чистота внутрисемейных отношений, соответствующая народным понятиям. Если сопоставить с крестьянской семьей традиционный быт средней помещичьей семьи, не говоря уже об очень консервативной купеческой среде, нетрудно заметить, что она базируется в сущности на том же обычно-правовом основании, за исключением публичности. Однако, отсутствие последней порождало явления нравственной нечистоплотности, дикое самодурство, отраженные в пьесах А.Н.Островского и бытовых зарисовках С.Т.Аксакова.

После 1861 г. резко усложнились взаимоотношения поколений в крестьянской семье, что выразилось в росте семейных разделов. По отзывам уездных по крестьянским делам присутствий Симбирской губернии, в деревне обнаруживалось все больше примеров не только самовольных отделов "испорченных и непослушных" детей, но и отделов "по гнету родителей, которые, пользуясь трудом своих детей, сами проводят время в праздно-

⁴¹⁹ Там же. С. 30.

сти и все выработанное детьми проживают" (Курмышский уезд)⁴²⁰. В Ардатовском уезде к 1882 г. состоялось 16818 разделов. Из них 4733 были утверждены сходом на основании манифеста 27 июня 1863 г., остальные — самовольные⁴²¹. Причем "на сельских сходах авторитет т.н. стариков сильно упал. Отцы семейств почти не ходят на сходы, а молодежь, являющаяся на таковые, почти повсеместно повинуетя мироедам, которые несколько не заботятся об интересах самого общества"⁴²². Развилось даже своеобразное бегство большака: "Часто случается, что, накопивши деньги, он покупает землю, совершает купчую, конечно, на свое имя, отделяется от семьи и затем делается землевладельцем, владея землей уже не на правах главы семейства, а как полный собственник, отстранив от владения таковой братьев и детей"⁴²³. Упадок родительской власти как причину крестьянских разделов и равнодушия к общинным делам отмечало и симбирское уездное присутствие. За 22 пореформенных года в Симбирской губернии произошло всего 72676 разделов⁴²⁴. Похожую ситуацию вскрыла ревизия сенатора Шамшина в Саратовской губернии. По сообщению Саратовского уездного предводителя дворянства Шахматова, "за истекшие 19 лет число самовольных семейных разделов, а вследствие их число домохозяев в крестьянских обществах до того возросло, что в последние годы эти самовольно отделившиеся домохозяева, и большей частью бобыли, составляя на сельских сходах большинство, заправляют всеми делами схода, а коренные домохозяева-старики остаются в стороне, и чувствуя свое меньшинство, сами уже отдаляются от общественных дел. Отсюда неудачный выбор сельских старост, сборщиков податей, проматывающих общественные деньги... Крестьяне сами сознают страшный вред семейных разделов, но своей собственной инициативой, при слабости волостных судов, малой наказуемости действий против семейных прав и слабости сельских сходов, они не в состоянии отвратить это зло"⁴²⁵.

Обеспокоенность участвовавшими разделами прозвучала на первом Всероссийском съезде сельских хозяев в 1865 г. Участник съезда В.Д.Скарятин говорил, что "многие, глядя на наши сильно отстраивающиеся теперь деревни, видят в этом явный признак воз-

⁴²⁰ ГАУО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 648. Л. 24.

⁴²¹ Там же. Л. 10.

⁴²² Там же. Л. 7-об.

⁴²³ Там же. Л. 9.

⁴²⁴ Там же. Л. 53 об.-54 об.

⁴²⁵ РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 239. Л. 26 об.-27.

вышающегося благосостояния крестьян. А между тем, в большей части случаев эти новые постройки служат лишь первой ступенью разорения крестьянского хозяйства. Строятся не от того, чтобы богатели, а от того, что поделились"⁴²⁶. Действительно, раздел — это не то, что привычные выделы, отдели или отходы. Те не нарушали цельности хозяйства. Раздел же означал, что из одного крепкого хозяйства возникали несколько маломощных. Сами крестьяне говорили: "Поделился такой-то дом, ну и послабели во всем, что скотиной, что в лошадях, что и хлебушком"⁴²⁷. После падения власти помещика, тормозившего разделы, распад больших семей (инициаторами были, как правило, молодые хозяйки) пошел так быстро, что к концу XIX в. трудно было встретить под одной крышей две семьи даже родных братьев. Однако парные семьи в одно тягло в миниатюре воспроизводили традиционный уклад.

Важную роль в воспроизводстве традиционного хозяйственного этоса играло воспитание детей. Забота родителей о здоровье младенца была минимальна. Особенно высокой была смертность детей до одного года у православных русских крестьян. Земские статистики установили в Свяжском уезде следующий факт: "Рослая, здоровенная женщина через несколько дней после родов, как бы по установившемуся обычаю, отсылает ребенка на воспитание к своей тетке; эта тетка кормит питомца жеванными пряниками; питомец обязательно в скором времени умирает. Через небольшое число недель — новая беременность, потом новые роды, опять отправление ребенка к тетке, т.е. "на тот свет", новая беременность и т.д. Некоторым оправданием такого поведения в отношении детей может служить воззрение крестьян, которое нам приходилось слышать в том же Свяжском уезде, что молоко — не настоящая пища, а так сказать баловство; истинная же пища есть хлеб и другие плотные вещества"⁴²⁸.

В Аткарском уезде саратовской губернии в 1868 г. умерло детей до 5 лет 4840 чел., т.е. на них пришлось более половины всех умерших. Причина — неразумное обращение с детьми, обычай поручать грудных младенцев попечению пятилетних девочек, неоправданное содержание и несообразное кормление детей. К тому же "крестьянские девушки весьма рано выходят замуж. Не сложась еще правильно, не окрепнув силами, они вступают в брачную жизнь и несут не по их силам тяжелую работу замужней

⁴²⁶ Съезд сельских хозяев в Санкт-Петербурге в 1865 г. по случаю 100-летнего юбилея ИВЭО. СПб., 1866. Доклад Фон-Бушени. С. 184.

⁴²⁷ Черный перелом. С. 34.

⁴²⁸ Общий свод данных... С. 124.

В.М.Максимов. Семейный раздел

женщины. Чрез это весьма часто и так тяжелые первые роды бывают для них очень тяжкими, а иногда и не совсем благополучными...⁴²⁹ Корреспондент "Журнала землевладельцев" из Самарской губернии писал о воспитании девочек в крестьянской семье: "Это существо, которое с развитием детских способностей выучено говорить для того, чтобы уметь галарить, бегало, подворничало неумытое, нечесаное, оборванное, резвилось, дрялось с подобными себе и рисковало свернуть собственную шею. Это существо, которое лет с 13 до 16 было помыкаемо матерью на мелочные поручения вроде подсобных посылок на реку за водою, в амбар за мукою и т.п., помыкаемо было с криком, с бранью, без объяснений о том, что и как следует сделать, и если в продолжение означенного времени приучилось немножко пошить, немножко попрядь, немножко поткать, так и слава Богу!"⁴³⁰ Более высоко оценивал воспитание крестьянских детей известный публи-

⁴²⁹ Раевский А. Торговые пункты в Саратовской губернии. Саратов. 1870. С. 8.

⁴³⁰ Дроздов В. Нечто о женском поле и крестьянстве // Журнал землевладельцев. М., 1858. Т. 1. № 3. Отд. VII. С. 41.

цист и сельский хозяин А.П.Мертваго: "Какая разница в воспитании наших и крестьянских детей, которые последовательно проходят школу крестьянского хозяйства, начиная с няньки детей, пастуха, батрака в чужом дворе и только после всего этого делаются хозяевами. У крестьян все воспитание направлено к известной цели и из их среды скорее всего, кажется, могли бы выйти хозяева, но, к сожалению, отсутствие знаний и подавленность личности, выработанная крепостным правом и перешедшая уже в породу, мешают развитию посредством их хозяйства"⁴³¹.

Когда-то великий русский поэт писал: "Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна"⁴³². Способность крестьян быстро осваивать незнакомые им прежде сельскохозяйственные машины отмечал А.И.Кошелев, испытывавший в своем поместье сеялку Гаррета: "В начале первого дня рабочие (их нужно 3 человека) не умели с нею обходиться, но с половины дня работа пошла очень хорошо, а к вечеру крестьяне обходились с ней как со старым знакомым"⁴³³. Но одно дело осваивать дорогостоящую машину, когда весь риск лежит на помещике (очередная барская прихоть!), и совсем другое — рисковать самому. В своем хозяйстве крестьянин оказался не так скор на преобразования: Современники отмечали, что "в умственных способностях народ не отличается особенной быстротою, но твердостью, на новые усовершенствования не решается скоро, но подумав не откажется от полезного дела"⁴³⁴; "крестьяне совсем не так легко решаются на что-нибудь, как многие готовы думать, зато они очень, очень нелегко изменяются в мыслях"⁴³⁵. Любопытный психологический феномен обнаружился в Бугульминском уезде. Здесь неожиданную популярность приобрел местный крестьянин Т.П.Саталкин. Он одним из первых купил легкий плужок завода Рязанского товарищества. Крестьяне случайно обнаружили припрятанный на возу только что полученный на станции плужок и проявили неподдельный интерес к его достоинствам. Сам Саталкин ярко описывает, как от недоверия

431 Мертваго А.П. Сельскохозяйственные воспоминания: 1879-1893 // Бесплатное приложение к журналу "Хозяин". СПб., 6 г. С. 8.

432 Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти т. 1981. Т. 6. С. 195.

433 Кошелев А.И. Об испытании английских и американских машин и орудий в 1852 г. М., 1852. С. 8.

434 Раевский А. Торговые пункты... С. 53.

435 Кавелин К.Д. Заметки о Новоузенском крае Самарской губернии. СПб., 1863. С. 1.

И.Н.Крамской. Крестьянин с уздечкой

крестьяне перешли к просьбам заказать им точно такой же плужок: "Открылись полевые работы, поехал и я пахать с новоявленным орудием... и пошел мой плуг как вкопанный пласты винтом валить. Пашу 3 вершка глубины и 6 вершков ширины, г. шади везут легко, пашня словно бисерная; пропахал день, спашал полдесятины хозяйственной меры, и видали люди мою работу, хороша и легка моя работа, словно телеграмма облетела по народу: стали ко мне идти и ехать со всех сторон и убеждаться на практике и каждый берет за плуг, пашет и не может оторваться от него, и некоторые ревнители прямо начали просить чтобы выписать себе и стали давать задатки..." и т.п.⁴³⁶. При этом крестьяне обходили стороной земский склад, хотя там имелись плуги этого же завода⁴³⁷.

В ходе реализации реформы 1861 г., особенно с середины 80-х гг., активно формировалось новое экономическое поведение крестьянина. Он должен был переменить отношение к соседу-помещику, выработать в себе навык ведения дел с кредитором, поземельным банком и т.п., т.е. утвердиться в качестве самостоятельного хозяина. Такая перемена требовала смены поколений хозяев. Наблюдатели отмечали, что "крепостное право отозвалось сильно на характере крестьянина, оно обезличило его, лишило инициативы, ослабило силу воли. Крестьянин еще не выработал способности обобщать факты, которые все в его мозгу оставляют отдельные следы и только масса однородных фактов создает поговорки, которые можно принять за общий вывод"⁴³⁸. Отмечены и более тонкие особенности настроения крестьян: осенью, в новый хлеб, крестьянин благодушен, "всякий ему кажется хорошим человеком", а к лету, когда "нахватано в разных местах работы ради прокормления своей семьи, краски его настроения сгущаются"⁴³⁹; еще более неподражаемо заметил Л.Н.Толстой: "самое доброе, совершенное и милое существо в мире — это пьяный — на первом взводе — мужик"⁴⁴⁰. Помещики пользовались тем, что "русский крестьянин, несмотря на свою грубую оболочку, не чужд признательности". Уже при первых опытах вольнонаемного хозяйства они отмечали, что "сказанное иногда ласковое слово, кстати предложенная чашка чаю или рюмка травнику дают

⁴³⁶ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1296. Л. 9-10.

⁴³⁷ Там же. Л. 1-3.

⁴³⁸ Мертваго А.П. Сельскохозяйственные воспоминания. С. 172.

⁴³⁹ Там же. С. 173.

⁴⁴⁰ Толстой Л.Н. Письмо к С.А.Толстой от 29 января 1884 г. // Собр. соч. в 22-х т. М., 1984. Т. XIX. С. 29.

возможность иметь несколько работников и работниц менее, нежели за половинную против существующей плату"⁴⁴¹.

Отношение самих крестьян к помещикам, в силу абсентеизма последних, было лишено определенности, в отличие от, скажем, отношения к попу. По мнению Мертваго, поборы с крестьян в крепостную эпоху были заботой бурмистров и старост. Помещик же оставил в крестьянах "воспоминание только о массе бесполезных, по их мнению, работ, которые приходилось исполнять, делая парки, пруды, постройки и т.п. затей. Поэтому, если сложились в представлении крестьянина типические черты помещика, то он изображает его в своих сказках и анекдотах в комичном виде, со всевозможной блажью и выдумками, и попадающимися всегда враспрос перед мужиком, более догадливым и практичным..."⁴⁴².

Сложнее с отношением крестьян к новым помещикам - землевладельцам из недворянских сословий. Они в большинстве своем вышли из крестьянской среды. О купцах уже говорилось. Вторую крупную категорию частных владельцев составляли собственно крестьяне. Что представляли собой эти хозяева? Возьмем две наиболее контрастные губернии Поволжья - Пензенскую и Самарскую. Первая была цитаделью "помещичьей" зоны, вторая - яркий образец крестьянско-фермерского типа. В Пензенской губернии насчитывалось в 1877 г. 2309 крестьянских имений общей площадью в 53854 дес., в среднем 23,3 дес. на одно имение; в 1905 г. число имений возросло до 4007, площадь - до 118156 дес., в среднем же 29,5 дес. на одно имение⁴⁴³. В Самарской губернии в 1877 г. было 2631 имение площадью в 365372 дес., в среднем 138,8 дес.; в 1905 г. 3049 имений площадью 803053 дес., в среднем по 263,4 дес.

Условия для формирования нового хозяйственного этоса, как видим, существенно различались: в первом случае частное крестьянское хозяйство могло развиваться только по пути сверхинтенсификации труда членов семьи при невозможности просто в силу географических и агротехнических обстоятельств выращивать наиболее ценные рыночные сорта хлебов. Соседний помещик оказывал давящее влияние, потому что при земельной тесноте основной массы крестьян он мог производить хлеб значительно дешевле. Это толкало богатую верхушку деревни на еще более жестокую эксплуатацию однообщинников, формировало менталитет кулака, мироеда. На заседании ПССХ в 1886 г. отмеча-

⁴⁴¹ ЦГИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1510. Л. 8 об.-9.

⁴⁴² Мертваго А.П. Сельскохозяйственные воспоминания. С. 172-173.

⁴⁴³ ГАПО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 17. Л. 17-19.

лось, что "прежнему помещицкому хозяйству явился конкурент в лице зажиточного крестьянина и конкурент сильный, который к тому же знает лучше, как следует со своим братом обходиться и держать его в руках. Вот где разгадка, почему крестьяне и купцы, как сельские хозяева, на недостаток рабочих и их добросовестность редко жалуются, а помещики — почти постоянно"⁴⁴⁴.

В Самарской губернии частные владельцы из крестьян имели полную возможность вести на нескольких сотнях десятин при очень благоприятных почвенно-климатических условиях свободное от кабалы экстенсивное хозяйство. Заезжий англичанин отмечал уже в 70-е гг. XIX в., что ему был известен крестьянин, возделывавший пшеницу более чем на 10 тыс. дес. "Пусть вообразит себе английский хозяин, — восторгался автор, — какое зрелище представляют эти золотистые, волнующиеся нивы, раскинувшиеся на столь огромном пространстве!"⁴⁴⁵.

Известны факты проявления независимости крестьян в отношениях с властями и помещиками. Так, крестьянин с. Иваново Алатырского уезда Андрей Логунов, обратился к губернскому предводителю дворянства со следующей отповедью: "Я за приобретенную от г. Бобровой поименованную в выданных мне окладных листах землю денежных сборов на частную земскую повинность с дворянских имений обязанным себя платить не считаю, почему заявляю об этом Вашему превосходительству, я имею честь покорнейше просить Вас купленную мною у г. Бобровой землю 47 дес. 950 саж. при с. Стемасе из числа дворянских имений исключить, и окладных листов на денежный сбор частных земских повинностей как уже не с дворянского имени не высылать, а неправильно взысканные с меня по окладным листам за № 5 и 6 деньги 1 руб. 83 коп. сер. мне возвратить. О последующем мне объявить через алатырское уездное полицейское управление по жительству моему в с. Иваново Алатырского уезда"⁴⁴⁶. Свообразно повели себя крестьяне с. Сухой Карабулак и других мордовских деревень Саратовского уезда, судившиеся с помещиком князем В.А.Щербатовым о купчих землях. Когда они получили отрицательные ответы от всех высших инстанций, даже от Высочайшего имени, то обжаловали царский отказ датскому королю Хри-

⁴⁴⁴ Советов А.В. 25-летие Петербургского собрания сельских хозяев: 1864-1889 гг. СПб., 1889. С. 146.

⁴⁴⁵ Рот Г.Л. Заметки англичанина о сельском хозяйстве восточной России. // Сельское хозяйство и лесоводство. СПб., 1878. Ч. 128. Август. С. 74.

⁴⁴⁶ ГАУО. Ф. 477. Оп. 3. Д. 72. Л. 1 об.

стиану, прося у него заступничества перед его зятем императором Александром III⁴⁴⁷.

При всей этнической пестроте крестьянский уклад в основе своей сохранялся. Духовным стержнем его было особое отношение к земле, сильнее всего выраженное в русском: "Земля — Божья". Здесь чрезвычайно важно заметить, что в понимании русского крестьянина земля именно Божья, а не просто ничья, она сотворена Господом для всех людей, для всего народа. Она дана для того, чтобы человек трудом своим праведным добывал хлеб свой. В этом коренился глубочайший смысл крестьянского чувства хозяина-труженика. Оно отличалось от примитивно-буржуазного чувства хозяина-собственника. То, что крестьянин был собственником, не подлежит сомнению, но в его отношении к земле было много такого, что не укладывалось в буржуазный стереотип. В этом отношении совершенно прав Н.А.Бердяев, считавший, что "русское царство XIX в. было противоречивым и нездоровым, в нем был гнет и несправедливость, но психологически и морально это не было буржуазное царство и оно противопоставляло себя буржуазным царствам Запада"⁴⁴⁸.

"Капитализм вырос из глубин европейской души", — писал В.Зомбарт, создатель "новой науки о человеческом хозяйстве", тонко подметивший важную особенность психологического фактора в этом процессе. От последних столетий средневековья новая Европа унаследовала дух Фауста, дух сомнения и беспокойства, завоевательный дух (рыцари-разбойники, искатели сокровищ, алхимики, прожектеры, ростовщики — вот массовые явления этого духа), который впоследствии проникает и в хозяйственную жизнь. Вот тогда и выступает на сцену капитализм — "эта хозяйственная система, необычайно искусно открывающая плодотворное поле деятельности для стремления к бесконечному, воли к власти и духа предприимчивости и притом в сфере повседневных забот о хлебе насущном". Однако это была лишь половина дела. С духом предприимчивости сочетался дух буржуазности, который исподволь вызревал в течение столетий в недрах городских низов, среди профессиональных торговцев и ремесленников. Свое рассуждение Зомбарт завершает следующим синтезом: "Если дух предприимчивости хочет завоевывать и наживать, то буржуазный дух желает содержать в порядке и сохранять. Он выражается в целом ряде добродетелей, единодушно утверждающих, что нравственно хорошим можно считать такое поведение, которое обеспе-

⁴⁴⁷ Материалы по крепостному праву. С. 182.

⁴⁴⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 15-16.

чивает благоустроенное капиталистическое домоводство. Поэтому к числу добродетелей, украшающих буржуа, относятся главным образом трудолюбие, умеренность, бережливость, хозяйственность, верность договору. Капиталистическим духом мы называем, следовательно, душевное настроение, сочетавшее дух предприимчивости и буржуазный дух в одно целостное единство. Этот дух и создал капитализм⁴⁴⁹.

Возникает вопрос, может быть, важнейший для всей нашей работы: выростал ли капитализм, описанный Зомбартом, в глубинах русской души? Ответ на этот вопрос должен быть, по нашему мнению, вполне отрицательный. Русское царство — прежде всего мужицкое царство. В душе русского крестьянина как бы сходились две бездны — бездна прошедшего, в котором зачиналось крестьянство, и бездна грядущего в его отдаленном, эсхатологическом значении, пока исполняется сказанное: "В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят" (Быт. 3. 19). Изначальное "Земля — Бож" объясняет и благоговейное, молитвенное отношение к земле-матушке. Это чувство многократно усиливалось сознанием огромного труда, вложенного в нее поколениями отцов и дедов. Именно на этой почве, благоприятнейшей почве труда и молитвы, взрастало чувство истинного хозяина земли, хозяина-труженика, крестьянское чувство.

Русскому духу были свойственны и беспокойство, и томление, и стремление к бескрайнему (Бердяев связывал бескрайность русской души с бескрайностью русской земли), но это не было стремление к завоевательности, это было искание Правды. Русское православие значительно более глубоко и всесторонне формировало душу русского человека, нежели католичество и его оппоненты протестантского толка, но оно не опускалось до мелочного оформления внешнего быта прихожан. Даже искание Правды, насквозь пропитанное религиозным чувством, не было внешне оформленным в конфессиональном отношении. Отсюда — богатая палитра различных толков и согласий, текущих в крестьянском народном сознании помимо официально-государственной церкви — настоящая параллельная история русского духа.

Городская субкультура в России была далека от той роли, которую она играла на Западе. Специфика русского города (во всяком случае до реформы 1861 г.), отмеченная П.Г.Рындзюнским, состояла в весьма малом количестве мануфактурных и фабрично-

⁴⁴⁹ Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1. 1-й полутом. Докапиталистическое хозяйство: исторические основы современного капитализма. М., 1931. С. 323-325.

заводских предприятий: "В подавляющем большинстве городов господствовали мелкое товарное производство и торговля, обслуживавшая производство, расположенное не в городе. На такой почве общественная жизнь большинства городов не имела возможности для интенсивного развития, и их значение в общем складе общественно-экономической жизни России относительно было невелико"⁴⁵⁰. В пореформенный период приток крестьян в город резко усилился, но теперь крестьянин уходил в город с подсознательной готовностью оторваться от земли, хотя поначалу и успокаивал себя надеждой на заработок и поправку своего деревенского хозяйства. Как показывают исследования, основной поток выходцев из деревни направлялся в наиболее развитые индустриальные города⁴⁵¹. В русских городах не сформировался специфически бюргерский слой с его буржуазным духом. Индустриальный рабочий с крестьянским менталитетом, мелкий торговец и купец с теми же родимыми пятнами в сознании — вот основное население русских городов в их среднем обыденном слое. Оторванное от своих корней, оно неизбежно должно было стать добычей индустриального капитала, индустриальной субкультуры.

Возвращаясь к фундаментальному вопросу о понятии о собственности у крестьян, укажем на интересное исследование, которое провел Б.Н.Миронов⁴⁵². Он считает, что в пореформенной деревне (особенно после революции 1905-1907 гг.) в отношении к собственности "крестьянское сознание раздвоилось: в нем существовали две "правды" — "правда" новая, буржуазная и "правда" старинная, крестьянская. Вторая пока пересиливала первую, хотя буржуазные идеи собственности получили широкое распространение"⁴⁵³. Миронов указал и на основные каналы, через которые в деревню проникал капитализм, на те сферы хозяйства, где формировалось новое экономическое поведение крестьян, буржуазное понятие о собственности. К ним относятся кредит, вклады в сберегательные кассы, потребительская кооперация. Все эти сферы были весьма слабо представлены в пореформенной деревне и стали заметным явлением лишь во втором десятилетии XX в. Не случайно Миронов был вынужден сделать вывод о том,

⁴⁵⁰ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 556-557.

⁴⁵¹ Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в.: Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России. М., 1983.

⁴⁵² Миронов Б.Н. Историк и социология. Л., 1984. С. 2134.

⁴⁵³ Там же. С. 34.

что вторая "правда" пересиливала первую. Нельзя не заметить также, что выше перечисленные явления имели внешний характер по отношению к крестьянскому миру, они служат признаком экспансии индустриального капитала, вносившего дух погони за прибылью, дух наживы, гибельный для традиционного крестьянского уклада. Потому он не мог не вызывать сопротивления. В этом нам видится глубочайшая нравственная подоплека революционных событий в деревне, упрощаемая теорией борьбы классов.

Наконец, отметим, что вся советская литература, даже в лучших своих проявлениях, исходила из признания городского прогресса и деревенской отсталости. Именно так звучат указания на патриархальность, натуральность, потребительское хозяйство и т.п. Важным считается не то, как деревня старалась сохранить жизненно необходимые традиции, а то, как скоро эти традиции ломались, уничтожались, уходили в область предания. Грандиозным достижением признается обезличивание деревни в стандартизированном облике индустриальной субкультуры. Между тем, исследование традиционных норм поведения и форм общения крестьян (помочи, побратимство, братчины и хороводы, посиделки и колядование, моления о дожде и выкликания детьми хорошего урожая) свидетельствуют, что жизнь деревни была неизмеримо богаче любой самой совершенной социологической схемы. Каждое отдельное крестьянское селение представляло собой целостный мир со своими обычаями, престольными праздниками, своими доморощенными философами и шутами, богатырями и убогими, пастырями и юродивыми, со своим набором местных названий речушек и ручейков, лесов и оврагов, прозваний людей и кличек животных. И вся эта духовная вселенная воспроизводила и воспитывала все новые поколения и двигалась по-своему, не желая уместаться в рамки любой политической теории, посрамляя непосредственной правдой своего существования любые, даже самые пронизательные умы, как только они в пылу порой самых благородных стремлений отрывались от нее самой, либо отдельные движения крестьянской жизни, крестьянской души пытались объявить стопбовой дорогой к правде и счастью.

Таким образом, в ходе аграрной эволюции складывался новый хозяйственный этос основных субъектов аграрных отношений. Дворяне переживали мучительную ломку хозяйственной психологии. У купцов аграрный менталитет формировался заново. Крестьянство опиралось на старый традиционный уклад. Общее требование жизни состояло в том, что все должны были выступить

на экономическую цену в качестве самостоятельных сельских хозяев. При этом чувство хозяина, на котором строилось экономическое поведение, оказалось существенно различным: у дворян оно было связано с понятиями о сословной исключительности прежнего властелина крепостных душ⁴⁵⁴; у купцов — с торгово-предпринимательскими ценностями; у крестьян — с понятием о труде как главном и единственно праведном источнике достатка.

Новый аграрный менталитет формировался в обстановке активного проникновения индустриального капитала в аграрную сферу. Идея производительного капитала была близка и понятна всем, но дух буржуазности встречал сопротивление у многих (не у всех) дворян, а тем более у крестьян. У дворянского хозяйства действительно не могло уже быть самостоятельного пути. Оно могло уцелеть только при условии коммерциализации, превращения в капиталистическую экономию. В противном случае помещик должен был расстаться с землей. Хозяйство купцов и крупных землевладельцев-посевщиков из крестьян имело те же перспективы. "Новые помещики" не имели дворянских привилегий, им не о чем было тосковать, и они обладали большей готовностью к конкуренции. В перспективе эти агенты буржуазного духа должны были создать "ментальное поле" аграрного капитализма. Они легче воспринимали ценности индустриальной цивилизации, т.к. не обладали аграрным социумом, как крестьяне (дворянская корпоративная организация, как показал А.П.Корелин, была также асоциальна)⁴⁵⁵.

Крестьянство было социально (а не просто сословно) оформленной средой, со своим микрокосмом и аграрной цивилизацией. В разное время на своем тысячелетнем пути оно послужило источником формирования практически всех других групп населения. В пореформенный период оно вновь продемонстрировало свою способность к участию в горообразовательных процессах. Промышленный бум конца XIX в. состоялся благодаря выходцам из деревни. Вместе с тем крестьянство продемонстрировало и способность к самостоятельному хозяйствованию. Его хозяйственный этос оказался наиболее гибким и устойчивым, что делало реальным специфически крестьянский хозяйственный уклад и в условиях индустриализации всего экономического строя.

⁴⁵⁴ Эту тоску по былой жизни очень ярко показал М.Е.Салтыков-Щедрин. — См.: Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге. // Собр. соч. в 10-ти т. М., 1988. Т. 4.

⁴⁵⁵ См.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861-1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аграрное развитие России в XIX столетии проходило под влиянием многообразных тенденций. Главным его содержанием следует считать формирование нового аграрного строя (сельскохозяйственного стандарта). В ходе освоения степного пояса Европейской России произошли крупные миграции земледельческого населения, сложились новые житницы и выделился господствующий тип хозяйственной организации — крестьянский.

Русская аграрно-теоретическая мысль вполне отразила противоречивый и не сразу определившийся характер аграрной эволюции. "Прокрестьянские" мотивы в трудах наших экономистов были сильны всегда. В середине XIX в. были сделаны первые попытки теоретически обосновать экономическое будущее крестьянского хозяйства, но конкретно-научная разработка этой проблемы стала возможной только в пореформенный период, с появлением земской статистики. Периодически проводившиеся подворные обследования позволили ученым перейти к созданию типологических концепций аграрной эволюции и определению роли капитализма в этом процессе. При всем концептуальном разнообразии выдвинутых теорий решающая роль неизменно отводилась крестьянству. Главная разграничительная черта проходила в вопросе о судьбах крестьянства. Одни политические силы приветствовали индустриализацию сельского хозяйства и считали крестьянство отмирающим классом-сословием. Наиболее последовательно это делали марксисты. Другие считали, что будущее России связано не с отмиранием и распадом крестьянского уклада, а с его утверждением в форме некапиталистического семейно-трудового хозяйства. Они противопоставляли крестьянскую цивилизацию индустриальной, указывая на особый строй трудового крестьянского хозяйства. Наивысшее развитие эта точка зрения получила в трудах представителей "организационно-производственного направления". Значение ленинской концепции двух путей аграрно-капиталистической эволюции состоит в том, что это была попытка согласовать западный индустриализм с аграрными реалиями России начала XX в. Концепция двух путей не укладывалась в прокрустово ложе догматического эволюционного течения в марксизме, поэтому мы считаем ее первым шагом вождя большевиков по теоретической

целине, не оцененным современниками и слишком узко и неадекватно трактованной советскими аграрниками-марксистами. Заложенное в ленинской концепции противоречие (точнее парадоксальное совмещение индустриализма с признанием ведущей роли крестьянства в судьбах русской революции) привело к тому, что долгое блуждание по теоретическим коридорам марксизма-ленинизма вывело историков-аграрников к двум внешне очень разным концепциям — многоукладности и стадильности. Фактически же между ними нет принципиальных различий, ибо и в том и в другом случае признается коренной тезис марксизма о всеобщей капиталистической индустриализации европейского образца. Расхождение этих двух концепций состоит лишь в том, что сторонники признания многоукладности помещают Россию во второй эшелон мирового капиталистического развития, указывая при этом на самодовлеющее значение некапиталистических укладов как своеобразных формационных пережитков. Сторонники стадильного подхода видят в этих укладах лишь неразвитые стадии одного и того же процесса капитализации и выдвигают Россию в первый ряд крупных европейских держав. Согласно первым, в России еще не сложились два пути аграрного капитализма, указанные Лениным. Согласно вторым, эти два пути уже существовали и даже потерпели крах к 1917 г.

Признавая полезность проведенной советскими историками работы, мы не разделяем полностью ни тот, ни другой подход, ибо допускаем наличие в аграрном строе тенденций, альтернативных индустриальному капиталу. Они связаны со становлением в пореформенный период самостоятельного крестьянского хозяйства как особенного экономического организма.

Итоги конкретно-исторического анализа, проведенного по одному из крупнейших аграрных регионов — Поволжскому — подтверждают правомерность такой позиции. Особенности аграрной эволюции региона закладывались в процессе становления его сельскохозяйственного стандарта на протяжении всего XIX столетия. Размещение земледельческого населения здесь диктовалось в основном природно-географическими факторами, геополитическими приоритетами государства, волей и амбициями местных властей и помещиков. В результате, на обширной территории Поволжья сложилось аграрное население, организованное по принципу национально-хозяйственных укладов. Универсальным и преобладающим по своему влиянию и распространению был русский крестьянский уклад.

В зоне лесов и лесостепи аграрное население сформировалось раньше. Здесь, в Казанской, Симбирской, Пензенской и северных уездах Самарской губерний была сосредоточена основная

часть коренного населения — мордвы, чувашей, татар, удмуртов, марийцев. Они составили удельную и государственную деревню, в которой были сильны родо-племенные, патриархальные традиции общинности в хозяйственном поведении. Крепостная деревня была представлена главным образом русским крестьянством. Земледелие здесь было более трудоемким, чем на юге, требовало напряженных совместных усилий семьи. Малоценность основных хлебов — ржи и озимой пшеницы — для рынка компенсировалась путем ведения многоотраслевого хозяйства в сочетании с активной промысловой деятельностью.

Зона степей была освоена в основном на протяжении пореформенного периода. Здесь преобладало русское крестьянство всех разрядов. Южная деревня не имела резких национально-хозяйственных черт, была значительно более унифицированной. Общинный строй здесь также был господствующим, но большинство общин были созданы относительно недавно, ощущалась значительно большая земельная свобода, удаленность от коронной администрации. Новопоселенцы видели смысл своего хозяйствования в производстве ценных сортов пшеницы на продажу. В их среде преобладали люди предприимчивые, пережившие важный психологический перелом в связи с самим фактом переселения. Их менталитет был окрашен в яркие тона пьянящей свободы и простора. Напряженность земледельческого труда здесь была намного слабее, высокие урожаи элитных сортов пшеницы способствовали утверждению упрощенного монокультурного хозяйства, в котором мог быть с успехом использован неквалифицированный труд наемного сезонника. Это сближало южную колонизацию с соответствующими процессами в Северной Америке.

Реформа 1861 г. положила начало биполярному хозяйственно-экономическому строю деревни, что со всей ясностью обнаружилось в ходе корреляционного анализа. Выявлены разноречивые тенденции, связанные с помещичьим и крестьянским хозяйствами. Кластерный анализ позволил получить пространственную типологию этих тенденций. Совершенно четко выявились три географические зоны, условно обозначенные нами как "помещичья", "крестьянская" и "фермерская", что намного облегчило уяснение характера аграрной эволюции Поволжья. Основным содержанием ее было формирование и развитие новых типов хозяйства, которые возникали в процессе распада феодальной вотчины и трансформации традиционного уклада государственной и удельной деревни.

Дореформенный экономический потенциал поместий оказался весьма низким. Из-за преобладания барщинной системы помещики к 1861 г. были хозяйственно недееспособными, но при этом не

собирались расставаться с землей. Цепляясь за малейшую возможность сохранить имение, они перешли к отработочной системе, призванной временно заменить собственное хозяйство помещика.

Потенциальные возможности самостоятельного хозяйствования у крестьян были более благоприятны. Проведя своеобразный тест "на фермерство", мы не обнаружили в поволжской деревне сколько-нибудь заметного слоя свободных крестьян-капиталистов. Ближе других к такой перспективе стояла государственная и удельная деревня южных уездов Саратовской и особенно Самарской губерний. Основная масса крестьян сочетала в своем хозяйстве функции владельца, распорядителя и исполнителя, не будучи при этом собственником земли.

Пореформенный период распадается на два этапа. 60-70-е гг. XIX в. можно назвать периодом выживания. Шок общего безденежья поразил как крестьян, так и помещиков. Началась мобилизация дворянской земли, которой поначалу воспользовались купцы. Одновременно крестьян захлестнула волна семейных разделов, резко ослабившая хозяйственную силу двора, а в перспективе обещавшая столь же высокую волну демографического бума. Так и случилось: наличный надел к концу 70-х гг. XIX в. оказался существенно ниже ревизского. Эти в целом неблагоприятные для крестьян явления и процессы привели к известному самарскому голоду 1873 г., а затем — к тяжелому для региона (да и для России в целом) 1880-му году. Кризис деревни вынудил правительство Александра III корректировать аграрную политику, особенно в сфере кредитно-финансовой.

80-90-е гг. XIX в. мы считаем (вопреки распространенному мнению о деградации деревни и раскрестьянивании) решающим периодом в становлении новых типов хозяйства. Оно прошло под знаком нарастающего влияния крестьянского сектора в аграрном строе. Об этом свидетельствует, в частности, установившееся преобладание крестьян среди покупателей земли. В высшей степени показательны то, что преимущества крестьян обнаружились в период общей неблагоприятной рыночной конъюнктуры на сельскохозяйственную продукцию, новых тяжелых испытаний и голода 1891 г. Крестьянская экономика оказалась наиболее эластичной и выносливой. Можно сказать, что именно благодаря крестьянству не произошло общего обвала экономики в тот момент, когда промышленный сектор подвергся бурной индустриализации.

Конечно, обстановка в деревне не была благодатной. Наоборот, произошла общая подвижка вниз в структуре аграрного строя. Причем, более всего в "помещичьей" зоне, где основная масса крестьян как бы застыла на грани необратимой паупериза-

ции, а помещичье хозяйство стояло перед катастрофой. В его внутреннем строе преобладали тенденции развала старой системы хозяйственных связей. Тонкий слой мироедов, наживавшихся на обнищании народа, никак не может приравняться к прусским гроттсбауэрам (вообще к капиталистам-аграриям европейского типа). Ни о каких "немецких рельсах" буржуазной эволюции по отношению к этому району не может быть и речи. Несмотря на обнищание, основная масса крестьянских семей сохраняла свое хозяйство, и в этом был залог выхода из глубочайшего кризиса.

В "крестьянской" зоне, более свободной от помещичьего землевладения, подвижка вниз была выражена слабее. Преобладавший здесь семейно-трудовой тип хозяйства, функционировавший в жестких общинных рамках, также не подвергся заметной капитализации. Характер аграрного строя здесь напоминал восточные варианты организации сельского хозяйства. Положение помещичьих имений здесь во многом были сходны с первой зоной, но во внутреннем строе их стали просматриваться рационально-капиталистические черты.

В "фермерской" зоне подвижки вниз не обнаружено. Здесь преобладал процесс нивелировки. Основным экономическим типом было крепкое крестьянское хозяйство с частичным применением наемного труда. В особый тип можно выделить хозяйство маргинализированных слоев крестьянства, выделившихся из общинной системы на хутор. Этот небольшой слой хозяев больше всего напоминал капиталиста-фермера. Наибольшие успехи аграрный капитализм сделал в сфере частновладельческого хозяйства, в том числе и дворянского. Внутренний строй этих крупных хозяйств к концу XIX в. обладал развитыми корреляциями рационально-капиталистической системы с ярко выраженными чертами индустриализации труда: сосредоточение усовершенствованного инвентаря, основной массы пришлых наемных рабочих (особенно сроковых), концентрация капитала. В отличие от традиционного помещичьего хозяйства лесной зоны, здесь господствовал моноотраслевой принцип и даже монокультурный характер посевов при ярко выраженном экстенсивном методе землепользования — все это очень походило на крупные фермы ("пшеничные фабрики") западных штатов США.

Таким образом, стержнем аграрной эволюции Поволжья (да и всей России) в пореформенный период выступило крестьянское хозяйство. Не раскрестьянивание, а скорее окрестьянивание было преобладающим процессом после отмены крепостного права. Подвижка вниз, граничившаяся с пауперизацией, не может быть признана в качестве капиталистической дифференциации. Она не

разрушила крестьянский тип хозяйства, а просто опустила его до уровня одной тягловой единицы, выбив часть рабочих рук в города или в отход на сезонные работы. Основа хозяйства сохранилась даже в наиболее обнищавших слоях, что предопределило оживление аграрного сектора с отменой выкупных платежей, перераспределением земли в ходе мобилизации и т.п. Настоящим раскрестьяниванием была капитализация, но в "помещичьем", "крестьянском", да и в "фермерском" районах она охватила лишь малую часть деревни. Крестьянский хозяйственный этос сохранил устойчивый иммунитет к буржуазному духу, несмотря на активное участие в рыночных отношениях.

Помещичье хозяйство, напротив, оказалось наиболее подверженным капитализации и обуржуазиванию. Аграрный менталитет дворян был изначально ориентирован на крупное хозяйство, до реформы — вотчинное, после реформы — экономическое. Его последующая индустриализация была неизбежна. Точно так же частные владельцы из купцов и крестьян, заводившие на своих землях крупное хозяйство, немедленно становились агентами индустриальной экспансии в аграрном секторе экономики. Именно на них был ориентирован частный коммерческий кредит, транспортная инфраструктура рынка. Уровень развития капитализма в частновладельческом хозяйстве оказался наивысшим не в "помещичьей", а "фермерской" зоне. Следовательно, из аграрно-капиталистических тенденций экономической реальностью была лишь "американская", сближавшая оба типа хозяйства — частновладельческое имение и мелкую ферму хуторянина.

Глобальный конфликт в деревне конца XIX в. проходил по линии противостояния крестьянской и индустриальной цивилизаций. Аграрный капитал был (пользуясь метким выражением Ф.Броделя) "капитализмом в гостях" и, как показывает мощное аграрное движение начала XX в., пришелся не ко двору основной массе крестьянства. Выходом из этого конфликта могла стать кооперация, ибо она позволяла крестьянскому хозяйству, сохраняя свою семейно-трудовую природу, вести равноправный рыночный диалог с индустриальным обществом. Однако история распорядилась иначе: индустриальная экспансия в деревню усилилась, разлагающееся патифундиальное хозяйство обостряло у крестьян ощущение земельной тесноты и чувство ненависти к помещикам, правительство в своем стремлении преобразовать аграрный строй по европейским стандартам приступило к насильственному разрушению крестьянского уклада. Деревня не приняла навязываемых ей чуждых ценностей и ответила решительным и коренным аграрным переворотом.

Приложение 1

Карта-схема Поволжья 70-х годов XIX века

(Казанская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская губернии)

Приложение II

Матрица корреляций между признаками

($r=0, \dots$)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	
1	0	32	17	48	-71	88	1	64	-34	87	59	57	57	-14	45	7	-33	9	55	5	25	-27	-15	57	1
2	32	0	25	21	-42	11	39	29	-8	21	19	22	16	-57	-33	43	-44	48	13	48	42	-42	40	7	2
3	17	25	0	26	-30	19	31	21	34	26	3	36	2	-40	-8	52	-37	41	9	48	54	-41	37	1	3
4	48	21	26	0	-35	39	-11	54	21	53	9	44	16	-11	24	34	-36	22	36	11	11	-19	19	23	4
5	-71	-42	-30	-35	0	-67	-13	-65	12	-75	-40	-54	-38	21	-24	-7	37	-13	-56	-8	-22	42	7	-44	5
6	88	11	19	38	-67	0	0	53	-28	80	52	60	50	5	62	-9	-17	-8	52	-12	13	-20	-18	55	6
7	1	39	31	-11	-13	0	0	-1	8	-1	5	-2	7	-16	-51	25	-38	54	-11	43	44	-12	38	10	7
8	64	19	21	54	-66	53	-1	0	13	79	37	54	36	-18	20	43	-58	42	50	23	21	-37	2	56	8
9	-34	-8	34	21	12	-28	8	13	0	-6	-27	15	-25	-21	-38	41	-15	31	-20	23	0	-26	33	-27	9
10	87	21	26	53	-75	80	-1	79	-6	0	9	67	48	-14	39	14	-43	18	61	2	17	-26	-16	63	10
11	59	19	3	9	-40	52	5	37	-27	49	0	31	93	-13	34	3	-30	13	40	11	18	-12	-12	31	11
12	57	22	36	44	-54	60	-2	54	15	67	31	0	30	-16	32	18	-21	6	33	-7	1	-20	-7	34	12
13	57	16	2	16	-39	50	7	38	-25	48	93	30	0	-10	31	5	-32	17	38	13	10	-8	-9	36	13
14	-14	-57	-40	-11	21	5	-16	-18	-21	-14	-13	-16	-10	0	33	-38	43	-45	-14	-41	-35	29	-18	2	14
15	45	-33	-8	24	-24	62	-51	10	-36	39	34	32	31	33	0	-28	18	-46	38	-41	-15	18	-44	29	15
16	7	43	52	34	-7	-9	25	43	41	14	3	18	5	-39	-29	0	-57	70	1	67	42	-47	60	0	16
17	-33	-44	-37	-36	37	-17	-38	-56	15	-43	-30	-21	-32	43	18	-57	0	-88	-61	-64	-53	17	-22	-43	17
18	9	48	41	22	-13	-8	54	42	31	18	3	6	17	-45	-46	70	-88	0	17	75	57	-20	46	22	18
19	55	13	9	38	-56	52	-11	50	-20	61	40	33	38	-14	39	1	-61	17	0	7	15	-1	-31	54	19
20	5	48	48	11	-8	-12	43	23	23	2	11	-7	13	-41	-41	67	-64	75	7	0	66	48	63	-3	20
21	25	42	54	11	-22	13	44	21	0	17	18	1	20	-35	-15	42	-53	57	15	86	0	-40	48	16	21
22	-27	-42	-41	-19	42	-20	-12	-37	-26	-26	-12	-20	-8	19	18	-47	17	-20	-1	-48	-40	0	-55	9	22
23	-15	40	37	19	7	-19	38	2	33	-16	-12	-7	-8	-18	-44	60	-22	46	-31	63	48	-55	0	-26	23
24	57	7	2	23	-44	55	10	56	-27	63	31	34	36	2	29	0	-43	22	54	-3	16	9	-26	0	24
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	

Указатель имен*

- Абрамов Т. 226
Аксаков А.Т. 197
Аксаков С.Т. 117
Аксенов И.А. 327
Алашеев Ф.К. 197
Александр I 315, 327
Александр III 283, 349, 357
Алексей Михайлович 135, 180
Альтбицкая 226
Андреевич 143
Анфимов А.М. 141, 146, 149, 150, 269
Апраксин С.С. 316
Аржановы 330
Арцимович В.А. 224
Астахов А.Я. 15
Ауэрбах А.А. 316, 318
Аэробоз 53
Байрау Д. 15
Безбородко 174
Беляков 175
Бердяев Н.А. 29, 31, 349, 350
Бёсби 196
Бецкой И.И. 229
Благовещенский Н.А. 287, 288
Благовидов Ив. 130
Бордунова Л.И. 15
Борис Годунов 180
Борисов 2-й 143
Бородкин Л.И. 15
Бороздин 330
Бруцкус Б.Д. 54
Булгаков С.Н. 16, 23, 33-40, 48, 54, 69, 154, 327
Бутенопы 195, 197
В.В. 28, 30, 32
Ванаг Н. 19, 22, 143
Вандервельде 44
Варехова С.И. 15
Ватерштрадт Ф. 53
Ветвицкий О.Н. 317
Вильсон И.Х. 195
Витовтов А.А. 316
Витте С.Ю. 257, 285, 320
Вихляев П.А. 47
Волконский 180
Волобуев П.В. 21, 152
Вошакин 329, 330
Вяземские 174
Гайстер А. 19, 142, 143
Галузо П.Г. 146-148
Гатти Д. 43, 44
Герц Ф. 9, 16, 17, 42, 44, 45
Глинка 175
Голицын Б.А. 197, 322
Голицын В.В. 174
Голицын Д.В. 316
Голицын С.Ф. 174
Гольц Т. 53
Городецкий А.Н. 197
Горский 197
Грвнже 318
Грановский 143
Гриневицкий 196
Гриценко Н.П. 218
Грот К.К. 330
Гуссей 196
Данненберг 265-268
Дрекслер 70
Дружинин Н.М. 6, 13, 14, 100, 101, 144, 145, 151, 209
Дубровский С.М. 19, 143, 145, 148
Дулов А.В. 110
Екатерина II 180
Емельяновы 330
Жуков 190
Заблочный-Десятковский 114, 117, 190, 191, 223, 316, 317
Задковы 330
Заломанов Н.П. 323
Засулич В.И. 31
Зиновьевы 330
Змеев Л.Ф. 133
Зембарт В. 349
Зубов Д.А. 174
Иванов П. 176
Иоанн 135
Ишутин А.К. 327
Кабытов П.С. 15, 79, 122, 126, 152
Кавелин К.Д. 144
Кадмышева З.С.
Канкрин Е.Ф. 318
Каньонье Л.Л. 316
Каутский К. 9, 16, 17, 42, 45
Кауфман А. 23
Клейн Н.Л. 79
Ковальченко И.Д. 15, 20-23, 64, 150, 152, 161, 162, 173, 221, 222, 245
Ковригины 330
Кондратьев Н. 23
Коптев 226
Корелин А.П. 353
Корепановы 330
Короленко В.Г. 46, 260
Косинский В.А. 52, 53
Кочетковы 330
Кочубей 317
Кочубей Л.В. 316
Кошелев А.И. 144, 196, 319, 344
Кузины 330
Курлины 330
Ламанский Е.И. 229

* Кроме имен, упомянутых в примечаниях.

- Лаптев М. 90, 131
 Лаур Э. 53
 Ленин В.И. 7, 16-20, 23, 28, 29, 32, 33, 46, 47, 50, 54, 64-75, 77, 88, 89, 206, 218, 292, 309
 Леонтьев 189
 Лжедмитрий I 180
 Липинский А. 94, 103, 183, 191, 193, 197, 201, 203, 218, 329
 Лишин И. 100
 Логунов А. 348
 Лозина 328
 Луначарский А.В. 18
 Лященко П.И. 47
 Махаров Н.П. 53, 54, 56, 57, 87
 Максимов 208
 Мальцевы 329, 330
 Маркс К. 17, 23, 31-33, 36, 37, 39, 41, 42, 46, 68, 71, 144, 205
 Мартов Ю. 19
 Маслов П.П. 47, 48, 50, 54
 Маслов С.А. 195
 Медведевы 330
 Мелем М.Н. 322
 Менделеев Д.И. 322
 Мертваго А.П. 175, 344, 347
 Мигудин П.П. 261
 Мидль Д.С. 25
 Минх А.Н. 249
 Миронов Б.Н. 351
 Михайловский Н.К. 30
 Молгачевы 330
 Москотиньев Н. 226
 Муравьев Н.Н. 144, 316
 Мусин-Пушкин 322
 Нарышкин Л.К. 174
 Неклютина А.М. 265, 266, 332, 333
 Ненарокова 187
 Нессельроде 202, 203
 Николай I 177, 318
 Николай-офъ 27, 31, 32
 Никольский А. 190, 198
 Новокрещенова У. 332
 Оболенские 262
 Овсянников 130
 Огановский Н.П. 32, 39, 47-54
 Одоевский 180
 Орлов-Денисов 208, 262
 Орлов-Чесменский 181
 Осоргин 198
 Островский А.Н. 340
 Пявел I 180, 187, 229, 315
 Пестель П.И. 24, 143
 Петр I 174, 180, 316
 Петров Л. 226
 Петровский 195
 Писарева 251
 Плансон А.А. 324
 Племянников Н.В. 187
 Плеханов Г.В. 18
 Плешановы 330
 Половцов А.А. 322
 Полторацкий Д.М. 316
 Постников В.Е. 205
 Потемкин П.С. 174, 181
 Потемкина 240
 Пушкин А.М. 316
 Пыхачев Г.И. 198
 Рикардо Д. 24, 26, 37
 Рихтер Д.И. 80, 81, 83, 84, 87, 92
 Рожковы 19
 Рындлюнский П.Г. 151, 350
 Салтыков-Щедрин М.Е. 187, 190
 Самолевский В.В. 322
 Сапожниковы 330
 Саталкин Т.П. 344
 Сбоев В.А. 93, 128, 131
 Селунская Н.Б. 245
 Семенова О. 327, 328
 Семенов-Тянь-Шанский 80, 82, 253, 254
 Сисмонди 25, 26
 Скарятин В.Д. 341
 Скворцов А.И. 82, 83, 86
 Скворцов-Степанов И.И. 65
 Скребицкий А. 186, 198, 220
 Смит А. 24, 26
 Смыков Ю.И. 78, 79, 151, 219, 253
 Сольский Н.М. 322
 Стебут И.А. 141
 Столыпин П.А. 144, 175
 Струве П.Б. 23, 28-32, 36, 39, 41, 42
 Сухинов 143
 Тареевы 330
 Тарновский К.Н. 20, 22, 146-49
 Тёрнер Ф. 285
 Тимашев 324
 Тихонов Б.В. 117, 118
 Толстой Л.Н. 327, 346
 Толстой П.А. 316
 Туган-Барановский 42
 Уваров 203, 249
 Урусов Д. 318
 Федор Иванович 180
 Френкель 249
 Хрулев С.С. 269
 Худякова 226
 Цаголов Н.А. 25
 Чаславский В.И. 82
 Чаянов А.В. 23, 55, 57-63, 75, 142
 Челинцев А.Н. 55, 87
 Чемодуров А. 285
 Черкасский А.В. 262
 Черненко Н. 47, 49
 Чернов В.М. 9, 10, 18, 23, 41-47, 68, 77
 Чернышевский Н.Г. 25-28, 39, 57, 143
 Чистозвонов А.Н. 144
 Шанин Т. 8, 9
 Шатилов И.Н. 319
 Шихобаловы 329, 330
 Штольд О.В. 327
 Шувалов П.П. 193, 322
 Шапов А.П. 125
 Эйноди Л. 43
 Энгельс Ф. 46
 Эребо Ф. 53
 Эртель А.И. 333
 Юрьев И.И. 327
 Юханцев 230
 Якушкин Д. 144
 Янсон Ю.Э. 82
 Яцунский В.К. 88

Оглавление

От редактора.....	3
Введение	5
Раздел первый	
Типология аграрного развития России	16
Проблема	16
Глава I. Истоки русских аграрно-типологических концепций	23
Глава II. Концепции аграрно-крестьянской эволюции	40
Глава III. Концепция двух путей буржуазной эволюции	64
Раздел второй	
Поволжский регион: земля и люди.....	78
Проблема	78
Глава I. Почвы. Климат. Гидрография.....	89
Глава II. Плотность и динамика населения	111
Глава III. Национально-хозяйственные уклады.....	125
Раздел третий	
Экономический строй аграрных отношений.....	140
Проблема	140
Глава I. Опыт многомерного статистического анализа	154
Глава II. Поместье и крестьянский мир	173
Глава III. Переходное время.....	227
Глава IV. Новый хозяйственный строй	257
Глава V. Новый хозяйственный этос.....	314
Заключение	354
Приложение I	360
Приложение II.....	361
Указатель имен	362